

В.Г. ВВЕДЕНСКАЯ

БОГОРОДИЦКИЕ БЫЛИ-3

Исторический альманах

Книга посвящается 75-летию

Начала Великой Отечественной войны,

75-летию обороны Тулы и начала контрнаступления под Москвой,

***А также 75-летию освобождения города Богородицка и Богородицкого
района от фашистских захватчиков.***

Тула

2016 г.

«Богородицкие были-3» – третья книга трилогии под общим названием «Богородицкие были».

Как и вторая – это исторический альманах, в котором собрано девяносто рассказов разных авторов под редакцией члена Союза писателей России Варвары Георгиевны Введенской.

Это правдивые воспоминания очевидцев Великой Отечественной войны, проживающих в городе Богородицке, но войну видевших в разных местах Советского Союза и странах Европы.

В книге нет ни одной нотки вымысла и фальши: всё рассказано так, как это запомнили участники тех событий, а в некоторых эпизодах – их дети или родственники. Каждый рассказ и очерк – это целая история одного человека или отдельной семьи с её бедами и радостями, разлуками и потерями.

От автора

*«Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!..»
(из «Гимна СССР»)*

Проходят годы... Новое столетие уверенно шагает по планете. И всё дальше от нас эти страшные 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. Жизнь идёт, и уже выросло не одно поколение, для которого битвы и героические дела предков – далёкое прошлое. И как же важно, чтобы тем, кто жил или сражался в это жестокое время, донести до современников живое слово правды о войне, о Родине, о её героях. Ведь именно в этом и состоит великая сила связи поколений, без которой немислимо само понятие – Отечество.

Пройденная мной и моими современниками тяжёлая школа военного лихолетья и последующих нелёгких лет, я думаю, даёт мне право говорить с молодёжью о самом главном – о смысле собственной жизни и её неразрывности с жизнью своей Родины.

Сейчас я выпускаю последнюю, третью, книгу своей трилогии под общим названием «Богородицкие были».

Первая книга была целиком посвящена городу Богородицку. В ней я по возможности осветила жизнь родного города и его обитателей до войны, в войну и первый послевоенный период на примере нашей многодетной семьи и тогда единственной в городе средней школы, нашей первой, бывшей образцовой, в которой я училась с первого по десятый класс, начиная с 1941-го и по 1951-ый годы.

Во второй книге, историческом альманахе, я собрала воспоминания восьмидесяти шести человек, которые пережили фашистскую оккупацию в разных уголках Богородицкого района. Трудность состояла в том, что во многих населённых пунктах, особенно в маленьких деревнях, остались единицы тех, которые ещё могут что-то рассказать. И пока готовилась и печаталась книга, уже семерых из тех, кто поделился со мной своими воспоминаниями, не стало.

Это говорит о том, что надо торопиться. Торопиться записать именно живое слово очевидца, который сам всё пережил, прочувствовал. Хочется показать людям не придуманную писателями и поэтами войну, а настоящую, увиденную пусть детскими глазами, и рассказать о том, что испытал даже незащищённый ребёнок, а также вкратце обрисовать последствия войны.

В этой своей третьей книге из трилогии «Богородицкие были» я пишу воспоминания живущих в Богородицке, но войну переживших в большинстве в других местах нашей Родины, а также в союзных республиках бывшего Советского Союза или даже в зарубежье. Одни приехали давно в Богородицк, другие не очень давно, но есть и те, которые родились в Богородицке, а рассказывают эпизоды из жизни своих родных.

Главное, что все они теперь стали богородчанами, считают Богородицк своим городом, живут его жизнью, переживают за него, хотят, чтобы он выглядел ещё лучше, краше, богаче. А значит, и эти приезжие люди стали нам родными. Неважно, какой они национальности и какого вероисповедания. Но это наша общая семья. Мы все – богородчане. И те испытания, которые пришлось на их долю или достались их родителям, родственникам, – наша общая история, а также и наши переживания.

Ежегодно районная газета «Богородицкие вести» освещает все события и даты, связанные с войной, а в этом году, в связи с 70-летним юбилеем Великой Победы – особенно широко. И много было разных встреч и передач по местному телевидению.

Но что важно – встряхнулся народ. И даже ещё раньше стал у людей просыпаться интерес к нашему военному прошлому. Я считаю, что это началось тогда, когда вышла в свет моя первая книга «Богородицкие были». Мне её пришлось

издавать дважды. И судя по тому, что спрос на первые две книги этой трилогии есть ещё до сих пор, значит, стремление познать наше прошлое не угасло.

Мне приходится выступать не только перед взрослыми, но и в школах перед детьми всех возрастов. С каким же интересом слушают меня ребята! Значит, доходит это до их сознания. И надеешься, что их мысли и поступки станут чище. Дети научатся переживать чужое горе.

В этой своей книге я пишу уже не только о взрослых (о них много публиковала материала газета), а больше показываю войну глазами детей и подростков. И нередко люди выражают сожаление, что прежде не интересовались, не расспросили своих родителей, а теперь не у кого.

И хочется верить, и надеяться, что эта книга также заинтересует читателей, как и две первых из этой трилогии.

Ещё хочу добавить, что меня связывает большая дружба с Богородицким хором «Ветеран» (руководитель и дирижёр Валентина Петровна Васюкова). Именно он своим проникновенным пением вдохновил меня написать книгу на эту тему.

Когда проходила презентация книги «Богородицкие были -2», хор между моими выступлениями исполнял песни моей молодости, русские народные и на военные темы. Пели ветераны войны и труда с таким воодушевлением, что песни доставали до самой глубины сердца. Очень трогательно было и исполнение солистов.

Но и сами певцы тоже были растроганы моими рассказами о злодеяниях фашистов в период оккупации нашего района.

Слушателями была наша городская пожилая интеллигенция, объединенная в кружок под названием «Пока свеча не догорела» (руководитель Ольга Ивановна Дураченкова).

Когда вечер закончился, несколько членов хора, а позже – и кружка, обратились ко мне с просьбой написать еще и о том, какой видели войну они или их родители, жившие тогда в разных уголках нашей страны, но ставшие потом богородчанами. Мы договорились о встречах.

Первым рассказал о своей военной, а потом и мирной жизни ветеран Великой Отечественной войны, Почетный гражданин города Богородицка, самый старший по возрасту участник хора Михаил Юсупович Фазиллов (на этом снимке его нет). А после него еще десять членов «Ветерана» оставили свои воспоминания. Так началась моя новая книга «Богородицкие были -3», последняя из трилогии о войне.

Некоторые написали сами. Другие приезжали или приходили ко мне, иногда и я к ним, рассказывали и дополняли, уточняли и по телефону.

Нередко также осуществляли связь между мной и ними наиболее близкие мне члены хора : солистка Надежда Карповна Наумюк - на снимке во втором ряду четвертая справа; Римма Михайловна Киселева – во втором ряду первая справа, моя еще довоенная подруга Тамара Тимофеевна Кучеркова – в первом ряду первая слева, бывшая моя ученица Мария Петровна Маркова – во втором ряду вторая слева и Александр Николаевич Писарев, солист, сочиняет музыку на слова моих стихотворений и сам исполняет – на снимке в третьем ряду слева второй, а первый – тоже солист Сергей Николаевич Климачёв.

Хочу выразить искреннюю благодарность им и всему коллективу хора «Ветеран» за прекрасное исполнение песен, за поддержку, доверие и вдохновение меня на этот творческий труд.

В.Г. Введенская

КОРЕННАЯ БОГОРОДЧАНКА

*Только липы стоят нетленные,
Обошёл их пожара пир.
Здесь когда-то была вселенная –
Довоенного детства мир.*
Виктор Кочетков

Детям войны, особенно тем, кому в 1941 году было от четырёх и выше лет, а сейчас около или более восьмидесяти, войну забыть невозможно. По-разному пережили жестокие военные годы коренные богородчане или ставшие нашими земляками уже после войны. Одни дети оказались узниками фашистских концлагерей, другие испытали бомбёжки и вражескую оккупацию в родном городе или деревне, третьи пережили войну в эвакуации. Но что объединяет всех – это волнения за своих отцов и голод.

Людмила Александровна Иванова – человек в Богородицке известный, особенно в кругу учителей, а также многих мам, которые обращались к ней, чтобы определить ребёнка в ясли или детский садик. Она работала инспектором горно. Однажды и у меня присутствовала на уроке химии, и мне было очень радостно слышать прекрасный отзыв этого методически сильного педагога.

И когда я сейчас обратилась к ней с просьбой поделиться своими воспоминаниями о военном детстве, она сразу согласилась. И вот её рассказ.

Мы коренные богородчане. Папа мой, Александр Николаевич, 1904 года рождения, был партийным работником. Мама, Анна Сергеевна, 1913 года рождения, – учительница начальных классов.

До войны мы жили на улице Пушкинской. Если идти от улицы Красноармейской (ныне улица Ленина) в сторону, где сейчас восьмая школа, то наш двухэтажный дом был на правой стороне вторым от угла, мы жили на втором этаже.

Я помню себя с начала 1941 года, то есть с четырёх лет. Хотя среди окружающих меня соседских детей я была одной из самых младших, но командовала всеми ребятами, и они меня слушались, в том числе родной брат Валентин, который был на два года старше.

Вообще я росла смелым, самостоятельным и независимым ребёнком. Однажды мама сказала:

– Я пойду в кинотеатр, а ты сиди дома и никуда не ходи.

Но как только она ушла, я немного подождала и отправилась одна. Кинотеатр находился в том здании, где сейчас народное образование и культура, напротив милиции (милиция была там же, где и сейчас). Я поднялась на порожки и присела на корточки. Подошла незнакомая женщина, спросила:

– Девочка, что ты здесь делаешь?

– Сижу.

– А почему ты здесь сидишь?

– Я маму жду.

– А где твоя мама?

– Она кино смотрит.

– А она знает, что ты здесь?

– Нет. Я сама пришла.

– А где ты живёшь?

– Там, – и я показала рукой в сторону своего дома.

Стал ещё подходить и останавливаться около меня народ. Люди о чём-то громко говорили, но я ничего не хотела слушать. Я ждала свою маму. Наконец, эта женщина снова обратилась ко мне:

– У тебя дома есть ещё кто-нибудь?

– Да, есть, брат.

– Он старше тебя или моложе?

– Старше.

– Пойдём домой, я тебя провожу.

– Не пойду, я маму жду.

Часть толпы разошлась, а некоторые остались. Но вот сеанс окончился, вышла мама и увела меня домой.

Когда началась война, до моего детского сознания доходило далеко не всё. Помню только, что родители стали хмурые и иногда подолгу о чём-то разговаривали. Папу взяли на фронт в августе 1941 года, вернулся в ноябре 1945-го.

Воевал папа в сапёрных войсках, всю блокаду Ленинграда был около этого героического города, прокладывал «Дорогу жизни». Получил медаль «За оборону Ленинграда», а позже и юбилейную.

Враги приближались к нашему городу. Помню, начался обстрел, а я выбежала на улицу и закричала:

– Ой, гроза! Гроза начинается! Скоро дождь пойдёт!

Мама поспешно вышла и втащила меня в дом.

Уезжать из Богородицка мама не хотела, потому что у брата была травма и в дороге ему пришлось бы трудно. Но однажды она стояла в магазине в очереди и услышала разговор двух женщин.

– Нам-то чего немцев бояться, – сказала одна. – За что им нас убивать? А вот партийным действительно оставаться здесь опасно.

– Да, я тоже слышала, – подтвердила другая, – что семьи партийных они целиком расстреливают или вешают, даже малолетних детей...

А наш папа работал в райкоме, его многие знали, и могли отыскаться предатели и сообщить немцам. И мама решила ехать к своей сестре. Собрала какие возможно вещи и отправила их багажом, или, как тогда называли, тихой скоростью. Но, забегая вперёд, скажу, что по дороге в багажное отделение поезда попал снаряд – и все наши вещи погибли.

Поехали мы в Ижевск (столица Удмуртской АССР) к маминой сестре, тётё Зине. С нами поехала и самая младшая мамина сестра, тётя Валя. Ехали долго, больше месяца.

В Ржевске надо было делать пересадку. Но сколько времени дожидаться пассажирского поезда – неизвестно, потому что все железные дороги были переполнены военными поездами.

Вот подошёл очередной поезд, он вёз военную технику. Мы попросились, и нас взяли. Мне запомнилась чугунная печка-«буржуйка», я такую видела впервые. Как и военным, нам давали обед, поэтому мы не голодали.

На всех остановках поезд стоял подолгу. На какой-то станции тётя Валя сошла, чтобы набрать воды, но на этот раз поезд почти не стоял, а тронулся быстро. Мы волновались за тётю Валю, что она отстала от поезда и неизвестно, как сможет добираться дальше. Но на первой же остановке открылась дверь вагона, и вошла тётя Валя с солдатиком. Оказывается, он сумел втащить её в последний вагон.

Домик тёти Зины был небольшой, но места хватило всем. Хотя и тесновато, но жили в согласии, дружбе и любви.

Тётя Валя быстро устроилась на работу бухгалтером, а мама долго не могла найти себе работу. А от папы, ещё когда жили в Богородицке, получили всего одно письмо из распределительного пункта со станции Молодечно Минской области. И не знали, где теперь он и что с ним. А поэтому и аттестат (аттестат – документ, по которому иждивенец военнослужащего получает часть его денежного довольствия, т.е. зарплаты. В.В.) не получали.

Но потом маме удалось устроиться в школу, в которой учителя долго не задерживались, потому что работать в ней было трудно. Учащиеся разновозрастные, в большинстве переростки, «списанные» из других школ, а также эвакуированные. Знания многих слабые, нежелание учиться, плохая дисциплина. А к тому же занятия начинались рано, в темноте, а на весь класс всего одна керосиновая лампочка. Но мама что-то там переставила. А к концу четвёртого урока подошла директор и была очень удивлена необыкновенной тишиной. Мама стала работать в этой школе.

Что я вспоминаю про войну? Под бомбами мы не были. Все новости узнавали из чёрного репродуктора. Я тоже всегда слушала, а понимала по интонации слов диктора Левитана. Она у него была разная. Если он говорил «В результате наступательных боёв...», тон голоса был один, а когда говорил «В результате оборонительных боёв...», то совсем другой. И у мамы выражение лица тоже становилось разное. Так я и понимала, что там, на войне.

И ещё я запомнила с военных лет, что мне всё время хотелось есть. В садик меня взяли быстро. Там нас кормили даже ужином. Но мне было мало. За мной приходили в шесть часов вечера и старались уложить спать, как можно раньше.

Хорошо помню, как однажды меня уложили спать, а я закричала:

– Мама, я хочу есть!

Мама ничего не сказала, но я увидела у неё на глазах слезы. И поняла, что она не может мне ничего дать. Больше я не спрашивала. Но когда не могла уснуть, а начинала ворочаться, то мама понимала, что я хочу есть. А потом мне стала тётя

Зина приносить с работы кусочек хлебушка, слегка помазанного маслом или посыпанного сахарком. Я ела и быстро засыпала.

И ещё от Ижевска у меня осталось очень сильное впечатление, связанное с детским садиком. Воспитательницами в группах были молодые девушки, эвакуированные из Москвы и Ленинграда. И до чего талантливы! Они нам читали и рассказывали много русских народных сказок.

И под Новый год после завтрака нас повели на прогулку. А во дворе был спуск, как с горки. И мы идём по узенькой дорожке, а с обеих сторон снежные скульптуры из сказок. И все цветные. У меня до сих пор перед глазами серый волк с царевной. И все остальные фигурки очень искусно изготовлены и раскрашены. И когда только девушки успели всё это сделать?!..

Спустя много лет, когда я уже работала в первой школе, вспомнила про те фигурки и предложила ребятам сделать из снега клумбу с цветами. Но зима стояла слякотная, и наша клумба к утру растаяла.

Второе впечатление, которое осталось у меня от Ижевска, связано с папой. Писем от него так больше и не было. Но и похоронку тоже не присылали.

Однажды директор школы говорит маме:

– Вас вызывают в военкомат. Необходимо явиться завтра, – и указала время и номер кабинета.

Естественно, страшные волнения охватили всех. Эту ночь почти никто из взрослых не спал.

Когда мама вошла в военкомат, у двери кабинета оказались в ожидании две женщины. Вот зашла первая и быстро вышла. Мама на неё посмотрела: слёз на глазах у женщины нет. Вторая задержалась дольше, но вышла тоже спокойная. Настала мамина очередь. Она заходит.

– Вы только не волнуйтесь, – сразу услышала успокаивающий мужской голос, не успев даже разглядеть, где она оказалась и кто стоит перед ней. – Ответьте только на вопрос: где ваш муж?

– Не знаю.

– Где он работал?

Мама рассказала.

– Ваш муж жив. Он под Ленинградом. Но почта туда не может прийти, поэтому связь только телефонная.

Так мама общалась с папой по телефону через военкомат.

В 1943 году мы уехали в Шую (Ивановской области. В.В.) к старшей маминей сестре, тётке Клаше. Квартира у неё однокомнатная, а нас оказалось шесть человек. Комната большая – перегородили, и всем места хватило.

В Шую я пошла учиться в первый класс. Но мама работала учительницей, и заниматься мной ей было некогда. Мы жили на Ремесленной слободе и тоже занимались ремеслом. Младшая мамина сестра, тётка Валя, покупала шерсть, старшая, тётка Клаша, пряла на кустарной прялке. Мама вязала середину, а тётка Валя вывязывала кайму, с разными узорами. За неделю платок был готов. На рынок приезжали из деревень, привозили хлеб, молоко, сметану, спички. И проводился обмен. Или пуховые платки продавали, а покупали на эти деньги продукты: мясо, хлеб, молоко.

Однажды купили мёд, целую большую банку. А до этого пользовались только сахаринром, а он такой противный. Мёда давали только к чаю по чайной ложечке. А так хотелось полакомиться! Поэтому я стала часто приставать к маме:

– Мам, я чаю хочу.

И ещё мне запомнилось, что в Шую было натуральное подсолнечное масло. Ароматное! И я макала хлебушек в масло и ела. Такая вкуснятина!

Учиться в школе мне было неинтересно, потому что буквы я знала. И на уроке скучала. Стала брать с собой куклу, но учительница запретила. Тогда я надумала не оставлять в пальто меховую муфту, а брала её в класс: на муфте головка мишки, и я играла в неё. Уходила с урока, подолгу засиживалась в туалете. Но к концу второго урока всегда подбегала к классу, потому что нам приносили на подносе по кусочку хлебушка, а на нём сахарок или повидло.

На работе маме, а также её сестрам, моим тётям, выдавали весной глазки картофеля на посадку. А осенью собирали урожай. Конечно, такой посадочный материал высокого урожая дать не мог, но всё же помощь нашей семье была.

Дом, в котором мы жили, стоял на берегу реки, а берег высокий, как вал, поэтому снизу казалось, что дом доставал до неба. Сын тёти Клаши ловил раков, иногда и рыбёшка попадалась. И это тоже было вкусно.

В 1944 году приехал папа в краткосрочный отпуск и увёз нас в Скопин к дедушке, своему отцу. И 27 июля 1945 года у меня появился младший брат Серёжа. Но когда мама пошла его регистрировать, то ей отказали записать, что он папин сын, потому что папа был на фронте. Пришлось ей обратиться в военкомат. Там связались с папой, и папа дал подтверждение.

В Скопине мы встретили Победу и остались там и после войны.

Самолёты над городом были тогда редким явлением. Но кто-то сказал, что из самолёта выбрасывают игрушки. И мы бегали, ждали, но игрушки нам никто не выбросил.

И вот долгожданная Победа! Первые дни мира... По местному радио сказали, что на вокзал будут прибывать эшелоны с демобилизованными. И люди громадными толпами устремлялись к железной дороге. Мы тоже каждый раз бегали.

Какое это было необыкновенное зрелище! Поравнявшись со светофором, поезд сбавлял ход и медленно приближался. Вагоны, и особенно паровоз, украшены берёзками и красными лентами, а впереди на паровозе – портрет Сталина. На товарных вагонах с демобилизованными веток берёзок ещё больше. Впечатление, как на Троицу. Всё ближе и ближе подходит поезд к платформе. Всё сильнее стучат сердца ожидающих. Но вот открываются двери – и радостные счастливчики встречают победителей. Такие моменты трудно описать словами.

В сентябре 1945 года мы вернулись в Шую. Приехал папа и увёз нас в Богородицк. От дома, в котором мы жили, остались только полуразвалившиеся стены. Нас приютили знакомые, семья Константиновых.

Потом папу назначили парторгом на открывшейся первой шахте. И нам дали квартиру в Чудильнике (так раньше называли посёлок Бегичевский). В посёлке были только бараки и лагерь для военнопленных. Школы не было. Мы ходили в деревню Бегичево, там была семилетняя школа, но мы занимались в сельском клубе. Клуб не отапливался. Письменные работы выполняли в гримёрке, а устные – в зале.

И в заключение я хочу привести два рассказа папы:

«Ехали на машине, которую в народе называют «козлом». Подъехали к шлагбауму. А там оказались немцы. Но шофёр не сбавил ход. Немцы растерялись. И мы проскочили».

«В другой раз ехали на трехтонке. Налетел самолёт и стал кидать бомбы. Я успел выскочить из машины, а бомба прямым попаданием упала на кабинку. Шофёр погиб».

Яноля (девичья – Чухрова) Мария Андреевна
(11.04.1927 г.р.)

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

В начале войны я с сестрой и мама были вынуждены переехать в Богородицк, потому что оставаться в Москве было опасно.

В Богородицке в одноэтажном доме на улице Урицкого жила наша тётя с тремя детьми, все моложе нас. Мне тогда исполнилось четырнадцать лет, а сестре семнадцать. В доме было тесновато, но зато спокойно.

Осенью начались бомбёжки и артиллерийские обстрелы. Бомбёжки крупнокалиберными бомбами были несколько раз, сколько – я уже не помню. В один из авиационных налётов погибли две моих подруги. Это было около почты.

15 ноября 1941 года в город вошли немцы. Ходили они по домам в основном ночами, человека по три.

Однажды ночью в нашу дверь раздался сильный стук. Мы очень испугались и забрались кто куда: кто под кровать, кто под стол. Тётя открыла дверь. Вошли трое с фонариками, молча осветили дом. Заметили нас и движениями показали, чтобы мы вылезли. Мы вылезли. Они всё так же, молча, осмотрели нас и ушли. Позже мы поняли, что фашисты искали партизан.

На улицу мы выходили редко, поэтому о том, что происходило в городе, не знали.

С питанием в годы войны было тяжело, особенно во время оккупации и в этот 1942 год. Доедали последнее, что оставалось на огородах. Поэтому мы с сестрой были вынуждены пойти к родственникам в деревню Озёрки (Тепло-Огарёвского района).

Деревня расположена в двадцати километрах от города Богородицка.

Был декабрь. Морозы стояли сорокоградусные. Ранним утром, собрав по два мешка ненужной одежды, обуви, ткани, мы с сестрой, одевшись во что похуже, отправились в путь.

Сначала на дороге было тихо. Мороз пощипывал щёки, и мы шли довольно быстро, чтобы не замёрзнуть. Прошли небольшое расстояние. Вдруг послышался сильный шум машин. Это двигалась автоколонна с немецкими солдатами. Машины неслись на большой скорости. А последняя машина неожиданно замедлила ход, сделала движение в нашу сторону и чуть ли не сбросила нас в кювет. Мы очень испугались, а немцы расхохотались.

Дальнейший наш путь был без приключений. Мы добрались до деревни.

У нашей тёти дом деревянный с земляным полом. А детей много – семь человек. Спали все на нарах. Иногда и мы с сестрой оставались с ночёвкой.

В крайней избе вечерами нередко собиралась в мирное время молодёжь. Но и во время оккупации 14–16-летние девчонки, а также мальчишки-подростки иногда тоже приходили сюда, разговаривали, пели песни, грызли семечки.

Однажды с таких посиделок я шла домой одна. За мной увязался немец. Он дошёл до нашей избы, вошёл в неё, осветил всё своим фонариком и вышел.

Был и ещё один случай, когда я видела немца. Мы с сестрой пришли в деревню, а у нашей тёти за столом сидит немецкий офицер и что-то пишет. Он достал шоколадку и пододвинул ко мне, но я её отодвинула назад. Отрезала себе чёрного хлеба, села на лавку и стала есть. Он только ухмыльнулся.

Из деревни в город мы несли в мешках картошку, хлеб, лук, муку.

После ухода немцев мы продолжали обучение в школе. Взрослые начали работать, в основном в шахтах. Мама наша работала на поверхности, откатывала тележки с углями.

Потом, в 1943 году, и мы с сестрой один раз в неделю работали в забое – бросали уголь на конвейерные ленты.

Вот так пережили войну.

В МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

*Как страшно дует из окна,
и пруд промёрз до дна.
Так вот такая ты, война!..
Что говорить? Война...
Николай Карпов «Холода»*

Удивительно иногда переплетаются судьбы или происходят неожиданные встречи.

С Наташей Санкиной (Наталией Ильиничной Чаденковой) моя сестра Вера училась в одном классе, я – классом ниже. Но так как мы с сестрой были дружные, то её подруги были одновременно и моими подругами, а мои одноклассницы были близки и сестре.

Окончив десять классов, разъехались в разные города и учились в разных институтах. Но мы с Наташей обе богородчанки и любим свою малую родину, поэтому, отработав после окончания институтов положенный срок, вернулись в Богородицк. И встретились не где-то, а в роддоме, лежали в одной палате и родили мальчишек.

И сейчас, собирая материал о тех, кто видел войну, я решила позвонить в любой дом, который, точно знаю, во время войны при отступлении фашисты не сожгли. Но кто в нём живет, не помню. Мне отозвалась Наталья Ильинична. Я знала, что её отцом был известный всему Богородицку ещё с довоенного времени и далее, включая восьмидесятые годы, Василий Сергеевич Подрезов.

В конце своей трудовой деятельности Василий Сергеевич работал в ГК КПСС и курировал культуру. В эти годы я работала в отделе культуры при горисполкоме и иногда советовалась с ним или мы вместе решали общегородские проблемы.

Но сейчас выяснилось, что Наташе Василий Сергеевич был отчимом и воспитывал девочку с двухлетнего возраста. А её отца звали Илья Никитович Санкин (1898 года рождения). Она носила его отчество и фамилию и обоих считала своими отцами. Но всё же, как я при разговоре с ней «прочитала между строчек», больше любила первого, настоящего своего отца.

Немного истории.

На самой окраине Богородицка, что ближе к Вязовке, с давних времён стоят два двухэтажных кирпичных одинаковых дома. Сколько я помнила, они были красными. Но недавно, проезжая мимо, увидела, что их оштукатурили и побелили. Признаюсь честно, я взгрустнула, ведь это было то небольшое, что ещё оставалось от города моего детства.

В 1940 году в том доме, что дальше от центра города, ближе к Вязовке, где прежде была мужская гимназия, открыли музыкальную школу, в другом была почта. Директором музыкальной школы назначили Василия Сергеевича Подрезова. Он по образованию культпросветработник и вообще был эрудированным и высококультурным человеком. А семья его жила в этом же здании на втором этаже.

– Он очень любил цветы, – вспоминает Наталия Ильинична, – особенно белые хризантемы. В музыкальной школе они стояли повсюду. И вообще там было очень красиво.

Маму Наталии Ильиничны звали Анна Васильевна, девичья фамилия Третьякова. Она работала бухгалтером, в разное время в конторе «Заготскот», в «Райкоме угольщиков», во дворце.

– Тебя, я знаю, интересуют война и оккупация, – прервала свой рассказ о семье Наташа.

– Да, я сейчас пишу книгу, в которую собираю все воспоминания, связанные с войной.

– Но я мало смогу помочь тебе в этом. Василия Сергеевича взяли на фронт в первый день войны, а вернулся после её окончания. Но он не любил, когда напоминали ему о ней, всегда очень нервничал. У него много наград, но воспоминания свои он не оставил. Где-то в школах когда-то выступал, приглашали его, отказать детям не мог, но есть ли где записи, я не знаю. А папа, Илья Никитович, сначала числился «белобилетником»¹⁾: у него что-то было с ногами. Но в январе 1942 года его тоже мобилизовали. Он считается пропавшим без вести.

– А во время оккупации вы с мамой оставались в Богородицке или эвакуировались?

– В Богородицке. Пережили оккупацию, как и все.

– Расскажи мне о том, что помнишь.

– А разве всё это можно забыть? Хотелось бы, но не получается.

1) «Белобилетниками» называли людей, которых не призывали на войну по какой-либо причине. У них билет (удостоверение личности) был белого цвета. А у военнообязанных воинский билет – красного.

И вот что рассказала **Наталия Ильинична Чаденкова**.

Когда усиливались в Богородицке артобстрелы и бомбёжки, мы с мамой залезали в подвал музыкальной школы. Там собирались и жители ближайших домов.

15 ноября начался обстрел со стороны деревни Вязовки. Мы с мамой и соседями сидели в подвале весь день. Ночью к нам спустился по лестнице немец. Так состоялась наша первая встреча с фашистом. Мы вышли, поднялись к себе на второй этаж. Немец пошёл за нами. Дома он снял с меня валенки, но они оказались ему малы. Он их бросил и ушёл.

Одну ночь мы с мамой ночевали в своей квартире. На второй день пришли финны и выгнали нас из дома. Приютили знакомые, Крапивины, которые жили на улице Площадной (сейчас Победы).

Когда финны съехали, мы вернулись в свою квартиру. Помню, пошли мы с мамой к знакомым к центру города, а на площади, где сейчас ресторан «Садко», стояла виселица и были повешены два мужчины, а на груди у каждого дощечка с надписью «Партизан». Страшно было смотреть. И я спросила у мамы:

– Мам, их повесили немцы?

– Не надо так говорить, – ответила мама, – они услышат, и нам плохо будет.

И я больше ничего не спрашивала.

Потом к нам поселился раненый немецкий офицер, а нас выгнали в кухню. На двери написали мелом, что здесь живёт офицер. К нам в кухню заходили немцы, снимали с себя рубахи и били вшей.

Перед отступлением у фашистов началась подготовка, и нас снова прогнали из дома.

А горожане уже громадными толпами двигались в Новопокровку. Пошли и мы с мамой.

А была стужа, гололёд. И я видела, как отступали немцы. У них на ногах были бутсы. Фашистам было холодно на нашем русском морозе, поэтому многие обвязали ноги соломой.

Когда мы шли в село по снегу и бездорожью, часто над нами пролетали немецкие самолёты и стреляли. Мы ложились на снег. А когда поднимались, то видели, что некоторые мирные жители оставались лежать, а по ледяной корке растекалась кровь.

Мама вернулась в Богородицк рано утром. Город был в огне и дыму. Наш дом не сгорел. В нём остановились наши кавалеристы-освободители.

Мы сначала жили в своей квартире, но потом нас переселили на улицу Володарского, дом 20. Приехала машина, мужчины погрузили наши вещи...

Дом одноэтажный. Сколько в нём поселили семей, точно сказать не могу. В свою маленькую комнатку мы проходили через другую, в которой жила большая семья. Дом был старый, продувался ветром.

Но я с любовью вспоминаю нашу довоенную музыкальную школу. Как там было красиво! В ней учился Борис Май и много других известных богородчан, которые стали потом учителями музыкальной школы.

А дети директоров шахт приезжали в школу на пролётках.

В 1942 году зимой в здании музыкальной школы размещалась общеобразовательная, Богородицкая средняя школа № 1. Просуществовала она до сентября 1943 года. А когда её перевели в восстановленное здание около техникума, бывшую музыкальную ещё один год занимала семилетняя школа, ставшая впоследствии средней школой № 2.

ИЗ РАССКАЗОВ МАМЫ

*... Но мы залечим эти раны,
Мы всё вернём себе опять.*

Ольга Берггольц

– Вы так интересно пишете про войну, – сказала мне продавец **Римма Николаевна Ядыкина**. – Только книг мало выпускаете. В библиотеках их нет, и в магазинах тоже. А если у кого из знакомых есть, то такая книга ходит из рук в руки и не дождёшься, когда твоя очередь настанет.

– Интересно, потому что я пишу правду, ничего сама не придумываю, а корректирую то, что мне рассказывают очевидцы, и литературно обрабатываю записанное. Но очевидцев осталось мало, и младшим уже за восемьдесят, многие отказываются рассказывать – тяжело ворошить прошлое, вспоминать военное детство.

– А пусть дети и внуки вам рассказывают. Уж, конечно, все слышали истории из детства родных, – предложила Римма Николаевна.

– Но вы смогли бы мне что-нибудь рассказать?

– Да, но только коротко, самое основное, а подробности не помню. Вы от себя что-нибудь добавьте.

– Пусть коротко, зато правда. Добавлять могу только то, что сама точно знаю. Но постараюсь без этого.

И вот её рассказ.

Я начну рассказывать с дедушки. Его звали Максим Ильич Ромашин. Родом он из Брянской области. Дедушка был коммунистом. И после революции его прислали сюда, в Тульскую область, в город Богородицк.

Во время Великой Отечественной войны он был на фронте и освобождал от фашистов наш Богородицк. Въезжал в город на белой лошади.

Потом защищал Тулу. Там ему миной оторвало ногу. Долго лечился в госпитале. Вернулся домой на костылях. Работал в «Заготзерно».

У дедушки было три дочери. Моя мама – самая младшая. Её звали Анастасия Максимовна Жебелева (девичья – Ромашина).

Во время фашистской оккупации Богородицка ей было пятнадцать лет. Жили они в маленьком домике, почти землянке, в том месте на улице Луначарского, где сейчас детская поликлиника, напротив Пушкинской. Домик немцы не сожгли.

Мама рассказывала нам два случая, какие произошли с ней в период немецко-фашистской оккупации.

Близко от дома колонки не было, и за водой они ходили к военкомату, а это около 800 метров (Вот здесь я хочу сказать от себя: примерно там, где сейчас стоматология, была колонка, но рядом в петле качался на ветру повешенный фашистами мужчина. Может быть, она боялась туда ходить? Или колонка не работала. В.В.). Однажды мама несла воду в двух ведрах и уже была недалеко от дома. Подошёл немец, взял у неё из руки одно ведро. Мама думала, что он решил ей помочь, а он этим наполненным водой ведром ударил её по голове. Она потеряла сознание и упала. Сколько пролежала, не поняла. Но когда очнулась, увидела около себя пустые ведра.

А в другой раз прибежала соседка и говорит:

– Твою маму (значит, мою бабушку) забрали в комендатуру.

А ведь дедушка воевал и партийный был, поэтому все испугались. Но оказалось всё проще. На бабушке были белые валенки, и фашисты заставили снять их, а ей дали старые, рваные. И отпустили.

Вот всё, что я помню из маминих рассказов. А остальное всё было так же, как и у всех богородчан. При отступлении фашистов жители убегали в село Навопокровское.

А ещё в эту зиму мама с бабушкой ходили несколько раз в Узловую за солью пешком туда и назад. Там у немцев был целый склад соли. Когда фашисты поспешно отступали под натиском Красной Армии, то не успели увезти соль, и её потом разбирали местные жители. Но многие узловчане боялись брать: вдруг фашисты вернуться, увидят мешки с их метками и расстреляют. И рассказывали, что такие случаи были.

А наши некоторые богородчане ходили. И мама говорила, что очень уставала. И каждый раз смотрела, сколько ещё осталось идти до следующего столбика.

Потом ходили по деревням и эту соль меняли на продукты: картошку, сало, муку.

Конечно, трудно было, зато не так голодно.

Вот всё, что сохранилось в моей памяти с детских лет.

ВСЕХ СПАС МАЛЫШ

Наш род Матюшкиных идёт из Рязанской области Сараевского района. В Богородицкий район мои бабушка с дедушкой и мои родители прибыли в 1930 году, а в город Богородицк – в 1932 году.

Осенью купили конюшню на слом. Жили в землянке, а в 1936 году построили большой красивый дом на улице Зелёная (сейчас улица Бродовского, 19). Рядом с домом был скотный двор, в котором обитали корова, телёнок, овцы, поросёнок, гуси, куры.

Дедушка мой, Семён Кузьмич, работал конюхом, мама, Наташа, работала в аптеке санитаркой, папа, Иван Николаевич, – завхозом в школе. Нас, детей, в семье

трое: Аня 1931 года рождения, Катя, то есть я, 1934-го и Сережа 1940 годов рождения. Потом папа закончил в Богородицке колхозную школу и стал работать ветеринарным фельдшером. Он нас очень любил, покупал гостинцы и подарки. В семье царили дружба, любовь и согласие.

Но недолго продлилась безоблачная счастливая жизнь. Наступили грозные дни. 22 июня 1941 года началась война.

Помню, как я узнала об этом. По утрам мы всегда пили чай из ведёрного самовара, который стоял на столе в прихожей. А в этот день, когда я проснулась и села за стол, бабушка объявила:

– Началась война, и теперь мы будем чай пить с солью.

Я по привычке взяла чайную ложку и насыпала в стакан две ложки соли, размешала, а когда налила в блюдце и попробовала выпить, заплакала. Ко мне подошла бабушка и участливо спросила:

– В чём дело? Почему такие слёзки?

Я объяснила. Бабушка улыбнулась, погладила меня по головке.

– С солью не так пьют, как с сахаром, – сказала она. – Надо взять кусочек хлеба, посолить его немного, откусить хлеб и запить чаем.

Вот так я запомнила начало войны.

Немецкая армия очень быстро наступала. И однажды, услышав канонаду, дедушка Семён сказал:

– Надо порезать овец, а мясо спрятать на чердаке.

Утром 15 ноября всем жителям города объявили, что наступает немецкая армия, и горожанам лучше укрыться в деревнях. И нас, детей, с бабушкой отправили в деревню Жданка к дедушке Ване Плешакову, другу нашего дедушки. Когда мы вошли в его дом, там оказалось человек пятнадцать городских жителей.

Мы пришли днём, а уже под вечер слышались разрывы снарядов. Это со стороны Товаркова наступали немцы. А наши солдаты, не успевшие накануне оставить район, теперь отступали. При этом они проходили ближе к домам, но немецкая разведка их засекла. И фашисты открыли огонь из орудий по деревне.

Дедушка Ваня приказал всем лечь на пол, окно загородить подушками. Так мы и сделали.

Обстрел длился всю ночь. Многие просили дядю Ваню, чтобы он разрешил им пройти в подвал, расположенный позади дома, но он никому не разрешил. И хотя стены дома 80 см толщиной, но удары были такие мощные, что дом содрогался от взрывов. И это так страшно, что даже некоторые взрослые кричали.

А утром стрельба прекратилась. К нам в дверь застучали и стали кричать что-то непонятное. Это были немцы.

– Курку, яйка, – требовали они.

И забрали всё, что им попало на глаза.

А в полдень за нами пришел дедушка, и мы решили вернуться в город, домой. Но только сделали несколько шагов, как встретились два немца и сняли с меня и Ани заячьи шапки. А на улице было очень холодно, больше двадцати градусов мороза. И бабушка повязала нас какими-то тряпками.

Дедушка по дороге рассказал нам, что в городе, в их стороне, выстрелов не было, а только стреляли из дальнобоек по центру, и город немцы заняли вчера.

В нашем доме поселился немец, наверное, врач, потому что у него был огромный железный ящик с лекарствами. Этому немца обслуживали два адъютанта, и больше никто из фашистов к нам не селился.

Мой папа жил в самой дальней комнате. Он намазывался какими-то мазями и говорил немцу, что болен, поэтому в его комнату никто не заходил. Да и этот немец ночевал дома редко.

И вот наступил декабрь. 14-го числа объявили, чтобы жители покидали город и уходили на запад, куда отступали немецкие войска.

В последний день перед отступлением к нам в дом пришло человек двадцать немцев. Нас всех, кроме мамы, выгнали из дома в сарай. Фашисты принесли со двора соломы, настелили на пол и стали укладываться спать.

Мама кормила на кухне грудью Сережу.

Два немца подсели к ней и стали складывать из спичек виселицу и заставлять её говорить: «Сталин капут».

Мама никак не могла понять, что они хотят. И тогда гитлеровцы начали затягивать у неё на шее платок, хотели, как она поняла, задушить её. Но вдруг заплакал ребёнок – и маму они отпустили.

Другие фашисты зашли к нам в сарай, увидели поросёнка и корову. Поросёнка поймали и сразу зарезали, стали жарить и варить мясо.

Взрослые уложили детей спать, а сами начали готовиться в дорогу. Разбудили нас рано утром. На улице было очень скользко. Корове на ноги намотали тряпки, взяли из дома кое-какие вещи (фашистов в доме уже не было) и пошли в Иевлево. Но только перешли железную дорогу, как дедушка повёл нас в бомбоубежище, которое находилось в том месте, где сейчас автозаправка, недалеко от переезда на Покровскую.

Но это бомбоубежище оказалось уже переполненным: в нём собралось человек триста. Мы кое-как смогли расположиться около входной двери и решили ждать. А у самой двери всегда дежурили двое-трое мужчин. Иногда они выходили и смотрели, что происходит в городе, а когда входили, то сообщали, в какой стороне дома' уже горят. Наши дедушка и папа тоже неоднократно ходили посмотреть, как там наш дом, а, возвращаясь, довольные говорили, что кругом горят, а наш стоит. А последний раз, уже в сумерках, сказали:

– Полыхает тоже. Больше ни одного на нашей улице не осталось. И в других местах города целых домов по пальцам пересчитать можно.

Часов в девять вечера дежурные у двери мужчины сообщили, что идут три немца.

– Двое из них несут две канистры, – сказал один из мужчин.

– А у третьего в руках винтовка, – добавил другой.

Все, конечно, испугались, зная, что от фашистов пощады едва ли можно дожждаться. И кто закричал, а кто заплакал. Услышав всеобщий крик и возбуждение, наш малыш тоже заревел.

– Вот, из-за вас теперь могут погибнуть все, – послышались отовсюду упрёки в наш адрес.

Однако немцы подошли к двери бомбоубежища, услышали детский крик, бросили канистры и ушли.

Долго никто не мог поверить, что всех оставили в живых. Решали, что могло остановить врагов. И поняли, что и среди немцев есть хорошие, добрые люди, которых остановил детский плач.

Наутро стали понемногу выбираться из укрытия, люди расходились, кто куда.

Наши мужчины привели нас в дом около железнодорожной линии, попросили приютить женщин и детей на несколько дней, а сами принялись за дело. Нашли заброшенный сарай, где до войны располагался «Древоопропиточный» завод и осталось много лесоматериала. И наши заботливые мужчины оборудовали этот сарай под жильё: обили досками, засыпали опилками, сложили печку. Только не было окон. Но мы там жили до самой победы.

А на пожарище мужчины откопали обгоревшее мясо и спрятанный от немцев сундук с зерном. Хотя зерно тоже частично сгорело, его приходилось перебирать, но с молоком от своей коровки было вкусно. И такой голод, как другие, в первую зиму мы не испытывали, кошек и собак не ели.

Весной вскопали огород, посадили немного картошки. А осенью мы с Аней пошли в школу: она в четвёртый класс, а я в первый.

Жизнь стала налаживаться.

Но... в 1942 году папе пришла повестка на фронт. Я его так любила, что спряталась между досками и сидела плакала. Меня искали, звали, а я даже не смогла подойти и проститься.

От папы с фронта мы получили всего два письма. А потом пришла бумажка с сообщением о том, что он погиб смертью храбрых.

Много испытаний после этого дала мне судьба, но я их перенесла с достоинством. И об этом можно издать не одну книгу. Буду писать и дальше для своих сына и дочки, известных всему Богородицку людей (Владимир Пыжов, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, Кавалер ордена Мужества, и Татьяна Рытенко, врач. Оба пишут стихи. В.В.)

И пою в нашем хоре «Ветеран».

Матюшкина Екатерина Ивановна, 80 лет

СЕМЬЯ «ВРАГА НАРОДА»»

Усталость тихая, вечерняя

Зовёт из гула голосов

В Нижегородскую губернию

И в синь Семёновских лесов.

Борис Корнилов

Есть в Новгородской области посёлок с названием Крестцы, районный центр, а в Крестцовском районе – небольшая деревня Старое Рацино. Существует она сейчас или нет, сказать не берусь, но до войны была. И жила там простая, но очень дружная семья: мать, отец и шестеро детей. Мария Михайловна Гусарова была 1889 года рождения, а муж её, Алексей Алексеевич Гусаров, – на несколько лет старше её.

Во время Первой мировой войны Алексей Алексеевич воевал, как и положено, и в гражданской войне принимал участие, а на чьей стороне, не знал. Что тогда понимал крестьянин: куда пошлют, там и дрался, не жалея сил. Но мужик он был весёлый и остроумный, играл на гитаре и на других музыкальных инструментах. А главное, ничего и никого не боялся. И сам сочинял частушки. Да ещё какие! Около него всегда было весело. И стали приглашать его на все деревенские праздники и посиделки.

За столом-то шутки и смех, особенно, если хорошо поднесут, а на душе что-то неладное творилось у нашего героя. Разве о такой жизни он мечтал, когда воевал, когда его товарищи проливали кровь и погибали?..

И вот однажды, хорошо зарядившись самогоном своего дружка и мало думая о последствиях, потому что друг был самым близким, Алексей спел частушку-экспромт:

У царя у дурака
По рублю была мука,
А у Сталина-крестьянина
По три рубля овсянина.

Таким образом он сравнил цену пшеничной муки с овсяной, которую в прежние времена люди не ели, а только скармливали скоту.

А дружок оказался слабаком, испугался, вдруг кто-нибудь мог подслушать и доложить, что в его доме такие частушки поют, и сам доложил на своего лучшего друга.

Алексея Алексеевича сослали без права переписки. И только в 1953 году, после смерти Сталина, на запрос родных прислали бумажку, что его реабилитировали посмертно.

Мария Михайловна, чтобы избежать ареста и ссылки, в 1938 году приехала с младшими детьми к нам в Богородицк, где в селе Бахметьево работал учителем её старший сын, Гусаров Михаил Алексеевич.

Но власти, как говорится, нашли «козла отпущения»: старшую её дочь, Серафиму Алексеевну, которая была замужем и жила в своей деревне отдельной семьёй, сослали в Оренбургскую область как дочь врага народа.

В Богородицке на месте разрушенного храма Покрова Пресвятой Богородицы (напротив ресторана «Садко», построенного уже после войны) стоял одноэтажный деревянный барак. А рядом, где сейчас часовня, был разбит уютный зелёный скверик с молоденькими берёзками, цветами и скамеечками. В этом бараке приезжей семье Гусаровых дали комнатку. А старшая из приезжих дочерей (в семье по возрасту третья) устроилась на работу в контору «Геологоразведка», которая первоначально была рядом, а позже её перевели на улицу Коммунаров, где сейчас дом № 92.

Началась Великая Отечественная война. Враг приближался к Богородицку. В городе участились бомбёжки и артобстрелы. И однажды, когда все жильцы находились в бомбоубежище, на барак упала бомба и дом разлетелся в щепки.

Но незадолго до этого в городе, почти на углу улицы Карла Маркса и того места, где сейчас улица Окружная, близко от базара, построили новый двухэтажный дом из белого кирпича. И хотя в то время богородчане не знали про Белый дом в Америке, новый дом был такой единственный в городе, поэтому его все называли просто белым домом без указания адреса, и всем было понятно и так. Построили его для ИТР (инженерно-технических работников. В.В.) шахт, и он ещё не был заселён. В этом доме семье Гусаровых дали двухкомнатную квартиру.

Богородицк оккупировали фашисты. В квартире Гусаровых поселились два офицера. Они заняли большую комнату, а семью выселили в маленькую. Но жильцов не обижали, даже иногда детей угощали галетами (сухое печенье из пресного теста).

Но однажды офицерам привели на допрос нашего солдата, попавшего к немцам в плен. Его долго пытали, очень мучили на глазах у детей. Но солдат ничего не сказал. А потом отпросился по нужде. Туалет был во дворе, и пленного отпустили с часовым. Конвоир долго дожидался пленного. А мороз был очень крепкий. Немец сначала двигался медленно, потом начал бегать и прыгать, бить рукой об руку. Всё же не выдержал, совсем ооченев, дёрнул посильней дверцу туалета, сорвал крючок, посмотрел. Но пленного там не оказалось. Разъярённый, фашист вошёл в дом, доложил офицерам.

Офицеры к Марии Михайловне:

– Говори, где спрятала партизана?

– Я здесь не при чём. Я его не прятала.

– Врёшь! Говори сейчас же, где партизаны?

– Я ничего не знаю.

И далее всё больше и больше распалялись и угрожали ей фашистские офицеры. Вот тут и показали своё лицо, какие они «добренькие». А потом поставили к печке. Один из них вынул из кобуры револьвер.

Дети испугались, кинулись к матери, окружили её, защищая своими телами.

– Последний раз спрашиваю, – вскричал офицер, – ты помогла бежать партизану? Куда его спрятала?

– Я ничего не знаю, я ни в чём не виновата.

Офицер с револьвером подошел к Марии Михайловне, щёлкнул затвором, поставил палец на курок. Посмотрел на неё, потом по очереди на детей и прислонил револьвер к её виску.

– Если сейчас не ответишь, где партизан, то застрелю тебя и всех твоих детей.

Что было в это время на душе у женщины, матери, к которой ещё ближе прижались дети, знала только она сама.

Но вдруг на улице, совсем рядом, раздался крик:

– Наши наступают!

И кто-то или стрельнул, или чем-то стукнул, но только раздался оглушительный звук. Немцы сразу все вскочили и убежали. Мучения женщины прекратились.

При отступлении немцы сожгли наш город, но белый дом не пострадал.

А ещё до наступления немцев, когда сгорели склады, младшие дети Борис и Анатолий прикатали закупоренную бочку солёных огурцов, спрятали в подвале. Фашисты её не видели. И это была большая помощь в питании в ту голодную зиму 1942 года.

И несколько слов о старшей дочери Серафиме Алексеевне. Из ссылки в 1942 году её послали на войну. Она была на Первом Украинском фронте прожектористкой. И прошла всю войну.

Ещё когда девочке было шестнадцать лет, она научилась класть печки. И это ей очень помогало на войне. Часто девчатам жить приходилось в землянках. Она лепила печки, подружки грелись и сушили свои юбки, верхние рейтузы, чулки.

Серафима Алексеевна рассказывала:

– Немцев мы не боялись. Они впереди нас, и мы в них стреляли. Но мы очень боялись бандеровцев и поляков. Они были сзади нас. Нападали исподтишка, жестоко издевались, а потом чаще всего убивали.

Муж Серафимы Алексеевны тоже воевал, был тяжело ранен и умер в госпитале.

А она после войны приехала к матери в Богородицк и осталась в нём навсегда, прожила большую жизнь.

**Рассказала племянница Марии Михайловны,
Валентина Петровна Старцева, член хора «Ветеран».**

РЯДОМ С ХРАМОМ

*О если б мог я,
То в конце концов,
Сначала не себе вернул бы руку,
А детям –
Не вернувшихся отцов
И матерям – детей,
А не разлуку...
Константин Матвеев*

Пятьдесят шестой год работает на одном месте в Богородицком сельскохозяйственном колледже имени И.А. Стебута уникальный человек, Заслуженный учитель школы РСФСР **Антонина Дмитриевна Теремецкая** (девичья – Маркина), 1935 года рождения. Не много найдется в нашей стране людей, которые могли бы гордиться тем, что их трудовой стаж в одной организации перешагнул значительно за полвека. Но, несмотря на возраст, Антонина Дмитриевна бодрa, энергична и продолжает работать.

Я попросила её рассказать о своём военном детстве и о близких родных. В разговоре принял участие и её муж, коренной богородчанин и бывший её сосед и друг детства **Александр Сергеевич Теремецкий**, 1932 года рождения.

Раннее детство Тони прошло в совхозе «Полунино», недалеко от железнодорожной станции с таким же названием, Узловского района. Её отец,

Дмитрий Петрович Маркин, был управляющим совхоза. Из-за производственной травмы (при обмолоте зерна оторвало правую руку) на фронт его не взяли.

Шёл октябрь 1941 года. Враг стремительно приближался к Москве и уже был недалеко от Полунино. Из района пришло указание – порезать свиней, мясо засолить и отправить по указанному адресу для фронтовиков. А ответственность, естественно, легла на управляющего, то есть отца Тони. Дома он рассказал, что к нему обратился бригадир и предложил:

– Давай возьмём себе по свиноматке. Кто откуда знает, сколько у нас здесь было живого веса, и никто теперь не сможет перевесить.

– Нет, – ответил Дмитрий Петрович, – это же государственное имущество, нельзя заниматься расхитительством.

– Подумаешь, какой идейный, – возмутился бригадир. – Сначала о себе надо думать и о своей семье. Война идёт, немцы близко. Чем ты детей своих кормить будешь?

Но Дмитрий Петрович настоял на своём.

Прошли два или три дня, и Дмитрий Петрович говорит жене:

– Накрывай помаленьку на стол, а я только дойду посмотрю, как идёт засолка, и сразу вернусь, обедать будем.

Он ушёл, но защемило что-то на душе у маленькой доченьки, побежала вслед за отцом. Немного не добежала. На её глазах произошла эта ужасная картина.

– Там их было одиннадцать мужиков, – рассказывает Антонина Дмитриевна. – И сзади подошёл к отцу бригадир. В руке у него был нож, каким поросят резали. И он воткнул его в шею моему отцу. Отец упал. Сколько же было крови! Я всё это сама видела, – немного помолчав, добавила рассказчица.

Похоронили Дмитрия Петровича на сельском кладбище. Но тут не до разборок было, кто в чём виноват. Станцию Полунино фашисты бомбили непрерывно. Остаться одним, к тому же в такой атмосфере и с двумя детьми (брат моложе Тони на два года) было опасно. И решила мать уехать в Богородицк к своему отцу.

А бригадир, который убил Дмитрия Петровича, сразу куда-то уехал. Но его нашли, дали срок, послали со штрафным батальоном на фронт. Он был ранен, из госпиталя убежал и спрятался в скирды. Опять нашли и как дезертира приговорили к расстрелу. Приговор привели в исполнение.

Далее следует рассказ самой Антонины Дмитриевны Теремецкой

Дедушка Алексей был кладбищенским сторожем, или, как сейчас называют, хранителем храма. У него находились и ключи от Успенского собора. И он где-то спрятал много старинных икон, а когда в 1945 году опять разрешили открыть церковь для прихожан, он вернул всё до одной иконы. Дедушка был верующий и меня учил, а иногда и заставлял молиться, а я убегала и играла на лугу с ребятами.

Жили дедушка с бабушкой на том месте, где сейчас церковно-приходская школа. Улица называлась Базарная, и стояли там два одноэтажных двухквартирных дома. У дедушки была корова, которую он сумел сберечь даже при фашистах.

Мы приехали в октябре. Город Богородицк немцы уже бомбили и постоянно обстреливали и бомбили железную дорогу, но её восстанавливали очень быстро. У нас сначала было тихо. Но однажды, когда мы сидели обедали, вдруг налетели самолёты и сбросили недалеко от наших домов небольшую бомбу, и соседу осколком ранило руку.

Вокруг нас тогда был пустырь, ни одного дома до станции Жданка и в другую сторону, до так называемого Колхозного сада. Поэтому мы видели, как упали одновременно две крупнокалиберные бомбы, и мы очень боялись.

– Огромные воронки образовались на лугу недалеко от железной дороги, и их долго не засыпали, – добавил Александр Сергеевич.

Потом вся железная дорога была сплошь кругом забита поездами, и всякое движение прекратилось. А вскоре мы увидели, как немцы шли гуськом из города к элеватору.

У нас немцы не стояли, они боялись, что на кладбище и в склепах могут жить партизаны. Но один раз к нам зашли двое: немец и финн. Они сначала ловили кур. Потом немец, простой деревенский мужик, подошёл к матери, погладил её по голове и на ломаном русском языке заговорил:

«Зачем косы носишь? Не надо. Я не хочу убивать, война не хочу, дом, жена, двое детей».

И дал матери тридцать рублей.

Когда стояли в городе немцы, в нашей стороне иногда случались перестрелки. А кто стрелял, солдаты или партизаны, – я не знаю. Мы залезали прятаться в склеп. Находился он напротив кладбища с южной стороны. В склепе стоял один гроб, а кто был похоронен, дед не знал. Также стоял стол, а на нём керосиновая лампа.

Помню, один раз к нам спустился по каменным порожкам немец, выгнал нас из склепа и сказал:

«Один снаряд попадёт, вас засыплет, вы погибнете».

Но мы его не послушались и полезли опять. Он посмотрел, а потом махнул рукой и сказал:

«Ну и чёрт с вами», – и ушёл.

Перед отступлением немцев мать посадила меня с братом на салазки, и все отправились в Новопокровку. Нас приютили, но в избе было уже очень много городских. Дети все сидели на печке, а взрослые стояли внизу и даже спали стоя. А за окном слышалась перестрелка. Немцы не ожидали прихода русских.

Дедушка с нами не пошёл. Он взял корову и спрятался с ней в Успенской церкви. Очень боялся, что корова издаст какой-нибудь звук, а вокруг храма бормотали фашисты. И если бы они слышали, то и корову отобрали бы, и её хозяина застрелили бы. Но животное оказалось умное и за всё время освобождения города не издало ни звука.

Сейчас хочу сделать отступление. Читала в нашей районной газете, а мне сказали, что и по местному телевидению передавали, будто Успенский храм немцы превратили в конюшню. Не понимаю, кто и зачем придумал это. Немцы около нас вообще не стояли. А ключи от церкви были только у моего дедушки. И я сама всё помню, и Саша Теремецкий подтверждает это. Мы можем и ещё найти очевидцев.

– Да, не было в церкви лошадей, – заверил Александр Сергеевич, – уж мы-то, мальчишки, всегда везде облазаем, и всё видим и знаем.

Когда мы вернулись в Богородицк после его освобождения, то увидели, что наш дом сгорел, а соседний цел. А получилось это так. Через стенку от нас жил Анчуткин. Он водил поросят, а у немцев служил комендантом. Несколько поросят немцы зарезали. А когда при отступлении пришли за остальными, то не увидели ни хозяина, ни поросят. Со злости подожгли дом, сгорела и наша половина.

Где нам жить? Когда мы шли из Новопокровки, мороз был сорок один градус. Даже снег казался голубым.

В том месте, где сейчас пассажирское автотранспортное предприятие, была глубокая землянка, и дедушка повёл нас туда. Но землянка оказалась битком набита трупами немцев, рядом были и трупы наших солдат, но наших больше встречалось на кладбище. Потом немцев увезли и похоронили, где шахтёрские сады, а наших – часть на кладбище, а часть в горсаду, и ещё где-то.

Мы стали жить в землянке. Дедушка нашел «буржуйку», но всё равно было холодно: утром приходилось волосы оттирать от стены. И в этой землянке мы прожили несколько лет, довольно долго. Потом построили дом в том месте, где сейчас церковно-приходская школа, пол застелили полыньёю, чтобы не кусали блохи, а мебели никакой не было.

Что я помню из детства? Ярче всего запомнилось то, что почти каждый день хоронили кого-то на кладбище. Но чаще всего мальчишек. Всюду были разбросаны снаряды и мины, мальчишки их вскрывали и погибали от взрывов. В нашей семье тоже было много горя. Один мой дядя погиб на фронте. А другой, мамин младший брат Виктор, дедушкин любимец, играя летом 1942 года с ребятами, нашёл снаряд. Мальчишки разожгли на лугу костёр и бросили в него этот снаряд. Но костёр уже догорел, а снаряд так и не разорвался. Тогда мальчик нагнулся, чтобы раздуть тлеющие угольки, но тут произошёл взрыв, и тело пятнадцатилетнего моего дяди разнесло на куски.

Мальчишки испугались, что их будут ругать, и куски тела Виктора засыпали землёй. Дедушка искал его, спрашивал, но ребята молчали. На следующий день нашли собаки.

Дедушка с горя заболел и в 1943 году умер.

Сторожем храма и кладбища стала бабушка. Но она тоже прожила недолго. И эта должность перешла к моей матери.

Ещё когда храм не был открыт для верующих, мы, ребята, в нём играли. Однажды с подругами мы играли в кукол. А какие там были куклы? Самодельные, тряпочные. Мы сидели на порожках на амвоне, около алтаря. А может быть, и в самом алтаре, точно не могу сказать. Вдруг в храме раздался громкий детский плач. Мы испугались, схватили кукол и убежали. Что это было, так до сих пор не знаю. Взрослые сказали, что это мог быть филин. Но я потом филина слышала – нет, он не так кричит, а это был ребёнок. И в церкви мы с тех пор больше никогда не играли.

А на лугу играли с ребятами в лапту, и в русскую, и в круговую. Ещё лазили по каменной винтовой лестнице на самую «верхотуру». Хотя и страшно было вниз смотреть с колокольни, но интересно. Вокруг Жданки много землянок. Ближе – большой луг, а потом от самого верха (улица Урицкого. В.В.) и до низины (базара) – Колхозный сад. А между домом Косовых и домом Теремецких – большой старый дуб, он и сейчас там один сохранился. И поезда видно далеко, они так стучали, что дома пол под кроватью трясся.

И ещё помню такой случай, как на кладбище шли трое: впереди солдат, шинель нараспашку, а руки сзади связаны верёвкой, а за ним двое, тоже наших, с пистолетами. А потом раздалось на кладбище два выстрела. Когда двое ушли, мы побежали смотреть. Тело третьего было закопано плохо, из земли торчал кусок шинели. Солдаты сказали, что это был дезертир, и попросили его получше закопать.

Училась я сначала в Янтиковской школе, потом в семилетней № 2, где сейчас пенсионный фонд. Там две классных комнаты были отданы под музыкальную школу. Нас учил Курченков Роман Степанович. И не только играть на пианино и петь, но внушил нам любовь к классической музыке. Мы выступали перед населением. А в старших классах я училась в школе № 1. И мы ставили пьесы, выступали в ДК «Горняк» перед богородчанами, зал был всегда переполнен.

И, говоря про войну, не могу умолчать об этом. Я работала в нашем сельскохозяйственном техникуме. Завучем был Пётр Михайлович Опарин, участник трёх войн: Первой мировой, финской и Великой Отечественной. В конце пятидесятых годов, или начале шестидесятых, на территории техникума в том месте, где потом был свинарник, студенты рыли землю для фундамента под кухню и обнаружили склад немецких боеприпасов. Ребят сразу выдворили. И Пётр Михайлович заставил меня носить снаряды голыми руками и складывать их в подвал учебного корпуса. И сам тоже носил. Но потом оцепили флажками этот склад. Снаряды были величиной примерно по 40 см, в форме ракет и блестящие, хотя и лежали в земле.

На второй день учебные занятия проходили на «пороховой бочке». Минёры приехали дня через три, собрали все снаряды и взорвали их за Большим мостом на Упёртовском лугу.

Вот, кажется, всё, что я помню.

– Я хочу немного добавить, – сказал Александр Сергеевич. – Что лошадей в церкви не было – это абсолютно точно. И перед приходом немцев вырыли очень глубокий ров за станцией ближе к лесу. А в 1942 году его дотянули почти до Большого моста. Это был противотанковый ров, но танки фашистов пошли в обход перед Курской битвой. А на улице Луначарского, за мостом, около дома Беляевых был большой дот, а также много дотов было в лесу. Но это больше после немцев. А перед приходом немцев через город гнали огромное стадо коров, так много, целая туча, эвакуировали в сторону Рязани. А если что еще вспомним, мы позвоним.

ПОТЕРЯЛИ

*Безграничное снежное поле,
Ходит ветер, позёмкой пыля, –
Это русское наше раздолье,
Это вольная наша земля.*
Николай Тихонов

Эпизод из детства своей мамы мне рассказал житель Гончарной улицы города Богородицка, слесарь по ремонту оборудования **Сергей Иванович Назаренко**.

Мама родом из деревни Жданка. Её маму, мою бабушку, звали Мария.

Когда началась война, дедушку, мамино папу, взяли на фронт, а Мария осталась одна с пятью детьми, старшему из которых было семь лет, а моей маме пять лет

И вот в деревню пришли фашисты. И начались бесчинства. Большинство жителей фашисты выгоняли из домов в бани, в сарай. Были случаи, когда расстреливали и мучили наших. Некоторые фашисты разговаривали по-русски.

Накануне прихода советских войск кто-то из своих или немцев предупредил жителей, что будут жечь дома. А если кто окажет сопротивление или попытается тушить дом, то его расстреляют. И всех оставшихся тоже будут расстреливать.

И жители стали оставлять дома и подались в село Товарково. Мать посадила своих детей в корыто и потащила по снегу.

А ночь была тёмная, и мороз градусов под тридцать, если не больше. Шли через поле с соседями группой. Прошли уже порядочное расстояние, оглянулись назад – а самого маленького-то и нет. И когда только выпал малыш из корыта, никто не знает, не заметил.

Пошли назад по следам. Но как ни темно было, а нашли. Лежит на снегу и спокойно спит. Хорошо, что не так далеко отошли, не успел замёрзнуть.

Пришли в село Товарково уже перед рассветом. А дома' все заняты. И своих ребятшек в каждой семье много, а беженцев ещё больше. Как же быть? Но нашлось у кого-то место в хлеву, вот и разместили детей на соломе вперемежку со скотиной.

А вернулись домой, в Богородицк и деревню Жданка, старшие, увидели, что домов-то нет. Скорее рыть землянки. И только когда начали осваивать Жданковские шахты и строить посёлок, тогда дали квартиру.

Но ничего, мирились с трудностями и не жаловались. Выжили и детей в люди вывели. Моя мать на заводе работала. И остальные: кто техникум закончил, а кто рабочую профессию получил.

НА АВАРИЙНОМ ПОСЁЛКЕ

Неважно, что поймает взгляд

*Всего-то огоньки,
Невыразимо будешь рад,
Что живы земляки.*

Виктор Пахомов, председатель Тульского
отделения Союза писателей России,
уроженец посёлка Товарковский

Посёлок Южный до недавнего времени назывался Аварийный. И это было официальное название. Когда его так стали называть и почему, точно сказать не берусь, но в народе считали, что из-за частых аварий, происходящих на шахтах. Однако, было и другое мнение: на юго-западной окраине города, по направлению к этому поселку, росло много елей (сейчас деревьев осталось мало), и проходить к посёлку надо было «через ёлки». И люди этого боялись, потому что были случаи грабежей и даже насилия.

В конце прошлого века посёлок стали называть «Горняк», а теперь его считают частью города Богородицка с названием микрорайон Южный. Но богородчане его по-прежнему называют Аварийным и к новому названию, наверное, привыкнули не скоро.

Одновременно с открытием новых шахт на посёлке строились и бараки для шахтёров, потому что работали на шахтах по большей части приезжие. Много добровольцев прибыло к нам из Орловской области, других южных областей; оттуда людей гнал на заработки голод.

Так во второй половине тридцатых годов прибыл к нам из деревни Плещеево Николаевского района Орловской области глава многодетного семейства Иван Иванович Демидов, 1900 года рождения. В его семье было двенадцать детей. Прокормить такую ораву в колхозе, где на трудодни давали очень мало зерна и ни копейки денег, конечно, невозможно. И он стал работать крепильщиком под землёй.

А когда на посёлке построили бараки, то в 1939 году сюда приехала и семья Демидовых. Но дети пожелали жить в Богородицке не все: кто-то служил в армии, девушки вышли замуж и жили с мужьями, а кто-то пожалел бросать дом и остался работать в колхозе.

Клавдии Ивановне Аленичевой (тогда еще Клаве Демидовой) было около семи лет, когда началась Великая Отечественная война.

Её отец по-прежнему работал в шахте, поэтому на войну его не взяли.

Тяжелее всех сложилась судьба у старшего брата Петра Ивановича, 1922 года рождения. На фронт его призвали, когда он служил в армии. Сколько времени и где он воевал, Клавдия Ивановна точно сказать не смогла. Но попал к фашистам в плен. Жил в бараке за колючей проволокой и выполнял очень тяжёлые физические работы, а какие именно, рассказывать не любил. Да и вообще, когда ему задавали вопросы про плен, он изменялся в лице, замыкался в себе, а чаще вставал и уходил.

Кто его освободил, тоже точно не знал, но не наши, не русские. И когда он пришёл к своим, чтобы стать на учёт, его назвали предателем Родины, судили военным трибуналом и сослали на Колыму в Магаданскую область. Сначала писал письма относительно часто, а потом за несколько лет не прислал ни одного письма. В семье его считали погибшим. Но он неожиданно появился.

Так война испортила жизнь и судьбу этому брату.

Другой брат, Алексей Иванович, 1924 года рождения, тоже был на фронт, но не с самого начала войны. Он «служил на Катюше» (так сказала Клавдия Ивановна). Понятно, что был в артиллерии, а значит, немного дальше от самого «горячего» места. Дошел до Берлина. Имеет несколько наград.

Но вернёмся в Богородицк. Семья Демидовых жила в бараке в двухкомнатной квартире. Отопление печное, нет ни воды, ни канализации. За водой ходили к колонке, а общий холодный туалет находился во дворе.

И хотя самим было тесновато, но в начале войны на шахты прислали отбывать какой-то срок немцев с Поволжья и двоих поставили на квартиру к Демидовым. Позже к поселенцам приехали жёны, и им дали комнаты в бараках.

Во время оккупации немцы жили и на Аварийном посёлке. Семье Демидовых они оставили проходную комнату, а сами жили в спальне. Здесь у них была и кухня. Хозяев и их детей не обижали и даже, если что у них оставалось из еды, отдавали детям. На улицу детей мать не пускала, и как себя вели фашисты на посёлке, Клавдия Ивановна не знает. Дети целые дни сидели на печке и наблюдали за поведением «непрощенных гостей» дома.

А немцы перед отступлением набили мешки соломой, привязали их к себе сверх шинелей, покрылись женскими платками и какими-то тряпками. Детям очень смешно было смотреть на них, но громко смеяться они боялись: хоть и неплохо к ним немцы относились, но всё-таки они фашисты, и кто знает, что у них на уме.

– К нам утром пятнадцатого декабря приехал на лошади брат отца, – рассказывает Клавдия Ивановна. – Нас «погрузили» на повозку, и мы поехали к дяде на шахту № 64, ближе к Ломовке. А Богородицк весь горел сплошным пламенем. Жутко смотреть было.

Немцы отступали и то и дело заходили в дом к дяде, где собралась теперь большая семья. И просто удивительно, до чего велика эта немецкая жадность. Каждый, кто заходил, с пустыми руками из дома не выходил. Фашисты заглядывали во все углы. Сначала брали, что видели, из еды. Следующие приходили, когда еды уже не оставалось, брали одежду, тряпки, посуду и всё, что только находили.

Многие требовали, чтобы молодые ребята ехали с ними и показывали дорогу. Брат Николай Иванович, 1926 года рождения, был ещё молод, на фронт пока не взяли. И мать его прятала под койку и сама садилась на койку. Немцы его не видели, и он остался жив. Позже он воевал с японцами.

– Потом стали заходить наши солдаты. И мы вернулись домой. Аварийный посёлок фашисты не сожгли, – продолжила свой рассказ Клавдия Ивановна.

Иван Иванович опять стал работать в шахте крепильщиком. Условия работы очень тяжёлые. Планы большие, рабочий день двенадцать часов. Иногда и жена выходила помогать. Были случаи, когда крепление не выдерживало, шахтёров-крепильщиков засыпа'ло, их откапывали.

Перед пенсией, когда по состоянию здоровья уже не мог работать под землёй, работал на поверхности, на водооткачке, на шахте № 67.

Клавдия Ивановна закончила семь классов. Когда ей исполнилось семнадцать лет, брат, который возил начальника, устроил её телефонисткой. И в этой должности она работала всю жизнь, последнее время – на заводе «Ресурс».

– Я и сейчас живу на Аварийном посёлке, – такими словами закончила свой рассказ **Аленичева Клавдия Ивановна**.

«ОЙ, МАМА!»

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...*

Юлия Друнина

Если пойти от школы № 1 по улице Оборонной, перейти по широкому деревянному мосту над рекой Упертой и подняться на холм, то попадёшь в микрорайон Дачный, который до сих пор старые коренные богородчане называют Графской стороной. Но по официальным данным к началу Великой Отечественной войны и после неё это была центральная усадьба «Шахтёрского» совхоза («Богородицкого свеклосовхоза»). И с левой стороны дороги почти до недавнего

времени можно было видеть большой одноэтажный старинный красный кирпичный дом, в котором жили три семьи: Афанасьевых, Барановых-Летуковых и Ивановых.

Хочется немного рассказать о семье Ивановых то, что я услышала от бывшей учительницы Богородицкой средней школы № 3 **Валентины Ивановны Бычковой** (девичья – Иванова), 1940 года рождения.

Семья Ивановых была многодетная. Отец, дедушка Валентины Ивановны, всю жизнь работал конюхом в совхозе, последнее время возил агронома. И было у него шестеро детей. Но к началу войны четвёртого и пятого ребенка не стало. Остались четыре дочери: Надежда Алексеевна – 1919 года рождения, Раиса Алексеевна – 1921-го, Тамара Алексеевна – 1923-го и, тогда совсем еще ребёнок, Нина Алексеевна. (Деревенские, считающие себя культурными, обижаются, когда их родных, даже детей, называют без отчества. В.В.)

Надежда Алексеевна была уже замужем, родила дочку, будущую Валентину Ивановну Бычкову, но все жили вместе.

Когда город оккупировали фашисты, бабушка Валентины Ивановны берегла своих дочек-красавиц: надевала на них старую, рваную тёмную одежду, мазала им личики сажей, не разрешала выходить на улицу, даже за водой к колодцу ходила сама. Но девочки из рассказов взрослых знали о том, что на площади были для устрашения народа повешены два человека. Рассказывали и об издевательствах фашистов над советскими военнопленными, которые находились совсем близко от дома, где жили Ивановы, в здании бывшего сахарного завода, а также о других злодеяниях гитлеровцев.

А однажды немцы приказали всей молодёжи собраться на завтра на площади. Но в квартиру Ивановых вбежали мальчишки и сразу с порога закричали:

– Не ходите! Староста сказал, чтобы никто не ходил, потому что немцы хотят угнать нашу молодёжь в Германию, в плен, чтобы бесплатно работали на них.

И девочки не пошли. И остались целы.

Наши славные советские воины прогнали фашистов, освободили родной Богородицк. Но что эти варвары сделали с нашим городом, во что они его превратили?!.. Одни руины оставили после себя.

Походили две средние девочки, Раиса и Тамара, по городу, насмотрелись на его развалины да и обратились к своей маме:

– Мама, мы же комсомолки. Неужели мы будем терпеть все эти издевательства над нашей страной и над нашими мирными жителями? Отпусти нас на фронт.

Подумала мама: «Всё равно девочек теперь ничем не удержишь. Если не разрешу, то убегут», – и разрешила.

Написали девочки заявления по собственному желанию и пошли в военкомат. Военком подписал сразу.

Девочек послали на учёбу: младшую, Тамару, учиться на телефонистку, а ту, что постарше, Раису, – на зенитчицу.

Тамара Алексеевна Иванова (впоследствии по мужу Дерябина) считает, что ей повезло: хорошо устроилась – всю войну работала в штабе телефонисткой. Ни сильных бомбёжек, ни жутких артобстрелов, можно сказать, и не видела.

Гораздо тяжелее досталось её сестре Раисе. В общем-то, совсем ещё ребёнок, а попала на самую передовую.

Никогда не забывала Раиса Алексеевна Иванова (по мужу Зайцева) эту первую бомбёжку. Зима, мороз. Сиденья-железяки у зенитки ледяные. Кажется, всё понятно, что должна делать наводчица, когда налетят вражеские бомбардировщики. Поблизости другие зенитки, но там девчата уже опытные, как говорится, успели понюхать пороху.

Вдруг тишину нарушил гул вражеских самолётов. Рая, сильно волнуясь, начала всё делать так, как учили на курсах и как это делала на учебных тренировках.

И тут с самолётов посыпались бомбы, раздались страшные взрывы.

– Ой, мама! – закричала в ужасном испуге девушка, отбежала от пушки и кинулась бежать по полю.

Но её быстро догнал уже немолодой командир, оба упали и командир накрыл Раю своим телом.

Самолёты сбросили бомбы и улетели. И тут только Раиса Ивановна опомнилась, посмотрела на командира. Думала, что он сейчас отругает её или устыдит. Но тот улыбнулся и произнес:

– Ничего. Не волнуйся. Привыкнешь.

И привыкла. Дошла с боями до Вислы.

И даже была награждена орденом.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

*«Тяжёлое – забудется,
Хорошее – останется,
Что с Родиною случится,
То и с народом станется», –*

писал поэт Иосиф Уткин в стихотворении «Родина». Поэт погиб на Великой Отечественной войне.

Но только не забывается оно, то тяжёлое, которое пришлось пережить во время войны, а большим камнем лежит на сердце каждого, кто всё это перенёс.

До войны Богородицк был небольшой, население почти одно коренное, поэтому мы почти все знали друг друга, тем более, что наш папа считался самым сильным терапевтом и педиатром, и больные старались лечиться у него.

Знала я и её, а она, соответственно, меня. И вот однажды, когда мы уже состарились, она прочитала обо мне в районной газете, нашла в справочнике мой номер телефона. Часто звонила мне и постепенно рассказала свою историю. Но, к сожалению, я её не записала, потому что тема моей книги, которую я тогда писала, не соответствовала ей. И уже более двух лет, как телефонные звонки прекратились.

Но оказалось, что её воспоминания вкратце записал лет двадцать или больше тому назад кто-то из пионеров средней школы № 1 и эти записи сохранились в школьном музее. Меня с ними познакомила заведующая музеем И.Е. Цильковская. Постараюсь объединить их вместе с тем, что ещё помню из рассказов этой женщины.

Анна Петровна Хомякова родилась в городе Богородицке седьмого ноября 1922 года и гордилась тем, что ей довелось родиться в пятилетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции. И считала, что её предназначение – быть всегда верной делу Ленина–Сталина и продолжать его.

В 1930 году она поступила учиться в первый класс в школу, называемую в народе Пожарной, потому что это здание расположено на улице Пролетарской напротив бывшей «Пожарной охраны». Здание школы при отступлении фашистов от пожара не пострадало, там потом много лет размещались редакция районной газеты и типография (сейчас на том месте, где была пожарная охрана, находится собес).

В этой школе Аня закончила четыре класса и перешла учиться в первую образцовую среднюю школу (сейчас в этом здании дом творчества юных). Окончила её в 1938 году, получив среднее образование.

В городе Богородицке в это время начала складываться из самых ярких энтузиастов комсомольская организация, и Анна Хомякова в 1939 году стала одним из первых членов ВЛКСМ города Богородицка. И хотя оценки в аттестате были хорошие, но дальше учиться не торопилась, а поступила работать в «ЦК профсоюзов

угольщиков» Подмосковного угольного бассейна делопроизводителем (то же, что секретарь). В работу втянулась, во всём старалась быть активной.

Так прошло два года. И вот 22 июня 1941 года. Грозный незабываемый день. Все организации и предприятия начали быстро перестраиваться на военный лад.

В Богородицке при райкоме комсомола была организована санитарная дружина.

– Мы встречали раненых, – рассказывала Анна Петровна, – меняли повязки, отправляли в госпитали. В нашей дружине были только девушки-комсомолки. Мы быстро всему научились.

1 сентября 1941 года Анну Петровну Хомякову и её подругу Марию Алексеевну Безбородову (это старшая сестра бывшего, хорошо известного городу, фельдшера-стоматолога Валентины Алексеевны Васильченко. В.В.) отправили на трудовой фронт. Они рыли окопы вблизи города Сталиногорска (Новомосковска).

Но уже в середине октября их отозвали. Фашисты приближались к Богородицку. Воздушные налёты стали ежедневными. Город готовился встретить фашистов. Создавалась подпольная организация из самых активных и надёжных коммунистов и комсомольцев.

Девушек вызвали в райком партии и предложили им организовать и возглавить комсомольские подпольные ячейки в деревнях. Обе дали свое согласие, и А.П. Хомякову направили в Папоротку, а М.А. Безбородову – в деревню Бегичево.

Но на местах выяснилось, что молодёжи, энтузиастов, в том числе комсомольцев, здесь мало, и девушки смогли до прихода фашистов собрать и подготовить отряды всего из нескольких человек.

Однако и этим отрядам заниматься подпольной работой в период оккупации под носом врага не пришлось, потому что их партийные руководители И.В. Курочкин, И.И. Недосекин, В.И. Навольнев и И.П. Тадонов были схвачены фашистами и повешены в Балахне. А без них у комсомольцев не было никаких связей, а тем более опыта, поэтому действовать самостоятельно молодёжь не решалась.

Девушки хотели обратиться за помощью и дальнейшими указаниями к первому секретарю РК ВКП(б) В.Р. Ребрикову. Но им сказали, что он эвакуировался из Товаркова в неизвестном направлении за три дня до прихода фашистов. А потом подруги узнали, что он вернулся и приступил к работе через три дня после освобождения.

Меня это сообщение заинтересовало, и я спросила у Анны Петровны, кто им такое мог сказать. Она ответила:

– Дедушка, которого мы раньше видели в горкоме партии. И он нас предупредил, чтобы мы не высывались, потому что немцы комсомолок расстреливают или вешают.

Перед оккупацией в городе насчитывалось 70 комсомольцев, которым было выдано на руки 70 комсомольских билетов. После оккупации выяснилось, что сохранились всего три билета. Остальные, как сказали комсомольцы, были тщательно спрятаны и сгорели при пожаре. А может быть, кто-то и струсил и сам сжёг свой билет, только теперь в этом не признался. Это не исключено, ведь фашисты целый месяц бесчинствовали в Богородицком и Товарковском районах (с 15 ноября по 15 декабря 1941 года), поэтому разбираться в ГК не стали, а со временем выдали комсомольцам дубликаты комсомольских билетов.

Освободившись от фашистского ига, район стал восстанавливать шахты. И туда направили молодёжь, в том числе и А.П. Хомякову и М.А. Безбородову.

18 января 1942 года их вызвал в райком партии первый секретарь В.Р. Ребриков. В кабинете сидел и комиссар Тимофеев. Девушкам предложили идти на фронт. Они приняли присягу и по рекомендации Ребрикова были направлены в воинскую часть № 3055. Там готовили призывников на радистов и парашютистов.

Обучившись и потренировавшись два месяца, Аня стала парашютисткой, а Маша – радисткой.

– Страшно было прыгнуть только первый раз, – призналась А.П. Хомякова, – а потом мне это даже понравилось.

В мае 1942 года Анну Петровну вызвали в штаб воинской части № 3055. Там её познакомили с резидентом (фамилию Анна Петровна забыла) и радисткой Орловой.

«Вам троим придётся работать в тылу у врага в Орловской области, – сказал командир. – Вы будете спущены ночью с парашютами. Работа очень важная и нужная нашей армии. И не скрою, что очень опасная. Поэтому будьте предельно осторожны. Но мы на вас надеемся. Инструктаж и дальнейшие указания получите перед самым вылетом».

– Признаюсь честно, – сказала мне Хомякова, – сердце заколотилось очень сильно. Вот оно начинается, самое настоящее. Мне, двадцатилетней девчонке, доверяют такое ответственное дело. Справляюсь или нет? Конечно, должна справиться. Ведь я же комсомолка! И родилась в день победы революции, значит, и я должна победить.

Такие мысли непрестанно роились в голове у нашей землячки. Перед вылетом подпольщикам посоветовали хорошо поесть и выспаться, но есть Ане не хотелось, а легла – так и не уснула.

Все трое должны были опуститься в один из районов Орловской области, но на определённом расстоянии друг от друга. Затем идти в село Барыковка, но девушкам на одну явочную квартиру, а резиденту на другую. Но предварительно собраться всем вместе на поле.

Ночь была довольно тёмная. Только что родившийся месяц едва просматривался тоненькой ниточкой. И вокруг так тихо, что Хомяковой показалось, будто она слышит удары собственного сердца.

Аня поняла, что она опустилась километра на два дальше от участка, где должны были приземлиться радистка и резидент, и примерно на столько же дальше от места встречи на поле. И она направилась к назначенному месту их встречи. Но там никого не оказалось. Аня решила подождать.

Едва заметно начинало светлеть, и Аня поспешила на явочную квартиру. Дядя Гриша (это было подпольное имя руководителя ячейки) встретил её радушно и сказал, что она пришла первая, а Орловой ещё нет.

Утром пришел сын дяди Гриши и рассказал следующее. Ребятишки из соседней деревни увидели в овраге незнакомого мужчину. Не понимая, кто он, и не зная, как в таком случае поступить, они побежали в деревню и по своей наивности рассказали об этом старосте и полицаю, а те сообщили немцам. И все вместе пошли к оврагу. Там они, действительно, увидели мужчину. Это был резидент.

Фашисты хотели взять мужчину живым, но он начал отстреливаться и уничтожил радиостанцию, больше ничего сделать не смог. Его схватили и притащили в деревню.

На допросе (как потом рассказывали местные жители) он сначала молчал. А когда его начали бить, сказал: «Со мной были две девушки. Одну, радистку, я застрелил, а вторая девушка ушла в неизвестном направлении».

Дядя Гриша достал карту Орловской области, на которой были отмечены явочные квартиры, и понял, в какой это произошло деревне и где там проживает агент. Хомякова решила пойти туда и узнать, правильные ли эти сведения. И на месте подтвердилось всё то, что рассказал сын дяди Гриши. Резидента немцы отправили в другой район. Его дальнейшая судьба Хомяковой не известна.

Анна Петровна вернулась на явочную квартиру и два дня ждала Орлову, но радистка так и не пришла. Оставлять Хомякову ещё дольше, такую неопытную и без радиостанции, хотя и очень самостоятельную и решительную, дядя Гриша, по-видимому, не рискнул, чтобы не провалить всю организацию. А Хомякова и сама

захотела перейти линию фронта и вернуться в свою часть, которая находилась в это время в Брянске.

Путь лежал через город Карачев Брянской области. Там ей сказали, что в городе облава. Помогла женщина из группы подпольщиков – сумела достать ей пропуск. И с большим трудом, но до Брянска Хомякова всё же дошла.

Однако её воинской части в Брянске уже не оказалось. Город захватили фашисты. А вокруг в лесах, да и в самом городе, было много партизан. Немцы проводили облаву, схватили и Хомякову. Обыскали её, нашли пропуск, а в пропуске написано, что она из деревни Комаровки. Тогда фашисты посадили её в машину и отправили в Комаровку.

– Я так боялась, – рассказывала мне Анна Петровна. – Ведь в деревне меня совсем не знают и скажут, что я чужая. Но никто не выдал, признали своей. И фашисты меня отпустили.

«Что мне делать? Как поступить дальше? Я же солдат Красной Армии. Остаться в тылу – значит, быть дезертиром. Идти к партизанам, но где они, и поверят ли, что я своя, а не подосланная немцами. А переходить линию фронта без чьей-либо помощи опасно».

Так думала Хомякова и решилась всё же на последнее. Но где находятся сейчас советские войска, она не знала, а только догадывалась по своему соображению. И Анна Петровна сначала дошла до посёлка Берёзовка, перешла по мосту через реку Неруч и направилась к железнодорожному полустанку с названием Ворошино (в названии полустанка я не уверена. В.В.). И уже приближалась к линии фронта, но была схвачена фашистами.

Фашисты бросили её в подвал. А через час пришли за ней и отправили на железнодорожную станцию (название не помнит) на допрос.

В накуренном помещении сидели немецкий генерал, комендант, восемь офицеров и немецкий переводчик. Всё это Анна Петровна разглядела чуть позже, а сначала у неё даже немного закружилась голова от табачного дыма. Она и сама прежде пробовала курить, но привыкнуть ещё не успела.

Хомякову обыскали, но не били. Долго расспрашивали, кто она, откуда и куда идёт. И она всё время рассказывала сочинённую ею самой легенду, что она уроженка Ельца по фамилии Баженова, окончила восемь классов, родителей нет, воспитывалась у деда с бабушкой, на каникулы поехала в гости в город Ржев Калининской области. Но Ржев заняли немцы, и она решила идти домой.

Поверили ей или нет, сказать трудно, но больше не допрашивали. А утром её и одного нашего военнопленного отправили под стражей в Орёл. Привезли в «Орловку» (так местные жители и даже в отдалённых местах называли орловскую тюрьму. В.В.). Военнопленному учинили допрос, а Хомякову бросили в камеру-одиночку № 39, где она просидела месяц.

Оттуда её повезли в гестапо на допрос. Допрос длился двое суток. Хомякову били палками, плётками. Она теряла сознание, её обливали холодной водой и снова били и били, и опять допрашивали. Обзывали нецензурными словами, страшно издевались. Говорили, что она русская разведчица, хотела перейти линию фронта, но это ей не удалось, так как её задержали. Но А.П. Хомякова неизменно повторяла свою легенду, и фашисты не смогли от неё ничего добиться.

Из гестапо её, измученную, голодную и полуживую, привезли назад в тюрьму, только в камеру № 41, предназначенную для смертников, то есть людей, приговорённых к расстрелу.

– Трудно обычному человеку представить то состояние, в котором я провела эту ночь, – рассказывала Анна Петровна. – Ни родных, ни знакомых, лишь слышна чужая речь. «И никто не узнает, где могила моя», – почему-то пришли на ум слова старой русской песни. И мне стало жалко себя и захотелось плакать. «Но нет, я же комсомолка, я и смерть должна принять мужественно!» – теперь решила я. И начала вспоминать своё детство. Вспомнила бабушку, как она меня учила молитве «Отче

наш». «Молитва! Помню ли я её?» – вдруг словно кто-то легонько стукнул меня по голове. «Ну, нет! Не надо вспоминать, ведь комсомольцы должны быть атеистами». Но всё же невольно, сначала как бы машинально, а потом всё более и более сознательно начала повторять про себя слова этой молитвы. На душе стало спокойно, и я уснула.

Утром за ней не пришли, на второй день тоже. И поесть немного приносили. Хомякова терялась в догадках. На третий день, в одиннадцать часов, за ней пришёл немец-конвоир, но привел её не на место казни, а на биржу труда. Почему её не расстреляли и не повесили, она так и не поняла.

На бирже находилась русская молодёжь из Брянской и Орловской областей. Всех посадили в закрытые вагоны и повезли в Германию. Но через четверо суток привезли в небольшой польский городок и отправили в лагерь. Там их поделили на две группы: одну отправили дальше, в Германию, а другую, в которой была и Хомякова, оставили в Неклейнбурге в лагере до нового, 1943 года.

Среди пленных начались болезни: тиф, чесотка. От грязи, голода и болезней люди умирали сотнями.

В январе 1943 года приехали немцы и отобрали из заключенных наиболее крепких для работы в Северной Норвегии на рыбоперерабатывающих фабриках. Взяли и Хомякову.

Здесь условия были ещё хуже, но попытка к бегству оказалась невозможной. Лагерь был плотно обнесён сеткой из колючей проволоки, сторожили немцы и немецкие овчарки. В лагере насчитывалось 250 человек, и только девушек, голодных, в старой рваной одежде. Но долго их там не стали держать, а снова посадили в вагоны и куда-то повезли. Видно, Норвегии такие работницы «не приглянулись».

Девушки оказались в Дании. Их заключили в тюрьму. В один из первых дней им передали записку от коммунистов Дании. Записка была написана на немецком языке.

– Коммунисты у нас спрашивали, – говорила мне Хомякова, – кто мы, откуда нас привезли немцы и есть ли среди нас коммунисты и комсомольцы. Мы сначала хотели ответить откровенно, а потом решили, что это, может быть, не коммунисты, а провокация, и попросили их помочь нам в организации побега. Но они отказались.

Мысль о побеге не оставляла девушек. И Хомякова возглавила группу из двадцати двух человек. Им удалось добежать до города Аргус. Но немцы быстро узнали об этом, сделали облаву, девушек поймали и посадили в холодные камеры-одиночки. Четверо суток беглянкам не давали есть. А на пятые сутки их вновь посадили в вагоны и довезли до столицы Норвегии, города Осло. Сто девушек оставили в Осло, а остальных сто пятьдесят, в том числе и Хомякову, привезли в город Гаммерфест. В городе уже находилось около двухсот русских девушек, и они успели сдружиться с местными коммунистами, переписывались с ними. Но и здесь в организации побега коммунисты девушкам отказали.

Хомякова находилась несколько на особом положении (об этом станет понятно ниже), и хотя лагерь охранялся, но вечерами ей разрешали выходить за ограду. На чердаке одного дома она слушала подпольное радио, а когда возвращалась, рассказывала подругам о продвижении советских войск на фронтах.

Однажды в лагерь пришли русские мужчины, которые предали свою Родину и перешли на сторону фашистов. Они пытались доказать преимущества немецкой армии, убеждали девушек перейти в неё и предложили сказать своё решение по этому вопросу.

Встала Хомякова и сказала: «Мы, русские девушки, никогда не согласимся вступить в эту армию. Мы помним, как жили у себя на Родине, в Советском Союзе. А здесь немцы издеваются над нами».

Так предателям не удалось перетянуть ни одну девушку на сторону фашистов.

В это время в Германии начался голод, и девушек заставляли ловить рыбу, запаковывать в ящики и отправлять в Германию. Часто вместе с рыбой попадали морские крысы, девушки тоже запаковывали их.

Однажды собрали всех работниц и стали спрашивать, почему они плохо работают. Девушки зашумели, перебивая друг друга. Тогда попросили выступить одну. Наступила тишина, девушки испугались последствий, переглядывались, но говорить не решались. Встала опять Хомякова и сказала: «Мы, такие голодные, рваные, измученные и обессиленные, не можем хорошо работать». Обозлённые её откровенной дерзостью немцы решили заточить Анну Петровну в тюрьму, но у двери камеры вдруг увидели, что она беременна. Хомякова пошла на это, чтобы слушать по радио подпольно сводки «Советского информбюро» и вдохновлять девушек. И её оставили на фабрике. Ребёнок родился недоношенный, и ей сказали, что он умер. Всего на фабрике Хомякова пробыла один год и семь месяцев.

1945-ый год. Советские войска перешли на чужие территории. У фашистов начались волнения, они стали группами эвакуироваться, а пленниц отправлять в горы. Но Хомякова туда не попала. Её привезли в город Бодо и послали работать на консервную фабрику. Она оказалась оторванной от жизни и не знала, что происходит на фронтах, а также об открытии второго фронта.

И 9 мая 1945 года не услышала она, что взят Берлин и война окончена, что наша героическая Красная Армия победила.

Город Бодо освобождали американцы и англичане. А потом приехал русский посол, и всех пленных посадили на пароход. Хомякова просила, чтобы её отправили в ту часть, в которой она служила, но ей сказали, что эта часть сейчас в Германии, а туда ей нельзя. И её отправили на Родину, в город Богородицк.

Родителей своих Анна Петровна в Богородицке не нашла и отправилась к Безбородовым. И там она узнала страшную новость, которая заставила её долго плакать: при выполнении очередного задания, где-то под Тулой, Мария Алексеевна Безбородова попала в лапы фашистов, и фашисты её повесили.

И под конец хочу добавить от себя, что Анна Петровна Хомякова заканчивала свою жизнь в одиночестве в доме № 111 по улице Комсомольской. Она стала очень верующая и поняла, почему её фашисты не расстреляли тогда, в «Орловке», – помогла молитва. Так как в храм ходить уже не могла, то вставала рано по будильнику, включала телевизионный канал «Союз» и подолгу молилась.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Встреча поколений

Этот снимок сделан 19 декабря 1981 года в актовом зале Богородицкой средней школы № 1.

В школе праздник – «Встреча поколений». Зал переполнен: ученики, учителя, немного родителей. Посадочных мест всем не хватило – по бокам подставные стулья.

На сцене мы: те, кто окончил школу (тогда в Богородицке единственную среднюю) в 1941 году и воевал на фронтах Великой Отечественной войны, и те, кто в 1941-ом только поступил в первый класс этой школы и закончил её в 1951 году, а также учителя. От каждой группы по три человека. На фото девять человек. В настоящее время, когда я издаю этот альманах, в живых осталось всего двое: Лев Сергеевич Шершов и я. Коротко расскажу о каждом на этой фотографии.

Сидят:

Слева первая – Валентина Степановна Лунёва (бывшая Воробьёва), выпускница 1951 года. Это одна из самых моих близких школьных подруг, с ней я сидела на одной парте в девятом классе. К занятиям она относилась очень добросовестно,

школу закончила без троек. Получила сначала среднее специальное, а потом заочно высшее педагогическое образование, работала в школах района учителем русского языка и литературы и некоторое время – корректором районной газеты «Ленинская правда». Из выпускников нашего класса (38 человек) первая создала семью. Войну и фашистскую оккупацию пережила в Богородицке и об этом неоднократно рассказывала, но только в своём классе, где она была классным руководителем.

Рядом с ней сижу я, Введенская Варвара Георгиевна, автор данного альманаха. О своём военном детстве и школьных годах я подробно рассказала в первой книге этой своей трилогии «Богородицкие были».

Далее сидят выпускники нашей школы 1941 года – ветераны войны.

Лев Сергеевич Шершов сейчас единственный живой из выпускников двух больших параллельных классов того поколения. Другой раз с ним я сидела за одним столом в этом же зале 27 апреля 2014 года, когда наша школа отмечала свой 95-летний юбилей. При этих встречах и в наших телефонных разговорах он сообщал разные моменты своей военной биографии. Я постаралась сложить вместе отрывки его воспоминаний, публикую их ниже.

Сусанова (бывшая Санкина) Анна Никифоровна свои воспоминания в рукописях, а также вырезки из газет с её воспоминаниями подарила музею «Отечество» при ДД(Ю)Т и музею Богородицкой средней школы № 1, носящему имя его создателя С.П. Белецкого. Как же ценны для нас эти воспоминания, особенно рукописи! Человека уже нет, но память о нём будет жить веками. Часть этой памяти в рукописях мне подарили (конечно, копии) заведующие этими музеями Ольга Андреевна Кунаева и Ирина Евгеньевна Цильковская. Публикую ниже.

Последняя за столом сидит Крапивина (бывшая Митяева) Анна Трофимовна, тоже ветеран Великой Отечественной войны. На фотографии она выглядит вроде бы бодро, но в действительности война напоминает о себе её телу каждую минуту. Анна Трофимовна умерла вскоре после этой встречи, не успев оставить свои рукописи.

Стоят:

Между Валей Воробьевой и мной стоит наш одноклассник Толик (Анатолий Сергеевич Амбулов). С ним я сидела на первой парте в среднем ряду весь год в десятом классе. Учился он очень старательно, во всём отличался большой аккуратностью, окончил школу с серебряной медалью. Стал инженером, закончив Механический институт в городе Коврове Владимирской области. Войну вспоминать не мог, сразу нервничал и ничего не рассказывал. Судьба нас снова свела вместе – преподавали в Богородицком совхозе-техникуме (сейчас колледж им. И.А. Стебута): он вёл черчение, а я биохимию.

Рядом с А.С. Амбуловым стоит Юрий Васильевич Яковенко – заместитель директора по воспитательной работе. Помню, я работала в Кобылинской восьмилетней школе. Было по 2–3 параллельных класса. Школа размещалась в трёх отдельных небольших зданиях, а занятия двухсменные. Школьниками было уже первое послевоенное поколение. Детей стало много, поэтому учителей в районе не хватало, учебные нагрузки у всех очень большие. Начинался 1965–1966-ой учебный год. К нам прислали молодого, сразу со студенческой скамьи, учителя истории, а я работала завучем. И хотя своя нагрузка была 37 учебных часов (больше двух ставок), но всё же несколько деловых подсказок по методике ведения урока Юрий Васильевич от меня получил и был благодарен.

Следующий на фотографии (второй справа) – завуч школы Сергей Павлович Белецкий. В нашу школу он пришёл 1 сентября 1948 года (я начинала учиться в восьмом классе) и возглавлял школу как директор. На следующий год стал нашим классным руководителем, а потом до конца своей жизни был бессменным завучем школы. Когда мы его увидели впервые, на нём был военный китель с двумя рядами орденских планок. Сергей Павлович прошёл всю войну, был ранен и, когда пришёл в школу, ещё значительно хромотал. Но про войну рассказывать не любил. Даже нам,

своему классу, односложно отвечал на вопросы. Всё же свои воспоминания, хоть и скуповатые, школе оставил (привожу их ниже). А мои воспоминания о нём, подробные и тёплые, я оставила в своей книге «Богородицкие были».

И последний (первый справа) стоит военрук школы, преподаватель ОБЖ (основы безопасности жизни) Сергей Андреевич Кириллов. Он относительно молодой, войну не видел. Учил моего сына. И сын, и другие ребята говорили, что Сергей Андреевич добрый, любит ребят, и ребята его любят. Но из жизни ушёл рано.

Выпускник первой средней

*Мы будем жить,
когда придёт победа,
Всю нашу жизнь по-новому ценя.*
Расул Газматов «Памятный день»

Лев Сергеевич Шершов до войны жил в Сельце Богородицком, дом № 28. Так раньше называлась улица Спортивная. Ни стадиона, ни больницы, ни асфальтированной дороги тогда не было. Большой старинный деревянный дом, доставшийся ещё от прабабушки, находился как раз напротив того места, где потом построили больницу.

Два старших брата, Лёва, сестра и младший брат, а также родители составляли дружную любящую семью. И ещё до войны примерно в течение шести лет жил у них священник Павел Никитович Вознесенский.

Когда мальчишки учились в старших классах, военрук предложил им поступить учиться в артиллерийское училище. Старшие братья, Анатолий и Владимир, согласились, а Лёва отказался. Он мечтал стать агрономом. Забегая вперед, скажу, что братья погибли уже в первые дни войны. А младший, Александр, когда подрос, поступил в Тульское Артиллерийское командное училище.

На празднике 95-летия первой средней школы Лев Сергеевич Шершов рассказал про свой выпускной вечер, который был 20 июня 1941 года:

– Родители решили нам сделать его оригинальным, какого ещё никогда раньше не было. Напекли очень вкусных пирожков, были также мороженое и чай. Танцы до утра. Школьный духовой оркестр. И своя самодеятельность. Самыми активными участниками театра были учителя: Алексей Павлович Бурцев и Юрий Владимирович Егоров. Был в школе и струнный оркестр, которым руководил Алексей Павлович Алабин, а также фотокружок.

Несколько позже, в беседе со мной, Лев Сергеевич продолжил свои воспоминания о выпускном вечере:

– В эту ночь никто не думал, что скоро придётся расставаться со многими одноклассниками навсегда. Я, правда, слышал что-то от своего дяди, который служил в Главном штабе в Москве. Он говорил, что немцы собираются завоевать всю Европу, а в первую очередь, покорить Англию и Францию, бросили туда все силы, в том числе танки через пролив Ламанш. И рядом с нашей границей сосредоточили большие войска. Но в нашем Главке не думали, что немцы могут напасть и на нас.

И вот война. Большинство одноклассников Шершова уже в первые дни войны ушли на фронт, многие добровольцами. Но Лёва был маленький, щуплый, и его не взяли.

Он стал работать в совхозе. И хотя, по сводкам Информбюро, немцы были близко, но в совхозе продолжали разбивать всё новые участки под сад и сажать плодовые деревья. Лёве приходилось вставать утром рано и весь день носить теодолит. Руководил работой старший агроном совхоза Рафаил Михайлович Ушаков. И все верили, что наступит мирное время, и этот сад будет приносить радость богородчанам.

А война приближалась к нашему городу. Лев Сергеевич вспоминает, как однажды он шёл домой, а над городом пролетал немецкий бомбардировщик, разворачивался возле парка и пикировал. От самолёта начали отрываться бомбы. Но он летел настолько низко, что бомбы не успевали перевернуться и удариться боеголовкой о землю, поэтому не все взорвались.

Бомбёжки и артобстрелы города стали почти ежедневные.

На Шахтёрском посёлке (Богородицком хуторе) и в Балахне стояли наши части. Они начали отступать отдельными группами. Из Волово сообщили по телефону, что с Тёпло-Огарёвского района в нашу сторону движутся немцы. Закрывались базы, магазины. Народ этим воспользовался, и началась грабировка.

– Мой отец, – вспоминает Лев Сергеевич, – и Бобровников Борис Семёнович, будучи коммунистами, не рискнули оставаться в городе, отправились сначала вместе на машине, а потом разделились. Отец прибыл в Казановку. Но местные жители сказали, что народ поймёт: если чужой, приезжий, значит, коммунист. И найдутся предатели, выдадут, поэтому оставаться опасно. И отец вернулся. А все члены райкома, начиная от первого секретаря, эвакуировались заранее.

Предатели и диверсанты были и в Богородицке. Так, Лев Сергеевич рассказал, что перед самым приходом фашистов убили милиционера, дежурившего ночью на почте, чтобы воспользоваться телеграфом. А в доме, что рядом с ними, жили бабушка с дедушкой. Примерно за месяц до начала войны у них сняла комнату приезжая девица, которая назвала себя машинисткой. У неё и правда была пишущая машинка, и девица регулярно ставила её у открытого окна и что-то печатала. Только создавалось такое впечатление, что она делала вид, что печатает, потому что у неё это получалось как-то неестественно быстро, и казалось, что она только молотит по клавишам. Жила она замкнуто, ни с кем не общалась. Перед самым началом войны к ней приехали двое на мотоциклах. В те времена мотоцикл считался роскошью, в Богородицке их было всего несколько штук. Один мотоцикл они попросили оставить на ночь во дворе у Шершовых, потому что он сломался, а двор у бабушки с дедушкой очень маленький. Сказали, что заберут через день. Но и через два дня никто за мотоциклом не пришёл. А так как время было тревожное, то оставлять у себя такое средство передвижения, неизвестно кому принадлежащее, представляло определённый риск, поэтому отец сдал его начальнику ГАИ Сёмину Николаю Акимовичу. Но и потом за этим мотоциклом так никто и не пришёл. А когда началась война, к девице стал ходить один раненый, с ног до головы обвязанный бинтами. В первый же день оккупации к ней приехали два немецких офицера и забрали её с собой. И больше она в городе не появлялась.

Ещё Лев Сергеевич мне рассказал, что перед самой оккупацией в совхозе был организован Особый отдел, в который входили Абрамов Пётр, Кормилицын и Долматов. Его назначение – выявлять диверсантов и других политических преступников. Самый молодой из них, Кормилицын, предложил организовать партизанский отряд, но ему сказали: «Нас мало, ничего мы не сможем сделать, только людей погубим». И даже назвали его свистуном. И он уехал из Богородицка за три дня до оккупации.

За два дня до оккупации в городе и в совхозе не осталось ни одного нашего солдата. 15 ноября немцы обстреляли город из дальнобойных орудий, но на Графскую сторону снаряды не долетали. Ответного огня с нашей стороны не было.

– К нам вошли сначала немецкие солдаты, – рассказывает Лев Сергеевич. – Они стали везде рыскать и отбирать продукты и тёплые вещи. Взяли запас муки, скотину. Хотели угнать корову, но она была больна ящуром, поэтому оставили.

Солдаты переночевали и на второй день ушли.

– А у нас во всю стену висела «Политическая карта Европейской части СССР», – продолжает свой рассказ Лев Сергеевич. – Мы испугались, что нас за партизан сочтут, и как только солдаты ушли, сразу её сняли. Но пришли другие: эсэсовцы и патрули.

Первое время немцы подолгу не останавливались: на одну-две ночи, после них приходили другие.

– Ещё помню, – отвлёкшись сначала на другое, снова вернулся к воспоминаниям об оккупации Шершов, – что в нашем доме поселились два кавалериста, каждому лет по сорок. Как только вошли в дом, сразу достали комнатные тапочки и переобулись. И это было так необычно, потому что у нас даже никто понятия не имел о сменной обуви (она стала появляться в начале 60-х годов. В.В.). Но потом в этих тапочках кавалеристы даже к лошадям стали выходить.

Примерно недели через две после начала оккупации у Шершовых поселился полковник, а в соседнем доме, у бабушки с дедушкой, – начальник жандармерии.

Приходили и ещё солдаты с целью воровства, но мать Лёвы, завидя в окно, что они приближаются, снимала с вешалки офицерскую фуражку и, держа её в руке, выходила на крыльцо. Солдаты в страхе убегали.

И ещё Лев Сергеевич вспомнил:

– Полковник всё изучал какие-то документы и что-то писал. И раскладывал свои бумаги по всему столу, так что я мог читать их. В школе я неплохо учился по немецкому языку. Но что я и узнавал из его бумаг, рассказывать всё равно было некому, да и не всё мне было понятно.

В самом городе Богородицке и его окрестностях было много случаев злодеяния со стороны фашистов. Но в Сельце Богородицком, если судить со слов Шершова, то, кроме грабежей, было терпимо. Например, Лев Сергеевич рассказал такой эпизод:

– Парень недалеко от нас жил, Вовка Адамов. Такой жулик! Он украл у немцев сигнальный фонарик: красный-синий-зелёный. И нам показывал. Квартирмейстер спрашивал у всех, и у меня спросил, но я сказал, что не знаю.

Да, удивительно, что обошлось. В других местах, как я знаю из уст очевидцев, фашисты за подобные «детские шалости» хватали первых попавшихся и расстреливали или вешали для устрашения остальных.

Но и здесь перед отступлением фашисты зверски казнили братьев Ломакиных, Сергея и Петра, за то, что они хотели спасти от огня свой дом. Но только их дом и два других дома в Сельце гитлеровцы сожгли, а остальные не успели, потому что именно с этой стороны наступали наши освободители под командованием генерала Голикова. И немцам было уже не до поджогов, лишь бы скорее унести свои ноги.

– Полковник, который жил у нас, знал русский язык, – вспоминает Шершов. – И перед отступлением фашистов мы просили его, чтобы наш дом не жгли. И с отцом ушли за Товарково, в Суходол. А когда вернулись после освобождения Богородицка, увидели, что сенцы облиты бензином, а в дом брошена бутылка с зажигательной смесью, но она не разбилась, а только расплескалась, и на стенах вспыхивали маленькие огоньки. Мы скорее начали их выковыривать. И ещё несколько дней, когда жил у нас генерал Голиков, то там то сям вспыхивали огоньки, и даже Голиков их выковыривал.

После освобождения Богородицка от немецко-фашистских оккупантов в город прибыл запасной артиллерийский полк. Солдаты рыли в парке землянки и жили в них. В Собачьем хуторе сохранился старинный двухэтажный красный кирпичный дом, в нём разместилась кухня. Начальник (воинское звание Лев Сергеевич не назвал) Григорий Андронович Чех остановился в доме Шершовых.

Лёве исполнилось восемнадцать лет, возраст призывной. Г.А. Чех предлагал ему начать службу в их артиллерийском полку.

– Жить будешь в землянке, – сказал он, – а по выходным ходить домой. Мы здесь будем стоять год. Потом подашь заявление добровольцем, и я тебя оформлю в нашу часть. Новая мощная пушка пришла, изучишь её. И целый год твоей службы пройдёт не на фронте, а фактически дома.

Но Лев Сергеевич отказался: щупленький был, побоялся, что не справится с этим грозным орудием.

И в армию его призвали в августе 1942 года. Направили на учёбу в школу младших командиров, после которой он начал службу в 20-ой кавалерийской дивизии, входившей в состав второго гвардейского корпуса под командованием легендарного генерала Доватора. Корпус часто совершал рейды по вражеским тылам. Потом изучали новое орудие.

Так прошёл почти год. Летом 1943 года готовилась грандиозная операция на Курско-Орловском направлении. При дивизии был отдельный батальон ПВО (противовоздушная оборона). В этом батальоне Шершов исполнял обязанности командира отделения приборов по управлению зенитным огнем.

В своих воспоминаниях он рассказал мне:

– Более тридцати «юнкерсов» бомбили наши позиции. Это представляло жуткое зрелище. Бомбы сыпались почти непрерывно. Наш расчёт сбил два фашистских самолёта, а ещё один подбил. После этого боя из семи человек нас осталось четверо. И я стал наводчиком. В этот день я получил самое настоящее боевое крещение.

Потом дивизии было дано задание отвлечь фашистов от готовящегося штурма. Незадолго до наступления наших войск кавалерия оказалась в тылу врага, среди непроходимых болот. Немцам пришлось бросить против неё большие силы, и этим они серьёзно ослабили основные позиции.

В одном из жестоких боев А.С. Шершов был тяжело ранен в голову, ногу и плечо.

– Сначала потерял сознание, – вспоминает Лев Сергеевич, – потом туман рассеялся и я понял, что жив. Но не могу шевельнуться от боли. И никого рядом. Целый день пролежал на морозе. Обидно было умирать в двадцать лет. Как и кто меня доставил в госпиталь – не знаю. Слышу, кто-то сказал: «Шевельнулся, значит, жив». Я попросил пить. Мне поднесли ко рту стакан. Я выпил немного, а там оказалась водка. Но врач заставил пить до конца. У меня всё в голове затуманилось, и опять ничего не помню.

Лечился Шершов в госпитале в городе Владимире.

– Одиннадцать ранений оказалось. В моём теле двадцати сантиметров рядом нет, не тронутых осколком снаряда или пулей. Лечился долго. А когда уже научился ходить на костылях, в госпиталь пришло письмо от Чеха. Он писал, что их полк стоял в Богородицке до поздней осени. А потом только сделали пару залпов по Кёнигсбергу, и на этом их война закончилась.

Но для Льва Сергеевича Шершова она не закончилась. Уже в Богородицке очередную операцию ему сделала врач Покатова Елена Сергеевна, извлекла из тела осколок с фасолину.

– Четыре литра чужой крови во мне, – говорит Лев Сергеевич.

А последняя операция была совсем недавно – 14 ноября 2014 года, вынули осколок, который мучил ветерана с самой войны.

Орден Славы III степени и медали украшают грудь Льва Сергеевича Шершова, но ранения, эти отголоски войны, тревожат его постоянно.

Школьные годы

*Школьные годы чудесные,
С книгою, с дружбою, с песнею.
Как они быстро летят,
Их не веротишь назад.
Разве они пролетят без следа?
Нет, не забудет никто никогда
Школьные годы!*

Когда я вспоминаю о школе, то испытываю внутреннюю дрожь. Ведь с окончанием школы окончилась и юность наша.

В те годы наша школа была гордостью города – образцовая средняя школа № 1.

Сегодня вечер в нашей школе – в просторном зале гремит музыка. Только у нас был свой духовой школьный оркестр.

В художественной самодеятельности участвуют учителя и ученики. Вот Александра Николаевна Ломакина, учительница немецкого языка, читает стихи М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта». Как она произносит слова «... погиб поэт – невольник чести...»

В зале тишина, глаза всех слушателей устремлены на чтеца. Гром аплодисментов – благодарность за искусство чтения!

А сегодня драматический кружок под руководством Иосифа Степановича Лазаренко ставит пьесу Корнейчука «Платон Кречет». В роли Платона Саша (Зенякин) Михеев. Об этом быстро узнают ребята других школ – играет Зенякин...

Правдами и неправдами проникают в зал учащиеся других школ. Зал переполнен, тишина. Все ждут появления Платона. Вот он выходит, в зале слышатся вздохи. Ведь это Сашка Зенякин – краса и гордость школы! Высок, строен, красив; в коричневом костюме, белоснежной сорочке и – чёрный галстук...

А как он читал стихи Маяковского, особенно «Стихи о советском паспорте» – как будто сам Маяковский вышел на сцену, высокий, смуглый, чёрные умные глаза, чёрные прямые волосы и громовой голос: «... читайте, завидуйте: я гражданин Советского Союза...»

Саша, Саша, разве ты рождён был для войны?! Твой ум, твой талант, твоя прекрасная внешность и большая человечность – какую бы ты пользу принёс людям! Ты мечтал о медицине, но война сделала из тебя политработника.

Был комсомольским вожаком артдивизиона, любимцем солдат и офицеров лейтенант Александр Николаевич (Зенякин) Михеев. Своими зажигательными речами призывал молодёжь вперёд и сам всегда был на линии огня.

Весной 1943 года при освобождении города Могилёва Саша был сражён осколком вражеского снаряда. Так и умер на операционном столе, не придя в сознание – так мне сообщили его товарищи по службе.

Сколько моих сверстников лежать осталось в темноте... Погиб и Женя Бабкин – все десять лет отличник, способнейший математик. Он всегда отличался внешней аккуратностью, большим спокойствием и рассудительностью. Тетради у него – образец чистописания.

Погиб и Витя Чибисов – наш бессменный комсомольский секретарь. Тоже отличник, тоже чудесный товарищ.

Погибли в сражениях – Лёша Ведников, Костя Шаренберг, Юра Белоусов, Слава Перепёлкин, Ваня Крысин, Саша Зиновьев, Коля Селиванов и другие...

Все они были офицеры, все они были безусые юнцы, все они отдали жизнь, чтобы жили мы, живые.

Близилось окончание школы. Порой как-то грустно делалось, жаль прощаться со школой.

Сдали выпускные экзамены, последний – по физике. После всех отвечал Толя Перов. Оглашены экзаменационные оценки, а мы не уходим из физического кабинета. Тоской повеяло в душе каждого, как будто какое-то предчувствие, что нас ждёт страшное – война, смерть.

Нехотя вышли из школы и отправились в парк. Вот здесь, на большой аллее, начали играть в «чижик» – излюбленная наша игра... Это было 19 июня 1941 года.

20 июня – выпускной вечер. Хлопот у всех много. Одни идут за молоком в стадо к лесу, другие за дровами – ведь обязательно должны быть пироги. Не забыли и о мороженом. А где взять столько посуды? И тут на помощь к нам приходит постоянный участник всех наших коллективных дел Андрей Дмитриевич Гребенев.

Достал для пирогов рису и яиц, в магазине взял всю необходимую посуду. Всё по хозяйству сделано, столы накрыты, много цветов. В зале гремит музыка. Всё готово к приёму именинников.

Директор школы Иван Яковлевич Пахомов поздравляет с окончанием школы, говорит напутственные слова, вручает свидетельства об окончании средней школы № 1. Официальная часть окончена, начинается застольная трапеза.

А потом танцы, танцы до трёх часов утра.

Веселились... Никто из нас не знал, что завтра – война, что завтра наша юность кончится.

22 июня 1941 года. Война... И это страшное, хоть и далеко ещё было от нас, чёрной тучей повисло над нами. Мы сразу повзрослели, исчезли улыбки, весёлость, глаза стали серьёзные, брови насуплены. Война у нас отняла юность и мечты наши.

Теперь у всех одно – помогать народу, помочь стране. Сначала трудовой фронт мальчишек под Ельней, а потом и мобилизация в Армию.

Мальчишки все окончили шести- и трехмесячные курсы командиров и лейтенантами отправились на фронт.

На фронте были и девчонки – Магдалина Панова, Юля Зенякина, Люба Ярова, Саша Митяева.

Пускай война, пускай суровое прошлое, но память о школе я пронесу через всю свою жизнь. Я вспоминаю годы славные, простых и сердечных своих учителей.

Арон Абрамович Разовский – завуч и учитель истории. Чудесный преподаватель и друг ребят хороший. Он жил нашей жизнью, его буквально всё касалось. На уроке «отсутствует» Саша Зенякин – Арон Абрамович заметил это. Приглашает его, потом его товарищей близких – улаживает все дела. И Саша опять внимательный и собранный.

Арон Абрамович погиб на фронте.

Наш математик Николай Александрович Гусаров – всегда суровый, замкнутый и очень строгий. Мы его побаивались.

Кроме требований по своему предмету, обращал особое внимание на внешний вид ребят. Горе тому мальчишке, который придёт в неглаженных брюках. «Что надел на себя водопроводные трубы?» – сурово произнесёт он.

И Николай Александрович пал на поле брани.

Любимая всеми-всеми наша Галя Васильевна Костючук. Мы её все так любили, что не имели права учиться по её предмету (она вела «Основы дарвинизма» и минералогию) на «удовлетворительно», каждый из нас отвечал только на «хорошо» и «отлично».

А наш постоянный спутник во всех наших коллективных делах Андрей Дмитриевич Гребенев – учитель по химии. Он проводил уроки живо, интересно, свободно, в уроке участвовал каждый ученик. А как он нас научил решать задачи!

Добрым словом я вспоминаю высокого, худого, немного замкнутого Иосифа Степановича Лазаренко – учителя литературы, учительницу по физике Анастасию Ивановну Завадскую, нашу добрую, самую молодую из всех учителей Марию Фёдоровну Бекман – учительницу немецкого языка и всегда строгого и очень требовательного учителя по физкультуре – Абрама Фройдмовича Виндмана.

ВСЕМ ВАМ СПАСИБО, ДОРОГИЕ УЧИТЕЛЯ НАШИ!

А. Сусанова

9 октября 1968 года

(Из музея им. С.П. Белецкого СОШ № 1, зав. музеем И.Е. Цильковская)

Евтеев Владислав, 6 класс,

МУДО «ДД(Ю)Т» г. Богородицка.
Педагог-консультант Кунаева О.А.,
педагог дополнительного образования
МУДО «ДД(Ю)Т» г. Богородицка,
академик МАДЮТК
им. А.А. Остапца-Свешникова

В подкованных пудовых сапогах

По просьбе своих детей и только для них писала свои воспоминания ветеран войны и труда, лейтенант в отставке **Анна Никифоровна Сусанова**. И стоило немало трудов уговорить её подарить их историко-краеведческому музею «Отечество» Дворца детского (юношеского) творчества.

«Воевать – это была повседневная и постоянная наша работа, – написала ветеран. – На войне всем тяжело и страшно. Слов не хватит рассказать о пережитом на войне. Надо всё испытать на себе. А мы пошли по этой жизни просто, в подкованных пудовых сапогах».

На фронт она ушла по комсомольскому призыву в июне 1942 года. А за три дня до войны, 20 июня 1941 года, Аня Санкина получила аттестат зрелости в образцовой средней школе № 1 Богородицка.

Война была ещё далеко, но все как-то быстро повзрослели. В городе организуются комсомольские патрульные посты. С красными повязками на рукавах и винтовками в руках ночами дежурили на улицах города.

В первые же месяцы войны фашисты совершали воздушные налёты на наш маленький шахтёрский городок. Бомбили и с полёта стреляли по жителям.

Врач-хирург Дмитрий Александрович Пакатов вёл курсы сандружинниц. Аня Санкина в числе тех девчонок, кто готовится работать с ранеными в госпиталях, а может быть, и на фронте.

В город на станцию Жданка стали приходить эшелоны с ранеными фронтовиками. Закончилась учёба у сандружинниц, началась практика. Работают много, чаще всего ночами, принимают раненых, а потом из городских госпиталей «тяжелых» эвакуируют на Восток. Здесь, среди страданий и горя, родилось стремление самим уйти на фронт.

Но впереди был ещё месяц при «новом» порядке, уготовленном богородчанам фашистами. Затем долгожданное освобождение города от оккупации, работа на шахте № 59. В дни повышенной добычи угля и заведующая столом личного состава (т.е. инспектор по кадрам) Анна Санкина спускалась в шахту, где вместе с другими работала на откатке.

– Аня, возвращайся живой, – сказал на прощанье начальник шахты Г.И. Коновалов и вручил талоны на четыре буханки хлеба, сливочное масло и бельё.

«Никаких героических подвигов я не совершила, – считала Анна Никифоровна. – Делала то, что выпало на долю моего поколения в те суровые годы – с оружием в руках защищала свою Родину. Плечом к плечу с мужчинами, закалёнными и сильными, шла и сама закалялась. Свой поход закончила в Берлине, а на востоке – в Харбине».

Две этих войны она прошла не рядовым солдатом, а офицером – лейтенантом, политработником. Секретарь комсомольского бюро батальона, заместитель командира роты по политической части, комсорг полка, помощник начальника политотдела по комсомолу – такой вот послужной список.

Славный боевой путь прошёл 14-й ордена Красной Звезды автомобильный полк второй автомобильной бригады резерва Ставки Верховного Главнокомандующего – Польша, Германия, Чехословакия, Манчжурия. Ставка бросала их по всем фронтам, выполняли и специальные задания.

«Возвращаешься с одного задания, приказ выходить с другим батальоном. Уходили, как правило, ночью и шли с выключенными фарами. Только свет от звезд пронизывал темноту тонкой лентой. Попадаем в полосу осветительных ракет. И начинаются налёты и бомбёжки, сотрясая всё на земле. Огненные брызги летели далеко. Трудно и страшно. Война ещё и тяжелая физическая работа».

Это только один эпизод из фронтовой жизни. А сколько их было! Сколько пришлось пережить!

«Будет ли когда предел стойкости и выносливости нашей, – думал каждый из нас, – делится самым сокровенным Анна Никифоровна. – Но воля к победе, долг солдатский брали верх. Всё вынесли и победили».

Анна Никифоровна награждена медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны 2 степени, юбилейными медалями.

В полку она встретила свою судьбу и любовь – Сусанова Ивана Павловича.

Когда уезжала домой, в декабре 1946 года, Сусанов сказал: «Жди меня». Он демобилизовался только в январе 1947 года. Приехал в Богородицк, где фронтовики и поженились.

Муж Анны Никифоровны рано ушёл из жизни. Печально, что и сама она совсем немного не дожила до 55-летия Великой Победы.

В этом году, в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, исполняется 74 года, как Анна Санкина окончила образцовую среднюю школу № 1. Это был «Огненный выпуск» 1941 года.

Переправа, переправа...

*Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени.*
Н.А. Некрасов

Сергей Павлович Белецкий был призван на воинскую службу за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны, поэтому он говорил, что война для него началась 22 июня.

Их часть в это время располагалась на северо-западе Украины, в районе западнее города Дубно. Вражеские самолёты-разведчики, случалось, и ранее залетали на эту территорию, но никаких военных действий не предпринимали. Поэтому и нашим войскам было дано строгое предупреждение не начинать первыми стрельбу, иначе это спровоцирует войну, и на международной арене будут считать виновным Советский Союз. А до солдат доходили слухи, что близ границы иностранные самолёты обстреливали советскую территорию.

В это утро, лишь только взошло солнце и залило своим золотистым светом пробуждающуюся от сна природу, неожиданно с запада прилетели три самолёта, сделали круг, спикировали, поспешно выпустили трассирующие очереди и трусливо полетели назад, в сторону Польши. Так и на этом участке началась война.

Налёты и бомбёжки вражеских самолётов участились. Теперь уже и часть, в которой служил С.П. Белецкий, давала ответный огонь. Война пришла на Украину, и были первые потери.

После мирных учений теперь обороняться от жестокого врага, стрелять на поражение при очень неравных силах, было особенно тяжело. И это начало войны оставило самый большой отпечаток в душе Сергея Павловича.

«Ожесточённые оборонительные бои. Потом вынужденный отход наших войск, оставление врагам родных территорий с богатыми природными ресурсами», – вспоминает С.П. Белецкий.

Их часть попала в окружение. Со всех сторон враги. Неминуемый плен и гибель. Но нет! Русские так легко не сдаются! Только мудрость командиров и храбрость советских солдат... и кольцо разорвано, хотя потери большие.

И снова упорные, кровопролитные бои.

Сергей Павлович неоднократно рассказывал потом ученикам про один, случайно услышанный, но запомнившийся на всю жизнь разговор двух бойцов из их взвода, разговор откровенный, идущий от самого сердца.

А было это так. Трое суток остатки их части, прорвав фашистское окружение, отходили, чтобы соединиться с основными частями. Сзади Сергея Павловича тяжело брели два раненых бойца, усталые и голодные. Шли молча. Но вдруг один из них, как бы встряхнув с себя усталость и боль, радостным голосом произнёс:

– Ребята, ничего! Война скоро кончится, мы победим. А знаете, сколько книг напишут писатели, сколько прекрасных песен создадут наши поэты... Сколько больших и малых героических дел уже совершил наш народ, а сколько их ещё будет! Как хочется видеть нашу победу!

«Но только жаль, – добавляет Сергей Павлович, – что этот молодой боец не дождал до светлого дня нашей Победы. Он погиб вскоре после этого разговора».

Весь долгий и очень тяжкий путь отступления от города Дубно до Туапсе, что на Кавказе, на берегу Чёрного моря, прошёл Сергей Павлович вместе со своей частью. Много видел ужасов, много потерял друзей.

Но вот первые победы. Отсюда, от Кавказа, началось наступление их полка. Враг упорно сопротивлялся. Но наши храбрые бойцы пядь за пядью отбирали у фашистов родные территории. И по просторам Украины, потом через Карпаты и до самой столицы Чехословакии, Праги, прошёл Сергей Павлович Белецкий в сапёрных, инженерно-минных и штурмовых инженерно-сапёрных войсках.

– Сапёров часто называют тружениками войны. И это так, потому что инженерное обеспечение и оборонительных, и особенно наступательных боёв имеет огромное значение. Сапёры всегда ближе всех к войскам противника, они готовят всё для успеха своих войск, – так нам, школьникам, говорил наш классный руководитель Сергей Павлович Белецкий.

И ещё с большой гордостью, отвечая на чей-то вопрос на нашем классном собрании, он сказал:

– В декабре 1942 года меня приняли кандидатом в члены партии, а в апреле 1943 года – в члены партии. Это было особенно дорого – доверие товарищей-коммунистов в той самой части, в которой я служил с декабря 1941 года до конца войны, где был командиром отделения, комсоргом батальона, помощником начальника политотдела отдельной бригады по комсомолу.

Просить Сергея Павловича рассказать о каких-нибудь случаях, произошедших с ним или с кем-то из его товарищей, было бесполезно. Всегда отказывался под разным предлогом. А однажды сказал:

– Существует поговорка: «Сапёр ошибается только один раз». Такие случаи были и в нашей части. Но об этом тяжело вспоминать.

И даже о том, как его ранило в ногу осколком мины, он тоже подробно рассказывать отказался. Знали мы, что после госпиталя ему предлагали отдохнуть и долечиться, но он отказался и вернулся с костылём в свою часть, где занимался политучёбой комсомольцев.

Лишь из скурых записей, оставленных им школе, хочу добавить: «Форсирование Днепра в районе Козинцы, строительство моста через эту могучую реку, освобождение Киева, Винницы, Львова, Тернополя, Мукачево и Ужгорода, форсирование рек Сан, Днепр, Одер, Опава, инженерное обеспечение наступающих частей Советской Армии по территории Польши, Словакии, южной Германии и Чехии – вот путь батальона, награждённого орденом Красного Знамени и удостоенного звания «Мукачевский...» А вместе с ним это и воинский путь моего учителя и завуча школы Сергей Павловича Белецкого.

Незабываемый День Победы он встретил со своей частью на подступах к столице Чехословакии – Праге.

После демобилизации и до конца своей жизни Сергей Павлович – школьный учитель.

«Это же такое прекрасное дело – воспитывать молодое поколение, – читаю в его воспоминаниях. – Мы стараемся передать молодёжи всё самое лучшее, воспитать её на славных боевых и трудовых традициях нашего народа. И самое большое желание у нас, ветеранов войны, – сделать всё, чтобы никогда подобное не повторилось».

Сергею Павловичу Белецкому было присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР».

САПОГИ СПАСЛИ ОТ СМЕРТИ

И живу я на Земле долго

За себя и за того парня.

Роберт Рождественский

Правда, он на Земле уже не живёт, но прожил долго, девяносто два года. О нём мне рассказала его внучка, **Любовь Григорьевна Шпилевая**, уроженка города Богородицка.

Род Шпилевых своими корнями упирается глубоко. Это настоящие дворяне, высокообразованные и интеллигентные.

Их родовое имение находится на Украине, в городе с названием Городище Черкесской области. Там и теперь проживают родственники, отдельные ветви их генеалогического древа. И в этом же районном центре в 1906 году родился и жил до конца тридцатых годов дедушка Любови Григорьевны, Степан Гаврилович Шпилевой.

Помнит Любовь Григорьевна и своих прадедушек: один из них был белый офицер, а другой священник. Оба дворянского происхождения. Офицер – отец Степана Гавриловича.

Жили всегда дружно: и близкие, и дальние родственники получали большое образование, хорошие специальности, умели музицировать. Среди мужчин было много военных, потому что в высококультурных семьях считалось, что защита Отечества – долг каждого мужчины.

Но вот на Украине началось становление советской власти, и белые офицеры, умеющие руководить неграмотными солдатами, прекрасно знающие военное дело, оказались врагами народа. И отца Степана Гавриловича, а также его брата убили бандеровцы.

В конце тридцатых годов, когда несколько лет подряд в южных районах Советского Союза был недород, на Украине свирепствовал голод. И многие украинцы, чтобы выжить, подались в центральную Россию.

Вокруг Богородицка открывались шахты, началось освоение Подмосквовного угольного бассейна. И сюда стали прибывать на заработки украинские беженцы. Приехал в посёлок Товарковский и Степан Гаврилович Шпилевой.

Слушая дальше рассказ Любови Григорьевны о своём дедушке, я невольно отвлеклась мыслями, стала вспоминать разные эпизоды. Действительно, в дворянских семьях было принято, что дети в подростковом возрасте, помимо образования, должны приобщиться к какому-нибудь ремеслу. При этом не гнушались и грязной работой и тем, что нередко обучались у простых необразованных людей, но мастеров своего дела. А это были и портные, и сапожники, и шорники, и гончары, и другие ремесленники.

Рабочая профессия и облагораживает человека, и даёт дополнительный заработок в трудных ситуациях. Примером может служить княгиня Анна Сергеевна Голицына, которая ремонтировала людям старую обувь, строчила сапоги и на заработанные деньги кормила семью, спасла от голода в период становления советской власти в Богородицком уезде. А Лев Алексеевич Бобринский шил портмоне («Записки уцелевшего», автор Сергей Михайлович Голицын).

И не только в княжеской, даже в царской среде можно найти такие примеры. Вспомним, что писал Александр Сергеевич Пушкин про царя Петра Первого:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Да нам, жителям Тульской области, далеко и ходить не надо, ведь в Туле, напротив оружейного завода, стоит памятник царю, где Пётр I в фартуке, с молотом в руке около наковальни.

Но вернёмся к воспоминаниям Любови Григорьевны.

Вот и Степан Гаврилович Шпилевой тоже хорошо знал сапожное дело: умел шить сапоги любого фасона и на всякую ногу. И, как говорит пословица, «дело мастера боится». У него это отлично получалось. А старую обувь ремонтировал так ловко и аккуратно, что она после его рук выглядела, как новая.

Человек он был общительный и в наших краях быстро нашёл себе друзей.

И однажды сшил он сапоги своему лучшему другу. И тот был в таком неописуемом восторге, что не выдержал и похвалился сапогами другому своему другу. А тот другой из зависти или из-за трусости пошёл в милицию и доложил, что живёт у нас приезжий человек, занимается сапожным делом, но не платит налоги. В те времена ведь с каждой мелочи налоги брали, а тут чуть ли не целая сапожная мастерская, как это было представлено.

И Степана Гавриловича за укрытие дохода от советской власти посадили в тюрьму. Какой дали срок и в каком городе находилась тюрьма, внучка не помнит. Только знает, что где-то не так далеко, в европейской части СССР и близко от центра.

Но и в заключении Степан Гаврилович продолжал заниматься своим ремеслом. При этом не считаясь со временем, потому что работа эта его удовлетворяла и спасала от домогательств уголовников. И охранники, и начальники были очень рады – всем пошил этот спокойный заключённый прекрасные сапоги и отремонтировал старую обувь.

И тут дошло до обитателей тюрьмы, что идёт война, что страшный и жестокий враг напал на нашу страну и занял часть нашей территории. Стали набирать штрафные батальоны, из заключённых, а боевое оружие им давать в руки не решались, а то ещё друг друга перебьют, да и командирам достанется. Их задача была – психологическая атака, то есть чтобы первыми кидались на врага с криками: «За Родину! За Сталина! Ура!» А если кто струсит и не побежит, того как изменника и пристрелить не жалко. Одним словом, превратили заключённых, как это тогда называли, в «пушечное мясо».

А такого прекрасного сапожника пожалели: пусть сидит и шьёт сапоги воюющим офицерам.

Не дошли фашисты до того города, где находилась тюрьма.

Но вот и кончилась война, вскоре и Степан Гаврилович вернулся домой, живой и целехонький. Удивлялись люди: никто из заключённых не вернулся, а у него вдруг даже ни одной царапины. Как это могло быть? А он всем отвечал только одной фразой: «Мне сапоги не дали умереть, это они спасли меня от смерти».

– Я очень хотела, выйдя на пенсию, поехать на Украину, чтобы собрать материал о дедушке и прадедушке, – сказала Любовь Григорьевна. – Сейчас мне

пятьдесят три года, уже целый год на пенсии, а поехать туда не могу. Теперь это невозможно.

КОММУНИСТ

*Мемориальная доска
На ветхом домике прибита.
Вячеслав Кузнецов*

О нём я слышала с детства. Его сын Шурик учился в одном классе с моим братом. Шурику завидовали в школе все. И не только потому, что он был высокого роста, складного телосложения, красивый, румяный и всегда жизнерадостный. А завидовали прежде всего потому, что его отец не на фронте, что он живёт в самом большом и просторном доме, единственном таком, уцелевшем среди развалин разрушенного фашистами города. Также завидовали Шурику и потому, что у него всегда были все учебники, что он писал на настоящих тетрадях, к тому же приносил с собой и ел на переменах то, о чём дети войны даже не могли и мечтать.

Конечно, мы прекрасно понимали, что завидовать бесполезно, что всё так и должно быть, потому что отец у Шурика – Семён Александрович Потапов, самый главный человек в нашем городе. По крайней мере, в такой формулировке знали дети.

Семёна Александровича Потапова и поныне помнят и чтут все коренные богородчане в основном за то, что он поддержал инициативу Петра Андреевича Кобякова о восстановлении дворца графа Бобринского и сам руководил работой.

Когда я собирала материал для этой своей книги, разыскивала, нередко по телефону, дедушек и бабушек, которые жили в военное время, то случайно попала к дочери Семёна Александровича и не сразу поняла, с кем я разговариваю. А причина в том, что, хотя уже много лет прошло с того времени, как она поменяла фамилию, но большинство богородчан её знают как Потапову. И только когда я услышала короткий рассказ про её отца, тогда до меня дошло, кто моя собеседница.

И вот что мне рассказала **Вера Семёновна Чумак**.

Семён Александрович работал в городе Болохове Тульской области начальником шахты.

В год войны ему было дано указание охранять шахту, держаться до последнего. Выдали пистолет и приказали не допустить немцев к добыче угля. А если удержать шахту станет невозможно, то взорвать её.

Но когда враги были уже близко от Болохова, то пришло новое указание от Совнаркома: собрать всё оборудование шахты и в специальном поезде эвакуировать на Урал и там открыть добычу угля. Также эвакуировать и рабочих-угольщиков.

Поезд организовали. Но только подъехали к Уралу, пришло новое распоряжение, в котором сообщалось, что город Богородицк у фашистов отбит и Семён Александрович Потапов назначен управляющим треста «Калининуголь».

Это было в 1943 году. Работа, конечно, предстояла очень большая. Необходимо было восстановить остальные неработающие, разрушенные в результате оккупации шахты, и открывать новые.

Стране нужен был уголь, особенно Москве и Московской области, а Донбасс всё ещё оставался в руках фашистов.

Выручал Подмосковский бурый уголь. Поэтому его добыча была увеличена.

Трудности состояли и в том, что в шахтах также работали пленные немцы, за ними требовалась большая слежка.

За работу в эти военные и первые послевоенные годы Семён Александрович Потапов был награждён Орденом Ленина и Орденом Трудового Красного Знамени. Его фотография была на областной Доске почёта.

Вера Семёновна сказала, что про него выпущена книга «Две жизни Семёна Потапова». Книгу я такую не видела, но приобрела альманах «Жемчужина Богородицка». В этой книге напечатан очерк богородицкого писателя, члена Союза писателей России М.В. Казанского про С.А. Потапова с таким же названием. Видимо, это и имела в виду его дочь.

Но я чужим творчеством не пользуюсь, поэтому написала лишь то, что мне кратко рассказала Вера Семёновна Чумак.

А вот мемориальную доску, прибитую на бывшем шикарном, а сейчас стареньком доме, видела и в районной газете, и по местному телевидению, а позже на самом довоенном доме, ставшем теперь реликвией.

ОНА ЗАЩИЩАЛА РОДИНУ

*Но мы верили, знали,
Что победа придёт.
На врага наступали,
Шли на запад, вперёд!*

Александр Сафонов, богородицкий поэт

В школе я учила её дочку, была классным руководителем. Девочка отличалась от других своим старанием и активностью, как в учёбе, так и на сцене.

И не предполагала я тогда, что спустя пятьдесят шесть лет буду писать книгу-альманах, в том числе и про маму этой своей ученицы, Камаевой Нины.

А её мама, Нионила Александровна Камаева – уроженка села Новопокровское Богородицкого района. Ей сейчас 91 год, но она сохранила прекрасную память и подолгу рассказывала мне о своей юности.

Отец Нионилы Александровны, Адександр Иванович Камаев, был одним из первых председателей колхоза «Красный Май». О нём я немного писала со слов его младшего сына, Петра Александровича, в своей книге «Богородицкие были-2», в очерке с названием «Саксёнские чижи» (стр. 217 – 223). Также со слов Петра написала подробно о трагической гибели его старшего брата, Николая Александровича, которого фашисты сожгли заживо.

А вот что мне рассказала **Нионила Александровна Камаева**.

В 1941 году я окончила восемь классов. Сдала последний экзамен – физику. Впереди летние каникулы. Мечтала закончить десять классов, учиться дальше, а потом учить детей.

Мне семнадцать лет. И вот иду из леса, радостная после общения с природой. А день обещает стать жарким. Навстречу мне соседка.

– Нея! Какой ужас! Что теперь будет с нами? – закричала она.

– Ты что кричишь? О чём ты? Что случилось? С кем? – задала я сразу несколько вопросов, поняв, что случилось что-то ужасное.

– А разве ты ничего не знаешь? Да ведь война!

– Какая война? С кем?

– С немцами. Они напали на нас.

Сердце у меня так и ёкнуло. Что-то теперь будет? Отца, может, и не возьмут, ему пятьдесят пять лет, а старший брат Николай сейчас на армейской службе.

Брата вскоре отпустили домой проститься с родными. Как потом станет ясно – навсегда.

И меня взяли на трудовой фронт, рыть окопы под Иевлевым. А зима уже началась, пришлось пользоваться не только лопатами, но и кирками, и ломками. Нормы давали большие, очень уставала.

Богородицк уже бомбили и обстреливали фашисты с самолётов, а у нас пока было тихо.

Но вот в нашем селе остановился отряд советской конницы. Ночевали и у нас. Поставили в сарай четверых лошадей, а они обвалили погреб. Отец говорит солдатам:

– Зачем вы отступаете? Драться надо, а не сдавать фашистам наши города и сёла без боя.

– А чем драться? У них вон какая мощная техника, а у наших солдат только винтовки, да к тому же одна на пятерых. Разве одним лишь криком «Ура!» мы сможем их одолеть? Все погибнем – и больше ничего.

И солдаты покинули наше село, а через два дня также тихо к нам пришли немцы. Как они себя вели? Мы, молодые девчата, от них хоронились. Но на следующий год были единичные случаи появления на свет детей у незамужних девушек от немцев.

В первый день немцы ходили по дворам, отбирали у сельчан скотину и всё, что только им приглянулось. У нас дом большой, к нам пришли офицеры, поставили рядом с домом машину и весь день кому-то что-то передавали по радию. Потом принесли соломы, настелили, и семь человек улеглись на полу.

Отец сказал:

– Вот бы сейчас хоть одну гранату, я бы их всех положил.

Перед отступлением около нашего двора поставили пушку, но не стреляли. А хулиганство и бандитизм имели место.

Освободила нас конница Белова, погнала фашистов на Иевлево.

После немцев снова трудовой фронт – чистили снег на железной дороге. А в марте 1942 года меня взяли работать в финотдел счетоводом-кассиром. Одновременно училась на шофёра.

Потом весной 1943 года по разнарядке послали учиться на шофёра в село Бессоновка Пензенской области. И я освоила вождение четырёх марок военных машин, сдав экзамен на «отлично». И меня, 19-летнюю девушку, сразу послали на фронт шофёром. Я попала на 1-ый Украинский фронт в 4-ую Гвардейскую армию, 20-ю моторизованную инженерную бригаду.

Моим первым командиром был лейтенант Сергей Александрович Ёлкин. Мы все восхищались его отвагой и храбростью. Он и до сих пор жив. И это удивительно, потому что командиры и комбаты первыми кидались в бой и часто погибали.

Но шофёров много на фронте не требовалось, и в основном это были мужчины, а вот медицинских работников не хватало. И вместе с моими подругами-землячками Зиной Мосоловой и Олей Трегубовой я попала в полевой госпиталь.

Многое пришлось мне повидать и прочувствовать. Ведь мы были совсем близко от поля боя, а наша Красная Армия уже перешла в активное наступление. Шли жестокие кровопролитные бои.

Случалось, что медицинские работники по трое суток без сна, отдыха и еды обрабатывали раненых. А они всё прибывали и прибывали с передовой. Не раз было, когда врачи, медсёстры и санитарки не могли даже сориентироваться, какое сейчас время суток, и спрашивали друг у друга:

– Слышь, что у нас сейчас: утро или вечер?

В военное и послевоенное время в газетах и по радио уверяли, что каждому раненому была оказана своевременная и квалифицированная медицинская помощь. А что было на самом деле, говорить запрещалось. Всё не так, потому что медперсонал при всём желании просто не мог справляться с такой нагрузкой.

Вместе с армией я дошла до Львова. Там однажды был такой жестокий бой, что у медиков даже не хватало времени, чтобы только осмотреть раненых. И за одну ночь от ран умерло сто двадцать необработанных бойцов.

Я настолько была обозлена, что сама стреляла в немцев.

Однажды во время боя я стояла рядом со связным, и вдруг его ранило в живот. Я ничем не смогла ему помочь, и у меня на глазах он умер. Тогда я схватила его автомат и стреляла в набегавших фашистов. Бой шел на смерть. Подоспевшие наши бойцы не дали мне погибнуть.

К нам в госпиталь доставляли и раненых немцев, чаще офицеров, и я их перевязывала. Один из них умер у меня на руках. Я их всех ненавидела. Но как представляю, что его дети останутся сиротами, то какая-то жалость приливала к сердцу.

Потом меня направили в 63-ий отдельный Гвардейский сапёрный батальон. Там я работала писарем. И мне приходилось посылать в разные края нашей страны казённые серые бумажки, на которых короткой фразой «Пал смертью храбрых» или «Пропап без вести» сообщать людям страшное горе.

Сапёры, как говорится, ошибаются один раз, а ошибаться им нельзя, потому что они на самой передовой, и от их действий в значительной степени зависит дальнейший ход и результат боя. И хотя я работала в штабе, но была в курсе всего. Сапёрам нашей 1-ой роты помогали двенадцать собак. Они находили мины, а сапёры их обезвреживали или собирали – разминировали участки.

Батальон сапёров также строил мосты через реки: Вислу, Одер, Бобёр, Нейсе.

Особенно мне запомнилось, как строили мост через Одер. Это было 24 января 1945 года. Через эту переправу уже утром должны были пройти наши танки. Поэтому возводили мост ночью под непрерывным вражеским огнем с воздуха, а также из пушек и пулемётов. Кругом горела земля, но мост наши сапёры построили. Только при этом растревожили лед. Река вскрылась, и громадные льдины грозились разрушить сваи. Нужно было срочно что-то предпринимать. Солдатам дали багры, и они всю ночь по колена в ледяной воде и под пронизывающим морозным январским ветром отгоняли льдины от понтонов, пропускали их между сваями. Это было настоящее русское мужество. Но всё же даже некоторые мужики не выдерживали, плакали и спрашивали:

– А вы-то, девчонки, за что страдаете?

А незадолго до этого, когда возводили переправу через реку Бобёр, также под непрерывным фашистским огнём, убило командира и мою лучшую подругу Шуру Могилевскую.

2 апреля 1945 года наш батальон вместе с другими строил мост через реку Эльбу. Здесь и произошла историческая встреча советских войск с американскими войсками. Это было около города Торгау. Я тоже участвовала в этой встрече. Американцы очень восхищались русскими бойцами в юбках:

– Русские девушки до Берлина дошли!

Обнимались и целовались все, и я в том числе. И испытывала от этой встречи какую-то небывалую радость. А один американский офицер звал меня к себе, тянул за руки, но я не согласилась на такую любовь, я же русская красавица, к тому же ещё и комсомолка.

Момент встречи русских и американских войск был запечатлён на фотографии и напечатан в журнале «Огонёк» к 20-летию Победы.

До сих пор прекрасно помню тяжелейшие бои на подступах к логову фашистов – Берлину, особенно последнюю артподготовку. Это было 28 апреля 1945 года. Казалось, что земля смешалась с небом. Били из всех видов орудий. Качались деревья. Земля пылала под ногами. Я думала, провалюсь под землю.

Вот наш «Ястребок» сбил «Мессершмидта». Но немецкий лётчик сумел выбраться из самолёта, а наши его застрелили. Горящий «Мессершмидт» упал рядом, недалеко от меня. Взорвался бак с горючим – и раздался оглушительный звук. Мощной взрывной волной меня отбросило на несколько метров, я потеряла сознание. А командира отделения отбросило в другую сторону, он погиб. Когда я очнулась, поняла, что контужена. Рядом никого не было, наверное, думали, что я тоже погибла. Я сама перевязала себе голову какой-то тряпкой и пошла искать своих. А наступление наших войск продолжалось.

Немецкая армия отступала на территории Германии. А вместе с ней отступали и мирные жители. Мы проходили через города и сёла. Дома' пустые, брошенный голодный скот ревёт.

Но потом, видно, дошло до сознания людей, что советские солдаты их не обижают. А может быть, просто не было возможности эвакуироваться. Хотя на улицах по-прежнему было пустынно, но в домах стали встречаться люди.

Первый раз, когда мы попали в заселённый дом, большая семья сидела за столом. Увидев нас, все моментально встали, подняли вверх руки и, перебивая друг друга, начали повторять:

– Рус гут! Рус гут!

И потом так было во всех домах, куда бы мы ни заходили. И мы поняли, что простой народ страшно запуган и представляет, что русские солдаты – это не просто изверги, а какие-то монстры, от которых что угодно можно ожидать. И неоднократно, подняв руки и прокричав «рус гут», у нас спрашивали:

– А что вы с нами будете делать?

И удивлялись, что мы уходим, не причинив никому никакого зла.

А в одной семье и вовсе нашёлся смелый человек и спросил на ломаном русском языке:

– А где у вас рога?

– Какие рога? – удивились мы.

– А как же? Нам Гитлер сказал, что придут русские, они все безбожники и они все с рогами.

В Берлин мы вошли 28 апреля. А в штабе я слышала, что из показаний пленных до наших дошёл приказ Гитлера своим войскам: «Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем пустить в него русских».

Но 30 апреля 1945 года в 14 часов 25 минут войсками 3-ей ударной армии была взята основная часть здания рейхстага. Этот день запомнился навсегда.

И нам командир сказал:

– Завтра 1 мая. Боёв не будет. Мы все будем отдыхать.

Мы обрадовались. Но вдруг раздалась команда:

– По машинам!

И всю ночь шёл страшный бой. В 8 часов утра мы попали в окружение. Лейтенант Рунов, молодой командир роты, взял белый флаг и с группой солдат пошёл к немцам. Стал уговаривать, чтобы они сдались. Но один из фашистов стрельнул ему в ногу. Тогда Рунов сказал:

– Вы нас расстреляете, а наши уже в Берлине.

Борис Александрович Рунов – последний, кому было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны он работал министром сельского хозяйства. А в 2014 году на олимпиаде в Сочи бежал с факелом.)

Но уже после того, как на рейхстаг был водружён советский флаг, а также и на ратуши, бои на улицах Берлина ещё продолжались. А нас послали в Чехословакию на усмирение восстания. И Победу я встретила в Праге.

Домой в родную Новопокровку вернулась в августе 1945 года. За участие в войне имею орден Отечественной войны 2-ой степени и медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «Ветеран 4-й Армии», медаль «География Жукова».

Двадцать лет проработала в родном селе в детской библиотеке. А последние годы работала на заводе «Ресурс».

ЗА МОСКВУ И ЗА СТАЛИНГРАД

*Убить Россию – это значит
Отнять надежду у Земли.
Илья Сельвинский «Россия»*

Я хочу рассказать про своего дядю, маминого родного младшего брата. О нём вспоминает в своём очерке, помещённом в моём предыдущем альманахе «Богородицкие были-2», Вера Евгеньевна Шамаева, и на её общей фотографии в этой книге он есть. Но она написала про него, как про бухгалтера хлебозавода, но это было позже, после войны, а я хочу вспомнить то, что он нам рассказывал о своей фронтовой жизни.

Из трёх родных маминых братьев дядя Витя, **Виктор Иванович Рожков**, 1912 года рождения, был нашей семье ближе других, потому что до фашистской оккупации мы с его семьёй жили в одном доме на улице Пушкинской, второй дом от улицы Урицкого, примерно напротив того места, где сейчас стоматология. Я уже писала о том, что до сих пор там растёт во дворе дуб, посаженный моим дедушкой в 1904 году.

Дедушкин дом состоял из двух половин, соединённых между собой коридором. В одной половине жили мы, Введенские, а в другой половине Рожковы. Дом сожгли фашисты при отступлении.

Дядю Витю взяли на фронт в конце августа 1941 года. Я помню с его слов, что он воевал под Москвой. Он много рассказывал и с большим уважением про Рокоссовского, отсюда я делаю вывод, что он сражался под его началом в районе Волоколамска.

Дядя Витя был ранен в ногу, лежал в госпитале, потом приехал на долечивание в Богородицк. Хромал, пользовался костылями. Дату приезда точно не помню, но где-то весной 1942 года.

И хотя он рассказывал свои истории взрослым (нам их слушать не разрешали, а с нами он отделивался шуточками), но что-то я всё же слышала.

Он говорил, что Гитлер силен и коварен и победить его будет нелегко. Но главное, что мы совсем не были готовы к войне.

– Чем нам их победить? – говорил он. – У них вон какие мощные танки, а у нас только винтовки, да и те одна на четверых. От Москвы мы их отбросили. Это хорошо, что в Туле был арсенал оружия. А из Украины мы их такими силами выгнать не сможем.

И ещё на меня, восьмилетнюю девчонку, произвёл сильное впечатление такой его рассказ, который я не могу забыть и до сих пор.

Так как страна не была готова к войне, то и не было ничего подготовлено для пленных фашистов, а поэтому дали указание, чтобы всех пленных расстреливали.

Однажды семь молодых немцев пришли и сами сдались в плен. Их допросили, и они сообщили важные сведения. Ну, а что с ними делать дальше, если приказ всех расстреливать?

Командир назвал семерых бойцов во главе с дядей Витей и сказал: «Пусть они идут цугом, то есть цепочкой друг за другом, и считают вслух по-своему шаги. И на каждом десятом шаге вы по очереди стреляйте последнему в голову. Если промахнётесь, добивайте штыками, больше я вам патронов не дам».

Дядя Витя дрожащим голосом рассказывал дальше:

– Да, немцы звери, они изверги, много успели принести нам вреда. Но эти еще дети, они пришли к нам за спасением, поверили в нас. А мы... Идут, оглядываются, меняются местами. Я не смог. Сказал одному нашему молодому, что ему потренироваться надо, и отдал свой патрон. Он выстрелил вместо меня. Хорошо, хоть добивать ни одного не пришлось, потому что стреляли почти в упор. Не все немцы фашисты, среди них есть и человеческие.

И дядя Витя рассказывал, как один солдат случайно напоролся (его выражение) на двух немцев, но они его отпустили. Солдат боялся, что они будут стрелять в спину, но этого не случилось.

Дома дядя Витя много тренировался. Быстро стал пользоваться одним костылём, а потом и тростью. И когда начал ходить, не пользуясь вспомогательными опорами, но еще значительно хромотал, его снова призвали на фронт и направили в Сталинград.

А враг уже к этому времени захватил Украину, Белоруссию, Прибалтику, Донбасс и ряд областей РСФСР. Фашисты бросали на фронт всё новые силы и, не считаясь с большими для них потерями, лезли вперёд, рвались в глубь Советского Союза, овладевая новыми районами, опустошая и разоряя наши города и сёла, насилая, грабя и убивая советских людей.

Вот выдержка из выступления маршала авиации, Героя Советского Союза С.И. Руденко «Подвиг во имя победы и мира» (к 40-летию Сталинградской битвы):

«С целью повышения стойкости войск в дни тяжёлого сражения в большой излучине Дона, на подступах к Сталинграду, воспитания высокой личной ответственности у каждого воина за судьбу Сталинграда, за судьбу Родины был издан приказ народного комиссара обороны от 28 июля 1942 года; это был необычайный приказ; он явился чрезвычайной мерой ЦК ВКП(б) и Верховного Главнокомандования ввиду тяжёлой обстановки на сталинградском направлении».

И самые главные слова этого приказа: «Ни шагу назад – дальше отступать некуда».

Конечно, моральная сила этого приказа была огромна. Она вдохновила каждого бойца биться до последнего.

Так как Сталинградская битва явилась переломным этапом в ходе Великой Отечественной войны, то хочу хотя бы очень коротко рассказать о ней.

В истории войн всех времён и народов равных Сталинградской битве нет. Она развернулась на площади почти 100 тысяч квадратных километров, на которой разместились бы вместе такие европейские страны, как Швейцария, Бельгия и Нидерланды.

Известно, что гитлеровским войскам удалось оккупировать Польшу всего за 27 дней, Францию они захватили за полтора месяца, а Бельгию и Голландию всего за 19 дней.

Сталинградская битва длилась 200 дней и ночей (17.07.1942 г. – 02.02.1943 г.) и закончилась полным разгромом войск немецко-фашистских захватчиков, которые были уверены, что станут здесь полными хозяевами.

Хочу привести ещё выдержку из выступления С.И. Руденко:

«Битва на Волге была выдающимся военным событием второй мировой войны. Военная история не знала до тех пор столь блистательного примера полного окружения и уничтожения огромного количества войск, вооружённых совершенной по тому времени боевой техникой. Гитлеровцы потеряли в этой битве полтора миллиона солдат и офицеров, более трёх тысяч танков и самоходных артиллерийских орудий, более двенадцати тысяч орудий и минометов, свыше 3 500 самолётов, более 70 тысяч автомашин».

Как мы знаем из истории, Сталинград был окружён войсками трёх фронтов: Юго-Западного, Донского и Сталинградского.

Дядя Витя рассказывал, что он воевал под командованием генерала (впоследствии маршала Советского Союза. В.В.) В.И. Чуйкова. Значит,

Сталинградский фронт, 62-я армия. А эта армия вела сражение в самом городе. Более правильно сказать, на окраинах города, потому что ближе к центру наши войска фашистов не пустили.

Я помню такой случай из рассказов дяди Вити.

Наши войска отбили у фашистов какой-то жилой дом, но жильцов, конечно, там не было. Заходили в каждую комнату, проверяли, не остался ли кто там из гитлеровцев. В одну комнату вели две двери с противоположных сторон. Он с товарищем договорился, в какую дверь кто из них заходит. И получилось так, что дядя Витя вошёл первым. Он услышал под кроватью какой-то шорох и сразу дал очередь из автомата. Шорох затих. Товарищ приподнял у кровати подзор – под кроватью лежал убитый немец, молодой, ещё безусый и красивый. Видимо, он нацелился стрелять в направлении той двери, в которую вошёл товарищ дяди Вити, поэтому начал поворачиваться. Этот шум и услышал дядя Витя. Он нам сказал:

– Мне стало как-то не по себе. За что я лишил жизни почти ребёнка? Как всё это жестоко.

И я у него спросила по своей детской наивности:

– Дядя Витя, ты так больше и ни одного немца не убил?

– Как не убил? Убил, конечно. Но в бою не знаешь, кого я, а кого кто-то ещё. А тут точно знаю, что я.

Под Сталинградом дядя Витя был тяжело ранен в голову. Лечился в госпитале в Казани долго. Когда вернулся домой, тоже довольно долго ходил с забинтованной головой.

И уже зимой 1945 года его третий раз призвали на фронт.

Победу Виктор Иванович Рожков встретил в Праге.

НОВАЯ ЗНАКОМАЯ

*У нас у всех с войною счёты.
Шёл сорок первый горький год...
В разгар уборочной работы
Кружил над нами самолёт.*
Виктор Пахомов

– Меня звать **Юрьева Валентина Григорьевна**, а девичья моя фамилия была Судакова. Родилась я в июле 1933 года и жила в Городке, – так начала свой рассказ моя новая знакомая. – Семья наша была большая, одних детей шесть человек: четыре брата и две сестры. Поэтому было тесно, и мама часто жила на мельнице, когда муку мололи. Но мы все любили друг друга. И вообще наш Городок очень дружный, как одна семья. Хоть я давно уже живу в Богородицке, как только замуж вышла, а всё равно свой Городок очень люблю.

– Валентина Григорьевна, – прервала я её, – мы с вами одногодки, только вы на четыре месяца старше меня. Я сейчас пишу книги про войну и собираю воспоминания тех, которые жили в военное время или помнят рассказы родителей, бабушек, дедушек, других родных. Не могли бы вы мне в этом помочь? Может быть, что-то помните?

– А как же! Помню, всё очень хорошо помню, мне восемь лет тогда было. Война уже шла, и самолёты летали, но немцев у нас ещё не было, а в других местах были, в Ломовке, например. И вот один раз мне кричит соседка, подружка моя: «Скорей выходи, смотри, там немцы наших пленных ведут!» Я выбежала, смотрю: и правда, немцы гонят наших по дороге, какая от Ломовки идёт к городу. Это по другую сторону от нас, за домами.

– А много их было?

– Да человек пятьдесят, и все пешие, немцы тоже. Наши женщины хотят подойти, хлеба дать несчастным пленным солдатам, а немцы их отгоняют.

Я подумала, что это, очевидно, те, которых потом в городе на конном дворе так жестоко избили фашисты деревянными толстыми задвижками от конюшен, поэтому спросила:

– Наши пленные все были в шинелях или некоторые шли в одних гимнастёрках?

– Это я не знаю. Они шли сзади домов, поэтому плохо было видно.

– А потом немцы пришли к вам в Городок?

– Да, на второй день пришли. Только у нас они не жили, а через два дома жили. А к нам зашли двое и стали просить мыло, яйца и молоко. Но у нас ничего не было, нам и самим не хватало, больше картошку ели и что с осени заготовили.

– Они к вам только один раз заходили?

– Нет, не один, три раза заходили, но жить не жили.

– Как они себя вели, когда заходили?

– Второй раз пришли двое. А брат мой младший, Анатолий, это который с 1939 года, стоял в это время на сундуке. Он ещё маленький был. Увидел немцев и, немного картавя, говорит: «Опять пришли окаянные». А немец, оказывается, по-русски понимал. Он схватил брата. Мать стала на защиту, пытается разжать немцу руки, отнять ребёнка, а фашист ещё крепче сжимает. Не знаю, что он сделал бы, но тут подошёл другой немец, что-то сказал ему по-ихнему, и тот отпустил.

– А зачем эти немцы приходили? Что они от вас хотели?

– Когда немец отпустил брата, то тот, второй, открыл сундук и начал в нём рыться. А там ничего не было, только одни тряпки. Потом увидел: на стене фотоаппарат висит – и сказал: «Дай!» Брат ему отдал.

– Какой брат?

– Василий. Он в 1939 году пошёл на шахту работать, на 72-ю. Там у нас шурф был. Мать не пускала, а Василий всё равно пошёл. И потом попал под клеть, ему левую руку оторвало.

– Валентина Григорьевна, в Городке были какие-нибудь случаи бесчинства со стороны фашистов?

– У нас что-то не слышала. Грабежи были, а так спокойнее, чем, как рассказывали, в других деревнях. Да и немцев-то у нас мало было, не в каждом доме стояли.

– Кроме фотоаппарата, у вас что ещё взяли?

– Жеребёночка ещё. Но это другой немец.

– У вас своя лошадь была?

– Нет, не своя, колхозная. Когда немцы приближались, то всех колхозных лошадей по домам раздали на сохранение. Нам досталась с жеребёночком. Брат повёл его, чтобы напоить, а немец увидел и отобрал. Хорошенький жеребёночек был. Жалко.

– При отступлении немцы сожгли дома?

– Нет, даже ни одного дома. Они все ушли и оставили двух немцев. Один должен был сжечь все дома, у нас их немного. Но хозяин, у которого этот немец жил, понял, для чего его оставили, и сам его убил. А другого оставили мост взорвать, его местные жители тоже убили, он не успел. Все немцы ушли на Иевлево, очень торопились, побросали много машин и ящиков с каким-то оборудованием.

– Валентина Григорьевна, а ваш отец и старшие братья воевали?

– Брата Николая в 42-ом году забрали. Отца отправили на фронт в 1943-ем. А Константина, который 1926 года рождения, сначала не хотели забирать, ему ещё и годов не вышло, и в колхозе он трактористом был. А потом всё же осенью взяли, в ноябре 43-го. Помню, мороз очень сильный был, и мы его все провожали. И других наших ребят тоже в это время брали. И почти весь наш Городок пошёл в Богородицк проводить их.

– А домой все ваши солдаты вернулись?

– Нет, не все. Брат Николай, который с 1923 года, пропал без вести. Он учился в Москве на офицера шесть месяцев. Потом воевал, его ранило в руку, плащ-палатка была перебита во многих местах. Сначала писал часто, а после госпиталя прислал два письма. И пропал в 1944 году. Мы писали в Подольск, нам ответили, что он пропал без вести. Потом пришёл брат Константин, уже в 1948 году. Он был сверхсрочник, обучал новобранцев. А брат Анатолий уже после войны служил в Германии. И ещё в 1942 году у нас сестра родилась, и нас теперь стало две сестры.

– Валентина Григорьевна, а как ваш колхоз поднимал своё хозяйство после оккупации?

– Наш колхоз назывался «За урожай». Он овощеводческий. Все овощи сажали и сеяли. Земля не пустовала. И урожаи хорошие получали. Мы, дети, тоже всегда помогали: воду носили для полива, пололи. И план выполняли, и себе хватало. Самое главное, что все были трудолюбивые, добрые и дружные. И с мужем прожила тоже в дружбе и согласии сорок три года. А сейчас сын мне во всём помогает.

Я поблагодарила свою собеседницу.

В ТЕ ДНИ И ГОДЫ

*Я думаю о прожитых годах,
О юности глухой и непогожей,
И всё, что нынче держим мы в руках,
Мне с каждым днём становится дороже.*
Михаил Исаковский

Иван Гаврилович Цосков войну сам не видел, но слышал о ней от родных и соседей. Он родился в год Великой Победы – в сентябре 1945 года. И до сих пор в посёлке Товарковском стоит на подпорках старый одноэтажный дом, в котором в годы войны жили четыре семьи.

Крестил ребёнка батюшка из Лёвинки, отец Иринарх, в народе – Ириней. Когда будущие крёстные несли ребёнка в Лёвинку, пока дошли, забыли имя, каким хотела назвать его родная мать.

– Что будем делать, кума? Не возвращаться же из-за этого назад? – спросил будущий крёстный.

– Давай сами придумаем имя.

– Не, неловко как-то. А ну, как обидится.

– Тогда давай лучше у батюшки спросим.

На том и порешили. Пришли к отцу Иринарху, рассказали ему всё, как есть, по правде, а он и говорит:

– Сегодня по новому стилю 11 сентября, день Усекновения главы Иоанна Предтечи. Хотя это и постный день, но значит, сам Господь повелел назвать его Иваном.

Так и окрестили мальчика Иваном. И мать, Ольга Михайловна, рада была. И этот бывший ребёнок, которому в этом году исполняется семьдесят лет, очень доволен своим именем и каждый год с благодарностью навещает могилу батюшки Иринарха.

Посёлок Товарковский, как и город Богородицк, фашисты бомбили, а потом оккупировали и стояли целый месяц. Но этот месяц люди потерпели страху.

Ольге Михайловне повезло, что у неё на квартире стоял только один офицер, по образованию учитель. Он очень лояльно относился к хозяйке, никогда не обижал, нередко приносил еду, делился пайком. У неё был месячный ребёнок, и офицер часто его баюкал. Говорил, что дома у него осталось трое детей. А когда немцы отступали, привёл семье корову.

Но на посёлке казней через повешение и расстрелов было много, значительно больше, чем во всех других местах Товарковского и Богородицкого районов. А причина вся в том, что там было много людей, недовольных советской властью, и они занимались предательством, выдавали фашистам коммунистов и комсомольцев, а также тех, кому они хотели за что-то отомстить. А больше всех старался угодить фашистам полицай.

Так, по какой-то причине полицай плохо относился к женщине, которая была соседкой Ольги Михайловны.

У немцев что-то пропало, кажется, карманный фонарик. Полицай, желая угодить гитлеровцам, а заодно и отомстить вдове за какую-то личную обиду, пришёл к ней в дом, но женщину не застал, увидел её сына, 15-летнего парня, и закричал:

– Это ты украл у немцев?

– Нет, я ничего не крал, – испуганно ответил парень.

– Нет, ты! Признавайся по-хорошему, а то хуже будет.

– Не я, правда, не я, – чуть не плача, продолжал настаивать на своём подросток.

– Врёшь! Вот же он, – и полицай показал украденную вещь.

– Её здесь не было! – уже сквозь слёзы вымолвил несчастный.

Действительно ли украл парень, а потом испугался и стал отказываться, или подбросил полицай – это остаётся на совести одного из них. Но только полицай схватил мальчишку за шкирку и повёл к немцам. Стала собираться толпа народа.

Полицай объяснил что-то фашистам и отдал украденную вещь. Немец выразил обиду, но растерялся. Тогда полицай подсказал ему:

– Стреляй!

Немец выстрелил, но не на смерть. Полицай подошёл к парню, увидел, что он жив, и опять начал требовать:

– Он живой. Убей его!

Люди стали заступаться. Но полицай крикнул:

– Замолчите, а то и вас тоже...

Он не договорил. Раздался выстрел. На этот раз фашист попал парню точно в сердце.

Когда фашисты отступали, то полицай ушёл вместе с ними. Что и как там было дальше, этого никто не знает. Скорее всего, он продолжал работать на немцев. С этой целью перешёл на сторону наших войск, очевидно, чтобы сообщать фашистам нужные им сведения. Но был ранен и попал в госпиталь. Из госпиталя пришло домой письмо.

Почту в военное время нередко разносили школьники, и письмо попало к соседке этого предателя. Письма-треугольники не заклеивали, и любопытная соседка прочитала его, отправилась с ним в райвоенкомат и всё рассказала. И предатель получил по заслугам!

У Ольги Михайловны на фронте были два брата и дядя. Оба брата носили офицерские звания. Родной брат – танкист, прошёл почти всю войну, но до Берлина не дошёл, был ранен и победу встретил в госпитале. Двоюродный брат дошёл до Берлина. Оба остались живы и вернулись домой. А дядя погиб в Тульской области.

Муж её, отец Ивана Гавриловича, не воевал. Он был шахтёр. В шахте было очень тяжело и в войну, и в первое послевоенное время. Труд только ручной. Внутри шахты, на глубине, под землёй, работали также лошади: перевозили вагонетки с углём из дальних штреков.

Рабочий день был по двенадцать часов и больше.

Иван Гаврилович рассказывает, что отец приходил с работы и сразу же, не снимая рабочую спецовку, ложился спать. Настолько уставал.

Ольга Михайловна ходила пешком от Товаркова до Ефремова, обменивала в деревнях «тряпки» на продукты. Однажды она решила сократить путь и пошла по полю. Но её вовремя увидели люди и вернули. Поле оказалось заминированным.

А мальчишки простаивали большие очереди за хлебом и продуктами.

Но выжили. Всё вынесли.

Иван Гаврилович закончил заочно дорожно-транспортный техникум и работал на БЗТХИ сначала мастером, а потом начальником участка. Его трудовой стаж составляет пятьдесят один год.

А сейчас он живёт в Богородицке и отдыхает. Увлекается Интернетом, многое его интересует, и он стремится познать как можно больше. И также поэтому выбирает из ста телевизионных программ всё то, что отвечает его требованиям и интересам.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

*Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Анна Ахматова «Мужество»*

Вера Георгиевна Майорова родилась в селе Товарково Богородицкого района Тульской области уже значительно после войны, в 1957 году. Она была последним, пятым, ребёнком в семье. И только заканчивала первый класс, как не стало её отца, инвалида Великой Отечественной войны.

Сейчас Вера Георгиевна живёт в городе Богородицке и работает бухгалтером в Доме инвалидов. Ей почти ежедневно приходится встречаться и разговаривать с инвалидами, в том числе и ветеранами Великой Отечественной войны. И часто вспоминает своего отца, Егора Васильевича Трегубова, 1921 года рождения.

Я её попросила рассказать о нём.

– Маленькая была я тогда, не всё мне было понятно, что такое война и почему. Как только начинали у отца спрашивать про неё, его всего трясло. И он не хотел вспоминать всё то, что досталось ему испытать. А этого всего было много. Мои сёстры вам смогли бы рассказать больше, а я помню только кое-что. Даже точно не могу сказать, на каких фронтах он воевал.

– Ну, расскажите мне это «кое-что», какое вы помните, а я посмотрю, смогу ли это вставить в свою книгу.

– Хорошо, – согласилась Вера Георгиевна. – Отец мой тоже из села Товарково. Он родился в многодетной семье и был последним, восьмым, ребёнком. В ряды Красной Армии его призвали ещё до начала войны. Где он проходил военную подготовку, я не знаю, потому что родителям он не прислал ни одного письма.

– А родители не пытались его искать? – спросила я.

– Да что они? Полуграмотные колхозники. Да и некогда им было: и колхоз, там работали до темна, и своё хозяйство, и его сёстры начали семьями обзаводиться, всем надо какое-то приданое собрать. А где его взять? Да это, как я поняла, так принято было: ушёл в армию, значит, на какое-то время оторвался от семьи. И другие тоже писем не писали.

– Такое мне рассказывали. Не знаю, как в вашей семье, но в других некоторых и прочитать письма родители не смогли бы. А что вы всё-таки помните из его рассказов?

– Сначала он где-то под Ленинградом воевал, а потом где-то в Орловско-Курском направлении. Там было очень страшно даже опытным солдатам, которые раньше ещё воевали. А прислали много молоденьких ребятишек. Их немцы только так косили. И отец был сильно ранен.

– А какое у него было ранение?

– Он под пулемётный обстрел попал. И вся правая сторона у него была ранена. И в госпитале его оперировали, ампутировали все перебитые кости. Вместо лопатки образовалась яма. Несколько рёбер не стало, на их месте тоже яма. И еще правую почку удалили.

– Где он лежал в госпитале, в каком городе?

– Где-то под Ленинградом. Он называл госпиталь, но где, я не помню. Он там долго лежал, больше, чем полгода. Положили в начале осени 1943 года, а выписали весной 1944 года.

– И, как говорится, «списали по чистой»? Домой вернули?

– Нет, написали, что годен к нестроевой службе. У меня его документы целы. Его опять отправили на войну.

– Но как же он воевал? Без правой лопатки он даже, наверное, винтовку в руке не мог удержать?

– Про винтовку я не знаю. Он был разведчиком.

– Но тогда, видимо, пистолет или нож, – предположила я. – Не мог же он с пустыми руками в разведку ходить.

– Я не знаю, сколько прошло времени, – продолжала рассказ Вера Георгиевна, – но его и ещё двух бойцов послали в разведку, и они попали к фашистам в плен. Их посылали на разные тяжёлые работы, а кормили очень плохо. И отец рассказывал, что они жарили на железках лягушек и ели их.

– Я тоже пробовала жареные «лягушьи» лапки, – вставила я, – меня мальчишки во время войны угощали. Между прочим, это вкусно. А от варёных я отказалась, побрезговала, а они тоже ели и хвалили.

– А я бы, наверное, не смогла.

– Вера Георгиевна, а кто его освободил из плена, он не рассказывал?

– Его не освободили. Они сами себя спасли. Тут такая история получилась. Наши войска стремительно наступали и уже были близко. Тогда фашисты решили этих трёх пленных ликвидировать, другими словами, расстрелять. Повели их к оврагу босиком по снегу. Они идут и подпрыгивают, будто играючи. Недалеко от оврага один отделился и побежал, немец его застрелил. А эти двое подпрыгнули к немцу, тот не успел опомниться, и они перегрызли ему горло. Вот так и спаслись.

– А что было дальше? – нетерпеливо спросила я. – Наши поверили им?

– Сначала не совсем, хотя они пришли окровавленные. А потом послали их в разведку и велели привести «языка», офицера.

– И они привели?

– Привели. И потом ещё воевали... До конца войны... Семь лет воевал отец. И даже ни одного треугольника ни разу не прислал. Все его считали без вести пропавшим.

– А что, родным такое официальное сообщение присылали, что он без вести пропал?

– Официально – я сказать не могу, но когда он в плен попал, кто-то из деревенских что-то в письме написал.

– Когда он пришёл, родители, наверное, очень обрадовались?

– Родители его не дождались, умерли. А больше-то никто его и не ждал. Сёстры замуж вышли, братья женились. И в родительском доме очень тесно было. Поэтому, правильнее сказать, не обрадовались.

– И где же он жил?

– Он быстро женился и жил у тёщи.

– А у него какие-нибудь награды были?

– Много наград. Я помню клетчатый мешочек. Он был полон орденов и медалей. Играть в них нам отец не разрешал, а только можно было рассматривать.

– Какие ордена и медали, не помните?

– Я же тогда ничего не понимала. Помню, медаль за храбрость, орден Отечественной войны, много за взятие разных городов. А ещё были только

удостоверения, их два было. И уже внуки писали в Подольск и получили награды за деда.

– Конечно, жаль, что вы не помните, на каких фронтах воевал ваш отец, но вы рассказали много интересного. Чтобы перегрызть фашисту горло, надо иметь большое мужество. Такого мне ещё никто не рассказывал. Спасибо вам.

С ПЕЧАТЬЮ НА НОГЕ

*Прихлынут, всё развороша,
Воспоминанья вдруг,
И отогреется душа
Увиденным вокруг.*
Виктор Пахомов

Татьяна Васильевна Бекезина (девичья – Самохина) родилась в селе Малёвка Товарковского района. Село это большое, до войны оно объединяло семь колхозов. Их колхоз находился на самом краю села и назывался «Безбожник». Были также в Малёвке колхозы: «Октябрьский», «Звягинцы» и другие. И хотя колхоз, в котором состояла семья Татьяны, носил атеистическое название, но дедушка Тани был иконописцем, а бабушка пела в церковном хоре вплоть до закрытия храма.

Когда началась Великая Отечественная война, дедушки уже не стало. Отца сразу взяли на фронт. И в семье оставались одни женщины: бабушка, мама, шестилетняя Танюша и только что родившаяся перед самым приходом фашистов маленькая сестричка.

– Осенью 1941 года у нас на чердаке жил чужой мужчина, – рассказывает Татьяна Васильевна. – Не знаю, красноармеец что ли какой.

– Он был в гимнастёрке?

– Нет, как обычно, в гражданском. Тогда, наверное, партизан. И я залезала на лестницу, бабушка подавала мне еду, а я передавала ему. А когда пришли немцы, он исчез.

Вспоминает Татьяна Васильевна, как увидела она, что с бугра движутся мотоциклы, а за ними машины, и закричала:

– Немцы!

В испуге вбежала в дом и залезла на печку, забилась в угол.

Мама ещё не оправилась после родов и лежала на кровати. Рядом в люльке посапывала маленькая сестричка. А бабушка возилась около печки.

Вошёл один немец, подошёл к люльке. Таня испугалась: вдруг он что-нибудь сделает с малышкой? А он долго стоял и всё смотрел и смотрел. А потом сказал по-русски:

– У меня их дома пятеро осталось.

Глубоко вздохнул, вышел на порог и написал что-то мелом на двери. И ушёл. Бабушка вышла вслед за ним, посмотрела, ничего, конечно, не поняла. Написано было по-ихнему. И бабушка взяла тряпку и стёрла. А вскоре опять этот немец пришёл и подал маме еду прямо в постель. Мама сначала побоялась есть. А он сказал:

– Меня вы не бойтесь, я вас не обижу. И смывать с двери тоже не надо. Я написал, чтобы у вас никто не жил.

И потом он ещё помогал. А Таня с подружками так осмелели, что подбегали к нему и просили:

– Дядь, дай шоколадку! Дядь, дай колбаски.

Давал. А иногда и сам угощал.

И только спустя некоторое время, когда Таня немного подросла, мама ей объяснила, что это был потомок русских эмигрантов. И хотя кровь у него была смешанная, больше немецкой, чем русской, и фамилию он носил немецкую, но в душе считал себя русским и любил всё русское. Так что им повезло, что первым в дом вошёл он.

Под окном их дома немцы устроили кухню: поставили чугунную печку и сами готовили на ней всякую еду, чаще всего мясную. Ловили на деревне кур или привозили на мотоцикле куски мяса, иногда что-то ещё, уже приготовленное. Если когда что оставалось, отдавали детям, но не всегда. Всякие немцы были. Иногда видят, что рядом стоят голодные дети и ждут, что, может быть, им что-нибудь достанется, но фашисты выкидывали на землю всё, что оставалось в чугуне, а детям не отдавали.

Один раз, когда мама уже оправилась, она пошла к колодцу за водой. И Таня тоже с нею. Стояла поздняя осень. Выпал первый снег и относительно большим слоем покрыл землю. А потом вдруг потеплело, и снег быстро растаял. Но ручьи не успели спуститься к реке, как ещё более крепкий мороз сковал их. Сплошной лёд напоминал каток.

Мама набрала полные ведра, зацепила их крючками и подняла коромысло на плечи. Аккуратно передвигала ноги. Скользко! Только бы не упасть. Таня смелее шагает, молодец.

Вдруг сзади послышался звук мотоцикла. Дорога широкая, и вокруг деревенский простор, но на всякий случай мама уступила мотоциклисту всю дорогу, а сама с ведрами прижалась к обочине. И Таня возле неё.

Но мотоциклист решил потешиться. Свернув с дороги, он толкнул мотоциклом маму и девочку. Мама поскользнулась, упала, ведра раскатились, вода из них разлилась по дороге. Мотоциклист вёз что-то горячее, и оно попало девочке на ногу и сильно обожгло. Таня заплакала и побежала скорее домой. Ожог оказался сильным. Бабушка долго потом лечила Тане ногу гусиным салом, но отметина осталась на всю жизнь.

Перед отступлением фашистов в дом опять зашёл тот немец, который говорил по-русски.

– Прячьтесь в подвал, – предупредил он, – дома' будем жечь. И расстрелы могут быть.

Но под натиском Красной Армии фашисты срочно покидали Малёвку и всё село сжечь не успели, до «Безбожника» не дошли.

А потом вернулся с фронта папа, стал работать председателем колхоза в селе Товарково. У Тани появился ещё братишка. Но мама прожила недолго. А папу в 1947 году перевели в Бегичево на шахты, где он работал горным мастером.

Таня училась. Подросла и повстречала Петра. 1955 год стал началом их совместной жизни. И до сих пор они живут в любви и согласии.

А историю Петра Бекезина читайте значительно ниже.

МОЙ ОТЕЦ

*И, не выдавший горя и печали,
Огнём не прокалённый, как кузнец
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в словах поёт свинец.*
Сергей Орлов

Телефонный звонок. Снимаю трубку.
– Я вас слушаю. Здравствуйте.

– Здравствуйте, – мужской незнакомый голос. И молчание.

– Говорите. Вам кто нужен?

– Вот мне дали номер телефона и сказали, что это писатель. Я, наверное, неправильно набрал или меня разыграли?

– Нет, всё правильно. Я писатель.

– А вы откуда к нам приехали?

– Я местная, родилась в Богородицке.

– В Богородицке? И писатель? Как это так?

– В нашем городе не только писатели, но и поэты есть.

– Первый раз слышу.

Чувствую, человек простой и откровенный, к тому же, по-видимому, трезвый. Решила, как говорится, попытать счастья.

– Я сейчас пишу книгу про войну, собираю воспоминания очевидцев. У вас в семье есть кто-нибудь, кто жил во время войны?

– Да, отец. Вот мне и сказали, что писатель пишет про тех, кто был на войне. Мой отец тоже воевал. Вы про него напишете?

– Напишу. А как звали вашего отца?

– Якушин Андрей Григорьевич. Он на дальнем Востоке с немцами воевал.

– Если на Дальнем Востоке, то, значит, он воевал с японцами. Или до войны в армии там служил.

Мой собеседник немного задумался, потом удивлённо спросил:

– А разве на Дальнем Востоке немцев не было?

– Нет. Там наши воевали с японцами в августе до 3 сентября 1945 года.

– Но моего отца комиссовали в 1944 году, это я знаю точно, потому что моя сестра родилась в 1945-ом.

– Значит, когда началась война, их полк перевели в европейскую часть, а на их место прислали других. Так было.

– Наверно.

– А что вам отец рассказывал про войну?

– Он был связистом. Катушку с проволокой тасил. А ещё он говорил, что очень жарко было. Кругом всё в огне, грохот стрельбы. И только видишь, что среди огня и дыма руки и ноги во все стороны разлетаются.

– А почему отца комиссовали в 44-ом?

– Он проволоку тянул, а тут стрелять начали, и ему бок прострелили, и на правой руке два пальца оторвало, указательный и рядом с ним. Как раз те, которые нужны, чтобы стрелять.

Отец в госпитале отлежал, а потом домой пришёл. Он с 1912 года, а умер в 1996 году, 84 года прожил. С таким ранением, это в боку-то, совсем даже хорошо.

– Я поняла, что вы звоните с домашнего телефона. Вы в Богородицке местные или приезжие?

– Сейчас я с семьёй живу в РОСе, а раньше мы жили в деревне Сухотино Суходольского сельсовета. Но мы никогда не были колхозниками. У меня брат с 1939 года, сестра с 1945 года, я с 1949 года. А отец раньше в шахте работал. С коптилкой вагонетку угля за сто метров за десять копеек гонял. Его отец, дед мой, строгий был, деньги все у него отбирал, сам ел, что хотел, а сыну и его жене доставалось только то, что оставалось. Таков раньше порядок был.

– А землю в колхозе давали ему?

– На всю семью было тридцать соток. Но нас в колхозе за людей не считали и лошадь не давали. Всё вручную лопатой копали.

– Отец, когда с фронта пришёл, тоже в шахте работал?

– И в шахте, и в Подмоскowie на торфоразработках, только после пенсии четырнадцать лет в колхозе ещё работал. А мы тоже не колхозники: брат – каменщик, я – сварщик, сестра – на заводе.

– Ну что ж. Спасибо за ваш рассказ.

- А напишете?
- Напишу.
- Тогда добавьте ещё, что мой отец никогда в жизни не курил и пил мало, пьяным не был, поэтому и прожил долго.
- Хорошо. А теперь скажите, с кем я разговаривала?
- **Акунин Василий Андреевич.**

ДЛЯ ЛЮБИМОЙ ДОЧЕНЬКИ

*Здесь смерть не смерть,
а только честь и память.*

Михаил Беляев

Кажется, одно и то же село, одинаковые условия жизни, в одно и то же время в разных его частях проходила фашистская оккупация. И в предыдущей моей книге целых пять рассказов, пять воспоминаний о селе Иевлево Богородицкого района в период фашистской оккупации. О чём ещё можно писать?

Но в каждой семье находится что-то своё, что тревожит с раннего детства, о чём хочется высказаться чужому человеку, который тебя внимательно слушает и понимает. И тем самым облегчить тяжесть своих воспоминаний или, наоборот, снова растревожить душу.

Когда я узнала, что моя собеседница была совсем ещё крошкой, к началу войны ей шёл всего третий год, то подумала: что она может рассказать? Но, оказывается, она свято хранит воспоминания об отце, Иване Никифоровиче Ядыкине, 1906 года рождения.

Ещё когда-то давно, в самом начале тридцатых годов, мама моей собеседницы, Екатерина Михайловна Ядыкина, ехала из села в город Богородицк, чтобы в роддоме дать жизнь своему первенцу, но роды начались в дороге. И девочка родилась мёртвой.

Несколько лет не было детей, потом родились друг за другом два мальчика. Но отец мечтал иметь дочку.

И вдруг... О, радость! Наконец, 1939 год принёс отцу счастье – маленькую доченьку. Отец души не чаял в этом ребёнке, готов был пожертвовать всем ради неё.

Радость семьи нарушила война. Иван Никифорович страдал язвой двенадцатиперстной кишки, но спасало его домашнее молоко, и в первый набор на фронт Ивана Никифоровича не взяли. И фашистскую оккупацию легче было пережить, когда в доме мужчина.

Но, если вошли в село фашисты без боя, в тот же день, что и в Богородицк, 15 ноября, то покидали его, обороняясь от советских освободителей, ровно через месяц. И местные жители, защищаясь от пуль и мин, а также от воздушных налётов, вынуждены были прятаться в подвалы. А подвалы во многих деревнях, а чаще в сёлах, – своеобразные архитектурные строения: на определённом расстоянии от дома, с выходами, ступеньками, и на поверхности земли вроде своего рода избушка.

Очень торопились старшие семьи' Ивана Никифоровича Ядыкина скорее спасти, укрыть своих ребятишек, что не захватили с собой воды. Наверное, рассчитывали, что бой недолго будет длиться.

Прошло немного времени, и маленькая девочка закричала:

– Пить! Хочу пить!

– Потерпи немного, – уговаривали её родители, – вот придём домой, тогда и попьёшь.

Но до сознания этой крохи не доходило, насколько опасно выйти сейчас из подвала, чтобы принести воды. И она продолжала кричать, плакать, хныкать, просить пить.

Не смог отец смотреть на страдания любимого ребёнка, не выдержал и вылез из подвала. Слышит: где-то рядом строчит пулемет. Пули летят над головой. До дома дойти невозможно – сразу пуля сразит. И метель как раз навстречу.

Но ребёнок хочет пить. Как же быть?

Лег Иван на снег и пополз по-пластунски. До дома дополз. Фашистов в доме не оказалось. Удрали, гады! Испугались русского штыка!

Набрал в бутылки воды, привязал к ремню у брюк и так же, ползком, вернулся в подвал. Девочка напилась, успокоилась, уснула. А вскоре и русское «ура!» слышалось.

А через несколько дней Ивану Никифоровичу пришла повестка на фронт. Уходя, подошел он к своей любимой доченьке и сказал:

– Не грусти. Сам без штанов приду, но тебе пальто куплю.

Провоевал Иван Никифорович недолго: в первом же бою в Подмоскovie был ранен в висок. Пуля задела височную кость. Пролежал он в госпитале и вернулся домой с инвалидностью второй группы.

Время шло, но рана на виске так до конца и не зажила. Периодически выходили из неё небольшие гнилые костные кусочки.

А тут начался очередной набор на фронт. Вызвали и Ивана Никифоровича в военкомат на врачебную комиссию. Осмотрела комиссия рану на виске и решила, что вторая группа – это много, достаточно и третьей. А с третьей группой люди работают. Конечно, язва в пищеварительном органе тоже не подарок. В боевые действия такого посылать жестоко, но охранником быть сможет.

И взяли Ивана Никифоровича вроде бы на фронт, но послали в город Белёв охранять лесосклад. Трудно ему без молочка от своей коровки, и о детишках скучает, особенно о любимой доченьке. Вот и стал он много курить. Даже сахар, выдаваемый с пайком, менял на осьмушку махорки. А это очень вредно для организма, особенно с такими болезнями.

Собралась было Екатерина Михайловна съездить в Белёв, отвезти ему домашнего молока. А тут и бумажка казённая пришла: умер Иван Никифорович Ядыкин 1 апреля 1945 года, не дожив чуть больше месяца до победы. И похоронили его в Белёве. А у нас на стеле участников войны записано и его имя.

Тяжело было Екатерине Михайловне в первое послевоенное время одной с тремя детьми. Роста она небольшого, но энергичная, трудолюбивая. И колхоз «Победа» – лучший в районе, на трудодни платят больше, чем в других колхозах. А всё равно не хватает. Вот и пришлось ей ходить в Черняевку и менять на продукты домашние реликвии, которые от немцев сумели уберечь, – старинные красивые цветные платки и шали, что ещё от бабушки в наследство достались.

В разные инстанции писала Екатерина Михайловна просьбы о назначении пенсии или пособий детям умершего фронтовика. Но бюрократы только отписывались, посылая её в другие организации.

Наконец, пришел ответ из Богородицкого райвоенкомата за подписью военкома Асеева Ивана Ивановича от 29.08.45 г.:

«Сообщаем о том, что рядовой Ядыкин Иван Никифорович, находясь на лечении в больнице, умер от язвы двенадцатиперстной кишки.

Решение областной комиссии: в назначении пенсии отказать, так как смерть наступила не на фронте и не от ранения».

В лесу неподалёку аэродром был, самолёты стояли и лётчики жили. Подруги, у которых мужья погибли, ходили туда и Екатерину звали с собой, но она каждый раз отказывалась. Для детей жила и трудилась.

Рассказала мне эту историю жизни та маленькая доченька, которую так любил отец, а теперь пенсионерка. И просила меня увековечить его память в своей книге. Своё имя мне назвала, но очень просила не указывать его. Что я и сделала.

ИХ СОЕДИНИЛА ВОЙНА

*Снова весь фронт раскалён от огня,
Лупят зенитки три ночи, три дня,
А в гимнастёрке на снимке
Ты обнимаешь меня.
Песня из кинофильма
«Московская сага»*

Как соловей, наш Сергей Климачёв,
И как солист – виртуоз настоящий.
Просит он в песне своей соловьёв,
Чтобы солдат не тревожили спящих.

Это строфа из моего стихотворения, посвящённого Богородицкому хору «Ветеран». Большое наслаждение получила я, когда слушала выступление этого хора на юбилейном празднике 70-летия Победы советского народа в Великой отечественной войне.

Много знакомых мне людей в хоре, и о каждом из них можно было бы писать большие очерки, но меня заинтересовал незнакомый солист. Среднего роста, немного худощавый, симпатичный, совершенно не седой, он, как оказалось позже, выглядит значительно моложе своих лет.

Но главное – голос... И хотя я не столь тонко разбираюсь в музыке, но поняла, что песни «Журавли» и «День Победы» он запевал тенором, а соло «Ехал я из Берлина» и, особенно чудесно, на итальянском языке, «Моё солнышко», как мне показалось, он исполнял баритоном. И когда я спросила у более понимающих людей, то стало ясно, что не ошиблась. Голос у **Сергея Николаевича Климачёва** действительно уникальный.

Мне захотелось с Сергеем Николаевичем познакомиться поближе. Он оказался очень простой, душевный, доброжелательный, говорил легко, свободно, порой шутил, улыбался.

Мне как писателю часто приходится разговаривать с незнакомыми людьми. Иногда бывает, что поговоришь каких-нибудь десяток минут, а устанешь так, как будто подряд несколько часов разговаривала. А здесь наоборот – мы общались около часу, он выкладывал мне свои мысли, порой очень оригинальные, своеобразные. И был рад, что нашёл собеседницу, которая его внимательно слушала, а он высказал всё, что накопилось на душе.

Однако я отвлеклась. Ведь моя книга посвящена войне, об этом я, естественно, тоже его спросила, хотя он родился через два года после окончания войны.

– Мы родом из деревни Бегичево Богородицкого района. Дед мой, Дмитрий Дмитриевич Климачёв, 1870 года рождения, ещё на Первой мировой войне воевал. Уже не очень молодой был, но его призвали и на вторую, и он сказал, что за родное Отечество не жалко кровь проливать. Был ранен и награждён медалью, а потом до конца своей жизни в колхозе работал, последнее время сторожил, – рассказывает Сергей Николаевич.

Отец Сергея Николаевича, Николай Дмитриевич Климачёв, 1912 года рождения, закончил семь классов. Но сельская работа не влекла парня. Выучился сначала на шофёра, поработал какое-то время. А тут дядя, отцов брат, из Москвы приехал проведать родителей и родные места. И столько чудес про Москву

наговорил, что захотелось и Николаю повидать столицу. А дядя возражать не стал. Квартира, правда, небольшая, но для родного человека места хватит.

Пожил Николай немного, познакомился с Москвой. И как-то раз взял его дядюшка с собой на телеграф. Очень понравилось это парню, быстро выучил он азбуку Морзе. И дядя понял, что парень смекалистый, обучил его всему, что сам умел. Только вот, чтобы работать, какой-то документ нужен.

Но тут началась война. Определили Николая Климачёва на курсы ПВО. А когда окончил, поставили командиром отделения. И оставили его в Подмоскowie охранять столицу.

Фашисты рвались к Москве. Авианалёты постоянные. Ни днем, ни ночью покоя нет. Конечно, было страшно. В любую минуту жизнь могла бы оборваться.

Старался держаться, ведь в бригаде он один мужчина, все остальные девушки. А тем более командир. Разве мог он показывать перед ними свою слабость?

И приглянулась Николаю одна девушка из Чувашии. Видит, что смелая, ничего не боится. И с пушкой управляется так легко, свободно. И имя такое красивое, настоящее русское – Варвара. Познакомился поближе, узнал, что мать у неё русская, что Варвара Никифоровна Мартынова на семь лет моложе него. А родина её – посёлок Огонёк, железнодорожная станция Ибреси, что в Чувашской АССР.

Отбили фашистов от Москвы, но авианалёты беспокоили ещё долго. Поэтому часть зениток, а с ними и зенитчиц, в том числе и Варвару оставили защищать столицу. Она девушка грамотная, и он ей под стать. Вот она, и любовь, пришла, настоящая.

Но война ушла далеко, в Европу. Николай Михайлович продолжал служить в Подмоскowie. И на телеграфе работал, и шофёром. Но не мог забыть свою военную любовь.

Хотел податься на Северный полюс. Только для этого нужны были две рекомендации. Одну ему дали, а другую нет.

Тогда поехал в Чувашию, забрал Варвару и привёз в посёлок Бегичевский, который вырос на месте его деревни.

Он работал на шахте, а она на почте. И родились у них два мальчика и две девочки. И все отличные певцы.

Настоящий квартет!

СЕМЕЙНАЯ РАНА

*Значит, весь человек
Состоял из такого железа,
Что его даже смерть,
Чтоб сразить,
Выбивалась из сил.*

Алексей Недогонов «Баллада о железе»

Как тяжело стало находить тех, кто видел войну и сохранил твёрдую память, сможет хоть что-то рассказать. О многих в этом году писала наша районная газета, а также показывали и рассказывали по местному телевидению. Повторяться не хочется. Но читатели просят от меня третью книгу прозы, связанную с войной.

Пыталась разговорить некоторых тех, которые жили в Богородицке до войны. Хорошо помнят оккупацию, но ничего нового – в принципе всё одно и то же.

Решила позвонить по любому номеру в новый микрорайон, где живут переселенцы из ветхого и аварийного жилья. Среди них, наверно, много ветеранов и тружеников тыла.

Набираю первый номер. Отозвались сразу. Объясняю цель моего звонка.

– Я читала ваши книги, – отвечает женский голос, – мне всё это интересно. Моя мать тоже была в оккупации, только не здесь, не в Богородицке. Она пыталась нам что-то рассказывать, а мы как-то раньше не интересовались. А вот теперь она уже пятнадцать лет парализована. Сознание хорошее, всё помнит, но говорит плохо, два слова скажет и устаёт.

– А про папу что-нибудь сможете рассказать? Он был на фронте?

– На фронте был и воевал, но у нас в семье не принято об этом рассказывать.

– Почему?

– Он попал в плен. А всех, кто был в плену у фашистов, в нашей стране считали врагами народа и расстреливали.

– Но ведь это было ещё при Сталине, а его уже давно нет. И папы вашего, я думаю, тоже нет.

– Папы тоже давно нет, а в нашей семье всё равно решено ничего не рассказывать.

– Но всех, кто был в фашистском плену, уже давно реабилитировали.

– Я знаю, но мы боимся.

– Чего?

– Что всю семью могут сослать. Больше я вам ничего не скажу, извините.

И в трубке слышались короткие гудки.

Да, какую глубокую рану нанесла война этой семье. Эта рана не смогла зажить даже за 70 лет.

ОТЕЦ ОСВОБОЖДАЛ БОГОРОДИЦК

(Стиль сохранен)

*Идти к домам,
к родным своим порогам,
стрелять в фашистов,
помнить до конца:
взята деревня!
Впереди дорога,
и вновь идти от милого крыльца.
Михаил Луконин*

Мы ломовские. Когда мой отец отделился от своего отца, то мы стали жить на слободе Церковенка, это в самом центре села. Там раньше церковь была, потом её сломали, а из кирпича построили семилетнюю школу на этом же месте. А рядом с церковью была богадельня. А когда церковь разрушили, то из богадельни тоже всех куда-то выселили, и сельсовет отдал её нам под жильё. Дом был одноэтажный, но просторный.

Отца звали Иван Иванович Ушаков. Первый мой брат Алексей Иванович 1925 года рождения, второй Николай Иванович 1928 года рождения, потом ещё брат 30-го года рождения, но он был ещё молодой, потом я 1934 года рождения, и младший брат родился в 1940 году.

Сначала про отца расскажу. Его попервоначально на войну взяли. Он связистом был. И Богородицк освобождал. А когда освободил, домой пришёл. И ещё солдаты наши с ним тоже пришли. Одну ночь переночевали и ушли дальше воевать. И до самого конца войны отец воевал. А когда война кончилась, вернулся домой. Он во многих боях был. И рубашка у него вся истерзана, одни дыры.

– Это от пуль, – сказал он нам. – По мне немцы стреляли. Пули рубашку рвали, а до тела так и не доставали. Всю войну воевал, много боёв прошёл, а ни одной, даже маленькой царапины на теле нет. Это меня Бог спас.

– Конечно, Бог спас, – ответила мать. – Вот когда немцы у нас были, я нагладелась. Такая страсть. И когда ты Богородицк освободил и ночевал, я подумала, что на'дыть (надо. В.В.) спасти тебя. Перестирала вам гимнастёрки, пересушила и в твою гимнастёрку зашила крестик. На теле-то вам не разрешают носить. Вот он тебя и спас. Я бы повозилась, всем бы зашила, но больше не было.

У отца наград много разных, только мы тогда не понимали, играли в них. А потом растеряли. Но одну награду я намеренно (недавно. В.В.) случайно в чемодане нашла, на самом дне, «За взятие Кёнигсберга». И как она туды попала и столько лет лежала, даже умом не соображу.

А потом ещё награды были, это когда он в колхозе работал. То торшер дали, то стаканы, много всего. Он ударник был. Но так попервоначально, а потом дорогие подарки были.

Старшие мои братья не воевали. Алексей Иванович учился в ФЗО (фабрично-заводское обучение. В.В.), окончил его в шестнадцать лет и работал на заводе. А когда шла война, его послали в Красноярск на авиационный завод, потом перевели в Таганрог, там он женился и там остался.

Николай Иванович тоже закончил ФЗО, его призвали в армию, но война кончилась. Работал в Куйбышеве, потом в Ростове, заболел туберкулёзом и домой умирать приехал.

А теперь расскажу про нас.

Когда немцы приближались к Богородицку, самолёты над селом летали, но мало. Иногда стреляли на других слободах, а над нами ни разу не стреляли. Потом немцы пришли к нам через прогон. В селе жили дней семь, а потом дальше пошли.

У нас ночевали три ночи. Настелили соломы на полу и на ней спали. В первую ночь все чесались. Вшей у них много было. А потом из школы столы принесли и на них спали. У них в логу машина застряла, они из неё принесли несколько одеял. И один немец накрыл нашу мать одеялом. Она не хотела брать, сказала, что вши в ней, а он показал, что их нет.

А лошадей загнали в сенцы. У нас сенцы большие были и без потолка. Вот там лошади и ночевали.

Как пришли, так сразу весь хлеб у нас из рундука и повыгребли. Мать не пускает, а немец знаками говорит:

– Отойди, а то капут.

Мы-то около школы, а в школе у них штаб стоял, и там кухня была. И они у нас всю картошку из погреба повытащили. Вот немец тащит, а мать говорит:

– Детям оставь.

А немец показывает:

– Молчи. Самолёт прилетит и всех убьют.

А потом немцы отступали и дома' жгли. Прямо факел зажигают и бросают в дом. Мой брат сам видел. Но только не на нашей слободе. Мы в это время в подвале сидели. И дверь ломом подпёрли. А немцы ещё молодых ребят собирали. Вот один немец пинком вышиб дверь. Но, видать, хороший немец попался. Посмотрел и кричит:

– Там никого нет!

Наши, кажись, уже близко были. Немцы бросили жечь дома и побежали. А когда отступали через речку, там лёд был, и они все ползая полозили.

И после немцев голодовка была. Картошку гнилую на полях копали, мать оладьи из неё пекла, они были синие. Мы с братом пошли один раз за такой картошкой, а на мне шахтёрские галоши были. Другой-то обуви не было. В логу застряла, брат помог, а галоши оставила.

А весной щавель собирали. Крапивные щи мы не ели, у нас щавеля везде много было. На базаре с матерью продавали. Его городские хорошо разбирали. А мы пшеницу покупали и кутью из неё варили, ели. Хлеб покупали, а когда и бидон киселю купляли.

В колхозе лошадей не было, всю землю не вспахали, и семян не хватило. Прислали кукурузу. А её раньше не сеяли. Вот и посеяли по непаханному, где летася (в прошлом году. В.В.) картошка была. И мы с братом за этой картошкой на кукурузное поле ходили, приносили гнилую и с червями. Ели и такую. Но всё равно голодно было. Младший брат Мишка, это который с 40-го года, бывалчи, упадёт на землю, бьёт ногами и кричит:

– Есть хочу!

А осенью я пошла в первый класс. Нам давали ножницы и вешали на плечо сумки, и мы обрезали колоски. Училась хорошо. После семилетки хотела в сельскохозяйственном техникуме учиться, да годами не вышла, не приняли. Надуть годок подождать, а потом поступать. А я работать в пятнадцать лет пошла. Сначала пять лет в МТС (машинно-тракторная станция. В.В.) отработала, потом на стройку пошла. Последние годы в первой школе в столовой работала раздатчицей и посуду мыла, убиралась.

К нам летом приходите, у меня под окнами такие цветы красивые. Залюбуетесь!

Анна Ивановна Звягина

(улица 30 лет Победы)

Константин СИМОНОВ

РАЗНЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

(из дневника писателя)

Не доезжая до Епифани, мы догнали полковника Немудрова – офицера для поручений при командующем армией. У него сломалась машина, и его посадили к начальнику штаба, а Высокоостровского высадили и оставили на дороге ждать какой-нибудь другой машины.

К вечеру мы проехали через Епифань. Город был почти целиком сожжён и ещё дымился и тлел. Так же, как и Михайлов, он был забит брошенными немецкими машинами, главным образом, транспортными.

В Епифани командующего армией не оказалось. Он был уже где-то впереди, под Богородицком, где шёл бой.

Мы ехали всё дальше и дальше, пробирались среди обломков и остовов брошенных и сожжённых машин. Наконец, мы остановились в какой-то деревне, из которой немцы ушли четыре часа тому назад. Она ещё догорала, и со всех сторон над снегом плясали языки пламени. Мы зашли в чуть ли не единственную уцелевшую избу. Там грелось уже несколько человек.

Хозяйка избы со всхлипываниями стала рассказывать, как немцы выгнали всех на мороз, и как сожгли деревню, и как убили её соседа, который хотел потушить свой дом. Говоря всё это, она скоблила ножом стол, за который мы хотели присесть, чтобы перекусить.

– Не садитесь, погодите, они тут на столе спали, – говорила она. – Погано тут, погано!

Она всё говорила, и всхлипывала, и металась от стола к печке, где варилась картошка.

– Вот всё варю и варю, всё идут и идут наши, – говорила она, продолжая всхлипывать. – Всю картошку сварю, пока все не пройдут.

Пробыв в этой деревне полчаса и узнав от командиров, что командующий поехал дальше, вперёд, мы двинулись вслед за ним.

Был сильный ветер. Всё вокруг заметало снегом. Сквозь снег уже недалеко виднелось зарево. Это горел Богородицк. Слева и справа по всему горизонту было

видно еще несколько зарев, не таких больших. Немцы, уходя, сжигали вокруг всё, что успевали сжечь.

* * *

Ещё раз прерву себя, чтобы дополнить эту картину взглядом на неё с той, немецкой стороны.

«...Устоять или погибнуть. Третьего в эту русскую зиму быть не может. Если село запылает, то этот огненный столб, во исполнение приказа фюрера, покажет лётчикам и нашим соседям, что здесь до последнего патрона сражались немецкие солдаты», – писал в дневнике всё тот же молодой немецкий офицер, скорее всего мой ровесник или почти мой ровесник.

До последнего или не до последнего патрона они сражались – с этим, наверное, в разных местах бывало по-разному, но что они повсюду старались сжечь всё до последнего дома – этому я был свидетель.

...Ещё через час, то садясь в машину, то вылезая из неё, мы добрались до какой-то деревни, которая тоже была вся в догоравших развалинах. Посреди неё стоял один целый дом, как потом оказалось – сельсовет. Возле этого дома, красный от мороза, в сбитой набок шапке и расстёгнутом полушубке, стоял командующий 10-й армией генерал Голиков и разносил какого-то командира, который спрашивал, куда ему вести свою роту и где находится его полк.

– В Богородицке ваш полк! – кричал генерал. – В Богородицке!

– А куда же идти? – спрашивал командир.

– А вот зарево. Там бой идёт. Туда и идите.

– А по какой дороге?

– Ни по какой дороге! – кричал Голиков. – А просто идите на зарево и дойдёте. Там бой идёт. Поняли?

И люди шли мимо него и уходили куда-то в метель, в сторону зарева.

Начальник штаба армии генерал Дронов, обратившись к Голикову, спросил его, какие части там, впереди.

– Всё, что впереди, в Богородицке, – сказал Голиков.

– А ведь полк, – Дронов назвал номер полка, – ещё не подошёл сюда. Сейчас здесь впереди вас ничего нет, товарищ командующий.

– Разведка есть! – сказал Голиков. – С меня довольно. Разведка впереди. Поняли?

Он увидел приехавшего с нами полковника Немудрова и сказал ему:

– Немудров, мне то сообщают, что уже взяли Богородицк, то сообщают, что ещё не взяли. Ничего не понимаю. Скорей всего ещё не взяли. Так вот отправляйтесь и берите. Тут до него километров восемь. Двигайтесь.

Немудров откозырнул и пошёл, но вернулся с дороги.

– Товарищ командующий, какой пропуск?

– Пропуск? – переспросил Голиков. – Богородицк! Сегодня пропуск Богородицк. Идите!

Несмотря на всё то мрачное, что мы видели за этот день, – сожжённые и полусожжённые города, зарево горящих кругом деревень, несмотря на лютый мороз и буран, всё-таки во всём этом было что-то яростное и весёлое. Мы наступали, наконец-то наступали! Об этом говорили и оставляемые немцами пожарища, и их валявшиеся повсюду машины. Это чувствовалось и в голосе генерала, и даже в той неразберихе, которая творилась кругом.

Выбрав минуту, я подошёл к Голикову и представился как корреспондент «Красной звезды».

– Очень хорошо. Посмотрите, как мы тут воюем, – сказал он.

Начавшийся было разговор прервал какой-то командир, который привёл только что пойманных на окраине этой деревни двух немцев. Видимо, они отстали от своих и, обледеневшие, со зла стали в темноте поджигать какую-то ещё оставшуюся там целую избу.

Генерал подошёл к пленным. Они были в ботинках и шинелях, в натянутых на уши пилотках.

– Из какой дивизии? – спросил генерал.

Ему ответили.

– Что, поджигали? – спросил Голиков. Подтвердили, что поджигали. Поджигателей было приказано расстрелять. Их куда-то увели, а генерал ушёл в дом. Дом состоял из двух частей: одна, кажется, была жилая, а другая представляла собой что-то вроде огромного сарая с печью внутри. Там на земляном полу уже лежало вповалку несколько командиров. А из печи торчало два бревна: по мере того, как они прогорали, их совали всё глубже и глубже в печь. На дворе было не меньше тридцати градусов. Двери сарая были сорваны с петель, окна выбиты, но всё же по крайней мере сверху не сыпал снег и меньше задувал ветер.

У меня не было с собой ни сухаря, ни крошки хлеба, вообще ничего. Я лёг поближе к печке, примостившись так, чтобы, поворачиваясь, можно было греть то спину, то грудь. Кто-то из соседей поделился со мной замёрзшим куском хлеба. Засунув в печь ведро, в нём топили снег и пили из него чуть тёплую грязную воду с плавающей в ней соломой. Я так устал и намёрзся за день, что всё-таки уснул, иногда сквозь сон переворачиваясь.

*ОРТЕНБЕРГ Давид Иосифович,
редактор газеты «Красная звезда»*

ИЮНЬ – ДЕКАБРЬ СОРОК ПЕРВОГО

(отрывок)

Вчера вечером раздался звонок с московского аэродрома. Звонил Симонов. Наконец-то нашлась «пропащая душа»! Сразу же послали за ним машину – и через час он был у меня. В полном зимнем фронтовом обмундировании – в полушубке, валенках, меховых рукавицах, но... без шапки. Обветренный, раскрасневшийся, даже какой-то сизый. Стал объяснять, почему не попали в Елец, доложил, что был в 10-й армии генерала Голикова, наступавшей на Михайлов–Епифань–Богородицк. Хотел рассказать, что видел там, как добирался в Москву. Но я прервал его:

– Потом расскажешь. Садись и пиши. Пойдёт в номер. Ровно триста строк... А где твой экипаж?

– Приедут завтра.

Свой очерк Симонов не писал, а прямо диктовал на машинку. До двух часов ночи. Назвал его «Дорога на Запад».

Очерк удался.

Насмотрелся на раззор в отбитых у противника исконно русских городах Михайлове, Епифане, Богородицке, на сожжённые дотла сёла и деревушки и заглянул в их будущее.

«Город Епифань. Вернее, то, что было городом Епифанью, и то, что будет городом Епифанью. Да, будет! Потому что исчезнет с земли вся эта фашистская сволочь, все эти убийцы, мародёры, насильники, а русские города, разрушенные ими, восстанут из праха, как они восставали уже не раз, и будут стоять ещё века на тех самых местах, где они уже веками стояли».

О чудовищных зверствах гитлеровцев. И о величии духа советских людей:

«В том же Гремячем односельчане ещё не успели похоронить только что снятых с виселиц пятнадцать человек своих родных и соседей. Эти люди не хотели быть

холуями у немцев. Они вели себя с достоинством русского человека, а этого было достаточно, чтобы немцы их повесили и не давали снять с виселиц трупы до своего ухода».

Симонов уже достаточно повидал пленных гитлеровцев – и на Западном фронте, и в Крыму, и на Севере, но никогда не писал о них с такой взрывной ненавистью и даже проклятием, как в этот раз:

«Два красноармейца ведут по улице выжженного города семерых немцев. Они ведут их далеко в тыл, через сожжённые города и деревни, через разрушенные сёла. Они поведут их и доведут, потому что такой приказ, но они с удовольствием, не сделав и трёх шагов, воткнули бы штык в глотку каждому из этих мерзавцев. Они поведут их через сожжённые деревни, мимо женщин, которые будут проклинать врагов и плевать им в глаза, они должны будут защищать врагов от народного гнева, от стариков, которые готовы повесить их на первом дереве или задушить своими руками. Красноармейцам захочется зайти в избу погреться, но они должны будут взять с собой в избу этих семерых негодяев, которые день или два назад вытащили из этой избы всё, что смогли, и повесили на стропилах её хозяина. Красноармейцы доведут их, потому что таков приказ, но я не знаю, у кого из нас поднялась бы на конвоиров рука, если бы они не выполнили этого приказа».

Прочитал я последнюю фразу, уткнул в неё карандаш и задумался. Симонов, стоявший рядом у моей конторки, поспешил объяснить:

– Я не зову нарушать приказ. Я стараюсь отразить чувства людей, их настроения. Так и будет понято. Побывал бы ты там, увидел бы, что они натворили!..

Уговорил: оставили как есть. Тем более, что несколько выше я уже зачеркнул нечто подобное. А было там вот что. Стояли Симонов и командующий армией генерал Ф.И. Голиков возле догоравшей избы в деревне Колодези под Богородицком, беседовали. В это время к Голикову привели двух гитлеровцев, только что поймали за соседними домами – не успели сбежать с остальными, увлеклись дожиганием уцелевшего. Их схватили с пучками горящей соломы в руках. И Симонов прокомментировал этот случай так:

«Разве можно их назвать пленными, этих убийц и поджигателей, да и вообще, разве применимо к ним какое-нибудь человеческое слово? Пуля в лоб единственное, что они заслуживают.

Поджигателей было приказано расстрелять».

Вот эту фразу я и зачеркнул. Симонов посмотрел на вымарку, сделанную красным карандашом, разволновался:

– Ты что – против?..

– Нет, – ответил я, – почему же? Но просто не влезает в «подвал»¹⁾. Надо же что-то сокращать...

Симонов посмотрел на меня с укором. Он понял меня...

Очерк пошёл в набор²⁾. Я распорядился, чтобы его разделили на несколько линотипов³⁾ и вёрстку⁴⁾ доставили не позже, чем через час. Симонова попросил дожждаться вёрстки, вычитать её и, если окажется «хвост»⁵⁾, сократить.

– А пока расскажи о своём путешествии, – предложил я. – Почему без шапки?

И тут мне довелось услышать, как дьявольски трудно добирался Симонов в Москву в этот студёный день. Были использованы все виды фронтового транспорта: и попутные подводы, и попутные грузовики, наконец – самолёт «У-2». В открытой кабине этого самолёта лететь зимой в любом случае – не сахар. А тут ещё попали опять в буран, ветром сорвало с головы и унесло неведомо куда шапку.

– Чтобы вовсе не окоченеть, – говорил Симонов, посмеиваясь, – я всю дорогу тёр лицо рукавицей и хлестал себя по щекам...

Принесли вёрстку. Очерк действительно не уместился в «подвал». Оставался «хвост» строк в пятьдесят. Хоть и жаль было, но пришлось резать, можно сказать, по живому. Выпали строки, где вновь выплеснулась неудержимая ненависть к гитлеровцам:

«Мы делали посадку в одном из сёл, и, сдернув шлем, лётчик связного самолёта говорит мне глухим голосом:

– Не могу больше. Буду просить перевести в штурмовую авиацию. Хочу их сам, своими руками, чтобы чувствовать, что сам их убиваешь!

Да, он прав. Я его понимаю. Вот именно такое чувство и у меня, и у каждого из нас, кто видел всё это: убивать их своими руками, хоть одного, но непременно своими руками».

Невольно вспоминается опубликованное в «Красной звезде» стихотворение Алексея Суркова из его цикла «Декабрь под Москвой»:

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток,
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

1) «Подвал» – нижняя часть газетной страницы.

2) Набор – совокупность литер, производящих текст. Литера – металлический брусочек с обратным изображением буквы.

3) Линотип – типографская наборная машина, отливающая набор целыми строками.

4) Вёрстка – оттиск от набора, служащий для исправления ошибок. Сейчас – «сигнальный» номер.

5) «Хвост» – неуместившаяся часть текста.

Жалко было расстаться с такими строками, ярко рисовавшими обстановку тех часов и минут:

«Генерал Голиков отправляет вперёд одного из своих штабных командиров. Командир на секунду задерживается:

– Товарищ генерал, сообщите сегодняшний пропуск.

– Пропуск? С сегодняшний пропуск – Богородицк. Понимаете – Богородицк! И отзыв тоже – Богородицк, и не возвращайтесь ко мне без донесения о том, что Богородицк взят! Ясно?

– Ясно».

Наконец, вёрстка подписана, полосы ушли в печать, я отправил Симонова в его «конторку». Так он называл комнату в редакции, где жил, – она была заставлена ящиками с какими-то карточками.

ХОЗЯЙКА

Заботы,

заботы,

заботы...

Они всё осилить смогли.

Их руки грубы от работы,

Им лица

ветра иссекли.

Евгений Антошкин «Солдатки»

Её номер телефона мне дали в «Обществе инвалидов».

Александра Ивановна Буракина, 1939 года рождения, отозвалась сразу и согласилась рассказать о себе. А так как мы с ней обе живём на первых этажах, то проблем для общения не составило.

Жила девочка с мамой, папой и бабушкой в деревне Болотовка Узловского района Тульской области. Мама была молоденькая и красивая, ей было всего 21 год. А папа очень похож на бабушку, свою маму: кареглазый, волосы чёрные, кудрявые и пышные – ни дать ни взять цыган.

Была и коровка у них, и поросяточки, и курочки водились. Трудились взрослые в колхозе, а также и дома заботы хватало. Но жили, как и большинство в деревне, и радовались на свою малышку. А девочка росла не по годам умным, сообразительным и послушным ребёнком.

Но вот 17 мая 1941 года прислали отцу повестку из военкомата. А также ещё четверым из Болотовки и другим из трёх соседних деревень, всего двенадцать человек. Провожали их жители всех деревень. В военкомате заверяли, что ненадолго. Но ни одного письма никто из них так и не прислал.

А тут и война нагрянула. Зерновые убрать успели, со свёклой тоже колхозники управились. Только картошку не всю убрали, ведь мужиков значительно поубавилось: всех работоспособных на фронт проводили. А девушек на трудовой фронт отправляли – окопы под Тулой рыть.

И хотя совсем рядом Богородицк, близко и Узловая, слышали, что там происходят бомбёжки и обстрелы, но в деревне всё было спокойно.

Фашисты заявили неожиданно. Сразу распределились по избам. В дом, где жила Шурочка, вошли четверо.

Один из этих четверых был тоже чёрный и кудрявый. Увидела его девочка.

– Папа! Мой папа! – обрадованно закричала она и кинулась к немцу в объятия.

Другой, злой немец, схватил автомат и нацелил его на ребенка. Мать кинулась скорее загородить собой доченьку, но чёрный немец взял ребёнка на руки и сказал:

– Не бойся, matka, я никому не позволю обидеть ребёнка. У меня своих дома осталось четверо.

И пока целый месяц длилась оккупация Болотовки, все дни жили только эти немцы. И Шурочка была уверена, что это её отец и звала его папой.

И немец относился к этому ребёнку, как к собственной дочери. Сажал её на колени, обнимал. Чувствовалось, скучал по своим детям, и всю свою отцовскую любовь выливал на чужого ребёнка, дочку своего врага.

Впрочем и он, и некоторые другие немцы не желали видеть в русских своих врагов и убивать их. Он говорил бабушке:

– Нас насильно отправили воевать. Мы не хотим войны. Зачем убивать? Но пистолет наставили и под дулом пистолета пришлось согласиться, хотя понимали, что нас ожидает.

Оккупантам часто давали разные мясные консервированные продукты. И этот немец вскрывал банку, намазывал содержимое на хлеб. Потом сажал на колени названную дочку и давал ей есть. Пока она не наестся досыта, он к остальному не прикасался.

Этот немец был по возрасту старше остальных троих, и только он удерживал их от бесчинства. И говорил:

– Matka, не бойся, тебя никто не тронет.

А на деревне случаи бесчинства и насилия молодых женщин и девушек были.

Потом по деревне пошли слухи, что молодёжь будут угонять в Германию.

«Маминому брату было шестнадцать лет. Он перешёл в десятый класс. И другие ребята все красивые, ровные, грамотные. Рьяно тянулись к музыке», – рассказывает Александра Ивановна.

И молодёжь, а с ними и другие жители отправились в лес. Вместе с братом пошли и Шурочкины мама с бабушкой и, конечно, взяли с собой девочку.

А все дома в деревне остались хозяевам – немцам.

В лесу жители деревни подделали землянки-«омшаники» и стали в них жить.

Начало декабря. Сильные метели замели все стёжки-дорожки. Сугробы чуть ли не в человеческий рост. Дни идут за днями. И вспомнила бабушка, что пришла пора коровке телиться.

А бабушке всего пятьдесят пять лет. И пошла она по снегу, где ползла, где катилась сидя. Приходит в дом, а там тихо, ни звука. В доме тепло, печка истоплена, труба по-хозяйски прикрыта, посуда помыта. Но никого нет, а только клеверного сена много наложено.

Прошлась немного по деревне. Нигде ни звука. И поняла, что непрошенные гости только что ушли из деревни.

Стали выходить и другие деревенские из леса. Вернулись в свои дома, посмотрели, что оставили после себя оккупанты, а жить в этих домах невозможно. Где печки разворочены, где двери с петель сняты и не поймёшь во что превращены, и много другого всякого безобразия, даже и перечислить невозможно. Оказалось, что во всей деревне только единственный дом оставлен в порядке.

И повалили в него ребятишки. Деревня хоть и небольшая, но детей в каждой семье много. Вот и жили первое время все детки коммуной, пока взрослые приводили в порядок свои жилища.

Далее рассказ Александры Ивановны.

Началась весна 1942 года. Земли в хозяйстве много, и земелька наша плодородная, а вот людей осталось мало. И мама вместе с другими колхоз поднимала. Работала допоздна и без выходных. Все дни в поле.

И бабушка тоже ходила. А когда засыпали зерно в амбары, то бабушка и ночами работала, караулила эти амбары.

Помню, мне было пять лет. И я уже выпускала кур. Вместе с подружкой заметала возле дома. Не понимаю, откуда только брался сор, но его всегда почему-то было много. И также с подругой мы выносили домашние отходы и вместе мыли полы.

Мама не могла нарадоваться, что у неё помощница растёт.

В деревне Покровка (сейчас этой деревни уже нет) жила мамина сестра. Она со своей свекровью ходила в Богородицк на базар через нашу деревню.

Помню, как-то они пришли, а я была одна. Спрашивают:

– А где хозяйка?

Я им отвечаю:

– Я хозяйка.

– Чайком попоишь? – спрашивают.

Но я пошла в подвал и принесла им холодного квасу. Они были очень рады и сказали, что я, и правда, настоящая хозяйка.

Стали возвращаться с войны раненые, которых выписали из госпиталей: или на долечивание, или уже не пригодных воевать.

Бабушка и мама, как только услышат, что кто-то пришёл, сразу бегут к нему и спрашивают:

– Наших не видел?

Но никто их не видел и ничего не знал про них.

И бабушка с мамой садятся в разные углы и плачут. А я подхожу то к одной, то к другой и утираю им слёзы.

В шесть лет я уже совсем стала хозяйкой. Утром вставала рано, ещё до солнышка, и выгоняла корову в стадо. А вечером встречала её из стада, давала ей ботвы. Но доила её бабушка.

Однажды бабушка пришла и кричит:

– Конец! Война замирилась! Замирилась, наконец. Теперь и наши домой придут!

Но никто не пришёл. В тот свой двадцать первый год мама уже стала вдовой. И опять она плачет в одном углу, а бабушка в другом, а я утираю им слёзы.

Мама была очень большая труженица и всё делала аккуратно. Поэтому ей проходу не давали, а правильнее сказать, ей некогда было отдыхать. Пахать, молотить – любую работу выполняла.

Например, отряды мужиков работали на лесоповале, пилили лес за определённые проценты натурой. И всё просили бригадира:

– Ты Тоньку пошли с нами.

Тонькой звали маму.

Вот мужики пилят, устанут и устраивают перекур. А мама не курила, и без дела сидеть не могла. Она всё разберёт – и на участке чисто, ни веточки не валяется. А мужикам за это премию дают. А ей кучу дров.

Однажды бригадир спросил:

– Может, тебе дубовых дать?

– Конечно, дубовые дрова жарко горят, – ответила мама, – но кто мне их разрубать будет? Ты мне хворосту дай, его и дочка разрубит.

Я и правда быстро научилась рубить. И всё рассортирую, разложу в разные места и порядок наведу. Поэтому меня соседи любили.

В деревнях, как известно, существуют семейные прозвища. Не знаю, какое в нашей семье было раньше, но сколько я помню, нас все называли Татьяновичи. По бабушке – её звали Татьяной. Поэтому я была Александра Татьяновна, мама – Антонина Татьяновна, один из бабушкиных сыновей – Алексей Татьянович и так далее.

И ещё хочу немного сказать про бабушкиных сыновей. Их она родила семерых. Но кто в детстве умер от болезней, кто погиб трагически, а до призывного возраста дожили трое и все воевали на Великой Отечественной войне.

Младший – это тот, который пережил с нами оккупацию в шестнадцатилетнем возрасте. Его призвали на войну в 1942 году, послали воевать под Сталинград. Он был тяжело ранен. Лечился в госпитале в Калининграде (Твери), но умер, и там похоронили.

Средний сын был членом коммунистической партии. Работал в городе Белёве Тульской области, в военкомате политруком. На фронт ушёл добровольцем и пропал без вести.

А старший – мой отец. От него так и не получили ни одного письма. И поиски не давали результатов. Нашли в 2010 году в Кимовском районе, в общей могиле, в которую перенесено сто бойцов. Я ездила, но в списках не нашла, плиты ещё не все были готовы.

Бабушка, бывало, плачет и причитает:

– Ораву ребят родила, а работать некому, всё самой делать приходится.

Наплачется, потом вдруг как-то сразу оборвёт свои причитания и скажет:

– Пойду на улицу песни играть.

Умоется, нарядится. А серьги всегда носила в виде колец. Ну, точная цыганка.

И собираются такие же, как она, и старше и «играют» песни, то есть поют какие-то старинные песни. И притом поют так громко, что слов разобрать невозможно.

А заиграет гармошка – моя бабушка первая выходит на круг плясать.

Вот какая она у меня была!

ИДЁТ СОСТАВ ЗА СОСТАВОМ

*По всей Руси они творят
Неслыханное зло и беды.
Валентин Сорокин «Лирика»*

Мария Александровна Аксёнова родилась в городе Богородицке, а мама её родом из Узловой. И мама много рассказывала дочке про свой город и про войну.

Была она ещё незамужней девушкой, когда началась война. А жила семья близко от Узловой товарной. Через эту железнодорожную станцию проходили все поезда от Тулы и Москвы и в обратном направлении.

С первых же дней войны Узловский машиностроительный завод перешёл на изготовление тяжёлых танков. И уже первые партии их были погружены на этой станции и отправлены в Тулу в октябре 1941 года. Одновременно заводы выпускали снаряды и другие виды вооружения, а потом также через эту станцию заводы были эвакуированы на восток.

Узловая оказалась важным узлом, поэтому подвергалась регулярным бомбардировкам фашистской авиации. Первая бомбёжка была 12 октября 1941 года. А дальше фашистские налёты и бомбёжки продолжались вплоть до мая 1943 года.

Хочу добавить здесь от себя, что пролетали на Узловую вражеские бомбардировщики над Богородицком, и были случаи, когда они сбрасывали бомбы на полях, не долетая до Узловой.

Судя по рассказам Марии Александровны, немцы сначала боялись занимать эту железнодорожную станцию, обходили её. Вокруг все населенные пункты были оккупированы врагами, а Узловая ещё как-то держалась, но на станцию и город налёты с воздуха не прекращались.

Заняли немцы станции, товарную и пассажирскую, 21 ноября. Около товарной в пакгаузе сложили много мешков соли, а потом устроили склад боеприпасов. И начали свозить сюда свою военную технику, а отсюда отправлять на Тулу.

Но, несмотря на то, что всё это тщательно охранялось, не раз проводилась подрывная деятельность со стороны партизан.

– Мама жила близко от станции, – говорит Мария Александровна, – поэтому всё видела. Но страшно было: то немецкие налёты, а потом наши.

Сначала немцы жили только вблизи от железной дороги, а вскоре захватили и город. Жили недолго, меньше месяца, но отличались страшной жестокостью. И больше всего досталось девушкам-комсомолкам. Их фашисты сначала насиловали, надругались, издевались, у некоторых отрезали груди, а в конечном итоге вешали или распинали.

– У одной девушки были большие красивые косы, – рассказывает Мария Александровна. – К ней в дом ворвались два немца, а она была дома одна. Что они с ней делали, никто не знает, только соседи слышали её крик, а войти побоялись. Потом люди видели, как один немец волок её за косы по снегу, раздетую, с голыми ногами. А второй шёл сзади и нёс в руках валенки. Была девушка в сознании или без сознания, люди не поняли, но она не издавала ни звука. А на второй день немцы заставили её ходить раздетую и босиком по снегу, хотя мороз был под сорок градусов. На третий день фашисты её повесили.

Палачи издевались и над другими людьми, и жестокостям их не было предела.

Но 13 декабря в Узловую ворвались сибиряки, в белых валенках, в полушубках и на лыжах. Бой был, но фашисты отступили. Однако подошли новые силы немцев, и сибиряки оказались окружёнными. Прорвать кольцо и выйти из окружения они сумели, но после тяжёлых боёв. И Узловую освободила 50-ая армия. Город фашисты не сожгли.

В конце лета 1942 года у некоторых девушек родились дети. Но смогут ли матери полюбить их, зачатых от врага путём насилия? И какой сложится жизнь этих детей?

И ещё Мария Александровна рассказала, что у неё было три дяди, маминных брата. Они все трое воевали на разных фронтах Великой Отечественной войны. И судьбы у них тоже оказались разные.

Старший был призван первым, воевал недолго, вернулся домой без руки.

Средний брат ушел воевать вскоре после старшего. Но он был членом партии, а поэтому занимался с солдатами агитационной и пропагандистской работой, «пороху не нюхал» и дошёл до Берлина без единой царапины.

Младшего, Сергея, взяли на фронт значительно позже остальных и сразу же, необстрелянного, бросили в бой. И всего через две недели прислали казённую бумажку: «Погиб смертью храбрых».

– Молодые больше всего погибали, – сказала под конец М.А. Аксёнова. – Они горячие. Сходу кидаются в бой с криками: «За Родину! За Сталина! Ура!» Вот и погибает их сразу столько, аж будь здоров.

И потом добавила:

– Только я вам имя мамы не сказала, не хочу тревожить её память. Вы уж извините.

Но хоть рассказала, что слышала от мамы, и за то ей спасибо.

Я СПАСЛА МАМУ

*Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Ольга Берггольц*

Знаю, что в доме, который в народе называют «пентагон», много семей, переселённых из аварийных домов, а также приезжих. Набираю из справочника первый номер – никто не снимает трубку. Набираю второй, третий и ещё, ещё. Тот же результат.

Может быть, они теперь на другой линии, на «шестёрке». Ведь Володарского, 20, точно, на шестой линии большинство номеров, а справочники старые. Экономят люди, как могут.

Решила попробовать последний раз. Нахожу в справочнике ещё один номер. Отозвались! Голос женский, молодой.

Объясняю, кто я и что мне надо. Внимательно выслушала. Но хоть сразу не опустила трубку – и это уже приятно.

– Мне очень жаль, но я ничем вам помочь не смогу, – вежливо ответила женщина, – родители давно умерли, а бабушек и дедушек у меня не было. Да и мы как-то раньше этим не интересовались. Это вот теперь все стали вспоминать, но только поздно, мало осталось тех, кто смог бы хоть что-то рассказать.

– Но, может быть, в вашем доме проживает кто-нибудь из пожилых, у кого телефон на двойку?

– Пожилая в нашем подъезде есть, и она одна живёт, домашний телефон у неё тоже есть, но номер его не знаю.

– А фамилию её знаете?

– Да, – и она назвала, – только не говорите, что я сказала. Эта женщина не любит рассказывать о себе.

Я поблагодарила свою собеседницу. Нашла в справочнике номер. Набираю. Отозвались. Объясняю цель своего звонка.

– Я уже старая, мне восемьдесят лет, я ничего не помню.

Соображаю про себя: «Значит, когда началась война, ей было шесть. Помнит, только не хочет рассказывать. Но связь не прерывает».

– А где вы жили во время войны?

– В Узловой.

– Мне одни рассказывали, что немцы в Узловой два раза были, а другие говорили, что один...

– Я ничего не знаю, ничего не помню, – оборвала она меня. – Я была маленькая, мне всего было шесть лет.

– А у вас в квартире немцы стояли?

– Стояли. А как же, стояли. Их везде было очень много.

– Ваш отец в это время на фронте был?

– Его сразу взяли, и он сразу погиб. Я ничего про него рассказать не могу, ничего не помню. И вообще я ничего не хочу вспоминать, тяжело это всё.

– А семья у вас большая была? – продолжаю я свои безобидные вопросы, потихоньку подходя к главному.

– Бабушка, и ещё мама, и ещё брат 1939 года, и ещё брат 1935 года, и ещё... Я же сказала, что не хочу ничего рассказывать. Я хочу всё забыть навсегда, но только не получается. А вы опять мне всё разбередили.

– Я вас понимаю, – пытаюсь как-то задержать разговор, чтобы ещё хоть что-то узнать. – Я на год старше вас и тоже была в оккупации в Богородицке. Меня немец застрелить хотел, только переводчик спас.

– Немцы всякие были, – продолжила всё-таки воспоминания собеседница. – У нас стояли хорошие. А чужой маму хотел убить. Я расскажу, только не пишите мою фамилию, и имя тоже не пишите. Узнают другие, будут подходить с расспросами, а я не хочу, я потом плачу.

– Хорошо, я не буду писать фамилию, а имя ваше я не знаю. И вы у меня в этой книге будете без фамилии не одна.

– У нас такой случай был, – начала рассказ моя собеседница. – Мама пошла за водой, и я с ней. Колонки не работали, и мы пошли подальше, к колодцу. Мама зачерпнула воды, два ведра, только подняла... Я тоже за дужку одного ведра уцепилась, «помогать» маме. А, глядь, чужой немец подходит. И как начал на маму кричать что-то по-ихнему. Я не поняла, что он хочет. А он вдруг стал маму штыком тыкать. Мама закричала. А он всё колет и колет. И я тоже стала кричать: «Не трогай маму! Моя мама! Уйди!» Потом схватила его за ноги, не отпускаю, продолжаю кричать, чтоб он маму отпустил. Он отпустил. Потом оторвал меня от себя.

Собеседница замолчала. Голос её, когда произносила последнее предложение, уже дрожал. Мне её стало жаль. Но не записать такое я уже не могла, хотелось всё понять до конца.

– А за что он обижал маму? – всё же спросила я.

– Он думал, что вода в колодце отравленная. Он тут что-то стал объяснять знаками, и мама его поняла. А потом он показал на меня. Тогда мама сняла рукавицы, положила их на сруб колодца, зачерпнула из ведра пригоршней немножко воды, погрела её своими тёпленькими ручками и говорит мне: «Пей, дочка!» Я выпила два глотка. Немец посмотрел, взял мамины рукавицы и пошёл. Так я спасла маму.

– Вы молодец, – начала я, не зная, что в таком случае надо ещё сказать, но она прервала меня:

– Я когда это вспоминаю, всегда плачу. И вот из-за вас опять...

Голос её задрожал. Я хотела извиниться, но не успела.

Моя собеседница прервала связь.

СВИНСТВО

*Война нравится только тем,
кто от неё не страдает.*

Эразм Роттердамский, философ, писатель,
гуманист эпохи Возрождения

Кажется, в родном городе я уже приобрела известность. И если раньше, прежде чем что-то рассказать, люди задавали много вопросов: кто я, для чего я всё это пишу, – то теперь достаточно назвать свою фамилию и многим уже понятно, что готовится очередная книга.

Но, к сожалению, в большинстве случаев люди всей душой рады бы были мне помочь, но уже не могут.

Вот и на этот раз. Видно, что **Татьяна Семёновна Лебедева** (девичья – Провоторова) женщина душевная, отзывчивая. Несколько раз повторила всё, что помнит из рассказов своего отца, но этого, конечно, очень мало. Отец избегал всяких расспросов, старался отмалчиваться, даже иногда обижался, когда заходила речь о войне. Особенно не хотел, чтобы обрела известность его военная биография среди родных детей. Ведь по себе знал, что ребята друг перед другом любят хвастаться подвигами своих отцов. А какими его военными подвигами могут хвалиться родные дети?

Семён Иванович Провоторов, 1920 года рождения, жил в селе Казановка Епифанского района Тульской области. Отслужил положенный срок в армии, вернулся домой. А вскоре и война началась. В один из первых дней его забрали на фронт. Где, кем и сколько воевал, дочь назвать не смогла, но какие-то награды были.

Потом их часть оказалась в окружении, и группа бойцов, в том числе и Семён Провоторов, попала в немецкий плен. И фашисты угнали наших солдат к себе в Германию, превратив их в своих рабов.

Семён стал бесплатным работником хозяина, который занимался свиноводством: разведением и откормом свиней. А задача русских пленных была – выполнять все грязные и физически тяжёлые работы в свинарнике. Конечно, уставали. Но не это главное. Основное то, что хозяин не считал их за людей, называл их русскими свиньями. И есть давал только то, что ели свиньи и из одного корыта вместе с ними. Вот как раз хозяин-то и показывал своё свинство.

Сколько времени тянулся этот унижительный плен, Татьяна Семёновна не знает. Но только помнит, что потом приглянулся Семён дочке хозяина, и она в тайне от отца давала Семёну пищу, которой питались сами.

Освободили пленников американцы.

Вернувшись домой, Семён Иванович работал в Казановке на шахте, начальником которой был Семёнов.

Когда шахта выработалась, Семёнов со своими лучшими работниками приехал в Богородицк на шахту № 67. И здесь Иван Семёнович Провоторов, пройдя обучение в горнопромышленной школе, работал горным мастером. Его фотография не сходила с Доски почёта. И он за свои трудовые заслуги был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Так что дочь вправе может гордиться своим отцом.

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

*Живым бойцам почёт и честь,
А мёртвым – слава вечная.
Владимир Луговской*

О своих родных мне рассказал бывший директор Богородицкой средней школы № 4 **Михаил Александрович Чукин**.

Их было три брата. Он младший. Жили они в селе Никитское Воловского района Тульской области.

Фашисты пришли в их село примерно в то же время, что и в Богородицк, и жили также месяц.

Михаил Александрович рассказал такой случай.

Освещения в селе во время оккупации не было. И чтобы подоить корову, мать привела её в дом, где единственным светом был слабенький огонёк лампы, поэтому пришлось всё делать почти на ощупь. Вошли двое, немец и финн, и сразу потребовали:

– Матка, куры, яйцо, молеко.

А мать сидит под коровой в темноте, додоить немного осталось, и молоко расплескать можно. А финн рассвирепел, кричит, достал пистолет, взвёл курок, хотел тут же застрелить мать. Но успел немец. Он стукнул финна по руке. Раздался выстрел, пуля попала в потолок. И немец увел финна из дома.

Отец и два старших брата воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

О себе Михаил Александрович рассказал очень скупое. Так как мужчин в совхозе не осталось, то всю мужскую работу пришлось выполнять подросткам. И он уже в двенадцать лет познал тяжесть сельскохозяйственного труда.

Старший брат, Василий, служил в Кронштадте. Кронштадт, как известно, – это город-порт в Финском заливе на острове Котлин. Он был построен Петром Первым для защиты Петербурга. И сейчас, во время блокады Ленинграда, он выполнял это своё назначение. Там стояли наши войска Ленинградского фронта и не пускали неприятеля к нашей северной столице. Но и сам Кронштадт почти непрерывно обстреливался фашистами.

Однажды Василий встретил знакомого товарища. Ребята обрадовались этой неожиданной встрече. Но задерживаться нельзя: и служба того требовала, да и стоять на одном месте, тем более двум рядом людям, – значит, служить мишенью для фашистов. Поэтому, как ни желательно было поговорить подольше со знакомым, обменяться мнениями, рассказать друг другу о событиях, произошедших с ними, но пришлось «переброситься» всего лишь несколькими фразами, договориться о встрече и разойтись в разные стороны. И только они отошли друг от друга метров на двадцать, как ударил снаряд. Товарища разорвало на мелкие куски. Если бы задержалась их встреча ещё на несколько секунд, то погибли бы оба. Но в этот раз Василию вырвало только мякоть на ноге, а кость даже не задело.

Средний брат, Иван, 1925 года рождения, служил в моторазведке. В бригаде было десять мотоциклов. На мотоцикл садилось по два разведчика, каждый в телогрейке, с финским ножом за поясом и с автоматом в руках.

Они проникали в тыл к врагу, брали «языка», видели скопление вражеских войск, местонахождение и количество самолётов. Но им не всегда верили, поэтому для убедительности они всё фотографировали.

Однажды они выехали в такую разведку, но фашисты их обнаружили и из миномётов обстреляли. Мотоцикл Ивана перевернулся и – весь в «лепёшку». Подъехали товарищи, видят, что Иван и его друг лежат окровавленные и бездыханные. Жалко, но война есть война.

– Не оставим и трупы фашистам, давайте заберём, похороним рядом с другими, – предложил один.

Остальные согласились. Положили на мотоциклы тела товарищей в неудобных позах, привезли к своим.

Всех погибших хоронили постоянно два человека: дед и молодой солдат. День был жаркий. Исходя по'том, они вырыли могилу.

– Давай поскорей засыплем, – поторопил молодой солдат, – да отдохнём в тени. Я уже изнемогаю от жары.

– Нет, сначала посидим немного, покурим, я очень устал, – не согласился дед.

Сидят, курят. Молодой опять торопит:

– Дед, покурили и хватит. Давай скорей засыпать. Что на таком солнцепёке трупы держать?

Сказал и поднялся. Встал и дед.

Уложили в могилу первого. Подошли ко второму, к Ивану.

– Глянь, – говорит дед, – покойник пальцем шевельнул.

– Не может быть. Он уже синеть начал, – ответил молодой, но всё же опустился на колени, приложил ухо к сердцу. – Бьётся! – не выдержал и сматерился солдат. – Послушай и ты, дед.

Дед расстегнул Ивану гимнастёрку, послушал.

– Живой! Истинный крест, живой.

Быстро работая лопатами, засыпали первого. А Ивана отправили в госпиталь.

У него оказалась контузия и что-то, связанное с головным мозгом. Но в госпитале его привели в сознание. И через полгода выписали и вернули в свою часть. Там ему товарищи и рассказали, что его чуть ли не похоронили.

Служил Иван и в армии под командованием генерала Рокоссовского и в других частях. И в Курской битве сражался. И ещё много чего испытал. И Берлин брал. И уже после окончания войны участвовал во взятии Праги 12 мая 1945 года.

Так и остался потом военным служащим.

Был у него друг-туляк. И каждый год в праздник День Победы они встречались в Туле или Москве.

И эту историю рассказал друг оставшимся братьям на похоронах полковника Ивана Александровича Чукина.

ДАЖЕ ЧЕТЫРЁХЛЕТНЯЯ

Нет! Рано враг торжествовал победу!

И сквозь пожаров дымные рога

Бойцы идут по вражескому следу,

Врезая шаг в скрипучие снега.

Николай Тихонов

Эта добрая и ласковая женщина **Нина Павловна Нагайцева**(девичья – Лаптева) работала воспитательницей в детском саду № 5 от «Угольного разреза» (напротив «Маяка»).

Помню, приехал мой брат Геннадий после службы в армии с женой, закончившей учебу в Кемеровском медицинском институте, и сынишкой Костей. А ребёнка не получается устроить в детский сад – нет мест. Пришлось мне помочь. Я учительница и местная, весь город знал, в каких условиях мы живём. Потеснили ребятишек, нашли место в малышейовой группе. Прихожу домой, говорю радостно:

– Дали место в детсаду от «Угольного разреза».

Костя наш, как услышал, закатил целый «концерт»:

– Не хочу от «Угольного разреза», не пойду я туда, я боюсь!

– Чего же ты боишься? – спрашиваем.

– Меня там резать будут. Не пойду я туда.

Насилу успокоили, объяснили, что отведём его в детский сад № 5. А это было во время летних школьных каникул, поэтому родители ушли на работу, а Костю в садик повела я. Буквы ребёнок ещё не знал и опять выразил недоверие. Я показала ему на часы-ходики:

– Смотри, вот это цифра «5», и на детском садике мы тоже увидим такую цифру.

И когда подошли, я ему показала её над дверями садика. Костюша увидел и поверил, что я его не обманула. А название он прочитать не мог.

Нас встретила воспитательница Нина Павловна. Голос ласковый, спокойный, и сама улыбается. Косте она сразу понравилась. И больше проблем с детским садиком

у нас не было: ребёнок всегда с радостью ходил туда. А в нашей семье этот инцидент не забывается.

И теперь, когда я вновь встретила с Ниной Павловной, она с теплотой выразила желание помочь мне.

– Только мне было четыре года, когда началась война, но я всё так ясно помню, как будто это было совсем недавно.

Нина Павловна рассказала, что жили они в деревне Волово. Деревенька небольшая, расположена вблизи от посёлка Волово, впоследствии их объединили.

К началу войны в семье было четверо детей, она – третья. И в сентябре 1941 года родились ещё мальчишки-двойняшки.

Её папа, Лаптев Павел Кузьмич, 1916 года рождения, воевал с первого и до последнего дня войны.

Помнит Нина Павловна, что уже рано осенью начались вражеские налёты и бомбёжки. И деревенька, вроде, безобидная, но расположена близко от станции Волово.

– Мы, дети, – рассказывает Нина Павловна, – научились различать самолёты по звуку: какие наши, а какие немецкие, бомбардировщиков отличали от разведчиков. Но бомбы попадали на поле, в деревне особых разрушений не было. наших солдат тоже не было. Сначала были, а потом ушли, ещё до немцев.

Станцию Волово фашисты обстреливали, выстрелы были слышны в деревне. Но потом стрельба прекратилась. И в деревеньку гитлеровцы вошли, как к себе домой. Сразу потребовали кур и яиц. И выгребли всё, что наши.

В доме Лаптевых поселилось несколько человек. Дом был просторный, две комнаты, поэтому фашисты выбрали его для проведения своих праздников. Как только на каком-то участке фронта фашисты выиграют бой или займут какой-то населённый пункт (а это по их действиям понимал даже четырёхлетний ребёнок), раздавались радостные крики, возгласы, ликование. Приходили фашисты из других домов, сдвигали в один ряд столы, и начинался кутёж. Пили, ели, горланили песни, смеялись. И это продолжалось до поздней ночи. Дети, кто на печку залезал, кто в маленькую комнатку уходил, но, конечно, спать не мог никто. И так было несколько раз.

Немцы были всякие. Один раз двухлетний мальчик раскричался. Фашист схватил подушку, накрыл ему голову и начал душить. Мама отняла ребенка и унесла в другую комнату.

Но один немец был хороший. Когда у них проходили попойки, он подходил к детям, разламывал плитку шоколада и всех угощал.

– Скажите, Нина Павловна, были у вас случаи, чтобы кого-нибудь немцы расстреляли или повесили?

– Нас мама оберегала: гулять во время оккупации не пускала, и при детях ничего такого страшного не рассказывали. Но один раз я всё же слышала. Был в деревне староста, он никому никакого вреда не причинил. Но его потом расстреляли. А кто: немцы или наши – я не поняла.

– Вашу деревню немцы сожгли?

– Нашу нет, а другие рядом сожгли.

– А когда освобождали деревню, была стрельба?

– Нет. Видно, кто-то немцев предупредил, и они пошли на прогон, а правильное сказать, побежали. А наши по пятам за ними шли.

Часть наших солдат задержалась в деревне. Квартировали и у Лаптевых. И хоть своих ребятишек много было, но заботливая хозяйка, чем только могла, кормила освободителей. Особенно за одного переживала, как за родного сына. Маленький, щупленький, в чём только душа держится. Она старалась ему погуще налить. И никто не обижался. Солдаты отдохнули и пошли дальше.

А папа у Нины Павловны партийный и грамотный. Перед самой войной окончил курсы радистов. И на войне был радистом и разведчиком. Был ранен в

руку, но несильно. Полечился в госпитале и продолжал воевать. Всю западную Европу прошёл: Польшу, Чехословакию, другие государства. Войну закончил в Австрии.

Не любил Павел Кузьмич рассказывать детям о том, как он воевал. Но однажды мальчишки упростили его:

– Пап, расскажи какой-нибудь случай, какой был с тобой на войне.

И младшие двойняшки тоже начали вторить:

– Расскажи, расскажи.

– Ну, хорошо, – сказал папа. – Я расскажу, как мы один раз в разведку ходили. Вот идём, я и два моих друга. А кругом темнота. Ночь была такая тёмная, ни одной звёздочки. А деревья от ветра шумят, и как будто даже где-то волки воют.

Дети все слушают, а младшие даже рты раскрыли.

– Вдруг видим, – продолжал рассказчик, – немец стоит. И мы его – раз! – и схватили. Хорош «язык» оказался, офицер. Мы ему в рот засунули тряпку, чтобы не кричал, руки связали и в штаб отвели.

Один из двойняшек раскрыл широко глазки, сложил губёнки и вот-вот заплачет. Наконец, не выдержал и спросил:

– А ему больно было?

– Почему больно? Наши, русские, с пленными так жестоко не обращаются, как фашисты с нашими.

– Ему язык отрезали и тряпку засунули?

Но тут старшие наперебой объяснили, кого и почему называют «языком».

За эту операцию, поимку «языка», П.К. Лаптев был награждён орденом «Боевого Красного Знамени». Также у него есть несколько медалей: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Бухареста», «За взятие Кёнигсберга».

Павел Кузьмич стал работать в Волово помощником начальника железнодорожной станции. В 1951 году его перевели в Караси начальником станции. В посёлке Волово дали квартиру в доме для железнодорожников, около вокзала. Там он и жил до конца. Умер в 1986 году.

Нина Павловна закончила Тульское училище по дошкольному воспитанию. По распределению прибыла в 1956 году в Богородицк, здесь вышла замуж и до ухода на пенсию работала в детском саду № 5, сначала воспитательницей, а потом заведующей.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

*Уже страданьям нашим не найти
ни меры, ни названья, ни сравненья.*

*Но мы в конце тернистого пути
и знаем – близок день освобождения.*

Ольга Берггольц «Февральский дневник»

Вчера вечером записала со слов мужчины его воспоминания. Было уже поздно, и я отложила материал на литературную обработку до утра. А утром, когда прочитала, оказалось несколько неясных моментов. Решила позвонить. А номер его телефона не записала, понадеялась на память.

Набираю. Отвечает женский немолодой голос. Соображаю: «Наверное, ошиблась». Но всё же поздоровалась и прошу:

– Пригласите, пожалуйста... – называю имя.

– Вы ошиблись номером.

Я поняла, что ошиблась. Но быстро решаю: «Видно, женщина не из молодых, надо попытаться, вдруг повезёт».

И поспешно говорю:

– Подождите, не кладите трубку. Я писатель. Собираю воспоминания о войне.

И, не успев назвать себя и изложить свою просьбу, уже услышала:

– Я вам расскажу, я с 1934 года и всё хорошо помню.

– Тогда сначала скажите, кто вы и где жили до войны. И расскажите, как можно подробнее, я буду записывать.

И вот её рассказ.

Меня зовут **Елена Андреевна Пошвыкина** (девичья – Литвинова). Мы жили в Октябрьском районе Тульской области, деревня Сторо'жа. Отец, Литвинов Андрей Васильевич, был в партизанском отряде. А нас, детей, трое: брат старше меня, а сестричке всего два года.

Когда нам сообщили, что немцы уже близко и скоро придут сюда, мы решили уйти от них подальше, чтобы, как говорится, не попадаться им на глаза, потому что это опасно – мы являемся семьёй члена партии.

Отец ранее работал на спиртзаводе, там были и лошади, и нам подали подводы. Мы погрузили самые необходимые вещи и попытались на лошадях эвакуироваться в Арсеньевский район, решили, что там будет спокойнее.

Но когда стали приближаться к этому району, услышали, что там фашисты бомбят. И нам пришлось развернуть лошадей и ехать назад.

Мы приехали в незнакомую деревню с названием Ораны. И хотя в этой деревне оказались первый раз, но деваться некуда, и мы решили остаться здесь.

Погода была замечательная, стояла пора «бабьего лета». Деревенька эта небольшая, но нам понравилась: гляделась она красивой и уютной. Мы увидели большой дом и зашли в него. Хозяева оказались добрыми и гостеприимными. Нас приютили и разрешили пожить.

Но вскоре в деревню пришли немцы. Они расселились по домам. В том доме, где жили мы, поселилось ещё четверо немцев. Но дом большой, вроде и всем хватало места. Нас они не обижали.

Как и положено, избрали из местных жителей старосту. И пока никаких злодеяний со стороны фашистов слышно не было. Крестьяне убрали последний урожай. Начались холода.

И вдруг в один день неожиданно пришёл к нам староста и заявил:

– Поскольку ваш муж в партизанском отряде, то завтра немцы вас повесят. Виселицы уже готовы.

И он указал место, где стоят виселицы.

– Кого повесят? – не сразу поняла мать.

– Всю семью.

– Как? И даже эту малышку? – и мать показала на сестрёнку.

– И её тоже. Я же сказал, всю семью, – повторил староста.

– Но чем же она успела провиниться перед гитлеровцами? – в ужасе спросила мама.

– Провинилась или нет, это не имеет значения. У них такой закон. В общем, я вас предупредил. А вы спрячьтесь, если сможете.

– Да куда же я смогу спрятаться и их спрятать? Я тут никого и ничего не знаю. И с тремя детьми...

Староста только пожал плечами и вышел.

Рано утром к нам постучали в окно. По-видимому, фашисты очень торопились, но только, когда собрались все около виселиц, они вдруг отменили эту показательную расправу над семьёй партизана, а загнали всех жителей в большой колхозный подвал и закрыли его снаружи.

Конечно, я была ещё маленькая и ту, последнюю, ночь перед казнью спала хорошо, не понимая, какая готовится с нами расправа. И только значительно позже

дошло до моего сознания, каково было матери представлять, какая участь ждёт завтра не только её, но, главное, её малолетних детей. Как она пережила ту ночь?!..

А здесь, в подвале, я слышу, как люди кричат, плачут, стонут, воют. И доносится гарь – фашисты жгут дома. Все поняли, хотя и расплывчато, что нас ожидает что-то ужасное.

Вдруг раздался громкий стук в дверь. Крики людей в подвале стали ещё сильнее. Люди решили, что настали последние моменты их жизни. Думали, что стучат немцы, но услышали русскую речь:

– Не бойтесь, мы свои, мы русские.

Дверь подвала открылась – мы увидели советских солдат. И кто заплакал, кто засмеялся. Все их обнимают, целуют. Живы! Спасены!

Деревня сгорела не вся, несколько домов сохранилось. Уцелел и тот дом, в котором мы жили. И мы вернулись в него.

А вскоре пришёл и отец, он нашёл нас через военкомат и другие инстанции. Его направили работать в совхоз «Борятино» Тульской области, бывшего Сафоновского района. И мы переехали туда и там жили, пока отца не взяли на войну.

Получили от отца несколько писем, а потом нам прислали бумажку, что он пропал без вести.

Жизнь во время войны была очень тяжёлой. Мы ходили полуголые, босые. Есть было нечего. Собирали на полях прошлогоднюю картошку и из неё варили кашу.

Мать работала учительницей русского языка и литературы. Учебных часов (уроков) у неё было много, да ещё проверка тетрадей каждый день. Но всё же она находила время и для подработки, когда мы жили в Борятино. Она умела шить, и деревенские жители приносили ей заказы. Расплачивались в основном домашними продуктами, иногда остатками материи. Это тоже было подспорье для нашей семьи. Я ей помогала и сама от неё научилась шить.

Училась я хорошо. Закончила среднюю школу на посёлке при железнодорожной станции Турдей Сафоновского района. И в этот же год стала работать учительницей немецкого языка в небольшой восьмилетней школе, расположенной за станцией. Учителей тогда не хватало, поэтому меня приняли сразу.

Закончила заочно Тульский педагогический институт, факультет иностранного языка. А позже в том же институте и также заочно окончила педфак, но учителем начальных классов работала мало, больше преподавала немецкий язык.

Вышла замуж за агронома и переехала к нему в Волово. Но он агрономом работал мало, больше по партийной линии в горкоме партии и в быткомбинате.

Волово тогда было объединено с Богородицким районом. И я сначала работала в районо¹⁾ методистом, а потом в гороно²⁾, тоже методистом. Вышла на пенсию в 2000 году. Общий рабочий стаж – сорок восемь лет.

У меня двое детей, дочь и сын. Дочь работает здесь, в Доме творчества юных, а сын живёт в Петербурге.

1) районо – Районный Отдел Народного образования, главный орган сельских школ района.

2) гороно – орган городских и поселковых школ, сейчас – комитет народного образования, объединяет все школы района.

АВТОГРАФ

*Я стреляю, и нет справедливости
Справедливее пули моей.
Михаил Светлов*

Сначала немного своих воспоминаний.

После того, как фашисты сожгли наш дом, нас приютили родственники. Это был маленький домик на улице Коммунаров, первый со стороны техникума, и значился под № 1 (нумерация была тогда с севера на юг). Самой последней к пруду была улица Пролетарская. И все ребята в округе знали друг друга.

Но вот Пролетарскую застроили до конца, то есть до самой первой школы, и начала образовываться новая улица – Набережная. Её застраивали приезжие. Одними из первых были Ядыкины. Сколько у них было детей, не помню, но они нередко приходили к нашему папе с просьбой лечить ребят.

И я решила навестить этот дом. Был понедельник, десять часов. После нескольких дождливых дней приветливо улыбнулось солнышко, и ярко блестела только что распутившаяся листва на деревьях.

Хозяин дома, **Николай Николаевич Ядыкин**, явно не был доволен тем, что я его разбудила. Я поняла, что вечером он «заложил за воротник» и ещё не очнулся. Но всё же немного разговорился. Оказалось, что он 1932 года рождения и войну помнит хорошо. Родом из Черняевки, и про оккупацию помнит в общих чертах, то, что у меня уже написано в книге «Богородицкие были-2».

Я попросила его рассказать про отца.

– Моего отца звали Николай Андреевич Ядыкин, 1906 года рождения. Родом он из Арсеньевского района, но женился на черняевской девушке, взял её фамилию и приехал в Черняевку жить. Он был шофёр.

– В войну был на фронте?

– А как же? Все были. А он, что ль, не такой, как все?

– Что он рассказывал вам, детям, как и где он воевал?

– Он не любил рассказывать ни взрослым, ни детям. Своё геройство тогда никто не показывал. Вот и он всегда с шуточками да прибауточками.

– Но всё же, Николай Николаевич, – не успокаивалась я, – что вы помните из его рассказов?

– Он был простой солдат, как и все. Но только шофёр, как и на гражданке. Сначала Ленинград защищал. Всю блокаду был под Ленинградом. А потом в 1943 году собрали всех в кучу, переправили через Ладогу и отправили на Курско-Орловскую дугу.

– Что он вам рассказывал про эту битву?

– Я же говорю, что он всегда шуточками отделялся. Жарко там было. И его ранили. Осколок совсем чуть-чуть до сердца не достал. Машину разбило. И кого-то убило. Подробности не знаю. Его в госпиталь отправили.

– А когда вылезился, опять воевал?

– А как же? И Варшаву брал, и Берлин тоже брал.

– Что он про эти битвы рассказывал?

– Мало рассказывал. Говорил, что немцам свой автограф на память оставил.

– Он расписался на Рейхстаге?

– Наверно. А, может, ещё где. Он же всегда шутками говорил. И про Берлин говорил, что глупым немцам на самом главном доме фасад своей фамилией испортил, стену раскрасил.

Мой собеседник начал задыхаться. Я не знала, как поступить. Но вот он откашлялся и спросил:

– Что ещё хотите знать, а то я уже устал?

– Ваш отец демобилизовался сразу после Победы?

– Нет, ещё больше года там был. Он возил полковника, который восстанавливал Берлинское метро. Наши им метро полностью восстановили и пустили. А потом восстановили Варшаву. Всё для них делали, а у самих в стране ещё разруха была, которую они нам сделали. Вот и всё.

Я поблагодарила своего собеседника.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

*Прихлынут, всё развороша,
Воспоминанья вдруг,
И отогреется душа
Увиденным вокруг...*
Виктор Пахомов,
поэт земли Богородицкой

Семилетним ребёнком в 1946 году прибыла к нам в Богородицк со своей мамой девочка Лида. По душе пришёлся новосёлам наш старинный, но в то же время ещё разрушенный фашистами город. И стал он им родным. А бывшая маленькая девчушка за эти почти семьдесят лет теперь известна многим в Богородицке. Но подробности позже.

Лидия Трофимовна Трофимчик (девичья – Архипова) родилась в 1938 году. Родина её – небольшая деревня Алёсово Венёвского (бывшего Мордвесского) района Тульской области, расположенная на расстоянии пяти километров от железнодорожной станции. И помнит Лидия Трофимовна, как мама каждый день возила туда её на саночках в детский сад.

– Семья наша была большая: в одном доме размещались папа, мама, я, бабушка, две маминых сестры с мужьями и четверо их детей, – вспоминает Лидия Трофимовна. – Но всем хватало мест, все между собой ладили, и такой большой семьёй садились за стол. Мужья маминых сестёр были призваны на фронт в первый день войны, и оба погибли. Что ещё я могу рассказать? Не знаю, ведь мне было всего три года. Я ещё мало тогда понимала.

– Расскажите сначала, пожалуйста, что помните про своего папу. Как его звали, год рождения, воевал или нет.

– Папу звали Архипов Трофим Михайлович. Год рождения точно я не помню, но мама, Агриппина Алексеевна, 1918-го, а папа года на два или три старше. На войну его взяли в один из первых дней.

– А где он воевал и в каких войсках? Вам что-нибудь старшие рассказывали?

– Это я не знаю. Только помню, что он пришёл домой в конце осени из госпиталя после ранения и сразу попал на похороны к дедушке.

– Своему отцу?

– Нет, маминому отцу. Этот момент мне запомнился ярко. Папа сидел на гробу, когда везли покойника на кладбище, и держал меня на руках. У меня эта картина всю жизнь стоит перед глазами. Если бы не война, дедушка ещё пожил бы, ведь он был крепкий и совсем даже ещё не старый.

– А причём здесь война? Расскажите, пожалуйста, подробнее, Лидия Трофимовна, – попросила я. – Что вам об этом говорили взрослые?

– Это рассказывала мама, когда я уже подросла. Дедушка и другие мужчины шли полем, а над ними низко летел немецкий самолёт. И лётчик, этот фашистский подонок, захотел над нашими мужчинами попотешиться, гонял их по полю. Бросит снаряд совсем близко от них, мужчины разбегаются, снаряд разрывается. Мужчины идут дальше, а эта нечисть очередной снаряд близко кидает, он тоже разрывается, и мужчины едва успевают отбежать. Кого-то осколками задело. А дедушка так нанервничался, что заболел менингитом и вскоре умер.

– Какое издевательство над людьми. Вот где оно, настоящее лицо фашиста.

– Да, мама очень переживала. Дедушка был хороший, добрый.

– А папу взяли потом ещё на фронт?

– Он снова уехал в свою часть, воевал на Украине и в конце 1942 года погиб. И ещё я помню, – продолжила свою мысль Лидия Трофимовна, – что папа, когда

приезжал после ранения, привёз мне в подарок детский барабан, и мы барабанили всей деревней.

– Молодец папа. Представляю, сколько было детской радости. Но скажите, Лидия Трофимовна, после того, как папа уехал, были какие-нибудь воздушные налёты, бомбёжка, стрельба в деревне?

– Самолёты над нами летали. И как только раздавался гул самолёта, мы все выходили в сенцы и ложились на пол лицом вниз. Так нам бабушка сказала. Она заранее всё на полу в коридоре настелила. Но взрывов никаких слышно не было.

– Вашу деревню фашисты оккупировали?

– Да, немцы у нас были, но стояли недолго. Они жили в доме, набились битком и все ложились вповалку. А мы спали в сенцах и в подвале. Бабушка им варила еду, и они заставляли бабушку в их присутствии пробовать, боялись, что отравленная. А когда бабушка приносила что-то из подвала или чулана, то часовой говорил ей шагать по спящим, потому что они лежали так плотно, что трудно было найти свободное место, чтобы поставить ногу.

– А сами вы как при них питались?

– Они только пришли, сразу отобрали все продукты. Но ещё до их прихода, когда до деревни стали доходить слухи, что немцы наступают и занимают города и сёла, бабушка постаралась сделать запасы: зарезали корову, мясо засолили и сложили в кадушку. Немцы мясо увидели и хотели отобрать, а бабушка сказала, что это лошадь, и они побрезговали и не взяли.

– Какая бабушка догадливая! Надо же было так умно придумать. А какие-нибудь случаи издевательств над людьми, расправы со стороны фашистов у вас в деревне имели место?

– Нет, наказаний особых не было. Вот только всю скотину отбирали и все продукты выгребали.

– Лидия Трофимовна, может быть, что ещё запомнилось или потом взрослые рассказывали?

– Помню, как у бабушки разболелся зуб, она мучилась. И часовой понял, показывает: «Болит?» Бабушка отвечает: «Болит». Тогда он дал ей какую-то таблетку. Бабушка боялась принимать, а он показывает, что поможет. Бабушка выпила – и очень быстро боль прошла.

– Такие случаи мне тоже рассказывали, и в нашей семье немец-врач вылечил дядю от диареи (расстройства желудка), но каждый раз это были врачи.

– А у нас простой солдат. По-видимому, им всем раздавали лекарства первой необходимости.

– А чем немцы днём занимались?

– Я только помню, что они подолгу сидели и рассматривали фотокарточки своих детей. Иногда и бабушке их показывали. А мама была ещё совсем молоденькая, поэтому она покрывалась чёрным платком и опускала его низко на глаза.

– Когда фашисты отступали, бой был?

– Да, отступали они с боем. А мы в это время все сидели в подвале.

– А дома сожгли?

– Нет, дома не сожгли, но некоторые разрушения были из-за обстрелов.

– Лидия Трофимовна, как вы встретили день Победы?

– Этого я никогда в жизни не забуду. Около сельсовета всем детям раздавали по ломтю белого хлеба, намазанного мёдом. Ведь белого, да к тому же с мёдом!

– У нас такого не было, – сказала я и невольно прослезилась.

– Но вот это только и всего, что я помню, – заключила Лидия Трофимовна.

– Очень даже хорошо. Большое спасибо. Но скажите: когда и почему вы приехали в Богородицк?

– Мама закончила учёбу, и летом 1946 года её прислали сюда работать нотариусом. А в сентябре я пошла учиться в первый класс в среднюю школу № 2. А когда закончила, то, чтобы поступать в институт, надо было сначала отработать три

года. И я в 1956 году с сентября месяца стала работать секретарём в средней школе № 3. А в марте мне предложил Серафим Васильевич Дубоносов работу в секторе учёта в горкоме комсомола. После трёх лет работы поступила в Тульский педагогический институт на филологический факультет. Когда окончила, по распределению меня послали на Камчатку, но через год вернулась в Богородицк по семейным обстоятельствам.

– Восьмой школы, мне помнится, тогда ещё не было. Где вы сначала работали в Богородицке?

– В третьей школе учителем истории. А когда в 1966 году построили восьмую школу, то я перешла туда учителем литературы, а директором в ней был Данилов Виктор Иванович. Потом работала организатором внеклассной и внешкольной работы (сейчас эта должность называется зам. директора по воспитательной работе. В.В.). А с 1986 года и до выхода на пенсию двадцать один год была директором этой школы. Всего педагогический стаж составляет пятьдесят один год.

– У вас, наверное, очень много наград?

– Много. Две медали: ветерана труда и от Совета ветеранов. А также знак отличника народного образования, около тридцати грамот от разных общественных организаций. И на городской Доске почёта была представлена. А также обо мне написан очерк «У России женское лицо» в книге под названием «Россия – имя женское», выпущенной в 2006 году Тульской организацией женщин, когда я на областном конкурсе «Женщины года» в номинации «Директор года» заняла первое место.

– Прекрасно. Поздравляю вас, хотя и с большим опозданием, здоровья вам. И так держать!

– Спасибо, и вам здоровья и удач в вашем творчестве.

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

*Мой предок пришел сюда,
Могуч и русоволос.
И, как дерево, навсегда,
В эту землю врос.
Евгений Антошкин*

– По крайней мере, мне так казалось, что наша деревня существует с незапамятных времён и будет существовать вечно, – делится со мной своими мыслями и воспоминаниями простая русская женщина **Валентина Петровна Фадина** (девичья – Жибина), 1937 года рождения.

Мы сидим рядом на скамеечке. Уставшее солнце медленно клонится к закату. Одинокие листья липы покидают свои насиженные гнёздышки. А небо, разомлевшее без облаков, кажется зеленоватым, будто выгоревшим за лето.

– Помню себя четырёхлетней, – продолжает рассказ Валентина Петровна. – В деревне вечерами собиралась молодёжь. Парни с гармошками, девчата пели, плясали. Весело было. А меня на руках держали.

– А кто вас держал, сёстры?

– Нет, они сами небольшие были. Все подряд деревенские девчата держали меня на руках.

– А с кем вы жили? Кто у вас в семье был?

– Отец на фронте был, а дома мама, бабушка, ещё две сестры и брат постарше.

– Значит, ваши воспоминания относятся к 1941 году?

– Я не помню, какой это год был, – искренне признаётся Валентина Петровна, но у нас в деревне всё было тихо и спокойно.

– Как называется ваша деревня и где она находится?

– Деревня наша Настасино Дедиловского, сейчас Киреевского, района Тульской области. В ней было пятьдесят домов. Их четыре деревни с разными названиями, другие меньше. Они все рядом и поврозь.

– Это мне что-то непонятно: как это – рядом и одновременно врозь?

– Только небольшие речушки их разделяли. И колхозы были с разными названиями. Наш назывался «Победа», остальные другие. Сейчас этой деревни нет, ни одного дома не осталось.

– Валентина Петровна, ваш отец что-нибудь рассказывал, как он воевал?

– Ничего не рассказывал. Он с войны домой не приехал, а прямо сразу поехал в Сталиногорск, это какой сейчас Новомосковском называется, и работал там в шахте. А мама к нему туда пешком ходила, носила ему сухарики.

– Тогда, наверное, он из военнопленных?

– Этого я не понимала, не могу сказать.

– И у вас даже совсем никогда никакой стрельбы не было слышно?

– Только вот когда на улице гулянье было, то разные прожектора были. Небо тёмное, а они, как маятники, туда-сюда, туда-сюда. И что-то гремело. Только я не понимала.

– И немцев вы не видели?

– Как же? Видела. Зимой в первый год, ещё до Нового года. Они пришли вечером, велели завесить окна, истопить печь и принести соломы. Мама всё сделала и стала прятать продукты от них, в подвал уносить. И когда солому по всей избе настелила, они улеглись.

– А сколько их было?

– Много, полна изба. И все чудные, укутанные в платках. И как пришли, ничего с себя не снимали, такие и стали укладываться. Мы их боялись, залезли на печку и лежим дрожим. А один немец подошёл к нам, дал банку консервов и шоколадку.

– И сколько дней они у вас жили?

– Ни одного дня. Все на рассвете вскочили и убежали.

– Ни одного дома не сожгли?

– Нет, ничего плохого во всей деревне никому не сделали. Наша армия их потеснила. Только они ушли, а тут и наши солдаты пришли.

– А наши долго у вас были?

– Нет, спросили, в какую сторону немцы ушли, выпили кипяточку и отправились их догонять.

– И больше к вам не возвращались ни немцы, ни наши?

– Никто больше не был. С весны, как и всегда, приступили к полевым работам. Мама была простая колхозница.

– Почему и когда вы уехали из своей деревни?

– Жизнь тяжёлая была, голодно очень. Была у нас корова, и другую всякую скотину водили, только сами почти ничего не ели. Очень большие налоги были. Например, с каждой коровы по четыреста литров молока. С овец – шерсть, а если нет, то деньгами. А там ещё мясо, яйца, картошку. А на трудодни почти ничего не давали. И где было взять денег? Вот и стали все убегать из колхозов в города.

– И вы уехали в Богородицк?

– Не сразу. Я учиться тупая была, но окончила семь классов и уехала в Сталиногорск в 1952 году. Устроилась на работу в пошивочную мастерскую. А брат уехал в Богородицк и работал на шахте № 72 и 73. Я к нему приезжала, познакомилась с парнем и в 1958 году вышла замуж и стала жить в Богородицке. А старшие остались в деревне. Но теперь и деревни тоже нет.

ЕГО ПУТЬ

Но верю я:

*от края и до края
Над всей раздольной русской стороной
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.*
Александр Прокофьев

Болохово Дедиловского (а с 1956 года – Киреевского) района Тульской области. Это перед войной один из небольших городков Подмосковного угольного бассейна, вплотную примыкающий к деревне с таким же названием.

Двухэтажные дома, выстроенные специально для шахтёров одновременно с тем, как стали осваивать здесь бурый уголь и увеличивать его добычу. И вокруг городка несколько шахт.

Это самый ближний город с юго-восточной стороны от Тулы: всего каких-то километров двадцать, а по прямой линии ещё меньше, отделяют их друг от друга.

Вот почему фашистам так важно было захватить Болохово, чтобы сосредоточить в нём свою технику и основные силы войск, оттуда начать своё наступление на Тулу.

В одном из новых двухэтажных домов в трёхкомнатной квартире на втором этаже жил будущий первый секретарь Богородицкого райкома КППРФ **Виталий Кириллович Кушнир**.

И было ему тогда четыре годочка, а его братишке Володе и того меньше – всего два годика. Были у них и отец, и мать. Словом, полноценная и дружная семья.

Но началась Великая Отечественная война. Отца сразу призвали на фронт, но далеко не послали. Он участвовал в обороне Тулы. Тяжкое было время: ни днём, ни ночью фашисты не давали покоя. Но Тула выстояла. А когда отогнали фашистов от областного центра, пришлось отвоёвывать у врагов и другие города и сёла. Много фронтовых дорог прошёл Кирилл Фёдорович Кушнир, а в Чехословакии пропал без вести. И даже до сих пор его не помог найти Интернет.

Но вернёмся в Болохово. Ноябрь 1941 года. Враг рвётся к Туле. А город оружейников не сдаётся. С ходу с юго-западной стороны взять Тулу фашистам не удалось. Тогда они решили этот важный стратегический объект, что лежит на подступах к Москве, окружить со всех сторон. И вот тут с юго-восточной стороны путь оккупантам преградил этот небольшой городок – Болохово. Пришлось гитлеровцам принять бой. И силы фашистов оказались крепче наших. Город не выдержал и сдался.

Вот как вспоминает Виталий Кириллович тот день, когда он впервые увидел немцев:

– Они ворвались в нашу квартиру целым скопищем. Их было очень много. И все злые, жестокие. Все что-то кричат, требуют от матери. А она никак не поймёт, что им надо, и они еще сильнее злятся от этого. Потом выгнали нас из дома. Мать взяла меня с Володей под мышки, как котят: одного правой рукой обхватила вокруг талии, а другого – левой, и так отнесла нас в подвал. А один немец с автоматом следом пошел. Орёт на мать, а она боится, но что ему надо, не знает. Тогда он дал из автомата очередь поверху, всю притолоку разбил. Мать сидит с нами в подвале, плачет, а выйти боится.

В городе начались расправы. В деревне Болохово (а это малая родина Петра Александровича Бродовского), на самом краю около города, уже на второй день фашисты установили виселицу и повесили председателя горисполкома и ещё троих руководителей, членов коммунистической партии.

Были и другие расправы и бесчинства, но, конечно, такие маленькие дети всё это понять и осмыслить не могли. Помнит только Виталий Кириллович, что целый месяц просидели они с братишкой в подвале, почти в темноте. Лишь временами зажигала мать слабую керосиновую лампу. И спали на перине, брошенной на

картошку. Братишки прижимались друг к другу: вдвоём всё-таки теплее и не так страшно.

А мать днём чаще была там, наверху. Убиралась у немцев, полы мыла дома и в коридорах, обед готовила. Хорошо хоть, что фашисты разрешали и детям картошку сварить. А в подвале ещё и целая кадушка солёных огурцов, заготовленных на зиму. Это и было единственное питание детей.

Не думали фашисты, что скоро им придётся покидать вроде бы уже насиженные места. Надеялись, что Тула будет ими взята и они будут спокойно здесь, на подступах к ней, почивать на лаврах.

Но пришли советские войска и с боем выгнали их из Болохова. Понадеялись фашисты, что это ненадолго. Сожгли для острастки всего несколько домов, остальные для себя оставили. Но наши войска всё дальше и дальше гнали их от Тулы и Москвы.

И жизнь в этом городке тоже стала налаживаться. Восстановили разрушенные войной шахты, открывались новые.

Мальчишки подросли, немножко повзрослели, а с питанием было слабовато. На детские карточки отпускали очень мало, а детям хотелось есть. Был и свой небольшой огородик. Василиса Кузьминична, мать этих ребят, обрабатывала свой участок, сажала картошку, но до весны её не хватало.

Стала мать ходить весной на поле в деревню Колмыки и собирать прошлогоднюю картошку. Однажды и Виталика с собой взяла. Пригляделся мальчик и удивился: как-то странно мать себя ведёт, всё оглядывается по сторонам, как будто чего боится.

«Мы же ничего плохого не делаем, не хорошую картошку ворует, а уже загнившую собираем. Кому она такая нужна?»

И на следующий день говорит матери:

– Ма, я уже большой, я теперь один буду ходить за картошкой.

Подумала мать: «А ведь и правда, совсем ребёнок, ещё и в школу не ходит, да и росточком маленький. Разве у кого поднимется рука, чтобы обидеть его?» – и согласилась.

Пришел этот юный снабженец на поле и по своей детской наивности решил: «Мать всё по краю ходила, ближе к лесополосе, а подальше, наверное, картошка лучше».

И только углубился подальше, набрал быстро полмешочка, с каким вчера ходил, как вдруг откуда ни возьмись скачет на лошади объездчик. И, подъехав, почти на полном скаку как хлыстанёт ребёнка ремённым кнутом поперек спины чуть выше талии. Очень больно, но сдержался, не заплакал. Он же ведь мужчина. А мужчины не плачут.

Объездчик что-то кричал, матерился. Но картошку не отобрал, не высыпал. Виталик молча пошёл с поля, на краю подобрал ещё несколько картошечек и всё принёс домой. Ни слова не сказал ни матери, ни братишке. И только они куда-то вышли, подошёл к зеркалу, поднял рубашонку, увидел багровую полосу. И тут уже не сдержался, заплакал: «За что? За что он меня так? Я же ничего плохого не сделал. Только гнилую картошку брал».

Это были слёзы обиды, детские слёзы, слёзы голодного ребёнка войны.

Кирилл Фёдорович Кушнир считался пропавшим без вести. Значит, он не относился к числу убитых на войне. А за таких ни во время войны и ни в первые послевоенные годы пособия детям не давали. И аттестат закрыли. Значит, больше никаких денег и ниоткуда в семью не поступало. И Василиса Кузьминична вынуждена была идти работать в шахту.

А как же быть с детьми?

Виталик – мальчик спокойный, послушный, тихий. А Володя шустрый, шаловливый. Только и следи, как бы что-нибудь и где-нибудь не напроказил. Но на

старшенького его оставить можно. А как быть потом? Ведь Виталику с сентября уже в школу идти. И в детский сад, единственный в городе, берут только детей, у которых отцы погибли на фронте.

И мама нашла свой выход. Она сажала Володю в кресло и привязывала его к креслу верёвкой. И ребёнок по 6–7 часов сидел привязанный один, ждал, когда придёт из школы брат и отвяжет.

Виталий Кириллович учился в первой средней школе, окончил десять классов. Но призывной возраст ещё не наступил, поэтому сразу после школы его в армию не взяли.

Пошёл работать на завод машиностроения учеником сварщика, а потом сварщиком. А через год взяли в армию.

В армии учился в школе младшего командного состава, закончил её без троек и получил звание сержанта. По направлению служил в городе Смоленске и был избран секретарём комсомольской организации взвода.

После демобилизации снова работа на заводе.

А осенью 1959 года поступил учиться на ветеринарное отделение Богородицкого сельскохозяйственного техникума. Директором техникума в то время был Сергей Петрович Кишкин.

Однажды С.П. Кишкин, желая получше познакомиться с вновь принятым набором студентов, стал перечитывать их автобиографии. И узнал, что Кушнир Виталий Кириллович был в армии секретарём комсомольской организации.

«Такие люди нам нужны», – решил он и попросил привести к нему этого студента. И предложил ему возглавить комсомольскую организацию техникума.

– Дело ответственное, – сказал он. – Справишься одновременно и учиться, и вести такую общественную работу?

– Справлюсь, – заверил студент. – В армии справлялся и здесь справлюсь.

Комсомольцы его избрали.

Так прошли 1960 и 1961 годы. А в 1962 году сыграли комсомольскую свадьбу. А потом приняли в члены коммунистической партии.

Весной 1963 года Виталий Кириллович закончил техникум и получил диплом с отличием. Жена ждала ребёнка. И директор техникума С.П. Кишкин оставил эту семейную пару работать в учебном хозяйстве – Александрии: Виталия Кирилловича ветврачом, а Таисию Егоровну заведующей фермой.

Но, работая ветеринарным врачом, молодой специалист понял, что знаний, полученных в техникуме, недостаточно, – нужно высшее образование. И он поступил в Московскую Орден Трудового Красного Знамени ветеринарную академию. Три года проучился очно, а когда жена ждала второго ребёнка, перешёл на заочное обучение. Закончил академию и продолжал работать в учхозе. Но первый секретарь ГК КПСС Серафим Васильевич Дубоносов предложил ему перейти на партийную работу.

И Виталий Кириллович Кушнир закончил ещё в Ленинграде высшую партийную школу, получив таким образом второе высшее образование. Но здесь же, в Ленинграде, в Военно-медицинской академии перенёс операцию на сердце. После этого – шесть лет он секретарь партийной организации Богородицкого сельскохозяйственного техникума.

А с 1980 года по настоящее время – работа в районной организации КПРФ.

А братишка Володя, Владимир Кириллович Кушнир, военнослужащий в Белоруссии, в городе Минске.

ГОВОРИТ ТУЛА

*Город грозных арсеналов,
Ты бесстрашен и суров.*

Мы пели

Рассказывает **Эльвира Ивановна Чачина**, 05.05.1938 года рождения.

Во время войны мы жили в Туле. Папа наш был членом партии, он ушёл добровольцем на фронт и погиб.

Нас, детей, трое. Я вторая, а мне всего три года. Младшая родилась в 1941 году. Было очень голодно. Ребёнку давали на день один стакан манной каши. А я всё просила маму:

– Мам, можно я хоть пальчик опущу и оближу?

Забегая вперёд, скажу, что, когда окончилась война, нам дали по буханке хлеба на человека. Я шла его получать и мечтала: «Сейчас за дорогу всю буханку съем». И, конечно, как только получила, сразу начала есть. И пока дошла до дома, съела полбуханки.

А во время войны, я ещё помню, как приехали к нам солдаты-сибиряки. Уже началась зима, было холодно. Они шли в халатах по нашему проезду. А мы сидели в погребе.

У нас был небольшой домик и маленький приусадебный участок. И хорошо, что мама в этот год посадила побольше картошки и сохранила её. Зимой мы ели терунки.

Но всё равно очень хотелось есть. А чтобы мы не приставали к маме, не просили есть, она сажала нас на порожки и говорила, чтобы мы пели. Часто сама садилась с нами и тоже пела. А когда мы не пели, соседи спрашивали, почему мы не поём.

Мы жили на 1-ом проезде, посёлок Лихвинка. Там проложена узкоколейка, и по ней ходили маленькие поезда.

С нашей стороны бомбили чаще всего Михалково. Мама отнесла в подвал подушки, матрасы, и, когда начиналась вокруг нас бомбежка, мы сидели в подвале.

Наша мама хорошо шила и перешивала нам поношенные вещи друг от друга. В тёплое время года мы ходили босиком. А мама вязала нам тапочки и, когда похолодает, мы надевали их. И мамино умение помогло нам пережить эти трудные военные и первые послевоенные годы.

А любовь к пению сохранилась у меня на всю жизнь. И сейчас я хожу в Богородицкий хор «Ветеран».

После осады

*Как тебя в смятенье гула
Враг пытался окружать.
Как фашистов Тула вздула
Так, что некуда бежать.
(газета «Коммунар, 1942 г.)*

Рассказывает **Юрий Иванович Чачин**, 1933 года рождения.

На начало войны мне было восемь лет, и я пошёл учиться в первый класс. Учился до середины октября.

За это время три раза переходили из одного школьного здания в другое, потому что школы закрывали под госпитали.

Начали учиться в школе на улице Октябрьской. Проучились в ней две недели. Потом перевели в другую школу, но недалеко, на этой же улице. В ней мы учились дней 10–12. Перевели нас в третью школу, эта дальше. И здесь мы оставались до тех

пор, пока учебные занятия были и в других школах города. А в середине октября 1941 года закрыли все учебные заведения, стало опасно, да и добираться не на чем, трамваи не ходили.

Возобновились занятия в школе в начале марта, снова на улице Октябрьской. Что мне здесь запомнилось, то это холод. Школу почти не отапливали. Мы сидим, все сожмёмся от холода. А учительница, бывало, посмотрит на нас как-то жалостливо, а потом встрепенётся и постарается подбодрить нас:

– А ну-ка, давайте все поработаем пальчиками:

Мы писали, мы писали,

Наши пальчики устали...

И ещё что мне запомнилось. В конце ноября 1941 года, когда немцы совсем близко подошли к городу, в Тулу приехали сибиряки. Они все были в полушубках, в валенках, в тёплых шапках-ушанках. В общем, хорошо, тепло одеты. Но без оружия. Шли красивым строем от Ряжского вокзала к центру города. Их было очень много. А мы смотрели, любовались, но все удивлялись, почему они без оружия. А потом узнали, что в Туле их вооружили.

Далеко я, конечно, не ходил, поэтому рассказываю только о том, что сам видел.

На улице Октябрьской стояли крупнокалиберные пушки-зенитки, Зареченский мост был заминирован, а рядом поделаны дзоты (деревоземляные огневые точки, оборонительные сооружения от пуль и снарядов. В.В.).

– Первый раз я услышал звук «катюши» на улице Демидовской, – рассказывает Юрий Иванович.

Далее он сказал, что две «катюши» сделали по одному выстрелу и уехали. Но тут прилетели немецкие самолёты и сбросили две бомбы. Одна бомба упала недалеко от клуба ТОЗ (Тульский оружейный завод. В.В.), но большого вреда не причинила. А вторая упала на жилой дом и разрушила его. Потом самолёты сделали круг, но, не увидев пушек, улетели.

– А ещё, – продолжает свои воспоминания Юрий Иванович, – когда немцев отогнали от Тулы, мы ходили всем классом смотреть подбитый немецкий танк. Он был без ствола, и пробойны разные были. Но очень большой.

Запомнилась моему рассказчику и тяжёлая картина, как раненый сосед с трудом дополз до своего дома.

Помнит он и как ели в войну подбитых лошадей, а всё равно было голодно.

И солдаты, совместно с милицией и населением, ловили ракетчиков-шпионов, расспрашивали иногда и школьников.

Разумеется, в таком детском возрасте не так серьёзно принималась яркость этих картин, как она осознаётся теперь. Но увиденное глубоко запало в душу и сохранилось на всю жизнь.

Юрий Иванович и Эльвира Ивановна Чачины – муж и жена и крупные специалисты, но очень скромные люди. К нам в Богородицк они приехали в 1962 году и работали на заводе БЗТХИ. Она прекрасно разбиралась в самых разных приборах, а он мастер по любому оборудованию. Конечно, наш небольшой тихий Богородицк по сравнению с Тулой выглядит скромно, но аборигены здесь отзывчивые и приветливые. Приезжих быстро обеспечили квартирой. И городок наш пришёлся тулякам по душе.

Но своё военное детство в родной Туле они, теперь уже богородчане, не забудут никогда. И гордятся героизмом туляков. Поэтому я хочу закончить их воспоминания словами поэта Вячеслава Кузнецова:

...И будут бомбёжки и голод,

И пушечная стрельба.

И станет героем город,

Мой город –

моя судьба.

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ...

*Ах, сколько горя пережито,
Ах, сколько боли отошло!*
Вячеслав Кузнецов

Тяжело было детям, особенно в деревнях, в годы Великой Отечественной войны и первый восстановительный период. С раннего возраста им приходилось трудиться на колхозных полях, порой выполнять даже такие работы, которые и взрослым-то женщинам не по силам. Но ведь все мужчины воевали, в их строй в тылу становились подростки, как мальчики, так и девочки. Доводилось детям вставать вместе с солнышком, а возвращаться с луной, голодным и уставшим. А в учебное время ещё и уроки надо выучить перед тем, как ложиться спать. А глаза слипаются... А рука не слушается...

Но рядом с ними находились родные, соседи и друзья. И вокруг слышалась только русская речь. Всё своё, родное.

А каково было тем, которые оказались узниками фашистских концлагерей! Их работа была ещё тяжелее, а главное, над ними стояли вражеские надсмотрщики. И за каждую минуту отдыха или, с их точки зрения, не вполне доброкачественно выполненную работу грозились физической расправой и нередко применяли её.

Над совсем крошечными детьми фашисты проводили какие-то эксперименты, выкачивали из них всю кровь для лечения раненых немцев. И в результате этого дети умирали.

Иногда ради потехи эти звери-фашисты брали детишек за ножки и ударяли их головками о стену или угол кузова машины. Русских они не считали даже за людей, а потому и издевались над ними.

В Богородицком районе фашисты угоняли почти со всех деревень только подростков. И ни один не вернулся назад. Их судьбы остались неизвестными.

Но живут в городе приезжие, угнанные из других мест страны и побывавшие в фашистских застенках. Мне удалось найти пятерых, но только двое согласились снова перебирать в памяти всё то, что хотелось бы забыть навсегда.

Галина Константиновна Иванова рассказала о себе ребятам на встрече в ДД(Ю)Т. Её рассказ записал мальчик (фамилия не указана), а мне его записи передала педагог-консультант Ольга Андреевна Кунаева. Конечно, сама узница тогда ещё ничего не понимала, свою историю она знает со слов мамы.

Вот эта история.

Родилась Галина Константиновна Иванова в концлагере в Германии. Её родные жили в деревне Поздняково Ульяновского района Калужской области.

Во время Великой Отечественной войны деревня была подвержена фашистской оккупации. И в 1943 году перед отступлением фашисты собрали всех жителей и угнали в концлагерь: кого в Прибалтику, а кого в Германию. Бабушка, папа и двое его малолетних сыновей попали в Латвию, в лагерь «Саласпилс» (про их судьбу автор не написал. В.В.). А беременная мама, Анисья Ивановна Сальникова, была угнана в Германию и оказалась в застенках концлагеря № 279. И там в начале 1944 года появилась на свет малютка Галочка.

Лагерь состоял из нескольких бараков, расположенных в два ряда и оплетённых значительно выше человеческого роста колючей проволокой, через которую часто пропускали ток высокого напряжения. А по углам лагеря, а также через небольшие расстояния друг от друга стояли немецкие солдаты с автоматами. И вокруг лагеря бегали овчарки.

Ежедневно в любую погоду всех узников концлагеря выгоняли на работу убирать на полях урожай. Еду им привозили в поле. Это была баланда: в воде плавало несколько ломтиков брюквы или свёклы, реже картошки. По дороге к полю гитлеровские возчики оправлялись в котлы с едой, рассуждая: «Русские свиньи всё пожрут».

Но многие из заключённых не могли это есть, а предпочитали сырые овощи, которые они убирали на полях. И так до конца заключения люди перебивались, кто как мог. Многие голодали и пухли от голода.

Со времени рождения Галочки положение её мамы несколько изменилось. Улучшили её питание, не изнуряли работой, ведь она была кормящая мать, а им нужен ребёнок здоровый. Но это не радовало. А когда на ножке маленькой доченьки вытатуировали номер и группу её крови, то мама пришла в отчаяние.

«Что тебя ждёт, моя крошка?» – только и думала она.

В лагере все взрослые знали о судьбах их новорожденных детей.

Но и среди диких зверей не все бывают убийцами. Малышка приглянулась немке, надсмотрщице барака. И когда пришли забирать девочку, немка, заткнув Галочке ротик тряпицей, сунула её в ящик с грязным тряпьем. И тем спасла от верной гибели.

И это было удивительно. Очевидно, девочка оказалась такой привлекательной блондиночкой, что разыграли материнские чувства в этой женщине? А может, кого-то напомнила? Кто знает...

В 1945 году узников лагеря № 279 освободили американцы.

ДИПЛОМ С ОТЛИЧИЕМ

*Испытало нас время свинцом и огнём.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернёмся. И радость вернём.
И сумеем мы всё навестать.*
Алексей Сурков

Александра Васильевича Мосина, преподавателя Богородицкого сельскохозяйственного техникума, уже нет, и про него мне рассказала его жена, **Ольга Ефимовна Мосина**.

Жил Александр Васильевич до войны в Калужской области, Спас-Деменском районе, деревне Стайки.

Отца его звали Василием, это и так понятно. А вот отчества его не помнит не только жена сына, но даже родная дочь. А уж у внуков и вовсе спрашивать бесполезно. И был Василий конюхом совхоза «Стайки». А мать, Анисия Ивановна, была рабочей овощеводческой бригады этого совхоза.

Незадолго до войны они построили себе дом в двух километрах от родной деревни – в селе Сажино. Местечко там очень красивое. В более низкой части села протекала небольшая речка, тихая и спокойная. Через неё на другой берег были проложены клади (кладь – доска или бревно, положенные через ручей для перехода). В селе была начальная школа, а также церковь и кладбище.

Семья у Василия большая – восемь детей. Старший сын, Егор Васильевич, в детстве болел оспой и остался рябой. Второй была девочка Екатерина Васильевна. А третьим – Александр Васильевич. Следующие двое умерли: мальчик четырёх лет и девочка в возрасте двенадцати лет. Остальные к началу войны были ещё маленькие. Но все дети отличались крепким телосложением и физической силой. Самым красивым и любимым считался Александр.

Первоначальное образование дети получали от отца-конюха. Потом Екатерина стала учительницей начальных классов. И Александр, и все его братья и сёстры, а также их многочисленные дети и внуки сначала заканчивали семилетку, так как

близко не было средней школы, потом заканчивали среднеспециальные учебные заведения, а третий этап – высшие. И везде учились только отлично.

Александр Васильевич Мосин к началу войны тоже закончил Гжатский (сейчас Гагаринский) сельскохозяйственный техникум Смоленской области, стал зоотехником. Директором этого учебного заведения был Сергей Петрович Кишкин, который потом, в шестидесятых годах, возглавлял наш Богородицкий сельскохозяйственный техникум, а жена его работала учительницей. И Александр Васильевич ещё мальчишкой знал семью Кишкиных. А когда началась война, отвозил его семью на лошади в эвакуацию.

Александр Васильевич был круглым отличником. В общежитии в комнате проживало несколько человек. Все остальные ребята старше него, некоторые успели даже жениться, и они по вечерам ходили подрабатывать на пекарню. А Александр Васильевич оставался в комнате. И всем выполнял домашние задания в их тетрадах, клал каждому в тумбочку. А они приносили из пекарни булочки и другую выпечку и клали в его тумбочку. И никто не имел права взять у него еду.

Последний госэкзамен Александр Васильевич сдал, когда началась война и фашисты захватили часть Белоруссии. Остаться в Смоленской области было опасно, поэтому он, не дожидаясь диплома, приехал в свою, Калужскую.

Через два месяца старшим братьям, Егору и Александру, пришли повестки на фронт.

Но вернёмся в село Сажино. Отцу этих братьев, Василию, лошадь когда-то перебила ногу, и он при ходьбе пользовался костылями. Всё же продолжал работать конюхом, всегда был трезв, лошадей любил и хорошо за ними ухаживал, а поэтому в совхозе все его уважали. Но бо'льшую часть лошадей теперь взяли на войну.

До мобилизации Александр Васильевич, вернувшись из техникума, помогал отцу, частично выполняя работу зоотехника. Он тоже очень любил лошадей.

4 октября 1941 года в Калужскую область ворвались фашисты. Заняли они и этот совхоз.

Как вели себя фашисты в этом селе на оккупированной территории, никто мне рассказать не смог. Но одно помнят все.

Освобождение пришло 14 августа 1943 года, когда наша славная Красная Армия выполнила большую наступательную смоленскую операцию, а изгнание фашистов из Калужской области было частью её.

Отступая, фашисты приказали Василию отвезти их на лошади до районного центра, так как они якобы не знали дороги и могли заблудиться в лесу, хотя в действительности дорога там была прямая.

Василий повёз их и исчез. Его потом искали всем селом. Остановившиеся здесь советские войска прочёсывали лес, но ни живого, ни трупа так и не нашли. Что с ним сделали фашисты, осталось загадкой.

И матери одной пришлось заботиться о четверых младших детях.

Теперь о братьях, которых взяли на фронт.

Егор Васильевич Мосин, 1909 года рождения, воевал ещё во время финской войны. Как говорится, он был уже опытный воин, ему не надо было учиться. И его сразу же послали в первый бой, в Подмоскowie. И в этом бою ему оторвало ногу по самое основание, то есть по тазобедренный сустав. И он много времени «провалялся» в госпиталях.

А Александру Васильевичу повезло: ему не хватило при обмундировании пилотки. И в первый бой его не послали, а оставили при штабе. Командиром его оказался бывший учитель. Он понял, что рядом с ним бывший ученик-отличник, пожалел отправлять его в «пекло» и старался как можно дольше удержать при штабе.

Но всё же настало время, когда после небольшой подготовки Александра Васильевича послали на передовую. Его задача была – тянуть провод. Другими словами, он был связистом и «катал катушки».

За всё время своей фронтовой жизни ни разу не ночевал в доме, а только в траншеях, окопах и редко в землянках.

Один раз он и товарищи катали катушку и слышали немецкий голос, но сумели как-то уберечься, и фашисты их не уничтожили.

В другой раз с каким-то срочным донесением он поскакал на передовую верхом на лошади. Когда возвращался назад, очень близко разорвался крупный снаряд. С испугу лошадь резко отпрянула в сторону или встала на дыбы – этого Александр Васильевич не помнил. Только он упал без сознания и лежал какое-то время.

Когда очнулся, не понял, где он и в какой стороне находится его часть. Но увидел свою лошадь, обрадовался. Кругом продолжали лететь пули и рваться снаряды, а эта добрая лошадка ждала своего хозяина. Он сел на неё и не стал понукать. Она сама нашла дорогу к своим. Это умное животное оказалось таким верным другом.

С боями Александр Васильевич прошёл через всю захваченную фашистами нашу территорию и страны Западной Европы, а также Германию, участвовал в форсировании Одера и дошёл до Берлина, находясь в младшем командном составе. Был несколько раз ранен, но несильно, терпел, в госпиталь не ложился, а продолжал воевать, потому что мог после госпиталя попасть в другую часть. И всегда помнил слова своего первого командира-учителя: «Попадёшь к командиру глупому – будешь убит, а с умным командиром жив будешь».

Войну окончил в Берлине. Имел много наград, но они значительно позже погибли в пожаре.

Его оставляли в армии, но он хотел учиться и получить высшее образование по своей специальности зоотехника, поэтому стремился домой.

Демобилизовали его не сразу. Но когда вернулся, узнал, что брат Егор Васильевич на протезах работает управляющим отделения совхоза «Стайки». И Александр Васильевич съездил в свой техникум, где он учился, привез диплом с отличием и стал работать старшим зоотехником совхоза.

Но очень стремился получить высшее образование и стать врачом. Однако, когда он поехал подавать документы в медицинский институт, узнал, что набор уже закончился. И он поступил в Витебский ветеринарный институт.

Так как диплом зоотехника у него был с отличием, то его в первый же год избрали секретарём комсомольской организации института. Он был стипендиатом Ленинского комсомола (обычная стипендия в сельскохозяйственных высших учебных заведениях составляла 120 рублей, Ленинского комсомола – 500 рублей, а Ленинская – 700 рублей). Поэтому финансово в помощи не нуждался, а только когда приезжал на каникулы, захватывал из дома домашнего сальца. В общем, практически от матери он не зависел.

В институте Александр Васильевич был всеобщим любимцем. По вечерам в столовой института вокруг его стола скапливались студенты и просили его разъяснить разные задания.

И, несмотря на то, что он не был членом коммунистической партии, все пять лет его избирали секретарём комсомольской организации этого высшего учебного заведения.

После окончания института работал заведующим Полоцким обветздравотделом до ликвидации области (присоединения к Витебской).

Однажды Александр Васильевич ехал в поезде, и с ним в купе оказался выпускник Богородицкого сельскохозяйственного техникума. Они разговорились. Парень показал фотографии, и на них Александр Васильевич узнал директора своего техникума Сергея Петровича Кишкина и захотел с ним увидеться. Он

рассказал об этом своей жене Ольге Ефимовне, и вместе они приехали в Богородицк.

Ещё за изгородью техникума Александр Васильевич увидел Кишкина, а когда зашли, Сергей Петрович Мосина не узнал, пришлось представиться. И С.П. Кишкин пригласил Мосиных к себе домой. Когда Александр Васильевич увидел его жену и понял, что это другая.

Свободных преподавательских мест в техникуме не оказалось. Сергей Петрович посоветовал обратиться в министерство. И Мосины стали преподавателями Чухломского сельскохозяйственного техникума Костромской области. В Чухломе у них родился третий ребёнок – сын.

В этом техникуме они работали два года. А затем получили приглашение от С.П. Кишкина и приехали в Богородицк в 1958 году.

Сначала Александр Васильевич преподавал акушерство, а последние годы приёмопроизводство.

Умер 1 октября 2005 года.

И хочу добавить от себя. Есть люди, которых после смерти быстро забывают. Я семь лет работала вместе с Александром Васильевичем Мосиным на ветеринарном отделении: он вёл ветеринарный спецпредмет, а я химию и биохимию с зооанализом. Мне он запомнился как очень скромный и в то же время чуткий и отзывчивый человек. На педсоветах никогда не высывался, занятия вёл спокойно, ровно. А когда мой кабинет ремонтировали, не отказывал проводить практические занятия в его кабинете, хотя нередко после таких занятий в воздухе оставались запахи химикатов.

И Александр Васильевич Мосин оставил добрый след в памяти тех, с кем он работал и кого учил.

В ТЫЛУ И НА ВОЙНЕ

Каждый день был по-своему громок,

Нам войти в эти дни довелось.

Александр Прокофьев

(из поэмы «Россия»)

Клавдия Григорьевна Сорокина, 1931 года рождения, – моя соседка. Мы обе живем на территории сельскохозяйственного колледжа, в одном доме, только в разных подъездах и на разных этажах. Клаву я знала почти с детства. Последние годы она училась в нашей школе; я жила близко от техникума, дружила с местными девочками с этой территории, разговаривала с ними на «местном языке». Например, здесь никто не скажет слово «техникумовский», а все мы говорим «техникумский», с ударением на букву «у». Огороженный участок, где был прежде дом № 5, двухквартирный, и где жил директор техникума (сейчас этот дом сгорел), у нас назывался «Кремль». А часть участка с посаженными ещё до войны деревьями, между домом № 3 и задней стороной учебного корпуса, мы и до сих пор называем «парк».

Конечно, это сохранилось в речи и в понимании только у аборигенов. Молодёжь этих названий не знает. И нам, старикам, даже как-то грустно, что всё это скоро канет в Лету.

Однако я отвлеклась от своей темы. Я была уверена, что Клава Сорокина местная и удивилась, услышав, что она приехала в Богородицк уже после войны. И, зная возраст Клавы, я, конечно, не могла не расспросить её о военном времени. А когда узнала, что она из Тамбовской области, то ещё больше обрадовалась, так как до сих пор мечтала, но не смогла найти никого, кто бы жил близко от центра России, но на неоккупированной врагами местности.

И Клава охотно поделилась своими воспоминаниями.

Жила она примерно в шестидесяти километрах от областного центра, города Тамбова, на территории Чакинского совхоза-техникума. В семье было четверо детей. Отец, Сорокин Григорий Иванович, 1898 года рождения, работал в учебном хозяйстве техникума бригадиром полеводческой бригады.

Близко от земель совхоза проходила железнодорожная ветка, рядом было и здание вокзала.

В один из первых дней войны мужчинам, работникам Чакинского совхоза-техникума и учебного хозяйства, повестки на фронт пришли одновременно. Провожали их всем посёлком. Сели они в вагон и отправились защищать свою страну и своих родных.

Сборы и обучение проходили в городе Борисоглебске и потом всех отправили на фронт. И мало кто из них вернулся к родным семьям.

Но мы пока оставим их воевать, а сами вернёмся в тыл.

Центральная часть техникума занимала значительную площадь. Учебные корпуса и двухэтажные жилые дома, построенные ещё в 19-ом веке, образовывали своеобразный ансамбль, чем-то напоминающий пушкинские времена. А большое количество зелени и разнообразные цветники, пестрящие яркими головками, создавали особый уют.

Семья Сорокиных занимала две комнаты на втором этаже.

Первые дни войны были относительно спокойны. Как и рекомендовали по радио, жители заклеили окна полосками газет крест-накрест, чтобы в случае воздушной волны во время бомбёжки стёкла, если бы и полопались, не удержались бы, не рассыпались. А также завесили окна тёмными шторами для светомаскировки, дабы не привлекать вражеские самолёты на яркий свет.

А они как раз и не заставили себя ждать. Участились налёты. С самолётов стали сбрасывать на крыши домов фугасные бомбы, прозванные в народе зажигательными, так как от них дома загорались. Поэтому взрослые устраивали дежурства на крышах домов. И в случае попадания бомбы, скорее хватали её рукавицами или лопатой и сбрасывали вниз в ёмкость с песком. Конечно, для людей это был риск, потому что фугаска могла вспыхнуть в руках.

– Мы, дети, – рассказывает Клава, – сначала боялись, а потом перестали бояться. Когда взрослые лезли на крышу, то и мы за ними. Они на нас ругались, отправляли домой, часто запирали. Тогда мы приспособились: заверяли взрослых, что не полезем, а сами залезали на чердак и смотрели оттуда. А когда самолёты улетали, мы скорее домой, чтобы взрослые не догадались, где мы были.

А потом начались авианалёты с крупнокалиберными бомбами.

Километрах в пятидесяти или немного больше от совхоза-техникума находился пороховой завод. И его немцы бомбили часто, и сбрасывали сразу по несколько бомб. Порох загорался. Взрывы на территории техникума слышны не были, но каждый раз огромное огненное зарево, пугающее людей, разливалось на значительной части неба.

И эти бомбёжки проводились обычно в ночное время.

А потом фашисты стали сбрасывать на завод не все бомбы: часть оставляли и бомбили где-то ещё или, не долетая до завода, сбрасывали где-то на поле и на жилые кварталы. Естественно, таких бомбёжек люди боялись и прятались от них в укрытия.

– Мы всё из подвала вынесли, освободили его, – рассказывает Клавдия Григорьевна. – И подвал стал просторным, все жильцы помещались.

Помолчав, продолжила:

– Налёты разные были. Иногда мы только подбегали к подвалу, а воздушная тревога прекращалась. А другой раз часами сидели, а самолёты всё кружили над

нами: одни улетали, а сразу тут же прилетали следующие. Мы сначала их очень боялись, а потом привыкли.

И люди по-разному относились к войне и к авианалётам: одни скорее кидались спасать детей, а другие – свое имущество.

Например, Клава рассказала о таком моменте:

– Лишь объявили по радио: «Граждане, воздушная тревога», – и сосед с нижнего этажа поволок в подвал свой сундук. Но не догадался его заранее измерить или из-за спешки неправильно повернул, только сундук застрял в дверях. А люди бежали со второго этажа и, не рассчитывая скорость и не сбавляя шага, налетали на него, а потом друг на друга. Образовалась «куча мала», то есть свалка, а пройти в дверь никто не может. Подошла женщина с противогазом, говорит: «Не берите вы с собой в подвал много вещей». Помогла кое-как мужчине снаружи, вытащили сундук, а тут и отбой.

Не знаю, как взрослые, но, по рассказам Клавы, дети больше всего боялись, когда фашисты сбрасывали с самолётов не настоящие бомбы, а пустые железные бочки из-под пороха или из-под горючего. Они летели с оглушительным воем, визгом, жужжанием. И было очень страшно.

Но ко всему человек привыкает. Конечно, дети не так понимают опасность, как взрослые, но привыкли они и к войне.

– У нас в парке поставили зенитки, – продолжает рассказ Клава. – И как только прилетали вражеские самолёты, то зенитки начинали стрелять. И мы теперь не боялись и не всегда бегали в подвал, потому что верили, что девушки-зенитчицы нас защитят и не пустят к нам близко самолёты. А так как эти налёты были в основном вечером или ночью, то есть когда было темно, то снизу, с земли, самолёты «ловили» и освещали наши прожектора. И было это очень красиво, как лучи перемещались в темноте, перекрещивались между собой. Иногда сразу несколько лучей с нескольких мест. Я подходила к окну, отодвигала штору и смотрела. А мама на меня ругалась, что я нарушаю маскировку, и оттаскивала от окна.

И ещё вот о чём рассказала Клавдия Григорьевна Сорокина.

Зима 1941–1942 г.г., как известно, была очень холодной. И даже там, в Тамбовской области, примерно в шестистах километрах южнее Москвы, морозы доходили до сорока градусов.

В один из таких морозных дней этой зимой (дату Клава не помнит) у них останавливалась на кратковременный отдых наша русская конница. Конники голодные, но, главное, очень плохо одеты, никак не могли согреться. Шинелишки старенькие и из тонкого сукна, на головах лёгкие шапки времён гражданской войны или хуже. Но больше всего у них замёрзли ноги, потому что выше холодных ботинок на них были только обмотки из хлопчатобумажной материи. Солдаты их даже до конца размотать сначала не смогли, потому что эти обмотки примёрзли к ногам.

И лошади голодные: за ночь целый скирд соломы съели.

Но в следующую зиму конница снова останавливалась, и конники были одеты хорошо: в тёплых ватниках, сапогах, а на офицерах даже меховые папахи.

– Потом ещё неоднократно проходили мимо нас или останавливались ночевать пешие солдаты, но конницы больше не было, – добавила Клава.

И коротко Клавдия Григорьевна рассказала про своего отца.

Григорий Иванович в одном из первых боев был ранен в голову, но несильно. Лежал в госпитале в городе Борисоглебске. Мать к нему поехала, но не застала – его перевели в другой госпиталь. Но и там чуть позже она его тоже уже не застала – перевели в третий госпиталь. А вскоре, не отпуская домой, отправили на фронт.

Где воевал отец, на каких фронтах и кем был, он когда-то рассказывал, но дочь уже не помнит. А вот его рассказ про одну из битв под Сталинградом хотела бы забыть, но не может.

– Прислали в их часть молоденьких солдат, совсем детишек, лет по восемнадцать или моложе, – рассказывает она. – Начался первый бой, а они как закричат: «Мама!» – и все врассыпную по полю. Им те, кто постарше, кричат: «Ложитесь!» – а они не слушают, а продолжают бежать и звать маму. Отец побежал за ними, не думая о себе, что и он является открытой мишенью для врага. Пригнул одного, другого к земле, а они снова вскочили и бежать. Так и погибли некоторые, не сделав ни одного выстрела.

Григорий Иванович был ещё раз ранен под Сталинградом. Но также по выписке из госпиталя отправили на фронт. Сражался в армии Рокоссовского. Войну закончил в Берлине.

На постое был в Берлине у местного населения. И рассказывал, что немцы очень ненавидели русских солдат. И было много случаев, когда стреляли в наших солдат из подворотен, подвалов и с чердаков. Так обидно было умирать после победы!

Отец Клавды вернулся домой с большим количеством наград.

А в 1949 году получил письмо от бывшего соседа, а теперь преподавателя Богородицкого сельскохозяйственного техникума Василия Кузьмича Никитина, соблазнился его рассказами о Богородицке и переехал с семьёй в наш разрушенный город.

Когда эта книга была полностью завершена в рукописи и занесена в компьютер, мне позвонила соседка, Нина Алексеевна Ядыкина, которая живёт через стенку от Клавдии Григорьевны. И она как-то вскользь сказала, что Клава целых четыре года служила в армии. Я удивилась, ведь во время войны она была ещё в общем-то ребёнком, и попросила пригласить её к телефону.

И вот что Клавдия Григорьевна добавила и попросила, если не поздно, вставить это в книгу.

Я работала официанткой в столовой от ОРСа, Отдела Рабочего снабжения (названия столовой уже не помню). В отдельной комнате мы обслуживали ИТР (инженерно-технических работников). К нам ежедневно приходили обедать и офицеры из военкомата.

И вот в 1951 году начался набор молодёжи в армию для работы в Германии. В основном нужны были девушки, чтобы обслуживать наших солдат и офицеров, входящих в состав оккупационных войск. Требовались не только повара и официантки, но и посудомойки, уборщицы, прачки, гладильщицы. Одним словом, чтобы выдворить всех немок и заменить их русскими, потому что участились случаи отравления.

Весь город всполошился. Одни начали скорее уезжать, другие – запастись медицинскими справками.

Я работала в паре с Верой Нестеренко, и мы с ней дружили. К нам обратился офицер, предложил поехать в Германию и работать там официантками. Мы отказались. Тогда он начал нас уговаривать:

– Ну что? От матерей оторваться боитесь? Всё ещё чувствуете себя маленькими? Вы же там очень хорошо заработаете. Вам платить будут немецкими марками. И родителям поможете.

– Нет! Нет! – в два голоса закричали мы. – Ни за что! Нам и здесь неплохо.

– Во время войны комсомолки на передовой были, жизни не жалели, Родину от врагов защищали, а вы в мирное время не хотите своей стране помочь, – продолжал настаивать офицер.

Но мы всё же отказались.

Пришла я домой, рассказала маме, поплакала, а потом успокоилась и забыла. А через несколько дней прислали повестку явиться в военкомат. И Вере тоже.

Нас опять уговаривали. Я плакала и всё только повторяла:

– Не поеду.

– Вы же бедно живёте. Своей семье хорошо поможете. Всего ведь на два года (забегая вперёд, скажу, что потом прибавили ещё год, а потом уговорили ещё на год).

Мы пошли на работу. А на второй день пришла повестка явиться с вещами. Ещё тюрьмы не хватало... Но тут уж мы не выдержали и дали согласие. Нам было по девятнадцать лет.

25 августа 1951 года нас и других богородчан отправили в Тулу, а оттуда целый эшелон новобранцев – в Москву. Мы доехали до Франкфурта. Часть девушек высадили, а нас привезли в Стендаль. Меня оставляли в городе, а Веру послали в деревню. Но мы не захотели расставаться, и я попросилась тоже в деревню. Мне разрешили.

Итак, мы стали солдатами. Нас обмундировали, обули, выдали военные билеты, выделили комнату.

Дисциплина была строгая. Каждый раз утром и вечером проверка – становились в строй и отвечали: «Есть!» Жили мы за металлической оградой, и выходить за ограду не разрешалось. Никакой связи с солдатами. В город в магазин ездили в сопровождении офицера.

Но помню, как встречали 1953 год. В клубе была ёлка. Все девушки были одеты в гражданское, очень нарядные. Танцевали с офицерами.

В качестве награды нам давали отпуск на десять дней. Мы приезжали в Богородицк. И каждый раз, когда приезжали, и перед тем, как уезжать, становились на учёт и снимались с учёта в военкомате.

Зарплата была хорошая, и домой помощь семье я присылала часто. С 1954 года нам разрешили встречаться с солдатами: они приезжали к нам, а мы в сопровождении офицеров – к ним.

Всего в Германии я отработала четыре года, с 1951 по 1955. Оставляли ещё на два года, но я отказалась, а после очень даже потужила. На гражданке я всё равно считалась военнообязанной вплоть до ухода на пенсию.

ПОД КРЫЛОМ САМОЛЁТА

*А ты улетающий вдаль самолёт
В сердце своем сбереги...
(Из песни)*

Мне подсказали номер телефона, где я смогу найти материал для своей книги. Но кто там живёт и конкретно о чём мне смогут рассказать, не пояснили. Ну что ж, попытка – не пытка. Хорошо, если «не отбредут», а то ведь и такие моменты были.

Набираю указанный номер. Ответили сразу. Мужчина спокойно выслушал мои объяснения и коротко сказал:

– Сейчас позову.

Кого позовёт, не сказал. Но стало ясно, что такое уже не первый раз, к этому в семье привыкли. Долго ждать не пришлось.

– Алло, – послышался женский немолодой голос.

Здороваюсь, называю себя, объясняю, что я хотела бы услышать.

– А вы кто?

Называю себя ещё раз. Хотела снова объяснить, что мне надо, но женщина меня перебила:

– Слышала я такую фамилию. И в газете читала. Я нашу газету всегда выписываю. Ну как же, жить в городе и не знать, что здесь происходит. Это ваши стихи про войну я читала?

– Да, мои. А вы кто? – уже напрямую задала я вопрос, понимая, что разговор затягивается, а к нужной теме мы всё ещё не подошли.

– Я тёща Юрия Михайловича.

Вот это объяснение!.. Я знаю троих мужчин с этим именем. Кому же из них она может доводиться тещей?

– А как ваши фамилия, имя, отчество?

Женщина начинает говорить медленно и громко, по слогам, как бы диктуя и делая ударение на каждом слоге:

– Я, **Евгения Ермолаевна Колмыкова**, родилась 7 марта 1923 года. Мне 92 года, но я всё хорошо помню.

На этом она остановилась. Чья она теща, я не поняла. Но не всё ли равно? Тогда задаю очередной вопрос:

– А где вы родились?

Снова диктовка:

– Я родилась в Тамбовской области, в Ракитинском районе, село Хлыстово.

Прикидываю в уме: немцы туда не дошли. О чём же может рассказать мне эта женщина?

– Когда началась война, вы жили в Хлыстово?

– Когда началась война, я жила в городе Ефремове Тульской области.

– А когда и почему вы уехали из родного села?

– В своём селе я закончила первый класс. И мой отец поступил учиться в Воронежский сельскохозяйственный институт. Мы все стали жить в Воронеже.

– Кто у вас ещё в семье был?

– У нас в семье были мать, отец, я и брат Земцов Виктор Ермолаевич, он моложе.

– Ваша девичья фамилия тоже была Земцова?

– Моя девичья фамилия тоже была Земцова. А Колмыкова – это я по мужу.

До чего всё запутано: то деревня, то Воронеж, то Ефремов. И какое это имеет отношение к войне? Или старушка что-то путает?

– Почему вы из Воронежа уехали в Ефремов?

– Мы уехали сначала не в Ефремов. В 1933 году начался голод. И дальше тоже был голод. Отец поехал в Тулу, и там ему дали назначение в Венёвский район. Он работал инженером-спиртовиком. И мы там жили. А потом на заводе кто-то подменил керосин на бензин, погибла женщина, и отца перевели в Ефремов. И он тоже работал инженером-спиртовиком. А тут началась война, и его взяли на фронт. А после и я была на фронте.

– О себе расскажите, пожалуйста, подробнее, – обрадовалась я, что, наконец, подошли к нужной для меня теме, – когда вас взяли на фронт, где и кем вы воевали?

– Меня не брали, – опять по слогам начала диктовать Евгения Ермолаевна. – Я работала в горкоме ВЛКСМ секретарём у второго секретаря комсомола. А потом пошла в Ефремовский горвоенкомат и сказала, что хочу добровольцем на фронт. И тогда меня взяли.

– И кем вы воевали? В каких частях?

– Я не воевала. Меня послали в Тулу, а Тула в посёлок Мясново.

– Когда это было? В каком году и месяце?

– Меня взяли летом 1942 года.

– К лету 1942 года уже давно были отброшены от Тулы танковые части Гудериана. Что же вы делали в Мясново?

– В посёлке Мясново учили лётчиков и нас тоже полгода учили, а потом у лётчиков был выпуск. Нас погрузили на машины и отправили в поле.

Я поняла, что только теперь, наконец, началось самое главное и интересное, и задала с надеждой очередной вопрос:

– Где вы служили, в какой части?

– Наша часть называлась БАО – батальон авиационного обслуживания. Это Второй Украинский фронт. Командовал им Рокоссовский. Все два с половиной года я была только на этом фронте.

– Расскажите мне про ваш батальон, – попросила я.

– Я была учётчицей пулемётов, которые готовили для самолётов. В батальон привозили ящики со снарядами и гильзами. Мужчины заряжали и готовили самолёты к вылету.

– А в какой местности это было?

– Мы стояли в поле, реже в лесу, и не знали ни города, ни деревни, где мы находимся. Нас привозили; потом фронт продвигался дальше, нас грузили и везли следом за фронтом.

– Кроме вас, были ещё девушки?

– Нас было три девушки, и все этим занимались. Обеды мы не готовили: всю еду нам привозила полевая кухня.

– А немцы вас не тревожили?

– Немцы нас без конца бомбили и обстреливали. Мы в поле сами себе готовили окопы или палатки (очевидно, блиндажи. В.В.) и прятались в них. У нас была своя авторота и человек пятьдесят мужчин нестроевых. Это раненые и пожилые, которые уже не могли воевать. У них даже не было оружия, поэтому когда бомбили, они тоже прятались.

– Какую работу они выполняли?

– Большинство это были инженеры. Они соображали, как подвесить бомбы, как зарядить пулемёт. И зенитки тоже стояли.

– И лётчики тоже жили у вас?

– Нет, лётчики у нас не жили. За все два с половиной года я ни одного лётчика не видела. Их привозили на машинах, они садились в самолёт и вылетали на боевые задания. А потом возвращались, но не все. А какие оставались живые, прям из самолёта садились на машину и уезжали. Номер нашей части 21875, батальон № 858. Ну вот и всё, что я помню.

– А когда вы демобилизовались?

– Я вернулась в 1945 году, а отец ещё оставался. Моего брата послали на шахту работать, а он был ещё несовершеннолетний. Но я подумала и поехала не к нему, а к матери в Ефремов.

– Скажите, Евгения Ермолаевна, а у вас есть награды?

– У меня есть двенадцать наград: орден Отечественной войны и медали. Но самую дорогую награду мне дали в Богородицке – значок «фронтовик».

– Когда вы вернулись в Ефремов, опять работали в комсомоле?

– Когда я вернулась в Ефремов, я больше в комсомоле не работала. Отцу в Ефремове работа не нашлась, и он поехал в Тулу. Там ему дали направление... Его распределили... Сейчас вспомню, подождите, как бы не ошибиться...

Евгения Ермолаевна немного помолчала, я её не торопила, но она быстро вспомнила:

– Его направили в Мордовесский район (сейчас Венёвский), село Дьяконево. Он там работал инженером-спиртовиком. Он всю жизнь только эту работу делал. А я в этом селе работала заведующей сырьевой лабораторией. У меня в подчинении было десять свеклопунктов.

– И последний мой вопрос: как и когда вы оказались в Богородицке?

– Отца перевели в Товарково. И мы с матерью поехали к нему. Там я познакомилась с фронтовиком. Он был три раза ранен, и у него много наград. Он стал моим мужем. А умер в 1972 году. Работал контролёром измерительных приборов на «Ресурсе», потом в горкомхозе. Он жил в Богородицке, и я жила с ним в Богородицке. У меня двое детей, есть и внуки и правнуки. А сейчас живу с дочерью и зятем. Мой зять, Юрий Михайлович Зуев, – частный адвокат.

Ну вот, теперь я знаю и четвёртого Юрия Михайловича, правда, почти заочно.

СОЛОДИЛОВО

*Даже в этой глухой деревушке
Путь себе проложила война.
Володя Нефёдов, 15 лет, 1948 г.*

Есть в нашей стране очень красивые, но малоизвестные местечки, которые даже не посещались туристами. К ним вправе отнести и село Солодилово, бывшего Сафоновского (сейчас Ефремовского) района Тульской области, расположенное у основания и на склонах горы.

Состоит это село из восьми небольших деревушек: первых четырёх внизу в виде ровного прямоугольника, а далее других, разбросанных на разной высоте среди пышной растительности. И в нижней части, примерно в середине этого прямоугольника (местные жители называют «квадратом»), несёт свои хрустальные воды Красивая Меча.

В народе существует поверье, что якобы татарский князь уронил когда-то в эту реку свой меч. А так как татары плохо знали русский язык, то и назвали реку Красивая Меч. Кстати, это название существовало веками и только в 20-ом веке река стала Меча.

Через реку в селе проложен мост, по которому жильцы переходят из одной деревеньки в другую. А внизу под горой недалеко от реки расположены колодцы с ключевой водой, несущейся сюда с гор. Из этих колодцев местные жители берут воду, поэтому их ежегодно чистят, особенно в половодье.

Деревни, расположенные в «квадрате», такие, как Ниженка, Нижняя Грязновка, Нефёдовка, больших трудностей в снабжении водой не имеют. На самой вершине горы расположена деревенька Зайчовка. В ней до сих пор сохранились землянки, оставленные татарами. Эту гору считают самой высокой. Но других источников питьевой воды в Солодилово нет, поэтому жителям Зайчовки приходится спускаться и подниматься по крутому склону, а в гололёд обходить по более пологому, но длинному, приблизительно метров за 600–800.

На вершине самой высокой горы стоит храм, построенный в честь святого мученика Никития, праздник которого отмечается 28 сентября. К этому святому обращаются за помощью при глазных болезнях. Храм с тремя престолами, боковые – в честь Рождества Пресвятой Богородицы и в честь Николая Угодника.

Солодилово расположено в двенадцати километрах от всем известного Шилово и по своей красоте не уступает ему.

В селе к началу войны действовали три начальных школы и одна семилетняя. До революции было четыре магазина богородицких купцов Силиных, Юрьевых, Кобяковых и Коротковых. А после революции село славилось своими стадами коров и овец: их насчитывалось четыре колхозных и три колхозников. И всем хватало лоцин и сочной травы.

Купцы Коротковы ежегодно устраивали в городе Богородицке рождественские ёлки для сельских детей. На таких праздниках была когда-то и девочка Катя, Екатерина Николаевна Нефёдова, дочь которой, **Валентина Фёдоровна Артищева** (девичья – Нефёдова), и рассказала мне об этом селе, малой родине своих родителей. Таким она видела это село в детстве.

Нефёдовы жили в Богородицке. Об их семье я написала в первом рассказе в своей книге "Богородицкие были-2". После того, как фашисты сожгли их дом, в середине января 1942 года семья Нефёдовых уехала из Богородицка в село Солодилово и вернулась назад только через десять лет. А об этом, первом годе войны, Валентина Фёдоровна знает со слов своих бабушки и дедушки.

Фашисты пришли в Солодилово во второй половине декабря 1941 года, когда наши славные войска освободили Богородицк и гнали их дальше на юго-запад. И хотя немцы были, казалось бы, проходом, но вреда местным жителям причинили немало.

Освобождала село наша артиллерия. На самом высоком куполе храма засел немецкий снайпер и из своей снайперской винтовки косил советских солдат, которым не сразу удалось его вышибить. И значительно повредили купол храма.

Сначала ряд деревень этого села фашисты разграбили, а другие деревни по ходу сожгли и отправились на юго-запад.

Пришли другие фашисты и тоже начали грабить те деревни, которые уцелели. Так, зашли в дом к бабушке моей рассказчицы и стали требовать яйца и кур. Бабушка пыталась объяснить, что уже всё отобрали другие немцы и ничего не осталось. Тогда фашист дал бабушке пощёчину. Бабушка прошла в святой угол и начала молиться перед иконами. Гитлеровцы постояли и молча ушли.

И ещё удивительный случай. Два фашистских молодчика приехали на лошади. А на саях несколько старинных красивых ковров, видимо, ручной работы. Немцы украли у бабушки поросёнка, но пожалели пачкать ковры и привязали его вожжами к саям за ногу. Отъехали какое-то расстояние. Поросяенок оторвал себе ногу и на трёх ногах прискакал к бабушке.

Дедушка Валентины Фёдоровны, Николай Васильевич, работал шорником в колхозе вместе с сыновьями, Александром и Константином. Когда узнали, что к деревне приближаются немцы, Николай Васильевич поспешно собрал своих сыновей, а также стариков и подростков из ближайших деревенок своего села и увёл их в так называемое восточное Глинище. Это лощина, густо обсаженная деревьями. А когда фашисты ушли из села, мужчины вернулись назад, и все остались живы.

А жители деревни Ниженки, самые старые мужчины и допризывники, пошли к другой лощине. Среди них были двоюродный брат Екатерины Николаевны, Михаил Гаврилович, его сын Алексей и ещё двенадцать человек. Но они не успели скрыться. Немцы их догнали, повернули на поле и начали снимать с них валенки и одежду. Мороз был за двадцать градусов и разыгрывалась метель. А до деревни уже далеко. На некоторых были деревенские носки домашней вязки из овечьей шерсти, а у других валенки на босу ногу, как часто ходили в деревнях.

Михаил Гаврилович стал протестовать, сын поддерживать отца. Тогда фашисты всё же его разули и после этого застрелили, чтобы неповадно было другим. А заодно застрелили ещё двух старичков.

Наши войска продолжали наступать со стороны леса. Стрельба усилилась. Фашисты подожгли несколько деревень, но под обстрелом побоялись перейти через мост, чтобы сжечь другие деревеньки. Пострадали Верхняя, Микеевка, Твист. Остались целы Ниженка, Нефёдовка. На Зайчовку эти варвары не полезли, потому что было очень скользко, она тоже уцелела. Остальные сожгли частично.

А стрельба становилась все яростнее. И ещё нескольких мирных жителей расстреляли фашисты, а некоторые погибли по неосторожности. Например, женщина по имени Клавдия с ребёнком на руках решила перейти из одного подвала в другой, более глубокий. Но попала под обстрел. Погибли оба. Хоронили их всем селом.

Когда село было полностью освобождено, Николай Васильевич собрал мальчишек и парней от тринадцати лет и старше и организовал строительную бригаду. Ребята рубили орешник, готовили жерди, обрешечивали в сгоревших домах (очевидно, каменных. В.В.) потолки и крыши. Колхоз выделил соломы, ею крыли крыши. К весне всё было готово.

В описываемое время в Солодилове было шестьсот домов, а сейчас, говорят, всего двадцать. А жаль.

ДОЧКИНА РУБАШКА

Снег и снег. Звон удил.

*Храп и ржанье коней,
Визг и посвист, и стон
пулемётной метели...*
Константин Матвеев "Борозды войны"

Зинаида Владимировна Фролова работала преподавателем Богородицкого совхоза-техникума (сейчас сельскохозяйственный колледж имени И.А. Стебута) в те же годы, что и я. Обе в одном корпусе, на ветеринарном отделении, только она на первом этаже, где вели специальные предметы, а я на третьем, где вели занятия преподаватели общеобразовательных дисциплин.

И хотя судьба нас разъединила ровно тридцать пять лет тому назад, но связь и дружбу мы поддерживаем до сих пор. Поэтому, когда я писала вторую книгу из этой своей трилогии, она мне подсказала интересного очевидца, а сейчас, соответственно теме моей новой книги, вызвалась сама рассказать воспоминания.

– Я была совсем маленьким трёхлетним ребёнком, когда услышала это страшное слово "война", – начала Зинаида Владимировна свой рассказ. – Конечно, не очень доходило до сознания, потому что раньше только и видела, как мальчишки играли в войну, но всё же чувствовала, что это что-то страшное.

– Ваш отец воевал? – сразу перешла я к главному.

– Да. Его взяли на фронт ещё в июне 1941 года. Этот момент я помню очень ясно. Его провожали до районного центра на колхозной лошади. Он взял меня на руки, потом сел на телегу и меня посадил к себе на колени. Дорога была прямая, шла вниз и вдаль, и хорошо просматривалась. Мы доехали до определённого бугра, отец попросил остановить лошадь, поцеловал меня и поставил на землю. И они поехали, а я побежала назад в деревню.

– Одна? Такая маленькая?

– Ну и что же! Деревня была хорошо видна, а наш дом тем более самый крайний.

– Как называется ваша деревня и где она находится?

– Правильнее сказать "находилась". Её уже нет. А было в то время всего семнадцать дворов, а потом стало меньше, уже после войны. Относилась она к Мукешкинскому району Воронежской области, а потом стала Мучканского района Тамбовской области. Название её точно не могу сказать: или Тулянка, или Туляновка. В общем, произошло от слова "Тула".

– А при чём здесь Тула, ведь это от неё далеко? – заинтересованно спросила я.

– История гласит, что наша деревня началась с Тульской области. Екатерина Вторая дарила храбрым солдатам самые плодородные земли. И наши места достались солдатам из тульских деревень. И фамилии давала им от названий их родовых сёл и деревень. Поэтому у нас там были по выходцам: из Рудово – Рудовы, из Ломовки – Ломовцевы и Ломовские, из Плужниково – Плужниковы, из Овсянкино – Овсянниковы и другие.

– Это ваши деревенские так хорошо знали свою историю?

– Нет, не они. Мой младший брат Николай специально занимался этим и мне рассказал. Кстати, он жил в Богородицке, на Графской стороне, за Большим мостом. Работал в совхозе, и только он один умел так точно маленьким плугом нарезать борозды под посадку плодового сада. Когда он умер, ему замену не нашли.

– Зинаида Владимировна, сколько у вас в родительской семье было детей?

– Всего мать родила шестерых. Но моя сестра умерла, когда училась в четвёртом классе, а старший брат Михаил уехал в Скуратов к отцову брату и работал на железной дороге. Начал от сцепщика вагонов, а потом его всё переводили с повышением, и последняя должность - начальник станции в городе Липки. Он был очень добрый, лояльный, улыбчивый, всегда со всеми первый здоровался.

Зинаида Владимировна готова была также с гордостью рассказывать и про всю свою родню. Конечно, это можно только приветствовать, но мне пришлось её прервать.

– Давайте на этом пока остановимся, – сказала я. – Меня интересует в первую очередь война. У вас в деревне немцы были?

– Нет, немцы до нас не дошли. Я их не видела никогда.

– А бомбёжки, обстрелы были?

– Тоже не было. Но один раз приехала какая-то комиссия из района. А от нас сельсовет за пять километров, это в селе, куда в школу ходила. А районный центр за семь километров. Комиссия приехала летом 1942 года, вечером. Нам велели всем прятаться на поле в подсолнечнике. И небо освещали прожектора, а комиссия ходила по домам и проверяла, все ушли или нет. И что это было, даже взрослые не поняли.

– В это время какие-нибудь самолёты летали? Или стрельба, взрывы слышались?

– Этого я не помню.

– А теперь расскажите мне про своего отца.

– Моего отца звали Владимир Иванович Морозов. Он 1907 года рождения. Воевал всю войну, пришёл осенью 1945 года. На каких фронтах он воевал, я не знаю. Я тогда была маленькая и ничего не понимала. Только помню, что он очень хорошо отзывался о командующих армиями Коневе и Ватутине.

– Ну, это уже что-то. Николай Фёдорович Ватутин, генерал, командовал войсками Воронежского фронта. После Курской битвы в 1942 году от Воронежского фронта осталось мало солдат, их добавили в 1-ый Украинский фронт, а Воронежский прекратил свое существование. А Ватутин командовал Юго-Западным, 1-ым Украинским, а в 1944 году умер от ран. После него 1-ым Украинским командовал Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Отсюда понятно, где воевал ваш отец.

– Как хорошо вы это знаете.

– Пришлось изучить, и неоднократно, пользоваться справочной литературой и интернетом, иначе как бы я смогла написать историческую книгу. Ваш отец вернулся, это большое счастье. А ранен он был?

– Да, он два раза был ранен. Первый раз в руку и приехал на побывку в 1942 году. Но был дома недолго. А второй раз приехал с одним глазом весной 1943 года. Помню, что он помогал огород копать. И в 1943 году у нас родился брат Юра, а на следующий год родился брат Николай, это наш последний.

– И отца больше на фронт не брали?

– Взяли опять. Он только в 1945 году в сентябре домой пришёл.

– А как же он воевал с одним глазом?

– Он в обозе был. Подвозил разные боеприпасы и ещё что требовалось. А если длинный обоз, то и других лошадей запрягал.

– Это, как я поняла, когда ехали цугом, то есть друг за другом, а возчики правили только первой и последней лошастью, а средние шли одни, без людей. Но это же рискованно: если бомбёжка начнётся, они могут испугаться и разбежаться.

– Я не знаю, может быть, он просто помогал запрягать неопытным солдатам и учил их. Но в обозе всегда был на первой лошади. Отец и в колхозе конюхом работал.

– Про какие-нибудь случаи из военной жизни отец рассказывал?

– Сначала он много рассказывал, особенно когда друзья за столом собирались, только я не всё понимала и не запомнила. А когда я повзрослела, он стал меньше рассказывать. Но вот это я хорошо помню. Киев наши войска освобождали два раза. И когда они его взяли второй раз, то вышибли немцев с большими потерями из старинной красивой церкви. И отец тоже вошёл с нашими солдатами в храм. Увидел много старинных, очень красивых икон. А на ликах святых гвоздями

выцарапаны буквы. Мой отец абсолютно неграмотный, учился всего три месяца, всех букв даже не знал, но эти слова сумел прочитать. И очень возмущался, говорил, что за одно это всех немцев стоит перестрелять.

– А у меня другое мнение, – сказала я. – Немцев защищать не хочу, но уверена, что это дело рук наших атеистов-безбожников после первого освобождения Киева. Русский рабочий класс утратил веру, а в искусстве он никогда не разбирался. В этом отношении даже крестьяне чище. И очень сомневаюсь, что простые немецкие солдаты, отличающиеся жестокостью, сумеют написать русскими буквами наши непристойные слова.

– Потом наши войска, а с ними и отец, прошли через Молдавию и сделали остановку в румынском городе Яссы. Этот город произвёл на отца очень большое впечатление, особенно памятники архитектуры 13–18-го веков, некоторые частично пострадавшие от войны.

– Я смотрю, ваш отец – натура тонкая и в искусстве, пусть по-своему, но разбирается.

– Тонкая, но не всегда. Одно время после войны жестоко относился к жене и детям, но потом это у него прошло.

– Я от вас не от первой такое слышу. Война искалечила души многих людей.

– Думаю, что на него ещё повлияли и поляки. Когда наши освободили Польшу, то вместо благодарности встретили ненависть к русским. До того они все вредные, даже воды им для русских жалко. Но всё же приходилось жить на частных квартирах, хотя хозяева смотрели на своих постояльцев недобро и насмехались над нашими солдатами.

– Да, со мной в институте на одном курсе учились ребята из разных освобождённых стран: чехи, венгры, болгары и другие. Все были хорошие. Даже девчонки-полячки относительно душевные, но мальчишки очень вредные. Однако мы отвлеклись. У вас есть ещё что-нибудь рассказать?

– Я родилась в рубашке, и мою рубашку мама всегда берегла за иконами. А когда отец уходил на фронт, мама её отдала ему и сказала, что это его оберег. И отец всегда носил мою рубашку в левом кармане гимнастёрки и никогда не расставался с ней. Но однажды они купались, поменяли всё бельё и отправились дальше. Когда отошли уже на значительное расстояние, отец опомнился, что оставил дочку рубашку в грязной гимнастёрке. Сильно он расстроился, подошёл к командиру и объяснил ему. "Это очень ценная для меня вещь", – сказал он. Командир отнёсся с пониманием, назвал, где будет следующая остановка и отпустил его. Когда отец вбежал в дом, увидел на полу целую гору грязного белья, почти до потолка. Перебрал больше половины и свой талисман нашёл. Догнал своих, пришёл к указанному месту и доложил командиру. Считал, что моя рубашка спасла ему жизнь.

– А я думаю, что он прав, ведь вы говорите, что мать хранила её, как икону.

– И ещё отец рассказывал, что 9 мая в День Победы большой концерт был около самого рейхстага. Народу собралось очень много. Приезжали наши артисты. Особенно всем понравилась Лидия Русланова. Она много пела, и кто её что просил, никому не отказала, все исполнила.

– А кто ещё из артистов был?

– Отец говорил, что несколько человек, но запомнил он только Русланову. А после победы он и другие наши солдаты восстанавливали в Берлине всё то, что сами разрушили. Он работал на ремонте дорог. И местные жители, а это в основном женщины, тоже должны были работать. Но они ухитрялись прятаться на чердаках и в подвалах, всячески отлынивать от работы. Поэтому отцу и другим нашим солдатам приходилось лазить по чердакам и подвалам собирать их. А один раз отец не выдержал и решил припугнуть их: снял с плеча винтовку и зарядил её. Немки кинулись на колени и начали ему обнимать и целовать ноги. После этого все, как миленькие, выходили на работу. В общем, до середины сентября 1945 года в Германии наши солдаты восстановили всё, что разрушили.

– И наивно надеялись, что страны народной демократии, или социалистического лагеря, как их тогда называли, тоже социализм у себя построят.

– Отец говорил, что они и тогда жили намного лучше, чем мы: ели колбасу и кофе пили. А мы ещё и в 1953 году хлеб с лебедой пекли, и отец ругался на мать, чтоб побольше лебеды добавляла, потому что в колхозе на трудодни пшеницу не давали, а только овсянку, да и то очень мало. И в нашей деревне не было ни электричества, ни радио. После смерти Сталина в 1953 году все начали переезжать в другие места страны.

– А куда вы переселились?

– В Саратовскую область, село Красный Яр, в двадцать одном километре от районного центра, города Энгельса. Раньше в этом селе немцы с Поволжья жили. Место очень красивое, речка Берёзка, с её задумчивыми зелёными берегами. И село большое, дома добротные, рядом с домом огород и сад. Только плодовые деревья почему-то вырублены.

– А потому что их обложили налогами, я это помню, – сказала я. – Денег в стране всё ещё не хватало на восстановление последствий войны.

– Но мы стали лучше жить, – продолжила свою мысль Зинаида Владимировна. – На трудодни здесь давали пшеницу. А мы с собой привезли корову, овец и сено. Лучшие дома уже были заняты, мы сначала жили на частной квартире. Отец работал в строительной бригаде. Он привёз из Германии алмаз, им никто не умел пользоваться, и отец вставлял всем стекла. Строили очень быстро: мы приехали весной, а летом уже был готов наш дом. Я училась в школе, а в летние каникулы выращивала колхозных цыплят. Окончила сначала семь классов. Отец не хотел, чтобы я училась дальше, но мать настояла. Поэтому я после десятилетки поехала к брату в Липки, прожила у них год и ходила в десятый класс вечерней школы, чтобы повторить. А потом закончила ветеринарный факультет и стала ветврачом.

– Зинаида Владимировна, а когда вы приехали в Богородицк?

– В 1970 году в связи с переводом на работе мужа. Но о нём я вам отдельно расскажу.

ЖИЛА В ДЕРЕВНЕ ДЕВУШКА

*"Мыла Марусенька белые ноги..."
И насквозь пронизана песенка эта
журчанием речки и смехом Маруси,
окрашена небом и солнцем прогрета..."*
Маргарита Алигер

Есть в Липецкой области район с таким же названием, как и в Тульской – Воловский. А в этом районе есть деревня – Большая Горчаковка. До Великой Отечественной войны была она действительно большая, длинная. Деревянный мостик через речушку разделял её на две половины.

И жила в этой деревне девушка Маруся, теперь ей девяносто два года и все её зовут **Мария Савельевна Паршуткина**. И семья у них была тоже большая, восемь человек: мать с отцом, четверо детей и бабушка с дедушкой.

Но случилась в 1937 году в семье большая неприятность: отца посадили в тюрьму. А за что? За то, что честный и справедливый был: не позволил городским чиновникам разворовывать колхоз.

Маруся росла, училась в школе. В деревне была только школа начальная, четырёхлетняя. А девочке хотелось и дальше учиться. Но семилетняя школа в Васильевке, за семь километров. Жили бедно, зимой на ногах только портянки и чуни (чуни – лапти из пеньковой верёвки; пенька – волокно из стеблей конопли). А печку топили навозом, тепла мало, портянки не успевали высыхать. Не закончила девушка семь классов, пошла работать в колхоз.

А тут и война началась.

В деревне стояла воинская часть. Рыли окопы, и Маруся с подругами тоже рыли. Не успели немного. Немцы были близко. Жителям наши солдаты посоветовали прятаться в погреба. А боя никакого не было: наши шли по одну сторону деревни, немцы – по другую. Подвалы в деревнях далеко от домов. Немцы передвигались на машинах и на подводах. И подвал, в котором сидели Маруся с семьёй и соседи, чуть ли не раздавили машиной. Один немец увидел, открыл и говорит:

– Матка, выходи.

Многие испугались, не хотели выходить. Первыми осмелели мальчишки. И сказали остальным:

– Давайте выходить.

Фашисты пошли по домам. Увидели учительницу. А на ней сверх нарядной одежды надета плохонькая. Немец схватил её за подол, трясёт:

– Плохая. Эта лучше. Сними.

Жители разошлись по домам. Но в той половине деревни, в которой жила Маруся, фашисты всех повыгнали из своих домов, указали, чтобы шли на другую половину. Отобрали всю скотину. И у Марусиной семьи забрали последнюю корову-кормилицу.

Так и поделилась теперь окончательно эта деревня на двух хозяев: одна половина принадлежала русским, в другой хозяйничали немцы. Марусю приютил Рожков Владимир.

Но не знали фашисты, что такое русская деревня, никогда не приходилось им жить в таких условиях. И первым затруднением, с каким они столкнулись, оказалась наша русская печка. Захотели они погреться, затопили печь, а заслонку отодвинуть не догадались. Труба закрыта – и весь дым в хату пошел. Всё черно. Фашисты задыхаются, мечутся по хате, злятся, за винтовки хватаются. Хотели со злости всех жителей деревни расстрелять. Первым поляк-переводчик догадался, а, может быть, видел где-нибудь раньше. Показал, что и как, и фашисты успокоились.

Недалеко от Большой Горчаковки можно увидеть курган. Когда фашисты стояли в деревне, на этом месте произошло очень крупное сражение. И с той, и с другой стороны погибло много солдат. И фашисты согнали людей из ближайших деревень, заставили их рыть глубокие братские могилы, как окопы, и хоронить убитых немцев. Маруся тоже принимала участие. А когда и кто хоронил погибших советских воинов, она не знает.

А еще "там госпиталь стоял". Немцы отобрали на деревне девчонок повыше ростом и поплотнее и заставили носить в немецкий госпиталь молоко. Забирали у деревенских жителей русской половины деревни свежее коровье молоко, наливали в два больших жбана и заставляли четверых девчонок (по две на каждый бак) нести в госпиталь. Среди этих четверых была и Маруся.

Однажды у неё очень болел живот (женская месячная болезнь), слабость, сильное недомогание. Где уж тут поднимать тяжесть? Девушка спряталась под кручу, к речке. Надеялась, что не найдут и заменят. Но фашисты рассвирепели. Нашли её, поставили к стенке:

– Расстрелять!

Хоть и плохо она знала немецкий язык, но поняла, что хотят фашисты.

Заступился поляк-переводчик. Отбросив девичье стеснение, она объяснила ему причину. Что он говорил немцам, она, конечно, не поняла. Они немного смягчились, но всё же заставили нести в госпиталь молоко.

И ещё один случай рассказала мне Мария Савельевна. Но это уже было не с ней.

Ребёнку ещё и пяти лет не исполнилось. Но дети есть дети, особенно мальчишки. Всегда ищут для себя какие-нибудь подвиги, не думая ни об опасностях, ни о последствиях.

Зашёл к нему друг, соседский мальчишка, на два года старше него:

– Пойдём к немцам!

– Не, я боюсь.

– А чего нам их бояться? Мы русские, а русские ничего не боятся.

– Они нас не убьют?

– Пусть только попробуют. Ты трус, да?

– Нет, я не трус, – обиделся младший и чуть ли не заплакал, – я ничего не боюсь.

Пойдём!

И отправились два "храбреца" на другую половину деревни. Дошли до мостика.

– А может, не пойдём? – снова засомневался младший.

У старшего тоже какой-то испуг в душе зародился. Но разве он может показать это младшему?

– Нет, пойдём. Колька сказал, что немцы ему шоколадку дали.

– Да врёт, небось.

– Может, врёт, а, может, и нет. Пойдём, нам они тоже дадут.

Довод оказался убедительным. И оба мальчишки храбро ступили на мостик.

А фашисты в этот раз какой-то свой праздник отмечали. Было весёлое застолье. И песни, и анекдоты. Чем бы еще попотешиться?

Увидели мальчишек, привели их в дом. Сначала шоколадкой угостили. Видят ребята, что немцы совсем даже не страшные, а добрые, и вовсе расхрабрились.

А подвыпившим фашистам новой забавы захотелось. Что им до этих русских несмыслёнышей? Налили им в стаканы ликёра. Показывают:

– Пейте!

Попробовали мальчишки. Сладко, вкусно.

Сколько они выпили, и сами не помнят. Что ещё было, как над ними фашисты куражились, тоже ничего не рассказали. А фашисты насмеялись, напотешились вдоволь и отправили детей домой. Но всё же у двоих совесть заговорила: пошли по пятам за мальчишками.

А ребята идут, счастливые, довольные. То маршем, то вприпрыжку. Руками машут, песни горланят. Чуни размотались, ребята их на плечи повесили. Идут по снегу в одних чулках.

Вот ребята заходят в дома, где они жили. А за ними немцы. Мать младшего увидела такую картину, испугалась, что ребёнок теперь заболит. Немец знаками объясняет, что праздник у них был, показывает: мальчишку спать уложите и накройте получше, ничего не будет.

И правда, обошлось.

Недалеко от деревни росли кусты. И в этих кустах жили наши, русские. Партизаны, наверное. Но никаких случаев не было. Никого они не убивали. По ночам они подходили к домам на ту половину, где жили деревенские. А жители знали, когда они должны подойти, и ставили для них на окна молоко и хлеб. Но только какой это хлеб был? Мучицы мало, в основном картошка и свёкла. И сами все такой ели.

Когда этот немецкий отряд отступал, а наши наступали, тоже никакого боя не было. Немцы успели немного раньше уйти. Оставили много всяких машин. Но только машины-то все разбитые были или сгоревшие. А деревню не сожгли, не успели, потому что по другую сторону домов уже наши шли. Но разбросали везде много патронов и мин.

Мальчишки, известное дело, народ любопытный. Им интересно, что там внутри, в снарядах и минах. И порох очень красиво горит, вспыхивает.

И много мальчишек погибло уже в первую послеоккупационную зиму.

Сначала один мальчик то ли вскрывал мину, то ли наступил на неё, но его на куски разорвало.

Потом взрослые ребята, которые ходили учиться в старшие классы в деревню Васильевку за семь километров, нашли мину. Да и искать-то не надо: мины и пули везде лежали под открытым небом. И трое старших мальчишек тоже погибли.

И ещё таких случаев много было. И покалеченных ребят осталось от войны немало.

Судьба не пощадила и семью, в которой жила Мария Савельевна. Младшего её братишку звали Володей. Он был всеобщим любимцем. И мама очень боялась за него и всегда говорила:

– Володя, без меня никуда не ходи, сиди дома.

Володя был послушным ребёнком. Мальчишки на улице играют в снежки, лепят снежную бабу. Ему тоже очень хотелось порезвиться на морозце. Но раз мама не велела, он терпел. Сидел около окошка и молча смотрел на забавы ребят.

Но однажды мама пришла с работы, Володя просит:

– Мам, можно мне пойти погулять?

– Ну иди, погуляй, пока я корову подою и обед приготовлю.

Села мать под корову и вдруг слышит: рядом раздался взрыв. Сердце материнское подсказало, что что-то здесь неладно. Бросила подойник, выбежала на улицу. А Володя лежит на снегу, весь в крови. И рядом мальчишки: кто затих, а кто ещё корчится, у кого руки или пальцы оторвало.

Брат Володи, что постарше, на лошади работал. Он повёз его в другую деревню в больницу. Доехал до мостика, посмотрел, а ребёнок уже не дышит. Вот какое несчастье постигло и эту семью.

Позже приехали минёры и всё пособирали.

Когда окончилась война, жизнь понемногу стала налаживаться. В школу Маруся ходить опять не стала, потому что негде было просушивать чуни. И пошла работать в колхоз.

Снег в этом году сошёл дружно, быстро, и колхозники вышли в поле. После фашистов часть лошадей сохранилась, коров и быков на "русской" половине деревни тоже сколько-то осталось в своих хозяйствах. Пересчитали всех. Конечно, жалко коровёнок заставлять пахать, исхудали они за зиму, но другого выхода нет.

И людей-то совсем мало, да и то самые старые, плохонькие старики. А что делать? Вышли и они на работу. Сами не могут, но стали учить подростков и девчат. Всё приходилось Марусе: и сеять, и косить, и снопы вязать. План был большой, поэтому всю колхозную землю засеяли. А потом пора молотьбы началась, и Маруся вдвоём с подругой подносили снопы к молотилке. И за восемнадцать километров за семенным зерном ходили с подругой, по пуду на себе носили (по шестнадцать килограммов). Всё девушка умела и старалась, как могла, ведь ещё до войны, с четырнадцати лет начала работать. И трудодни теперь зерном оплачивали. Жить легче стало.

А потом в колхоз привезли разные станки. Девчата их сами расстанивали. Сначала им кратко объяснили, какие будут виды работ и как их надо выполнять. И спросили желания каждого. И рабочей специальностью токаря тоже быстро овладела эта трудолюбивая девушка. Пять лет обтачивала "разные железки".

Да повстречала хорошего парня. Что из того, что инвалид войны, мало ребят вернулось назад с фронтов, на всех девчат не хватит. А этот добрый и заботливый. Парень жил на станции Набережная, туда Мария Савельевна и переехала жить. Работала на почте. Потом опять в колхозе.

В дружбе и согласии жили. Четверо детей было, все в люди вышли. Только один перед самым уходом на пенсию пошел искупаться в речке и утонул.

Большие трудовые заслуги у Марии Савельевны Паршуткиной. И пенсия хорошая, и медаль, и значки, и другие награды. А уж сколько поздравительных открыток, не сосчитать. Но главное – звание труженицы тыла. Муж её, хоть и военную пенсию получал, но до войны не работал, его в армию из школы взяли. Поэтому наград на гражданке меньше было.

Сейчас Мария Савельевна живёт в Богородицке с дочерью. И квартира хорошая, большая, со всеми удобствами. И одежда всякая. И питание замечательное. Но часто вспоминает свою деревню, свою малую родину. И щемит её старенькое сердце оттого, что теперь в деревне всего три дома. Остальные стоят брошенные, пустые.

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Мы, дети войны, стали взрослыми рано,
Война отняла беззаботное детство.*

– Я тоже отношусь к детям войны, – начал свой рассказ **Владимир Семёнович Глазнев**. – Нелёгким было наше детство, особенно у тех, чьи отцы не вернулись домой. Поэтому я часто выступаю перед школьниками. И это очень хорошо, что вы пишете книгу про детей войны. Мне хоть в отношении питания было легче, чем другим, но работать пришлось много.

Раннее детство Владимира Семёновича (а он родился в 1937 году) проходило в Липецкой области. Там в Лебедянском районе был небольшой совхоз имени И.В. Мичурина, организованный на месте бывшей помещичьей усадьбы. Земли немного, всего примерно гектаров пятьсот, зато прекрасный плодово-ягодный сад. Место очень красивое. По территории совхоза протекает река Дон. А кругом заливные луга. А когда расцветают сады, и всё вокруг благоухает – просто сказочно чудесно.

Папа Владимира Семёновича, Семён Иванович, три войны прошёл: финскую, Великую Отечественную и с Японией в 1945 году. На Великую Отечественную его взяли в самом начале войны, и он воевал до конца, вошёл в Берлин, расписался на рейхстаге и сфотографировался на его ступеньках. Потом Семёна Ивановича уже забронировали, чтобы вернуться домой, но началась война с Японией. И только когда окончательно разгромили Квантунскую армию, он приехал к семье.

– Папа привёз с собой немецкие общие тетради с лощёной бумагой и командирскую сумку, – рассказывает Владимир Семёнович. – И это было настоящее богатство. Мы писали на самодельных тетрадях, сшитых из газет; тряпочная сумка через плечо, чернильница-непроливайка. Всё пропито, перепачкано.

Но это уже было потом. А пока шёл 1942 год. Немцы подходили к Ельцу. Оставаться на месте было опасно. И Семён Иванович в своем письме посоветовал уехать на его родину, в совхоз "Иловаево-Дмитровский" Первомайского района Тамбовской области.

– Нам дали лошадь с возницей, – вспоминает Владимир Семёнович. – Мы погрузили, что смогли, и поехали. Дорогой ночевали у незнакомых людей. Тогда народ был душевный, и из сострадания впускали всех ночевать, нередко даже картошкой кормили, а уж кипяточка всегда давали.

Но всё же за дорогу намёрзлись и, когда приехали к бабушке, то сразу залезли на печку греться.

Бабушкина семья ко времени раскулачивания считалась зажиточной. Да, на фоне других они жили лучше, потому что не пьянствовали, а с раннего детства много трудились. Уже подростки, а порой и дети, вставали в четыре часа утра, особенно в горячую пору сенокоса и уборки урожая. Поэтому к семье дедушки относились враждебно. И когда в стране проходили разборки по делу Тухачевского, то в переделку попал и дедушка, и его расстреляли.

Папа Владимира Семёновича, боясь репрессий, решил уехать из родного дома. Его пригласил знакомый директор совхоза. Так семья оказалась в Липецкой области, где Семён Иванович работал сначала кладовщиком, а потом заместителем директора по хозяйственной части. Жили неплохо, но и трудились много. И вот теперь снова Тамбовская область.

Владимир Семёнович вспоминает, что, когда наши войска проходили через совхоз на Елец, то солдаты ночевали и у них.

– Они и отогнали фашистов от Ельца, – говорит он.

Но вот опасность миновала, наши славные воинские части стали одерживать победу за победой и гнать всё дальше врагов с родных территорий. Семья Глазневых вернулась в Липецкую область.

Там была организована строительная бригада. Восстанавливали разрушенное фашистами: крыли крыши, жгли известь... Помогали даже дошколята: подносили гвозди, выполняли другую нехитрую работу. А также пасли телят, свиней. Отдыхать и играть было некогда.

Окончилась война. Стали возвращаться фронтовики. Большинство раненые и искалеченные. Но и таких очень мало. И даже инвалиды начали втягиваться в работу. А с ними трудились и дети.

Вернулся с войны и Семён Иванович Глазнев. Много орденов и медалей на груди. Но он их снял и не носил.

«Не могу, – говорил, – носить их. Каково смотреть на меня тем женщинам, чьи мужья не вернулись с войны. Не могу я их лишний раз травмировать своим видом».

И в этот период стало распространённым страшное, тревожащее души слово – «безотцовщина». Кто-то жалел детей, лишённых такой радости – видеть своих отцов, чувствовать тепло и надёжность сильных отцовских рук, играть в ордена и медали. А другие за каждую, даже малую, провинность ребёнка кидали ему в упрек это страшное, жестокое слово. А иные, вместо имени, кричали: «Ну, ты, безотцовщина, уходи отсюда, нечего тебе тут делать, а то ещё своруешь чего».

И ребёнок отходил, затаив обиду и чувствуя себя как бы виноватым в том, что у него нет отца.

И дети, у которых вернулись отцы, тоже по-разному себя вели. Одни надевали отцовские награды и кичились перед товарищами. Старались больше рассказывать про подвиги отцов, иногда даже сами сочиняли небывицы и стремились как можно чаще повторять в разговоре с «безотцовщиной» слова «а вот мой папа...»

А другие дети жалели своих друзей, лишённых отцовской заботы, старались, чем могли, помочь им. Понимали, что даже одно сознание того, что у ребёнка больше нет отца, ранило его детское, но человеческое сердце.

– У нас семья из Ленинграда жила, – рассказывает Владимир Семёнович, – трое детей, а мать не могла работать. Дети трудились. Мы жили лучше других, не голодали, и я их домой приводил, а моя мама всегда подкармливала. И я с собой захватывал хлеба, мяса, давал им. А когда папа уезжал, ключи от амбара мне оставял, и я своих друзей угощал огурцами с мёдом.

Но и ему, Владимиру Семёновичу, а тогда еще просто Володе, приходилось много трудиться. Семья содержала различную скотину, потому и жили лучше других. Но для животных надо на зиму заготавливать много корма. Вот в силу этого отцу не до сна было: и в совхозе успевал работать, и домашние дела выполнять. И сына своего тоже рано стал приучать к хозяйственным делам.

Когда пишу эти строчки, невольно вспомнились слова поэта Н.А. Некрасова из его стихотворения «Крестьянские дети»:

Довольно, Ванюша, гулял ты немало,
Пора за работу, родной.

Детям войны, не только крестьянским, но и всем, доставалось трудиться с раннего возраста. А в сельской местности тем более. Владимир Семёнович рассказывает:

– Только начнёшь с ребятами на выгоне в лапту играть, а папа кричит: «Володя, поехали!» Ребята играют, и мне тоже хочется. А что я был, ещё и в школу не ходил. Но и сено возить тоже надо. И папа учил меня, как правильно вилы держать, можно ли поворачивать.

И семи-восемилетние дети уже в совхозе на лошадях работали.

– Бывало, взрослые накладывают нам полный воз снопов, – рассказывает Владимир Семёнович, – а мы их везём. Дорога неровная, иногда телега накренится, и снопов пять с самого верха упадёт. Они очень тяжёлые. Редко бывают немного легче, а чаще нам не под силу. Хорошо, если какой мужик пройдёт или проедет мимо, поможет.

А потом работали вместе со взрослыми. Совхоз – это не колхоз, там день считался нормированным. Но часов ни у кого не было. Одни-единственные во всём совхозе были только в конторе. А около конторы на дереве была подвешена на толстой проволоке металлическая болванка.

– Вот тётя Лиза стучит по ней: бум, бум... – значит, пора обедать, – с каким-то задором в голосе рассказывает Владимир Семёнович. – И мы наскоро поедим, кто что захватил с собой, и скорей в Дон купаться. А потом, как услышим опять эти «бум, бум», – значит, обеденный перерыв закончился. И уборщицу тётю Лизу мы прозвали «Лиза-звонатка». Хотя и трудно было работать, но находили для себя и удовольствия, и веселье. И в совхозном саду яблоки воровали. Сторож ругался, а мы всё равно воровали.

Но большой отдушиной в жизни детей войны была так называемая передвижка. Фильмы привозили нечасто и показывали на улице, на открытом воздухе, когда стемнеет. Содержание разное: редко художественный фильм, а чаще это киноборники, составленные из каких-то давно устаревших документальных событий. Киноленты постоянно рвались от старости и износа, и в аппарате происходили поломки. Всё это уносилось в контору и ремонтировалось, иногда подолгу, но зрители терпеливо ждали, редко кто не выдерживал и уходил. Случалось, что после такого ремонта «киношник» по ошибке, предварительно значительно урезав, вставлял плёнку «кверху ногами». Вот тут-то было радости и смеху у ребят!

– Мы старались проскочить без билета, – рассказывает Владимир Семёнович. – Иногда угощали киномеханика яблоком или конфетами-подушечками, он нас пропускал. А кто бедно жил, он, случалось, и сам пропускал так.

Школа была в соседней деревне, семилетняя. Окончив её, Владимир Семёнович уехал в Лебедянь, там закончил десять классов. До службы в армии оставался ещё год, он работал на машиностроительном заводе.

В армии сначала учился в полковой школе в Одессе, на самом берегу Чёрного моря. Такое расположение школы давало возможность и для хорошего отдыха.

Владимир Семёнович любит вспоминать эти полгода своей жизни:

– В свободное время мы купались в Чёрном море. И старались представить, что мы на курорте. Конечно, армия – это не курорт, здесь дисциплина, свои порядки, но всё равно было хорошо.

В полковой школе Владимир Семёнович изучил азбуку Морзе и хорошо натренировался. И в армии служил в радиотехнических войсках особого перехвата, также на берегу Чёрного моря.

После такой трехлетней службы В.С. Глазнев мог поступить вне конкурса в любой институт. Он выбрал Рязанский сельскохозяйственный.

Там он встретил девушку Работян Нелли Гайковну. Она на два года раньше закончила Тимирязевскую академию в Москве, факультет механизации и теперь работала в этом институте. Сыграли свадьбу. И когда Владимир Семенович учился на четвёртом курсе, у них родился ребёнок.

Конечно, трудно было и материально, а потом работать и воспитывать детей, поэтому по окончании института поехали на родину её матери, в село Иевлево Богородицкого района, и работали в колхозе «Победа».

И эта семья была примером большой сильной любви. До недавнего времени В.С. Глазнев работал председателем Совета ветеранов. Но после того, как очень болезненно перенёс потерю жены, теперь работает заместителем председателя.

ПО СТЕРНЕ БОСИКОМ

*Дикий, угрюмый Север,
безлюдье,
таёжный мрак
нашу страсть не рассеяли,
а выпестовали
на ветрах!..*

Вячеслав Кузнецов «Сибирская статья»

*Не смеюсь, не играю,
Не читаю в тепле.
Колоски собираю
На застывшей земле.*
Николай Карпов «Память»

Иван Павлович Трофимов сочиняет стихи. В свои восемьдесят лет, несмотря на возраст и недомогания, он старается держаться крепко, энергично и быть в курсе всех событий, происходящих в мире и в нашем городе. Для этого выписывает и читает несколько газет, в том числе, конечно, и нашу районную газету «Богородицкие вести».

Узнав из «районки» о том, что в нашем городе существует литературное объединение, он решил познакомиться с кем-нибудь из его членов и показать свои стихи. А здесь как раз и моё стихотворение опубликовали. Найти в справочнике мой номер телефона проблем не составляет.

Не буду сейчас писать свои впечатления о его поэтических данных, хочу только сказать о том, что, судя по возрасту, я поняла: он пережил войну. И этим решила воспользоваться и записать его воспоминания.

Когда он сказал, что родился в Орловской (ныне Липецкой) области, я представила, что будет рассказ об оккупации. Но оказалось, что всё не так.

По словам Ивана Павловича его отца, Трофимова Павла Петровича, 1887 года рождения, по приказу Михаила Ивановича Калинина, в 1937 (или 1938) году отправили в Сибирь для освоения Севера. Зная, кто такой был Калинин и что именно он являлся главным организатором репрессий, легко понять, что происходило на самом деле. И приходится удивляться, почему до сих пор люди боятся называть «вещи своими именами».

Семья Трофимовых жила в селе Кускунка Манского района Красноярского края. В семье было двое детей. Александр старше Ивана на год и девять месяцев.

Отец их по профессии ветеринарный работник, и в Сибири он продолжал заниматься своим делом: лечил лошадей и коров.

Война, казалось бы, никаким боком не коснулась этой семьи. Павла Петровича на фронт не взяли – возраст уже близился к непризывному. Но в 1943 году умерла его жена. Оставаться в Сибири с двумя несовершеннолетними сыновьями трудно, да и непривычно. А тут и с женщиной хорошей познакомился. Она из эвакуированных. Жила прежде где-то недалеко от Ельца (сейчас Липецкой области).

И в 1944 году эта женщина решила вернуться из эвакуации домой. И хотя брак не зарегистрирован, но мальчишки привыкли к ней, даже матерью начали называть. Да и сама она добрая, кроткая. И к мальчишкам привыкла. И у Павла Петровича все характеристики отличные.

Стал он хлопотать через НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), и дали ему пропуск на выезд.

Приехали на малую родину в село Денисово Измалковского района Липецкой области.

– А на месте «ни кола ни двора», – рассказывает Иван Павлович. – Дали нам комнату, где раньше цыгане жили. Пол земляной, а стены настолько прокопчённые,

что мать эту копоть тяткой соскабливала. А потом в этой же комнате и телят-сосунков содержали.

Павлу Петровичу работы не нашлось. Мальчишек хотели у него забрать и отправить в военное училище. Но у них не было свидетельств о рождении. Выдали со слов, ведь ещё война шла, не все архивы после пожаров восстановили.

«Прибавили» Александру три года. Врачи были на фронте, возраст установить некому, а парень рослый. Поверили и взяли его в ФЗО (фабрично-заводское обучение).

Тяжелее всех досталось Ивану. Брал он в руки котомку и ходил босиком по стерне колоски собирать. А потом в поле завьюжило. Но есть-то хочется. Вот и пошёл с этой котомкой по селу побираться. Кто-то пожалеет, а иная и отругает, и пригрозится собаку натравить. Иногда за весь день всего две-три картошки давали.

Но выучился старший брат, дали ему направление на шахту № 60 Товарковского района Тульской области работать на водооткачке. Он и брата к себе в Суходол взял. Иван там в школе учился.

Настало время, война уже закончилась, Александра призвали в армию на основании документа, что он 1930 года рождения. И только значительно позже ему захотелось исправить этот год рождения на свой, настоящий, 1933-ий год.

А Иван служил в армии в Германии.

– Немцы к нам хорошо относились, – рассказывал он. – Иногда в гости приглашали. А мы одиноким бабушкам помогали картошку убирать.

И ещё рассказал мне Иван Павлович, что, когда он учился в школе, его приняли в комсомол. И в армии он был помощником комсорга. Очень мечтал стать членом коммунистической партии. И даже три рекомендации дали.

– Но членом партии я не стал, – коротко сказал он и тут же сменил тему.

А мне и без комментария ясна причина.

БОРОЗДЫ ВОЙНЫ

*Взять шпагу в руки легко,
а вот донести со славой –
труд тяжёлый.*

Александр Васильевич Суворов

Наш участок Северного микрорайона города Богородицка – это как маленькое отдельное поселение, включающее в себя два учебных корпуса сельскохозяйственного колледжа имени И.А. Стебута, а вокруг них три старинных дома постройки конца 19-го века и другие более современные здания. И примерно с середины прошлого века и по сей день эта наша территория официально называется улица Совхоз-техникум. Здесь очень красиво: задумчивые зелёные и голубые ели, как бы здороваясь, касаются своими мощными лапами друг друга, гигантские туи издают особенный аромат, липовые и кленовые аллеи спасают от палящего солнца, а также заповедные деревья, возраст которых насчитывает уже не один век, и много цветов.

И те, кто живет здесь давно, знают друг друга и всегда готовы прийти на помощь.

С преподавателем колледжа **Галиной Александровной Полукаровой** я встретилась на территории техникума во время прогулки. Мы разговорились. Я ей рассказала, что готовлю последнюю книгу своей трилогии о войне.

– Я читала эти ваши первые две книги. Как хорошо вы сделали, что два комплекта обеих книг отдали читать жителям нашей территории. Их по очереди прочитали почти все желающие. А ведь многие действительно не представляют, какой на самом деле была война.

– А у вас в семье кто-нибудь воевал? – спросила я.

– Воевал мой дядя, муж маминой сестры тётки Лиды.
– Он жив?
– Нет, никого уже старших не осталось.
– Вы родились после войны. Но, может быть, в детстве он сам или ещё кто из взрослых рассказывал про него.

– Он рассказывал, только я уже не помню, где и на каких фронтах он воевал. А это получится неполное сообщение. Разве оно вас устроит? Но факты достоверные. Я сама видела последствия вражеских пыток на его теле. Он показывал.

– Мне нередко приходится довольствоваться и такими сообщениями, – сказала я. – Мало уже осталось тех, кто сам о себе может рассказать. Чаще рассказывают родственники.

– Хорошо, – согласилась Галина Александровна. – Моего дядю звали Кузнецов Василий Филиппович. Он жил в селе Сухая Лубна Рязанской области, сейчас это Чаплыгинский район Липецкой области. По складу ума человек добрый, отзывчивый, незлобивый. На фронт его призвали почти сразу, и он был связистом, восстанавливал порванную связь. Иногда провод оказывался повреждённым глубоко в снегу, искать его надо было и в метель, и в мороз. Часто над головой летели пули, приходилось большие расстояния ползти по снегу. Но однажды он попал в плен. Его очень жестоко пытали: на живом теле вырезали ленты. Он показывал нам это... Целые борозды...

– А как же он остался жив?

– Его освободили русские. После госпиталя снова стал связистом. Вернулся домой, когда закончилась война.

– У него были какие-нибудь награды?

– Ещё до того, как попал в плен, его наградили орденом. И медали были. Он показывал, только я тогда не понимала. Мы жили порознь, а его рассказы о войне и пленении я слушала только когда он с тёткой Лидой к нам в гости приезжали или мы к ним. Поэтому даже не знаю, в какой части и где он воевал. Но сестра сообщила, что она ходила с его фотографией в колонне «Бессмертный полк». Она знает его часть. Если смогу что-нибудь узнать, я вам сообщу. А пока не пишите.

– У живого человека вырезать из тела ленты... Это какое же издевательство! Какие жестокие пытки! Разве можно об этом молчать? Я напишу пока то, что вы рассказали. А если ваша сестра уточнит, то я потом добавлю.

– Хорошо, – согласилась Галина Александровна. – И ещё один факт я знаю, но только не про немцев. В Липецкой области есть большое село Трубетчино, районный центр. Там мальчишки-патриоты, закончив девять классов, все добровольцами отправились на фронт. Их поселили в землянку. Но дверь в землянке была сделана неправильно. Случился пожар. И ребята не смогли её открыть и задохнулись от дыма; в живых остался только один по фамилии Панов.

С Галиной Александровной мы договорились о дальнейшей связи. Она очень душевно согласилась помочь мне найти ещё очевидцев.

БАБУШКА ТАНЯ

*И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча,
Лопатой и ржавой киркою
В тяжёлую землю стуча.*
Николай Тихонов

Все десять классов я училась в Богородицкой средней школе № 1. И хотя работала в других школах, но ко мне иногда приходят помочь школьники моей родной школы. И я тоже принимаю участие в их мероприятиях, выступаю перед детьми.

Однажды я рассказала детям, какую готовлю книгу.

– А вы нашей соседке, бабушке Тане, позвоните. Она нам рассказывала, что у них немцы были.

– А ты её номер телефона знаешь?

– Знаю. Он такой же, как наш. Только у нас на конце «30», а у неё «31».

Я поблагодарила девочку. Сразу не смогла, собралась позвонить спустя часа три. И тут опомнилась, что ни фамилии, ни отчества бабушки Тани не знаю. Звоню девочке, но к телефону никто не подошёл.

И всё же решила позвонить бабушке. Отвечает молодой женский голос. Объясняю, кто я и какая цель моего звонка. Говорю:

– Я хотела бы поговорить с бабушкой Таней. Только извините, отчества её не знаю, а так называть неудобно, ведь я сама уже прабабушка.

– О, это ничего, её все так зовут, и старые тоже, ведь ей уже восемьдесят семь лет. Сейчас я её позову.

И вот что мне рассказала бабушка Таня.

Жила она в деревне Языково Малоархангельского района Орловской области. В семье было пятеро детей: два старших брата, потом девочки-близнецы Таня и Настя и младший брат.

Татьяне Фёдоровне Сауниной исполнилось двенадцать лет, когда в 1941 году она и сестричка-двойняшка помогали маме рыть окопы. А над ними летали немецкие самолёты и сбрасывали листовки. Были они разного цвета: и зелёные, и розовые, и голубые. А написано крупными печатными русскими буквами всегда одно и то же:

«Русские вы дамочки,
Не копайте ямочки,
Вот придут наши танки,
Закопают ваши ямки».

Но танки в деревню не пришли. И «ямочки» своей роли пока тоже не сыграли. Никакого боя не было, да и с кем немцам биться, если и русские солдаты тоже близко не жили.

Мальчишки-«разведчики» всегда всё раньше других узнают. И тут «разведка доложила точно»:

– Немцы идут!

Жители скорее кто сами прятаться, кто скотину прятать. Мать Тани гусей всех в подвал загнала и накрыла старой соломой. Надёжно спрятала.

А немцы и правда в первую очередь гусей стали ловить. А потом уже по домам расселяться. Но их было меньше, чем домов, поэтому заселились не везде.

Заглянули они и к Сауниным. Но видят, что жильцов много, тесно в доме, не остановились, ушли.

А через дом от Сауниных жила учительница. С первого же дня приглянулся ей один немец, как говорится, «любовь с первого взгляда». И стал этот фашист ежедневно к ней ходить. А у соседей, что по ту сторону от её дома, был злой кобель, и не понравился он этому фашисту. Хоть и на цепи, всё же чем-то мешал. Фашист выстрелил в него. Убить не убил, но и жизни не дал. Промучился пёс несколько дней и концы отдал.

У Саунина-отца были пчёлы. Омшаники настоящие в деревнях не делали, а укутывали ульи на зиму соломой. Разведали немцы, разбросали солому, залезли в ульи, вытащили рамки с мёдом, что на зиму были пчёлам оставлены, и ушли. А пчёлы все помёрзли.

Но фашисты стояли недолго, всего дней десять. Увидела немецкая разведка, что русские солдаты идут, сообщила. Быстро все подхватились и убежали в районный центр. В некоторых соседних деревнях ещё оставались. И дома в Языково и других деревнях не сожгли: или не успели, или надеялись, что опять вернуться и будут жить.

А красноармейцы расселились по домам. И сначала всё было спокойно. Потом вдруг в одну ночь многие поднялись и отправились в сторону районного центра. И там произошла страшная битва. И очень мало кто вернулся назад.

После этого боя отца Тани взяли на фронт. Но бил фашистов он меньше года, был ранен в обе ноги. Из госпиталя выписали, когда наши войска уже воевали на территории Германии.

Шёл на костылях в деревню, очень устал и упал, а подняться не смог. От слабости уснул. А когда проснулся, огляделся и понял, что до деревни ещё километра три осталось. И начал жечь прошлогоднюю траву: может быть, увидят огонь и придут, помогут. Но никто не пришёл и не помог. Кое-как дополз до дерева, придерживая костыли, и получилось – поднялся.

И об остальных членах семьи рассказала мне бабушка Таня.

Старшего брата, Александра, фашисты, когда были в деревне, угнали в Германию. Ему удалось бежать. Скрывался в лесу. Его искали, но хорошо, что без собак. Он сумел накрыться листьями, и его не заметили.

А тот, который помоложе его, стал лётчиком, но с фронта прислал всего одно письмо, а потом пришла «похоронка».

Девочки и мама работали в колхозе. Близняшки пололи просо, а мать выполняла более сложные работы.

И все ходили за четыре километра в чужой лес за дровами. Там было много мин.

Отец работал счетоводом в колхозе, потом учётчиком тракторной бригады. Но узнал, что на Подмосковных шахтах хорошо платят, решил податься на заработки. И вся семья приехала в Богородицк.

Но это уже было после войны.

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА

*Трава была зелёной и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то ещё ухали снаряды,
И «мессершмидт» неистово гудел.*
Сергей Орлов «Отдых»

Кажется, обзвонила всех, чьи фамилии знакомы мне ещё с детства. А значит, эти люди – коренные богородчане. Они отзываются сразу, как только указываю свою фамилию. Но в большинстве случаев, не выслушав мою просьбу, бабушки сразу начинают вспоминать о моём папе, как он вылечил их тогда, когда другие врачи отказывались лечить, считая больного ребенка безнадежным.

Конечно, это очень приятно, что люди до сих пор помнят его и тепло отзываются о нём, хотя в этом году исполняется шестьдесят лет со дня его смерти.

Но когда начинаю просить рассказать мне про войну, то, как правило, в общих чертах перечисляют одно и то же. Поэтому стараюсь искать в справочнике незнакомые фамилии, чтобы написать о том, что было в других местах страны. Но, к моему сожалению, слишком мало осталось домашних телефонов. А если и есть, то в основном у молодых, которые родились после войны.

Набирала раз двадцать самых разных номеров, но ни с кем не договорилась о встрече и даже никто не согласился рассказать что-либо по телефону.

Поэтому обрадовалась, когда услышала не очень молодой голос.

Марии Ивановне Борисенко (девичья – Гуляева) было семь лет, когда её папа получил повестку на фронт.

– Оставаться в Подольске опасно, – сказал он жене и дочке. – Большой промышленный город и совсем близко от Москвы. А немцы уже недалеко. Начнутся бомбёжки.

– Но как же быть? На Урале и в Сибири нас никто не ждёт.

– Поезжайте к родным. Конечно, Орловская область – это тоже центр России, но всё же в деревне спокойнее, чем в большом городе.

И Маша с мамой приехали к бабушке и тёте, маминой сестре в деревню Молодовое Шаблыкинского района Орловской области.

Дом у бабушки сложен из брёвен, просторный. Рядом сарай и огород. И коровка есть, и курочки. Всё своё.

Нравится Маше в деревне. И речка близко. Только одну её мама на речку не отпускает. И подружки нашлись. Хорошо здесь!

А вот и сентябрь наступил. Подруги пошли в школу учиться. Маше тоже учиться хочется. Пришла она в первый класс, села рядом с девочкой, но ни сумки, ни карандаша – ничего с собой нет.

В класс вошёл старичок.

– Директор, – слышался со всех сторон шёпот.

Директор окинул взглядом класс и подошёл к Маше.

– Ты, девочка, чья? – спросил он.

– Мамина, – смущаясь, ответила Маша.

– Ты откуда к нам приехала?

– Из Подольска.

Маша немного покраснела, но голос директора был мягкий, ласковый. И ей уже стало не так страшно.

А директор продолжил разговор:

– Как звать тебя, девочка?

– Маша.

– А сколько тебе лет?

– Семь.

Голос директора вдруг стал строже:

– А мама знает, что ты пошла в школу?

– Нет.

– Нехорошо так получается. Надо было у мамы разрешение спросить.

– Я учиться хочу, – чуть не плача, еле слышно сказала, почти прошептала девочка.

Директор ласково провёл рукой по её головке.

– Это очень хорошо, что хочешь учиться. Только рано тебе ещё. В школу с восьми лет записывают. Вот на следующий год приходи, мы рады будем тебя принять. А сейчас иди домой, мама тебя уже, наверное, ищет.

Прошло несколько дней. Жителей пригласили на сход. Собрались все около сельсовета.

– Немцы уже близко, – сказал председатель колхоза. – Почём знать, может, они и сюда нагрянут. Я партийный, а, сказывают, они всех коммунистов расстреливают. Сельсоветские все уехали, я тоже уезжаю. Хлеб мы весь скосили, но обмолот не закончили. В полях осталась картошка и свёкла. Давайте выберем старосту, кого поопытней. Он будет вами руководить.

Старосту избрали быстро и единогласно.

– И еще один вопрос, – добавил, теперь, можно сказать, бывший председатель. – Коров и свиней мы эвакуировали. А вот лошадей и упряжь надо раздать по домам. По одной лошади на три-четыре избы.

Этот вопрос тоже решили дружно. И бабушке с тётей досталась лошадь.

Деревня эта расположена далеко и от районного центра, и от железнодорожной станции тоже. И жители надеялись, что немцы здесь жить не будут.

Но однажды в сентябре, в яркий солнечный день, вышли все семьями убирать на своих огородах картошку. И в Машиной семье тоже и бабушка, и тётя, и мама встали утром пораньше и ушли. Маша проснулась – дома никого нет. На столе стоит кружка молока, а рядом кусок домашнего душистого хлеба. В городе такого

вкусного хлеба не пекут. Догадалась Маша, почему вчера бабушка с тётёй мешки собирали, лопаты, кошёлки.

«Значит, все на огороде, а я проспала, – подумала Маша, – нехорошо. Я тоже должна помогать». Быстро съела оставленный ей завтрак.

И только вышла из дома, видит, к прогону приближаются мотоциклы с колясками.

«Кто это? – не сразу поняла девочка. – В Подольске я видела мотоциклы, но редко. А с колясками и совсем мало. А здесь, в деревне, ни разу ни у кого не видела».

Побежала к огородам, кричит:

– Ой, мотоциклы, мотоциклы! Смотрите, вот мотоциклы сюда едут!

Взрослые поняли, что это немцы.

А немцы подъехали и сразу начали требовать:

– Матка, куры, яйца.

Наловили кур, открутили им головки. А Маше курочек жалко.

– Отдай! – кричит и подбегает к немцу.

Немец оттолкнул её грубо. И мама подошла, взяла за руку.

– Не надо, Машенька, пойдём отсюда. Они наши враги, они могут и убить нас. Пойдём отсюда, – повторила ещё раз.

Фашисты наложили полные коляски кур и яиц. И уехали.

А вечером приехали на машинах и распределились по домам. Требовали, чтобы им варили обеды, обязательно с мясом, да пожирнее.

Прожили несколько дней и уехали. А вскоре приехали другие. И тоже на несколько дней.

И так всю первую зиму: одни уезжали, другие приезжали. Население не трогали. Во всяком случае, Маша об этом не слышала. А, может быть, от неё скрывали. Ведь совсем ребёнок ещё, курочек жалела. Ни жучка, ни бабочку убить не могла, ни цветочка на лугу сорвать – всех жалела.

Наступила весна 1942 года. Смотрят крестьяне на землю: своя, родная, человеческим по'том политая. Но председателя нет. И агронома тоже. Была молоденькая девушка, по распределению после окончания техникума приехала. Да как только началась война, собрала вещи и домой отправилась, даже «трудовую книжку» не взяла. Так взрослые говорили. И староста в агрономические дела не вмешивается: не знает, как в таком случае поступить, чтобы людей не обидеть, но и немцев не раздражать.

Колхозники подумали, поговорили между собой, да и разобрали колхозную землю по участкам. У кого лошадь и семян больше нашлось, тому и кусок земли покрупней достался.

Вот так и распался в деревне колхоз.

Отсеялись, отсажались. Но не все.

А тут немцы стали сгонять людей к сельсовету. Только всех собрать не смогли. От семьи, где жила Маша, к сельсовету пошла только одна бабушка. Пришла домой и рассказывает:

– Немцы разделили всех людей на группы: отдельно стариков и детей, в другую группу – женщин с грудничками и маленькими детьми, а в третью – девушек и молодых женщин. Первую группу оставили, а две остальных угоняют в Германию. Злились, что мало людей. Будут и ещё угонять. Надо прятаться.

И несколько семей, у которых были лошади, а также их родственники собрались и поехали из деревни.

Жили в овраге. Еду готовили на кострах. Временами бабушка приходила домой, немного ухаживала за овощами на огороде, пекла хлеб. Потом через пару дней брала картошку, ловила кур и возвращалась в овраг.

Но немцы увидели их, выгнали из оврага, сожгли все шалаши, изготовленные из снопов, и погнали в сторону районного центра. Конвоирами оказались румыны.

Немного не доезжая до Шаблыкино, они всех оставили, а сами спрыгнули с тележек и пошли в город. Жители вернулись в деревню.

Зима 1942–1943 годов прошла без приключений. Маша училась в школе в первом классе. Учебники раздали всем очень старые, с вырванными листами и грязные, да и такие давали одну на двух–трех человек. Но Маша училась хорошо и перешла во второй класс.

Весной, как и в прошлом году, все сажали и сеяли, каждая семья на своем участке бывшего колхозного поля.

В августе среди фашистов начались волнения. Потом немцы приказали: завтра собраться у сельсовета. Крестьяне поняли, что снова будут угонять в Германию. А так как в эту ночь очень мало немцев осталось в деревне на ночлег, то многие смогли уехать, в том числе и семья, в которой жила Маша.

На этот раз жили в окопах, которые были вырыты перед оккупацией, но солдатам не потребовались, потому что Красная Армия отступила без боя до прихода немцев. Снова готовили обед на кострах.

Ту ночь никто не спал. Было слышно, что совсем близко идёт сильный бой. Прождали ещё день и решили возвращаться. Ехали вереницей в несколько повозок. Хотели сократить путь, свернуть с дороги и проехать полем. Только первая лошадь сделала поворот, как сидящие на телеге увидели, что по дороге бегут люди в гимнастёрках, машут руками и что-то кричат.

Думали, что это немцы, и хотели быстро пустить лошадей, но какое-то внутреннее чутьё остановило.

– Стойте, не бойтесь, мы наши, наши, русские.

Подбежали солдатики. Молоденькие, совсем дети. Женщины их обнимают, целуют.

– Езжайте только по дороге, никуда не сворачивайте, – говорят спасители. – Поля заминированы, а на дороге мы все мины собрали.

Вернулись в деревню, а вместо домов одни пожарища. Вся деревня сожжена, и все подвалы взорваны минами изнутри. На всю деревню один-единственный подвал остался – бабушкин. И то лишь потому, что он сплошь зарос бурьяном, и немцы его не видели.

Бабушка с тётей сложили в подвале печь и жили два года, до победы.

Остальные жители этой деревни кто построил новый дом, у которых мужчины были, другие рыли землянки.

А Маша с мамой вернулись в Подольск. И Маша начала учиться во втором классе.

ПО-ПЛАСТУНСКИ

*А где пехота не пройдёт,
И бронепоезд не промчится,
Максим на пузе проползёт,
И ничего с ним не случится.*

(Из кинофильма «Максим Перепелица»)

В нашей районной газете «Богородицкие вести» уже не первый год в номере, посвящённом Дню Победы, мы видим «Галерею героев». Это портреты людей, ставших живыми легендами, участников самой кровопролитной войны в истории планеты Земля. В этом году на первом месте портрет женщины. Читаю: **Мария Григорьевна Грошева**. А внизу под портретом всего несколько строчек. Мне захотелось узнать больше об этой женщине. Нахожу в справочнике номер её телефона.

Отозвались сразу. Голос старческий, значит, она.

– Здравствуйте, Мария Григорьевна. С вами говорит писатель Введенская.

– Здравствуйте. Как вы сказали? Писатель? Настоящий писатель?

– Да, настоящий писатель. Я пишу книги про войну. Мне бабушки и дедушки рассказывают то, что было с ними во время войны. Я записываю их рассказы и помещаю в своих книгах. Вы ведь тоже воевали?

– А как же? Воевала. Но только как воевала? На войне была, но под танки не ложилась.

– Кто ложился под танки, уже ничего рассказать не смог бы.

– Я расскажу, я вам всё расскажу. Но я инвалидка. Можно по телефону?

– Я тоже инвалидка. Но приехать к вам смогу. Но можно и по телефону.

– А можно прямо сейчас, пока всё помню?

– Хорошо, рассказывайте. Я записываю. Начнём с того, когда вы родились.

– Я родилась 12 апреля 1924 года. В этом году у меня день рождения как раз на Пасху получился. Такая радость, сразу два праздника!

– Даже три. Ещё и День Космонавтики. Хотя и с опозданием, но поздравляю. Здоровья вам.

– Спасибо. Я так рада.

Понимаю, что бабушка не торопится и со мной поговорить тоже рада, значит, найдётся, о чём написать. Задаю очередной стандартный вопрос:

– А где вы жили до войны?

– Орловская область, Чибисовский район, деревня Большие Изланы. Я простая, деревенская, в колхозе работала.

– А на фронте с какого дня?

– Меня призвали на войну 22 июня 1943 года, повестку прислали из военкомата. Так что я была настоящая военная.

– Но, наверное, сначала послали на учения?

– Да, нас учили шесть месяцев в Воронежской области, деревня Воробьёвка. Там перевалочный пункт был. Нас учили на поваров, и стрелять тоже учили. А потом, когда выучили, то дали звания. Я сержант-стрелок.

– И куда вас направили?

– Нас было очень много, поэтому распределяли по частям: кого в медсанбаты, кого в прачечные. Некоторых на поваров, но поварами, в основном, мужчины были.

– Но ведь вас и на стрелков готовили. А кто-нибудь стрелял?

– А как же. Нас очень много было, поэтому некоторые стреляли, в том числе и девушки. Они участвовали в бою по освобождению Смоленска, убивали тоже. Это же война.

– А вас куда распределили?

– Меня направили во 2-ой Белорусский полк, сначала в 48-ую армию, а потом в 96-ую стрелковую дивизию, 338-ой пехотный полк.

– Расскажите, как началась ваша воинская служба и какие были впечатления. Наверное, очень страшно?

Мария Григорьевна ответила не сразу. Я даже подумала, что затронула тяжёлые воспоминания, и она больше ничего не расскажет. Но вот послышался голос:

– Да какая там воинская служба? Попервоначально только картошку чистила и крупу мыла. А варили повара-мужчины. А потом стали наливать в термос суп или кашу какую, и я отправлялась на НП-автомат (НП – наблюдательный пункт. В.В.).

– Термосы большие? Тяжёлые?

– На шесть-семь человек.

– А далеко? Пешком или на лошади?

– Бывало, и далеко. Но какая там лошадь? Когда пешком, а когда и попластунски. Придёшь, а всё пузо в грязи, и сама вся исцупаешься.

– А почему попластунски?

– Но ведь часто под пулями. Стрельба шла. И чтобы пули не задели. Не о себе думала. Только сначала страшно было, а потом привыкла. Но там, на НП, голодные

ведь. Им поесть-то надо принести, вот и ползала по грязи. Здоровьем своим заплатила.

– А где это было?

– Сначала в Белоруссии. Потом на Польшу перешли границу через Брестскую крепость.

– Мария Григорьевна, скажите, что вам больше всего запомнилось из тех военных лет?

– Операция «Багратион». Немцев зажали в кольцо со всех сторон. А ребята наши голодные. Вот и ползала я к ним по нескольку раз в день. И меня за это наградили медалью «За боевые заслуги». А немного позже дали медаль «Георгий Жуков». Ведь это он, Жуков, такой умный генерал был, вот мы и победили.

– Но это заслуга не только Жукова, а нашей Красной Армии и всего нашего советского народа. В том числе и ваша заслуга.

– Да я-то что? Я под танки не ложилась.

– Но под пулями были. И бойцов наших кормили, чтоб им легче было воевать.

– Это, конечно, так. Мне потом ещё дали орден «Великой Отечественной войны» 2-ой степени.

– Вот какие большие награды, их так не дают, значит, вы действительно заслужили. А скажите, Мария Григорьевна, где вы закончили войну?

– Километрах в 20–30 от Кёнигсберга. Там самолёты наши были, их ремонтировали что ли, я точно не знаю. Вот там я и встретила Победу, и закончила свою военную службу.

– А когда вас демобилизовали?

– В первую очередь отпускали тех, у кого не было военной профессии. Вот я и попала в первую очередь.

«В Богородицке не коренная, а приезжая, – подумала я. – Интересно, как она здесь оказалась? После войны много фронтовиков к нам приехало. Что их к нам влекло?»

– Мария Григорьевна, а когда вы приехали к нам в Богородицк?

– А сразу же после демобилизации. Домой в деревню не поехала, вот и приехала сюда.

– Неужели не хотелось посмотреть те места, где прошло детство?

– Хотелось есть. А что в колхозе заработаешь? А здесь я на шахте работала сцепщицей, пустые вагоны сцепляла.

– На какой шахте вы работали?

– На 60-ой, в Суходоле. И жила там же. А теперь вот на Пушкинской живу, в самом центре города. Только ходить никуда не могу, ноги болят.

– Вам, наверное, квартиру дали как ветерану войны? Жильё аварийное было?

– Да, потолок завалился, три года жила между небом и землёй, а теперь вот уже двадцать лет живу со всеми удобствами. Общество инвалидов помогло. И оно обо мне заботится: вот к празднику бутылку водки и сахару в подарок дали.

– Как я поняла, вы живёте одна. К вам соцработница ходит?

– У меня четыре дочери: одна в Туле живёт, одна в Киреевске, одна в Москве и одна в Подольске. И какая в Киреевске, приезжает один раз в неделю, пенсию мою получает, оплачивает за всё и продукты мне покупает. А обед я и сама приготавливаю.

– И внуки у вас есть? – снова любопытствовала я. – И правнуки?

– А как же? Восемь внуков и шестнадцать правнуков. Из правнуков двенадцать мальчиков и четыре девочки. Вот какая большая защита: на каждую девочку по три мальчика приходится! И на День Победы ещё одного сорванца родили. В Подольске... Прямо на самый юбилей... И не девочку, а опять сорванца.

– Как же сорванца-то этого называли?

– Ох, что-то памяти нет. Как бы не сбредить. Матвеем называли. Да, да, точно Матвеем.

– Хорошее имя, настоящее русское.

- Да, я тоже люблю только старые русские имена.
- Спасибо вам, Мария Григорьевна за Победу. Здоровья вам.
- А много вам осталось писать в эту книгу? – перебила она меня.
- Хотелось бы ещё столько же, но трудно стало находить тех, которые соглашаются рассказать о себе.
- Только дожить бы. Так хочется приобрести вашу книгу. Вам тоже здоровья.
- Вы доживёте. У меня рука лёгкая. Всего вам самого доброго.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

*Вся эта нечисть у меня в долгу,
И гнев гудит в груди страшней, чем улей,
И до сих пор я вынуть не могу
Из сердца нержавевшие пули.*
Валентин Сорокин

Именно потому, что «сидят» в сердце эти пули, задевшие не одно людское сердце, **Борис Николаевич Лукьянов**, такой добрый и человечный по натуре, не может забыть войну и простить гитлеровцам все скорби и беды, которые они нанесли нашей стране и нашему народу.

Ему 95 лет, но память прекрасная и рассуждения чёткие и последовательные. Вот только зрение подводит.

Родился Борис Николаевич Лукьянов в Самаре. С детства восхищался волжскими просторами. Любил в выходные дни вставать вместе с отцом до зорьки, закидывать в тихих местах удочки, любоваться, как играют первые лучи восходящего солнышка в хрустальной волжской воде.

«Ах, Самара-городок», – напевал он вместе с девочками уже значительно позже, когда окончилась война и когда находился далеко от родных мест.

Продолжая традиции своей семьи рабочих, после профтехучилища Борис Николаевич работал токарем на Кировском заводе в городе Ленинграде и имел бронь. И на работе услышал по радио, что началась война. На второй день собрали всех на пятиминутку и объявили о новых, повышенных нормах выработки и увеличении рабочего дня.

В июле 1941 года Борис Николаевич вместе с другими рабочими добровольцем ушёл на фронт, а завод эвакуировали. Зачислен был в первую Кировскую дивизию.

Так как он, имея бронь, в армии ещё не служил, а ему шёл уже двадцать первый год, то вместе с другими такими же необстрелянными новичками был сначала направлен на подготовку.

– Нас, неопытных солдат, учили пользоваться оружием и стрелять на поражение, – рассказывает Борис Николаевич. – Первое боевое крещение я получил на Лугском рубеже под Ленинградом. Уже в июле 1941 года бои там были страшные. И с обеих сторон потери огромные как в технике, так и в живой силе.

В августе 1941 года Б.Н. Лукьянова перевели в Гатчину. Сначала он был разведчиком.

– Однажды мы уничтожили одну очень важную вражескую точку, которая долго не давала нашим солдатам покоя, а ликвидировать её никак не удавалось. За это нас наградили медалями. Вот так мы и воевали.

– И вы всё время были разведчиком? – поинтересовалась я.

– Нет, только вначале. И ещё нас послали в разведку таких же не очень опытных одиннадцать человек. Разделились на разные группы. И мы «языка» поймали, пузатого офицера. Ух гад тяжёлый, насилу доволокли, – шутит Борис Николаевич.

– Ну и что же он, раскололся? – заинтересованно спросила я.

– Не знаю, тут сразу бой начался, и мы тоже в бой пошли.

– И много вы на войне фашистов убили?

– А разве это возможно сосчитать? Я стрелял в них и на расстояниях и в ближних атаках. Кого убил, кого ранил – не знаю. Это же война. Если я его не убью, то он меня убьёт. Наверное, много.

– А какой момент особенно врезался в вашу память?

– Это когда однажды в упор убил немца-мотоциклиста, который из пулемёта расстреливал наших солдат. Я настолько был зол, что с такой яростью всадил в него несколько пуль. Потом посмотрел ему, уже мёртвому, в лицо, и мне показалось, что оно не человеческое, а какого-то хищника. Оно мне нередко снится и до сих пор.

Борис Николаевич замолчал. И я была настолько под впечатлением рассказанного, что не знала, о чём продолжить разговор. Я тоже в детстве видела убитого немца, но близко к нему не подошла, и его тут же вскоре куда-то увезли.

Но Борис Николаевич продолжил разговор сам:

– Убивать людей нельзя. И у них есть родители, у многих и дети. Каково им будет? Но на войне иначе нельзя.

– Вы рассказали про бой на Гатчине, но, как известно из истории, мы его проиграли. Как дальше сложилась ваша фронтовая жизнь? – снова поинтересовалась я.

– Бой там даже не один был. А потом вызвал нас командир и говорит: «Отходите на другой рубеж, мы отступаем». И мы пошли ночью по грунтовой дороге. Шли хорошо, спокойно, никто нас не видел, не встретил. К утру вышли на шоссе, и тут выяснилось, что эту магистраль противник обстреливает. И мы все врассыпную.

Рассказчик снова замолчал. Я не стала его торопить. Конечно, тяжело всё это вспоминать, а тем более в такие годы.

Но вот он продолжил:

– Один пожилой солдат, обращаясь к тем, которые стояли рядом, спросил: «Кто хочет со мной? Давайте пробираться». И я пошел с ним.

– У него, наверное, в этом уже опыт был? – спросила я.

– Не знаю, но я решил ему довериться, – ответил Борис Николаевич. – Мы пришли на место боя. А там наша разбитая полуторка стоит, а в ней молочная каша. И кругом никого нет. Мы с аппетитом поели. Потом днём прятались в кустах, а ночью ходили.

– А вы знали, где в это время могли находиться наши воинские части?

– Конечно, нет. Откуда мы могли это знать? Людей мы не встречали. Шли просто на восток. Но вот мы встретили беженцев. «Родненькие, – говорят они нам, – не надо сюда, здесь немцы». Мы отошли и ночью залегли. Но на нас напали немцы и захватили нас в плен.

– Вас отправили в Германию? – снова нетерпеливо спросила я.

– Нет, концлагерь находился в Пскове. Кормили нас первое время очень плохо. В основном картофельными очистками, чаще сырыми и непромытыми. Среди них попадались и палки, и камни, и даже лезвия. А потом мы услышали по радио выступление кого-то из наших военных руководителей, что у немцев плохое отношение к нашим военнопленным. А мы все были опухшие от голода. Но после этого выступления питание стало лучше.

– А какую работу вы выполняли?

– Разную. В основном занимались заготовкой дров. Но нередко немцы заставляли нас копать траншеи. Потом выкопали здоровенный котлован. И в этот котлован фашисты помещали своих раненых солдат, чтобы они замёрзли и от холода умерли.

– Значит, они их не лечили? Если ранен, то умирай? – с ужасом в голосе спросила я.

Мне даже стало как-то не по себе. Вот уж, действительно, хуже зверей. Даже к своим такое отношение.

– Может, небольшие раны и лечили, я не знаю этого. А сюда привозили тяжелораненых. Где ж они их будут лечить? Они ведь находились на чужой для них территории. А у нас нет немецких госпиталей.

– И кто вас освободил из плена? – вернулась я к начатой теме.

– Меня не освободили, – ответил Борис Николаевич, – самому удалось убежать. Но только в 1943 году. А было это так. Наши войска стали наступать. И немцы посадили нас на машины и повезли в Эстонию. Наш бывший концлагерь взорвали. Мы доехали до определённого места, дальше машины не могли пройти, и мы отправились пешие. Охраняли нас немцы плохо, на первом отдыхе не пересчитали. На втором отдыхе снова не пересчитывали, и мы с товарищем решили бежать, тихонько отделились от остальных. К нам присоединились ещё четверо, и вшестером мы добрались до своих.

– И вы опять воевали?

– Да, снова служил в Красной Армии. Имел награды. И был ранен. А когда вернулся из госпиталя, война уже перешла на чужую территорию. Были освобождены и другие военнопленные, которые находились в концлагерях на этих территориях. И этих военнопленных, и бывших командир разделил повзводно и поротно. Это было в Эстонии, в городе Тарту. Наш взвод отобрали в Подмосковский угольный бассейн, остальных отправили воевать.

– И вас демобилизовали?

– Да. По ранению я уже воевать не мог, а на какие-нибудь подсобные работы в армии много людей не требовалось. А здесь я нужней был. Я приехал в Богородицк и работал на 72-ой шахте до её закрытия. А потом перешёл на завод «Ресурс».

– Борис Николаевич, а ещё кто-нибудь из родных был на фронте?

– Были два моих брата, и оба погибли. Вот уже семьдесят лет прошло со дня Победы, но я не могу забыть войну. И до сих пор ненавижу фашистов.

– А как сложилась ваша семейная жизнь?

– В Богородицке я женился. У меня две дочери, живу с сыном, много внуков и правнуков. Гляжу на них и думаю: как хорошо, что мы в молодости спасли нашу родную страну от фашизма, и близкие мне люди не знают всех этих ужасов, которые пришлось пережить нам. И я горжусь тем, что в этом я тоже принимал участие.

ПРАВДОЛЮБ

*Лучше пасть, достойно смерть приемля,
Чем позором жизнь свою сберечь.
Чтобы защитить родную землю,
Мы готовы в землю эту лечь.*
Николай Старшинов

С **Александрой Дмитриевной Бухтояровой** я жила когда-то в одном доме и в одном подъезде на улице Коммунаров в «хрущёвке». Она и сейчас там живёт. Знаю, что по возрасту старше меня, поэтому обратилась к ней с просьбой рассказать, что она помнит, про войну.

– Я войну, можно сказать, и не видела, – ответила мне Александра Дмитриевна. – Жила в городе Борисоглебске Воронежской области с папой и бабушкой. Маму не помню: она умерла во время родов, когда мне было два года. Ребёнка, девочку, спасли, но она прожила недолго.

Александра Дмитриевна прервала свой рассказ, задумалась, видимо, что-то вспоминая. Я не стала ей мешать, ждала.

– Что я вам могу сказать про войну? – продолжила она свои воспоминания. – Немцев я не видела, до нас они не дошли: начались наступления Красной Армии. И фашисты двинулись в обратном направлении.

– Но какие-нибудь бомбёжки, обстрелы были?

– Вражеские самолёты иногда над нами пролетали, но никаких военных действий не совершали. А Борисоглебскую железнодорожную станцию и железную дорогу, по какой поезда шли на Сталинград, бомбили неоднократно, но их быстро восстанавливали.

– А в городе, значит, было спокойно?

– Да. Я училась в школе. Там нас кормили неплохо, поэтому так, как в других местах страны, мы не очень голодали. Нас поддерживали. Учили любви к Родине, советским людям всех национальностей. А потом были годы труда.

– А папа ваш воевал?

– Да, с первых дней и до последнего воевал.

– Расскажите мне, пожалуйста, о нём.

– Папу звали Дмитрий Николаевич Морозов. Он 1904 года рождения. До революции он не учился, потому что семья жила бедно: одни сапоги на всех, да и верхняя одежда тоже одна на всех. А после революции закончил ШПТ. Так сокращённо называлась школа повышенного типа. В ней учились два или три года. А потом пошёл работать на Борисоглебский авиационный завод. На заводе конструировали самолёты. Папа освоил много профессий: шлифовальщик, револьверщик и другие.

Александра Дмитриевна говорила очень быстро, я едва успевала записывать. Она поняла, дала возможность мне отдохнуть.

– Ваш папа, наверное, на хорошем счету был?

– Да, его на заводе очень уважали все: и начальство, и рабочие. Он всё делал очень добросовестно, качественно, а также и другим помогал, особенно новичкам. Ему предложили вступить в коммунистическую партию. Он в кандидаты вступил, а через год вступить в партию отказался. Был правдолюб и замечал, что многие коммунисты, особенно начальники, себя неправильно, нечестно вели. Так никому нельзя поступать, а тем более партийным работникам. И сказал это прямо в глаза. Думал, что ему после этого плохо будет. Но ничего не было, потому что его ценили как работника.

– А когда война началась, завод эвакуировали?

– Такой завод, где готовили самолёты, конечно, нельзя было оставлять. Вдруг фашисты захватят. Поэтому почти с первых дней его эвакуировали, кажется, на Урал. Папе тоже предложили ехать с заводом, но он отказался, хотя у него было хроническое заболевание желудка. Папа сам попросил, чтобы его отправили на фронт.

– Что он вам рассказывал про войну?

– Почти ничего, не любил вспоминать. Он был артиллеристом, все годы войны прошёл в артиллерии.

– Ранен был?

– Нет. Артиллерия далеко от самого огненного центра. Но, рассказывал, что под обстрел попадал часто. «Иду, – говорит, – а пули летят, свистят, то над самой головой, то около виска или уха. А присесть и потом выпрямиться не могу – желудок больно. Но обошлось, ни одна не задела».

– Александра Дмитриевна, не совсем скромный вопрос: он верующий был?

– В том-то и дело, что атеист. Но всегда всем помогал и за всех заступался, не считаясь с собой. Поэтому я думаю, судьба благоволила ему. Их рота была многонациональной, но очень сплочённой. Все нации были воедино. «Иногда, – говорил, – сил нет встать из-за боли в желудке. Но встаю и призываю всех на бой за Родину, за Сталина. И все дружно идут и часто побеждают».

– А после войны ваш папа тоже на этом заводе работал?

– Ему предлагали, но он отказался. Работал сначала в охране, а потом на стройке. И очень много читал. Выписывал большое количество газет и всё

прочитывал. Его все события в стране интересовали, был в курсе всего. И всегда оставался справедливым и правдолюбом.

Когда я слушала рассказ Александры Дмитриевны, меня вдруг захлестнула ностальгия. В этом доме № 109 по улице Коммунаров я жила в нашей большой семье в 60–70-е годы, а потом мне с сыном дали квартиру на территории техникума, а родные остались.

В доме тридцать две квартиры, но как-то быстро все забыли, что чужие между собой. Мы жили одной семьёй, помогали друг другу и переживали за каждого.

Наша квартира была на первом этаже. А как раз над нами, на втором этаже, жили Гелизовы. Николай по национальности татарин, жена его Анна – русская. И было у них трое сыновей: красавец Виктор намного старше Толика и Коли. Он учился в нашем сельскохозяйственном техникуме, в том числе и у меня, был круглым хорошистом. Очень любил рыбачить. И однажды случилось несчастье: во время рыбалки он утонул.

Горю семьи не было предела. И все соседи обоих подъездов разделяли эту беду.

Через несколько дней после похорон сидели соседи во дворе на нашей длинной скамейке. К нам подсел Николай. Бабушки, чтобы отвлечь его от мыслей о своём горе, начали рассказывать некоторые эпизоды из военной жизни и фашистской оккупации.

– Я тоже расскажу вам один случай, – вдруг встрепенулся молчавший до сих пор Николай. – Я сам это видел.

– Расскажи, – заинтересованно заговорили одновременно все.

– Ну вот слушайте. Мы жили в Богородицке в старом бараке. Я был ещё мальчишка, на войну таких не брали. А у соседей мой друг, даже моложе меня, но мы всё равно с ним дружили. И когда была оккупация, у этих соседей жили два фашиста: один был немец, а другой финн. Один раз я захожу к Витьке, это так друга моего звали. А у нас, в старых бараках, печки большие были, как в деревне. И у них печка как раз топилась. А мать его куда-то вышла, и дверь открыта была. Что уж там Витька этим немцам сделал, не знаю. Только когда я захожу, вижу, что финн схватил его и сунул головой в печку. Но тут быстро подскочил немец, вытащил Витьку, а потом достал пистолет и рукояткой двинул финну по его башке. Да так, что у этого гада сразу глаз вытек. И я всё это сам видел и помню до сих пор.

– А Витька остался жив? – слышалось несколько голосов.

– Остался. Немец успел вытащить. Только волос много обгорело.

– Какое же зверство!

– Молодец немец! Не все они, оказывается, гады.

– А финну так и стоит!

Но тут выглянула в окно Аня и позвала Николая обедать. Он ушёл, а соседи ещё долго обсуждали его рассказ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

*С нами дни и светлые и чёрные,
С нами наши долгие века.
Ни одна страница не зачёркнута,
Ни одна не вырвана строка.
Виктор Кочетков*

Марию Петровну Маринину знают все женщины и дети города Богородицка. Это педиатр от Бога. И прекрасно разбирается в детских болезнях, и любит детишек. Да и сама очень душевная, ласковая и красивая.

Пятьдесят лет тому назад приехала она к нам в Богородицк, где уже год, как работал её муж, Николай Александрович Маринин. Понравились ей и наш город, и

наши богородчане. И маму свою взяла сюда. И продолжает работать до сих пор, правда, с меньшей нагрузкой: здоровье начинает барахлить, но молодец, держится, не хочет сдаваться.

На мою просьбу поделиться своими воспоминаниями о годах войны откликнулась сразу же и рассказала не только о себе, но и о своих родных и близких ей людях.

А жила Мария Петровна в Воронежской области, в деревне Шишовка, что в пяти километрах от города Бобров.

Вспоминает она 1942 год, когда фашисты рвались на Сталинград. Деревню они не оккупировали, а бомбили часто. Бросили свои силы и на Воронеж, но город им не подчинился. Левый берег реки Воронеж пострадал мало, но правый был очень сильно разбит.

И помнит Мария Петровна, как её, ребёнка, которому не было еще и трёх лет, папа с простреленной рукой нёс на руках под бомбёжкой в подвал.

Но окунёмся в более раннюю эпоху. Дедушку Марии Петровны по отцу звали Чибисов Абрам Иванович. Откуда имя Абрам пришло в эту тихую деревушку, никто не помнит, но оно было единственным не только в деревне и районе, но чуть ли даже ни во всей области.

Жена у Абрама умерла ещё в молодом возрасте, остались дети. Но тут его призвали на Первую мировую войну. Отдал он детей на попечение чужой бабушке, а сам отправился воевать. Вернулся цел и невредим.

Женился второй раз. И родили они ещё семерых Абрамовичей. Вот и стало это отчество таким распространённым в деревне.

Но чаще на деревне их звали Шоша'ны, по матери, которая родилась в Калининской области, где протекает река Шоша.

Папу Марии Петровны звали Пётр Абрамович Чибисов. Он 1912 года рождения.

На фронт его призвали сразу, как только началась война. Он попал в Белоруссию.

– Немцы поджали наших к реке, – рассказывает Мария Петровна, – и открыли огонь по ним. А папа был прекрасный пловец и вообще хороший спортсмен. Он прямо во всей одежде и вооружении кинулся в воду и плыл не только поперёк реки, но и вдоль. И остался жив. А те, кто не умел плавать, все погибли.

Когда подморозило, Пётр Абрамович сумел выбраться из окружения, вернулся домой и сразу пошёл в райвоенкомат. Рассказал подробно, где и как он шёл. Ему поверили, дали три дня отпуска и снова послали воевать. Он попал в Новгородскую область, город Старая Руса.

Всю зиму ночевал под застрехами, в копнах соломы, около заборов. И всю войну без тяжёлых ранений. Он говорил: «Войну выиграли раненые». И имел в виду тех, которые были ранены, но терпели и продолжали воевать.

Рассказывает про такой случай. Шли в бой, а сзади строя шли краснопогонщики (так называли солдат-конвоиров, задача которых была – не допускать побегов; их погоны отличались от остальных красным цветом. В.В.). Свистели вражеские пули, и одна попала Петру Абрамовичу в руку. Он хотел отбежать для того, чтобы показаться в лазарете, как услышал окрик: «Куда? ...твою мать!» Снял рукавицу – она полна крови. Кровь вылилась на снег. А потом – госпиталь. Но это было, когда шёл на Сталинград.

Мария Петровна вернулась немного назад и рассказала такую историю, которую ей поведал папа.

Шла зима 1941–1942 г.г. Пётр Абрамович был обыкновенный рядовой солдат, пехота. Группа друзей встречала новый, 1942 год. Среди них был парень-сибиряк. Казался он скромным, малозаметным, а тут неожиданно для всех произнёс: «Я сейчас буду гадать, когда окончится война». Собрал какие-то палочки, веточки. Переложил их несколько раз как-то, по-своему, и уверенно произнес: «Война

окончится в мае 1945 года». Никто, конечно, его слова не принял всерьёз, но в память они врезались многим. Парень немного обиделся, что ему не поверили. Но теперь мы знаем – его предсказания сбылись. Только вот как он это узнал, до сих пор остаётся загадкой.

Пётр Абрамович говорил, что в бой можно ходить всего один раз. И он обрисовал такую картину. Идёт жестокий бой. Страшный шум, грохот от стрельбы орудий, разрывов снарядов, крика людей.

Вдруг наступает тишина. Она обрушивается как-то сразу, и даже не доходит до сознания людей, что на этот раз уже всё прекратилось, они остались живы.

На поле боя всюду лежат трупы, оторванные головы, руки, ноги. Рядом на деревьях спускаются с сучьев и веток куски материи и части тел.

Но вот из окопов поднимаются головы, а потом вылезают и люди, раненые, окровавленные. Они как-то бессмысленно, тупо озираются вокруг, и до сознания не сразу доходит, что' это, почему всё так. Выражаясь современным языком, этих людей можно назвать одним словом, которого тогда не было в русском лексиконе, а пришло оно в русскую речь из Западной Африки значительно позже войны. Это уже не солдаты, а зомби. А ведь им и дальше предстоит воевать и также выигрывать бой.

У Петра Абрамовича была феноменальная память. Из деревни, в которой он жил, не вернулось с войны 276 человек. И он всех их знал по именам.

Домой он приехал в 1946 году. И всегда всем говорил: «Меня спас мой крестик. Я, когда уходил на войну, взял его с собой и никогда не расставался. И глубоко верю, что крестик меня защитил».

На фронте были и два других Абрамовича, братьев Петра. И оба погибли. При этом один погиб в бою под Брянском в 1942 году, а другой был ранен под Смоленском, когда спасались от врагов бегством. Он не мог идти, звал на помощь, умолял остановиться и взять его с собой. Но никто не рискнул своей жизнью. И он замёрз. Это рассказал моей бабушке, а его матери, друг, когда вернулся домой. И ей было гораздо тяжелее сознавать, что сын мог бы остаться жив, если бы ему помогли.

Потом Мария Петровна Маринина рассказала про свою маму и про себя. Деревня Шишовка расположена в низине. И через неё протекает река Битюг. Места вокруг очень красивые.

А когда она говорила, я почему-то сразу представила такую картину. Высокие деревья, такие, как дуб, карагач, с раскидистой кроной создают какой-то особенный уют. При сильном ветре они поднимают такой шум, будто хотят высказать обиду на то, что нарушили их покой. А на слабом ветру листья разговаривают друг с другом и со своими соседями, сообщая последние новости.

И эти деревья выручали людей в трудные военные и первые послевоенные годы, не давали им умереть от голода.

Как уже было сказано, фашисты в деревню Шишовку не заглядывали, но бомбёжки были частые. И нередко по реке плавали трупы, чаще фашистов. Встречались они и в лесу.

Вроде бы и дома' все уцелели, и мин на полях не было – старайся, сей, сажай, выращивай. Так почему же голод?

Госпоставки были слишком высокие, а лошадей и мужчин в колхозе единицы. Поэтому план не всегда могли выполнить, а на трудодни и вовсе почти ничего не оставалось. Вот и приходилось использовать «подножный корм». Выручали жёлуди, карагач и лебеда. Со дна реки ракушек набирали, варили.

– Бывало, мама всё это перемелет, истолчёт, горсточку мучицы добавит и хлеб печёт. И такому рады были. А в школьном саду вишнёвые косточки подбирали, разбивали камнем и зёрнышки ели.

Но воспоминание о вишнёвых косточках, очевидно, относится к тому времени, когда уже пошла учиться. Война страшным и тяжёлым ярмом легла и на самых

маленьких, что даже у бывших двух- и трёхлетних малюток отложились она в памяти.

– Моя мама была обыкновенная рядовая колхозница, – вспоминает Мария Петровна. – Бывало, она зажжёт коптилку (керосиновую лампу) и оставляет меня дома одну, а сама уходит на работу. Я проснусь – а коптилка горит. Ведь и пожар мог бы случиться, и я сгореть тоже. А мама госпоставку за пятнадцать километров на себе носила. Мамин папа, мой дедушка, в 1946 году от голода умер, отёки пошли.

А в 1947 году урожай получился очень хороший. Мама пекла хлеб для трактористов. И в этом году родилась моя сестрёнка.

Затем Мария Петровна перешла к воспоминаниям о более поздних временах.

– Маме в колхозе давали обрабатывать по 5–7 гектаров свёклы. И мама меня брала с собой на прорыв. И я, 11–12-летняя, ползала по полю и думала про себя: «Буду учиться отлично. Отличников отпускают из колхозов, чтобы учились в специальных учебных заведениях». Но когда я уже училась в институте на втором курсе, маме наре'зали столько обрабатывать свёклы, что она не могла справиться, и председатель колхоза грозился забрать меня из института. Но я была отличницей.

Далее Мария Петровна снова рассказала немного про своего папу, Петра Абрамовича.

– Он всегда ходил с топором. Пытался поступить в Москву в «Метрострой», но председатель не отпустил.

А папа у Марии Петровны был очень мудрый человек. Она до сих пор помнит его завещания: «Отличное – враг хорошему», «Живите по совести», «Принимайте малое за великое и всегда будете радоваться». Если сможете всё это соблюдать, то жизнь проведёте спокойно».

И ещё Мария Петровна рассказала про своего первого мужа, Николая Александровича Маринина. Его родина около города Острогожска Воронежской области, что в ста километрах от их деревни, к западу от неё.

Николай Александрович из семьи репрессированных. Его отец был человек положительный, никогда, как говорится, не носил «камень за пазухой». Но случилось, что в колхозе сторел амбар. Долго разбираться не стали, кто это сделал, и всё свалили на него. Ему дали срок – десять лет.

Все годы на Урале валил лес. Рассказывал потом, что было очень голодно. И много погибло людей от голода, а также оттого что придавило деревьями, особенно корейцев и людей других восточных национальностей. И завещал сыну: «Учись на врача, там врачи были на особом положении».

А сын у него был один, остальные – три дочери. Очень тяжело приходилось матери одной с четырьмя детьми. Единственную кормилицу корову оберегала, зимой в дом заводила. И от немцев уберегла, а они там были. И бомбёжки были.

Николай Александрович исполнил завещание своего отца. Закончил в деревне начальную школу, потом за семь километров ходил пешком, а зимой на лыжах в семилетнюю. После этого закончил с отличием медицинское училище, отслужил три года в армии, сдал на «пятёрки» в Воронежский медицинский институт экзамен по профилирующему предмету, физике, и стал студентом института. Конечно, снова познал голод, разгружал вагоны, чтобы заработать денег на хлеб. И учился отлично. Но всю жизнь терзало его то, что он из семьи судимого. И хотя отец уже давно был реабилитирован, но всё равно, когда Николаю Александровичу предлагали вступить в партию, он каждый раз говорил: «Я ещё не созрел». А настоящую причину сказать стеснялся.

Мария Петровна поступала в Воронежский медицинский институт на следующий год, профилирующий экзамен, химию, также сдала отлично и стала студенткой этого института.

Они создали семью, когда Мария Петровна училась на четвёртом курсе, а Николай Александрович – на пятом. И за две недели до госэкзамена Мария Петровна родила сына, а госэкзамен сдавала в больнице. Николай Александрович в

это время уже был по распределению в Богородицке. А через год приехала и Мария Петровна с ребёнком. Эта молодая супружеская пара закончила институт с красными дипломами.

Николай Александрович Маринин заведовал туберкулезным отделением. Это был очень сильный врач. Он мог то, чего не могут делать даже врачи некоторых областных больниц. Его приглашали и в Новомосковск, и в Тулу, и в Воронеж, но он остался верен Богородицку. И многим больным дал вторую жизнь.

Но самого его другая жестокая болезнь не пожалела. Он быстро сгорел в пятьдесят лет. И сейчас покоится на Успенском кладбище.

Прошло время, и Мария Петровна Маринина вышла замуж второй раз. Сыновья стали взрослые, создали свои семьи, оба в больших городах. Мамы давно нет. Конечно, трудно женщине одной. И возраст начинает своё брать.

Николай Анатольевич Воробьёв из села Иевлево Богородицкого района. Он родился в январе 1934 года и хорошо помнит военные годы.

Он рассказал такой эпизод. Во время оккупации немцы стояли в их доме. Их было много. А мальчик всё время сидел на печке. Фашистам прислали к празднику Рождества посылки. И они разложили по всему подоконнику конфеты. Угостить ребёнка не догадался ни один.

Немцы все ушли. Коля слез с печки и подошёл к окну. Жадными голодными глазками рассматривал семилетний ребёнок эти сладости. И не удержался, взял одну. Но развернуть не успел. Вошёл один немец и дал ребёнку... Нет, не конфету, а пинок в спину. Что он перебил, неизвестно, к врачам не обращался. Но и до сих пор временами болит это место в спине.

А маму Коли, Елену Гавриловну, фашисты заставляли поить лошадей. Лошади громадные, все двенадцать, как слоны. Им очень много требовалось воды, почти по сто вёдер каждый раз приходилось доставать из колодца и приносить.

Один раз она поила их, а немец сидел и играл на губной гармошке. Утомлённая до предела женщина не выдержала и дала лошади ведром по губам. Лошадь замотала головой, а фашист думал, что она напилась.

«Гут», – довольный произнёс он.

А к бабушке пришёл один немец и стал по-русски расспрашивать у неё, как ведут себя солдаты.

«Безобразничают они», – откровенно сказала бабушка.

«Ведь есть люди и хорошие, и плохие, – ответил он. – Когда начальство не досмотрит, там и плохо бывает».

Мария Петровна хорошо знает нашу семью. Мы дружим давно. И на этот раз она помогла мне, рассказав много интересного. За что я ей очень благодарна.

МОЁ ДЕТСТВО

*...Как в год войны и недорода
Народ, измученный нуждой,
Кормила русская природа
Своею скудною едой.
Николай Карпов «Цикорий»*

Нас у мамы двое. Мы с братом близнецы, оба родились 4 октября 1938 года.

Когда началась Великая Отечественная война, папу почти сразу взяли на фронт, и мы с мамой уехали к бабушке в Белгородскую область, Новооскольский район, село Беломестное. И жили там до тех пор, пока нам исполнилось восемнадцать лет.

В одном из первых боёв отец был тяжело ранен и лежал в госпитале в городе Козельске Калужской области. В письме он просил маму приехать, но бабушка её не пустила, потому что кругом была война. Отец умер в госпитале. Когда к нам пришло сообщение, мама с диким воем каталась по деревянному дивану. Похоронен он там же, в Козельске.

Ещё до наступления немцев нас часто бомбили, и мы жили в подвале. Мама отнесла туда швейную машинку и при свете керосиновой лампы шила. А бабушка отказалась жить в подвале, она осталась дома и много молилась.

Фашисты пришли летом 1942 года. Набились к нам – полон дом. У одного в руках был чемоданчик. Немец его поставил на стол и открыл. В нём оказались доверху одни конфеты. И немец всех оделил по конфетке.

Расскажу сначала про женщин.

Один раз бабушка хотела поработать на своём огороде после дождя, но когда уже немного подсохло. И надела на себя всё чёрное. Увидел её немец, который жил не у нас, а в другом доме, и говорит:

– Партизан.

И хотел застрелить. Уже направил на неё винтовку. Спасла тётя Евдокия, сестра бабушкиного мужа.

Другой случай. У маминой сестры, тёти Фроси, муж был на фронте. А он любил заниматься охотой. И фашисты увидели у неё ружьё, простое, одноствольное. Её забрали в комендатуру и били головой об стенку, повторяя слово «партизан» по-немецки. Но она немецкий язык не знала и не понимала, за что её бьют.

Выручила наша мама. Она учительница русского языка и хорошо знала немецкий. И объяснила фашистам, что муж тёти Фроси егерь. И фашисты прекратили эту расправу.

Другая мамина сестра, тётя Паша, жила на хуторе. Она приходила к нам и рассказывала, что в народе много предателей. Они пишут докладные записки такого содержания: «Я, (ф.и.о.), сообщаю вам, что...» Указывают фамилию, имя, отчество коммунистов, комсомольцев или любых неугодных им людей, называют их партизанами и отдают эти докладные записки немцам.

Мать сначала не поверила. Но однажды к нам пришёл немец. В руках у него целая пачка бумажек. Он показал их матери, а потом начал бить себя в грудь и с каждым ударом повторять по слогам:

– Я ан-ти-фа-шист.

И бросил всю пачку в горящую печь.

Все люди были спасены.

А теперь расскажу про мужчин.

У нас был дядя, Фёдор Иванович Улыбкин, мамин двоюродный брат. Он работал директором МТС. Его братья занимались строительством домов, часто для этого просили у него трактора. И к началу войны многие машины требовали большого ремонта. Также на исходе был бензин.

И тут последовал приказ: послать тракторный отряд во главе с директором на прорыв через линию фронта.

Но немецкие танки были несравненно сильнее наших слабеньких, почти развалившихся тракторов, и фашисты на танках быстро настигли этот отряд и захватили в плен.

После того, как пленники были освобождены, начались разборки:

– Не мог увеличить скорость! Сам сдался в плен!..

Признали дядю Фёдора виновным и дали срок десять лет. Отсидел, как говорится, «от и до». И уехал на целину в Абакан.

Мы в это время жили очень бедно. Сушили и размалывали жёлуди, хлеб из такой муки был горький. А также ели крапиву и другие травы.

И вдруг получаем по почте извещение, что дядя Фёдор прислал целую тонну пшеницы: нам, его сестрам и бывшей жене, которая была с ним в разводе, жила с сыном через дорогу от нас, гнала самогон, пила сама и спаивала его сына. Мы это зерно сушили в сарае, на чердаке и даже в доме. Но это было уже значительно позже войны.

Потом дядя Фёдор заболел раком желудка и приехал к тётке Фросе умирать. Она за ним хорошо ухаживала, и он отдал ей свой дом.

А сын его в пьяном угаре сгорел вместе с домом.

Брат дяди Фёдора, Иван Иванович, был очень идейный. Он работал начальником почты. К своему брату относился отрицательно, считал, что он сам сдался в плен. У них на этой почве был конфликт. Жил дядя Иван в городе Калачи Воронежской области и старался с Фёдором не общаться.

Иван Иванович был на фронте и дошёл до Берлина.

Вспоминаю 9 мая 1945 года. Все люди праздновали, радовались, смеялись, пели, танцевали. А мы с мамой стояли и плакали. Отец погиб, и жили мы очень бедно.

Была у нас одна коза. Всё-таки хоть небольшое подспорье. Но забрался волк, проделал в крытой соломой крыше дыру и унёс нашу козочку. И только года через два мать смогла купить тёлку. И мы с братом пасли её по очереди, потому что не было денег, чтобы отдать в стадо.

Бабушкина пенсия была всего двенадцать рублей (для сравнения: медсестра получала 360 рублей, а врач – 780). Мама хлопотала пенсию детям за отца, но госпиталь фашисты при отступлении сожгли, и все документы сгорели. В народе говорили, что из военкомата исходило распоряжение жечь документы, чтобы не выплачивать пенсии, так как не хватало средств восстанавливать разрушенное войной.

Мы с братом пошли учиться в первый класс. Детям выдавали хлеб по 125 граммов на человека, а нам почему-то давали эту порцию одну на двоих.

А тут ещё и сады обложили налогами. Мы прежде продавали яблоки, груши, вишни и сухофрукты из них. А теперь и такого заработка стали лишены – пришлось вырубать своих кормилиц, плодовые деревья.

И только помогал нам муж тётки Фроси, заботился о нас, как отец: покрыл крышу, приносил мёд со своей пасеки, выполнял физические работы.

В 1946 году вернулся с войны Иван Иванович. Когда он был в Берлине, им разрешили заходить в любой дом, оставленный жильцами, и брать, что угодно. И он привёз очень много всякой одежды, обуви, отрезов материи. Оделил ими всех родных. Мне оказалось впору чёрное крепдешинное платье со вставками из кружев и плиссе. И я его надевала и танцевала, а также пела. Платье красиво развевалось. К тому же – мои рыжие волосы, длинные косы и приятная внешность. Вокруг меня собиралась вся школа. Ребята отвлекались от учебы, поэтому ругались учителя и мама. А я была счастлива.

Когда мне было двенадцать лет, нас послали обрабатывать свёклу. А я раньше помогала тётке Паше, и она меня научила, как полоть правильно и быстро. Поэтому я обгоняла всех, и качество моей работы считалось самое лучшее.

У меня было три самых близких подруги. И всех четверых нас звали Нинами. И летом мы ухаживали за шелковичными червями: раскладывали им ветки, кормили их утром и в четыре часа дня. И так всё лето. Наши черви выросли и окуклились. Кокконы были самых разных цветов и оттенков: белые, жёлтые, розовые, светло-голубые, светло-зелёные.

Правление колхоза и сельский Совет выдали нам премию: каждой 10 кг гречки, 10 кг пшена, 7 кг подсолнухов, 5 кг муки, банку мёда и отрез штапеля на платье.

В этот год и картошка хорошо уродилась. И жить стало легче.

В школе я училась хорошо. Закончила десять классов. В это время в Богородицке было медицинское училище, и я приехала сюда учиться, поступила на фельдшерское отделение и закончила его отлично.

Мне дали направление в Харьковский медицинский институт. Мама очень настаивала, чтобы я училась дальше и стала врачом.

А ко мне пришла любовь, и мне было не до учёбы. Я вышла замуж и родила себе дочку Аллу.

И всю жизнь проработала в Богородицке медсестрой во взрослом инфекционном отделении. Начинала работать, когда больница была ещё на улице Пушкинской и заведовала отделением Мария Яковлевна Кулипо. А закончила работу уже в медсанчасти.

Но по-прежнему люблю петь и танцевать. И хожу в хор «Ветеран».

Рассказала **Кузнецова Нина Михайловна**

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

*Опять же фамилия
наша нерусская,
Откуда взялась она
в русском краю?
Дмитрий Блынский*

Плавню течёт река Оскол, то немного извиваясь, то снова выпрямляясь и унося свои воды куда-то вдаль. В жаркие летние дни в её хрустальной воде весело купается забавное солнышко и с завистью смотрят на него с берегов вечно недовольные плакучие ивы. Начинается Оскол ещё в Калужской области, протекает через Белгородскую и несёт свои воды дальше на Украину.

А в Белгородской области есть большое село Волоконовка, расположенное всего в тридцати километрах от границы с Украиной. Сейчас это районный центр, а в начале Отечественной войны оно было значительно меньше. Одноэтажные домики с большим количеством хозяйственных пристроек, крытых соломой. Народ работающий, у всех огороды и домашний скот. Но семьи многодетные, а потому и жизнь бедноватая.

Однако почему я начала свой рассказ с реки? Да, речка полноводная, и рыбёшкой неплохо подкармливает местных жителей. Только не ленись: сиди терпеливо, жди и лови. Ну и что здесь особенного, ведь все сёла и деревни всегда строили возле речки?

Река Оскол делит Волоконовку почти на две равные части, соединённые широким мостом. Но и в этом нет ничего удивительного, такое даже встречалось уже и в этой книге.

Удивительное не в реке, а в людях, населяющих Волоконовку. Никто не помнит, с каких это древних времён началось, но людей, живущих по одну сторону реки издавна называют хохлами, а живущих по другую сторону реки – москалями, независимо от их настоящей национальности. И хотя село одно, но русскую половину почему-то называют Завалищино, и люди там разговаривают на русском языке, а на хохляцкой части села разговаривают на украинском языке.

Мне это рассказала женщина, которая на пять лет моложе меня, училась когда-то в нашей школе, потом я учила её сына в сельскохозяйственном техникуме. Я до сих пор её называю просто Машей, а она меня полным именем с отчеством.

Ма'шина мама, Татьяна Ивановна, родилась в русской части села, с детства разговаривала только по-русски. Но вышла замуж на украинскую сторону и её стали называть хохлушкой. У её мужа, Фёдора Яковлевича Туренко, в жилах течёт на три четверти русская кровь. Его мать на сто процентов русская, так и записано в

паспорте, а фамилия стала украинская, и Фёдора записали украинцем. Вот и получилось в семье: одна сестра русская, другая – условно украинка. И хотя это была украинская сторона, но дома они разговаривали на русском языке, а с соседями – на украинском.

Ещё сложнее получилось с детьми Фёдора и Татьяны. В зависимости от того, кто в сельсовете регистрировал ребёнка, тот и записывал своей национальностью. А детей у них было семеро, только кто русский, а кто украинец – они и сами не помнили.

Начало войны Маша помнит плохо – конечно, маленькая была, родилась 29 октября 1938 года. Помнит, что отец вернулся рано, и на правой руке у него остались всего два пальца. Поэтому больше его не взяли.

В селе у них было спокойно: никаких взрывов ниоткуда не слышалось. Немцы вошли тоже тихо и сразу заняли все свободные помещения.

– У нас было три клуны. Это такие утеплённые сараи или амбары деревянные, туда обычно зерно ссыпают, а скотину не ставят, поэтому они чистые. В них и жили немцы, а в доме у нас не жили, – рассказывает Маша.

– А когда они к вам пришли?

– Помнится, что в 43-ем, и ещё тепло было. С полгода примерно стояли. И ушли так же тихо, как и пришли.

– Как они себя вели?

– У нас немцы хорошие были. Продукты нам давали и конфетами нас угощали. Мама не разрешала к ним туда ходить, а мы всё равно ходили.

– Маш, ты говоришь, что вас было семь человек. Остальные братья и сёстры старше тебя были?

– Одна сестра старше меня, но она потом умерла, и я стала самой старшей.

– Но тебе всего было четыре с половиной года. Сколько же тогда остальным пяти? И как они могли к немцам ходить?

– Нет, я ходила с подругами, они старше меня. А другие у нас и после войны родились, это потом семь стало.

– А что вы делали у немцев?

– Смотрели. Они играли на губных гармошках, пели, плясали, танцевали. У них всегда веселье было. Они всё какую-то будущую победу отмечали.

– Старшие не рассказывали тебе, у вас там были какие-нибудь зверства, расправы со стороны фашистов?

– У русских, где мамина сестра, что-то было, но я тогда не понимала. А у нас все немцы были хорошие. Ведь и у русских тоже люди есть разные.

– В этом ты, конечно, права. Но когда они уходили, вас не сожгли?

– Нет, не сожгли ни нас, ни русских. Они неожиданно ушли, ночью, даже не все с собой взяли.

– А как вы после них жили?

– Мы жили очень бедно, а детей всё прибавлялось. Поэтому другая материна сестра, моя крёстная, взяла меня к себе в Богородицк, когда мне исполнилось шесть лет. И я стала богородчанкой. А со своими родными больше не жила, лишь иногда к ним ездила на каникулы. Только, пожалуйста, не пишите мою фамилию по мужу.

СВИДЕТЕЛЬ ПРОШЛОГО

*Ушла война.
Осталась память
и опалённые сердца.*

Раису Егоровну Трегубову все считают коренной богородчанкой. Но она приехала в Богородицк в один из первых месяцев после войны, когда многие коренные возвращались из эвакуации. И уже сразу молодую трудолюбивую девушку

приняли на работу в наш больничный городок, который состоял из нескольких относительно небольших домиков, расположенных во дворе от улицы Пушкинской до улицы Победы и от улицы Урицкого почти до Луначарского.

Работала Раиса Егоровна в хирургическом отделении вместе с Еленой Дмитриевной Покатовой, стерилизовала инструменты, выполняла другие подсобные работы. Помнит она и врача-хирурга Дмитрия Александровича Покатова, отца Елены Дмитриевны. Хорошо помнит и моего папу, врача-терапевта Юрия (Георгия) Николаевича Введенского, и тоже тепло отзывается о нём. Также в разговоре со мной она называла операционных сестёр: Веру Петровну Вергун, фронтовичку Анастасию Игнатьевну Рябиц, Марию Алексеевну Курзенкову, перевязочную сестру Нину Владимировну Муратову.

И когда в 1958 году был отстроен больничный городок на Графской стороне (так называемая в народе Новая больница), Раиса Егоровна работала в ней в хирургическом отделении до самого ухода на заслуженный отдых.

Родилась и провела своё детство и раннюю юность **Раиса Егоровна Трегубова** (девичья – Сивоволова) в селе Орлик, до войны Курской области (сейчас Белгородской), расположенном примерно в 30–35 километрах от Прохоровки, где в 1942–1943 году была Курская Дуга, а затем Курская битва совершила перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Село Орлик большое, перед войной насчитывало 1 200 домов. Четыре крупных колхоза с богатыми плодородными землями объединяло оно. Рядом чудесный Орликовский лес, щедро наделяющий местных жителей своими природными дарами. А на бугре красавец старинный храм, так безжалостно уничтоженный перед самой войной.

Рае исполнилось двенадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. Жила она с папой, мамой и братом Иваном, который был на два года старше неё, но болезненный, и в 1944 году он умер. Их дом находился в той части села, которая была ближе других к лесу. В четырёх километрах от них, в самом центре, недалеко от площади, начинался глубокий овраг с почти вертикальными склонами. Далее овраг тянулся более чем на десять километров и заканчивался в деревне Чернянка Белгородской области. А Орликовский лес был близко от оврага.

Перед наступлением фашисты несколько раз обстреляли село с самолётов и однажды сбросили бомбу, которая упала недалеко от школы и разрушила в ней крышу и окна.

А потом в 1942 году – оккупация. Первый раз фашисты стояли год, потом советским войскам удалось их выбить из села, но не надолго, через некоторое время они вернулись. Разгуляться на этот раз им не пришлось: с боем вышибли их отсюда, многие остались навсегда лежать в Орликовской земле.

Раиса Егоровна рассказала про дни первой оккупации.

– У нас немцы не стояли, потому что лес близко, боялись партизан. Только несколько раз подъезжали на мотоциклах, заглядывали в сарай, подвал, на чердак лазили, но убеждались, что никого нет, и уходили.

А партизаны в лесу были. В основном это солдаты, раненые или по какой-то причине отставшие от своей части. Ночами они часто пробирались полями и огородами, стучались в ближние от леса дома и просили одежду, чтобы переодеться в гражданское. И Рая с подругами, а потом и одна ходила в полной темноте, стучала в окна, и люди откликались и, можно сказать, под самым носом у фашистов собирали то, что осталось от ушедших на фронт, отдавали девочкам, а они торопились назад, чтобы наши бойцы успели засветло переодеться и уйти в лес. А одна молодая девушка через огороды ползком и вплавь через речку пробиралась ночью к раненым партизанам и делала им перевязки.

Однажды фашисты пригнали в овраг наших пленных солдат. Их было очень много, большинство раненых. Самых тяжёлых доставили на носилках. Для этого вырубали на краю леса из молодых деревьев палки, на них клали шинель. Раненых с

носилок нередко скидывали в овраг. Крики, стоны. И, конечно, никакой санитарии, а тем более медицинской помощи. И большая смертность.

Пленных ничем не кормили и не давали пить. Поэтому местные жители варили с утра что-то наподобие супа, они называли это баландой. Ведь и у самих ничего не было. Наливали полные ведра и на коромыслах по два ведра несли за четыре километра к оврагу. Но немцы взрослых женщин туда не пускали. Поэтому только на расстояние примерно с километр могли нести пленникам еду женщины, а потом передавали вёдра девочкам-подросткам. И девчонки на своих неокрепших плечиках проносили эти вёдра с похлёбкой ещё три километра до оврага. Пленные разливали это по котелкам.

А солнце уже поднималось высоко над горизонтом. Стоял июль 1942 года. Страшная жара, на небе ни одного облачка. Пленные изнемогали от зноя. И девочки с этими пустыми вёдрами и коромыслами шли примерно за километр к колодцу. Там вёдра мыли, набирали в них воду и возвращались к оврагу, чтобы напоить наших пленных бойцов.

И потом весь день до темна по жаре, страдая от жары и усталости, натирая до крови коромыслом свои детские плечики и шеи, наши добрые девчонки, чем могли, помогали советским бойцам и этим приближали Победу.

Раиса Егоровна рассказала о том, что было в их селе во время фашистской оккупации.

А теперь прерву её рассказ и напишу здесь то, что мне дала из фонда музея имени С.П. Белецкого заведующая И.Е. Цильковская.

В Белгородской области есть село Чернянка. От села Орлик, о котором пишу в данной главе, Чернянка находится на расстоянии десяти километров. Эти села соединяет овраг, который местные жители называют Крутой Яр.

В 1942 году целый год в Чернянке господствовали фашисты. Жители села считают этот год самым ужасным периодом времени в их жизни. Мужчины были на фронте, а в селе остались только старики, женщины и дети. На их плечи легла тяжесть невзгод, бедствий и горя военных лет.

А в овраге с названием Крутой Яр немцы устроили лагерь для военнопленных. Здесь через каждые десять шагов стояли часовые. И на всём протяжении оврага, изнывая от жажды и голода, томилось более пятнадцати тысяч пленных. Среди них были как советские военные, так и гражданские жители.

Жара стояла невыносимая. Люди в овраге находились без пищи и воды. И обессиленные падали от изнеможения.

Жители Чернянки, также, как и Орлика, делились с пленными, чем могли. Несмотря на запреты и окрики со стороны фашистов, рискуя собой, женщины и подростки подходили к краю оврага, приносили и бросали несчастным пленникам хлеб, картошку, яйца. Подростки также по многу раз в день приносили к оврагу воду в вёдрах на коромыслах, преодолевая боль от кровавых мозолей на хрупких плечиках.

Фашисты, охранявшие лагерь, отгоняли местных жителей, но это не останавливало. Даже дети, возможно, не совсем понимая опасности, подходили к краю оврага и бросали пленным свой завтрак, оставаясь сами голодными. Среди них была и та, которая рассказывала об этом школьникам (ф.и.о. не указаны). Но случалось, что пленные даже не могли проглотить глотка воды, потому что у них начинались голодные спазмы.

Многих пленных, в первую очередь, евреев и командиров, гитлеровцы выводили за село, издевались над ними, кололи штыками, били прикладами, потом расстреливали, заставляя перед этим вырыть себе могилу.

Однажды привели на расстрел группу военнопленных. Сбежались жители соседних сёл: женщины, старики, дети. Люди кричали, плакали. Но палачи, не обращая ни на кого внимания, продолжали казнь. Несколько расстрелянных уже лежало на земле.

Вдруг страшный крик разрезал воздух:

– Сын! Это мой сын! Не убивайте его!

И женщина бросилась вперёд, подбежала к военнопленному, прижалась к нему.

Другие женщины, подходившие к месту казни, начали подбегать к пленным с криками:

– Это мой сын!

– Это мой жених!

– Это мой брат!..

Но фашисты грубо отталкивали их.

Мало кому удалось убежать из этого проклятого плена. Но однажды...

К оврагу привезли раненых лошадей (а пленным нередко кормили сырой кониной). И гитлеровцы, охранявшие лагерь, оставили свои посты и побежали к лошадям: каждому палачу захотелось застрелить самому несчастное раненое животное. Фашисты были уверены в том, что измученные, истерзанные, полуживые пленные не сумеют вылезти из оврага и совершить побег. Но несколько человек всё же смогли собрать свои последние силы и убежать.

В конце лета тех пленных, которые ещё остались живы, погнали в Ольшанку. И там их мучения продолжались.

Крутой Яр вошёл в летопись Великой Отечественной войны как одна из многих жестоких и бесчеловечных её страниц.

Но вернёмся к воспоминаниям Раисы Егоровны Трегубовой.

После того, как фашисты угнали военнопленных, но район ещё оставался оккупированным, всё чаще стали летать над селом советские самолёты. А потом «аэродром» устроили в Орликовском лесу, «под боком» у немцев. Примерно всего за 1–1,5 километра от того места, где стояли оккупанты, лётчики вырубали в лесу полосу такой ширины, чтобы мог пройти самолёт, не зацепившись крыльями. И таких проходов было несколько, лётчики загоняли в них самолёты. Здесь же, в лесу, была кухня, а также устроены шалаши для отдыха и телефонная связь. Каждый самолёт обслуживали два лётчика. Один прилетал с боевого задания и ложился в шалаш отдыхать. А другой садился в этот самолёт, конечно, после того, как его заправят горючим, а также бомбами, снарядами, минами, которые находились тут же.

И всё это видела Рая и другие девочки, которые по просьбе лётчиков вставали рано и шли в лес, чтобы помочь приготовить обед, почистить картошку, помыть посуду. Были случаи, когда лётчики возвращались раненые или совсем не возвращались. И хотя напарники старались держаться, чтобы девчонки не поняли, какова величина их горя, но от внимательных взоров подростков ничего не ускользало.

А фашисты видели приближение советских войск и начали зверствовать ещё больше. Но в основном в центре села. А потом собрали всех женщин и хотели увезти их в Германию. Быстрое наступление нашей армии не позволило им осуществить эти намерения. И даже всё село они не успели сжечь: та часть, что ближе к лесу, сохранилась.

Весной, начиная с семилетних детей и кончая самыми древними стариками, – все вышли на колхозные поля. Земелька-кормилица, чернозёмная, очень плодородная. И поля огромные, такой простор. Всё до малейшего клочка засеяли и засадили колхозники села Орлик. Убирали зерновые вручную косами и серпами, обмолачивали цепями¹⁾. Люди понимали, что продовольствие нужно нашим защитникам и не обижались, что на трудодни почти ничего не получали. Что-то собирали и на своих огородах.

Опустели поля, но наполнились закрома. И в том помещении в центре села, в котором раньше была столовая, а местные жители громко именовали её «кафе», открыли пункт для заготовки продовольствия нашим бойцам. Сюда привозили на

быках картошку и свёклу. Рая, её подруги и другая молодёжь эти овощи чистили, мыли, разрезали на куски. Мужчины запаривали, сушили, затаривали в мешки, эти мешки зашивали и отвозили на быках на железную дорогу, но не на станцию, а немного подальше, на полустанок, где останавливался товарный состав, куда всё это загружалось и отправлялось на фронт.

– Тяжело достались мне военные годы, – рассказывает Раиса Егоровна. – Отец пришёл с фронта в 1943 году инвалидом, без ноги. Мама умерла рано. Я даже четвёртый класс не закончила – на трудовой фронт призвали. Сначала на заготовку дров, а потом торфа в Подмоскowie.

– А как вы в Богородицке оказались? – поинтересовалась я.

– Подруга позвала, Татьяна Сорокотягина. Она в Упёртовку замуж вышла и очень хвалила богородицкие места. И я тоже создала здесь свою семью. Муж в Калининской автобазе работал по ремонту машин. У меня два сына. Внучка в стоматологии работает.

Да, живём мы порой рядом с людьми и не всегда знаем их прошлое. А сколько всего вынес наш народ, в том числе подростки и даже дети, в эти жестокие годы Великой Отечественной войны!

¹⁾ Цеп – ручное орудие для обмолота зерновых, состоящее из длинной ручки и прикрепленного к ней ремнем короткого деревянного била.

ДИВЕРСАНТЫ!

*Но только – всматривайся в лица,
Пойми живых, пока живёшь.*
Вячеслав Кузнецов

Работники городского музея пригласили меня на концерт, посвященный Дню железнодорожника. Место проведения этого мероприятия – филиал городского музея, расположенный в помещении вокзала железнодорожной станции «Жданка».

Когда я вошла в зал, зрителей было ещё мало. В среднем ряду на второй скамейке сидели три симпатичные старушки, по-видимому, хорошо знающие друг друга, потому что мирно о чём-то беседовали. Первая скамья впереди них была свободна, и я села на неё.

Дождавшись перерыва в разговоре старушек, я обратилась к ним и назвала себя. Оказалось, что заочно они меня уже давно знают, потому что живут близко от вокзала и посещают все мероприятия, проводимые работниками музея. И не раз слышали отдельные главы из моих книг и мои стихотворения.

Когда я обратилась к ним с просьбой рассказать свои воспоминания о войне, они охотно согласились и сразу начали рассказывать, перебивая друг друга.

А тут и зал наполнился, и ребятишки стали бегать и шуметь, заглушая голоса старушек. Вошли работники музея и начали рассказывать про графа Бобринского – основателя нашей железнодорожной ветки и станции «Жданка». Так что записать практически мало что удалось. И домашний телефон оказался лишь у одной старушки.

Вот что я только смогла записать из её рассказа.

Нина Яковлевна Изгаршева, 1940 года рождения, во время войны жила в Курской (сейчас Липецкой) области, железнодорожная станция Тербуны, село Новосильское.

Село большое и расположено рядом с железнодорожной линией, через которую проходят поезда на Москву и на юг (с её слов, а на карте – это крупная ветвь).

В семье мама, папа, трое детей и тётя, а домик маленький, деревянный. И жили, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Но вот началась война. Железную дорогу то и дело фашисты стали обстреливать с самолётов. Доставалось иногда и тем жителям, дома которых расположены близко от железнодорожной станции, а в центре села было спокойно.

– Как-то раз пошли женщины на базар. Вдруг видят: летят самолёты, целых четыре самолёта, – рассказывает Нина Яковлевна, – а с самолётов спускаются парашютисты. И все в одинаковых костюмах. Но не в гимнастёрках, нет, а в каких-то ещё. И все с автоматами.

– А сколько их было? – перебила я её.

– Да точно не могу сказать, я ведь ещё совсем маленькая была. Одна женщина говорила, что десять, а другая уверяла, что пятнадцать. А потом парашютисты разделились на группы и пошли в разные стороны.

«Диверсанты!» – решили женщины и скорее направились к председателю.

Нина Яковлевна помолчала.

– Ну и что сделал председатель?

– Он собрал молодёжь и послал всех на разведку. С ними пошли мой отец и его брат. А брат жил на краю села. Крыши на домах все соломенные. Вот один диверсант, а это оказался немец, стрельнул из автомата на крышу сарая – она и загорелась. Брат хотел её потушить, а другой немец, он, оказывается, умел по-русски разговаривать, вот он и говорит: «Не туши, тебя всё равно скоро в армию заберут». И правда, через несколько дней его забрали.

– Он вернулся? – спросила я.

– Нет, погиб, в Турдее. Это станция такая.

– Я знаю. Я через неё проезжала, когда училась в Мичуринске, – сказала я и опять спросила: – Ваше село фашисты оккупировали?

– Были у нас с 1942 по 1943, но мало немцев. Они боялись у нас стоять: станция рядом, а по ней всё двигались и двигались эшелон за эшелон, эшелон за эшелон. То немецкие, то русские. И обстреливали их тоже то русские, то немцы. А вокруг нас маленькие деревни были: Вершины, Дятлово, Островок, Вышнеполяна и другие. Вот там они долго стояли, и много их было.

– А как они себя вели, когда у вас стояли?

– В нашем доме они не стояли: домик маленький и нас много. А так, не сказать, чтоб плохо. Русских они не обижали, но обеды готовили для них русские повара.

– Вам что-нибудь запомнилось из военного времени?

– Я хоть и маленькая была, но этот момент помню. Мама вышла со мной погулять, носила меня на руках. Тогда ведь ни колясок, ни детских салазков не было, всегда детей на руках носили. И вот она идёт со мной, а навстречу немец. И он подаёт шоколадку, а мать не берёт. Тогда он достал другую, разломил, ест и показывает, что вкусно. Но мать всё равно не взяла. И я это сама видела и помню. Но я тогда не знала, что такое шоколадка, ни разу не пробовала.

– А когда немцы отступали, дома сожгли?

– Нет, тут им некогда было. Тут опять эшелон за эшелон пошли, наши отбивали их на Липецк и на Орёл. А маленькие деревни почти все сожгли.

– А ваш отец был на фронте?

– А как же? Был. И вернулся. Жив остался.

– Как я поняла, село ваше хорошее, и такого большого голода вы не испытывали, как это было в других местах. Когда и почему вы оказались в Богородицке?

– Голодно, конечно, тоже было, но нас спасала корова. А моя двоюродная сестра работала на торфоразработках, а потом приехала в Товарково в 1948 году, была

здесь на подъёмных работах, это чтоб было чем «буржуйки» топить. И я к ней приехала, когда мне четырнадцать лет было, в 1954 году. А мать к нам только зимой приезжала.

– А где вы учились, работали?

– Я кончила строительный техникум в Новомосковске. Работала мастером по строительству и вернулась сюда. Вышла замуж. Муж машинист и чернобылец. И живу в большом доме около вокзала. А дочь медсестра, работает в аптеке № 176. И теперь я богородчанка до конца своей жизни.

МИНОМЁТЧИК

*Кровь фашистских псов
пусть рекой течёт,
Враг советский край
не возьмёт.*

Евгений Долматовский

Прочитала в районной газете «Богородицкие вести» о ветеране Великой Отечественной войны **Николае Павловиче Хромых**.

Ему 90 лет, родился в селе Чесночное Курской области, в армию призван 9 апреля 1944 года.

На карте село Чесночное не указано. И какого оно района тоже в газете не написано. Где оно? Далеко ли от Курской дуги и от Прохоровки? И возраст у Николая Павловича уже не такой детский был. Может быть, что-нибудь расскажет и про первые годы войны в родном селе?

Обычно все меня просят звонить попозже вечером, когда молодые приходят с работы или с дачи, успеют приготовить ужин и накормить своих стариков. Дождалась вечера и где-то в половине девятого набираю номер. Отвечает приятный мужской молодой голос. Из дальнейшего разговора я поняла, что это сын Николая Павловича, Виктор Николаевич.

Я объяснила, кто я и какова цель моего звонка. Оказалось, что я позвонила поздно и ветеран уже лёг спать.

– Позвоните, пожалуйста, завтра, – вежливо, без всякой обиды попросил меня Виктор Николаевич. – Только говорите громче, он не дослышит. Лучше с утра, и я дома буду.

– Часов в девять или немного позже устроит?

– Да, хорошо, я так ему и скажу.

На второй день, ещё не было девяти часов, как мне позвонила женщина, с которой я договаривалась дней десять тому назад, но точные день и время не были обговорены. Я уже не надеялась, что она мне позвонит, и ругала себя, почему не записала даже то, что услышала в первый раз, а поэтому не хотела сейчас прерывать разговор.

В результате на квартиру Хромых позвонила уже в половине десятого. К телефону опять подошёл Виктор Николаевич. Я поздоровалась, извинилась, назвала себя.

– Я уже понял, сейчас я его позову.

Когда подошёл к телефону Николай Павлович, я было начала объяснять, что меня интересует не только его фронтовая жизнь, но и то, что было у него на малой родине до 1944 года, но он прервал меня и задал вопрос напрямую:

– Ну, с чего начнём?

– С вашей семьи. С кем вы жили, когда началась война?

– А... Это?.. – как-то разочарованно произнес он.

Далее последовало молчание.

– Отец, куда же ты уходишь? Ты так ждал этого звонка, – услышала я голос Виктора Николаевича. – Ну поговори с писателем, расскажи ей всё, что было.

– Она что-то совсем не то спрашивает.

– Она спрашивает, с кем ты жил, когда началась война.

– Я не помню, я совсем ничего не помню, – недовольный голос Николая Павловича.

– У них семья большая была, детей много, – уже в трубку поясняет мне Виктор Николаевич. – Он самый старший, а потом 1930-го, 33-го и дальше.

– Его призвали на фронт весной 1944 года, уже после Курской битвы. Меня интересует, что было до этого, бомбёжки, обстрелы, оккупация, поведение фашистов.

– Отец, писатель спрашивает, у вас в деревне были обстрелы, бомбёжки?

– Я ничего не помню, – снова недовольно отвечает Николай Павлович. – Были. Как же не были? У всех были, и у нас были.

– Ну, расскажи, отец, что у вас было? Ведь ты же нам рассказывал.

– Вам рассказывал, вот ты и расскажи, а я не хочу больше об этом вспоминать.

Наступила тишина. «Только бы не опустили трубку», – с волнением подумала я. Но тут снова послышался голос Виктора Николаевича:

– Отец, ты же был ранен. В каком году ты был ранен?

– В сорок первом, осенью.

– В сорок первом? – теперь уже удивлённо спрашиваю я. – Ведь его еще не призывали.

– Отец, а где ты был, когда тебя ранило?

– На своем огороде был. Я не ожидал. И меня сквозным ранило, навывлет, в плечо.

– Ты лечился в Тамбове?

– Да, меня сразу отправили в Тамбов, в военный госпиталь. Я там долго лежал.

– А потом что с тобой было? – уже вопросы задавал ему сын.

– Потом трудовой фронт был. По деревням нас посылали.

– И что вы там делали? – снова вопрос задал Виктор Николаевич, держа телефонную трубку. И хотя иногда он повторял мне ответы отца, но я их тоже хорошо слышала.

– Всё делали, – ответил ветеран. – Всё делали, – повторил он. – Что в деревнях делают-то? Вот мы за мужиков и работали. Других-то не было, все воевали.

– А теперь расскажи, как ты воевал, отец.

– Сначала обучали на миномётчика, а потом на 1-ый Белорусский фронт отправили. Я был рядовым и стрелял из миномёта калибром 82 мм. А потом меня повышали и награждали, и я стал старшим сержантом и командиром взвода миномётчиков калибра 120 мм.

– Отец, подойди, возьми трубку, расскажи дальше сам, – попросил Виктор Николаевич.

– Вы пишете, что я рассказываю? – спросил уже у меня Николай Павлович, взяв трубку.

– Да, пишу, – ответила я. – Расскажите, пожалуйста, всё, что помните.

– А что рассказывать? Все ненавидели врагов, и я тоже. И хотел отомстить и за своё ранение, и за своё село, и за всех, кто погиб и кого они замучили. И сам стрелял, и ребятами командовал.

Николай Павлович замолчал.

«Как бы ещё задать вопрос, чтобы не обидеть?» – подумала я. И спросила:

– А вы сами лично много врагов убили?

– Я не считал. Но неоднократно видел, как от разрывов мин падали враги. А какие из них от моего миномёта, а какие от других – разве тут что разбеёшь. Но доставалось от нас врагам крепко.

– Какой путь прошла 1-ая Белорусская, в основном, я знаю. Где вы встретили победу?

– Я потом в другой воевал. В Финляндии есть такой полуостров и город на берегу Финского залива, называется Порккола. Там какая-то коалиция была, вот нас туда и послали. А до этого мне даже отпуск давали за боевые заслуги.

– У вас, наверное, и наград много?

– Много. Только я устал и ничего вам больше не скажу.

– У отца много и орденов, и медалей. Есть фотокарточка, мы её давали на завод «Ресурс».

– А когда он приехал в Богородицк?

– Отец, когда ты в Богородицк приехал, писатель тебя спрашивает?

– После войны. В колхозе-то много не заработаешь.

– Он сначала работал электриком на шахте № 76, – поясняет мне Виктор Николаевич. – А когда шахты слили, ушёл на завод «Ресурс» и тоже работал электриком до 1985 года.

– Я хоть мало работал на «Ресурсе», но директор Казанский меня не забывает, – услышала я голос ветерана, – к каждому празднику поздравление присылает. И подарки. Напишите и об этом, что я ему благодарен очень.

– Хорошо, напишу. И я вам тоже благодарна за то, что поделились со мной своими воспоминаниями.

МОЁ СЕЛО

*Какими бурями, казалось,
Мир ни трясло,
Стоит большой России малость –
Моё село.*
Виктор Пахомов «Моё село»

С Иваном Васильевичем Катыхиным мы работали в одной школе. Сначала на посёлке Бегичевском. Учителя школы в большинстве были местные, а ежедневно из города ездили только мы. Вместе дожидались прихода автобуса, мёрзли на холоде, когда по какой-то причине рейс задерживали или отменяли совсем. Потом стали дружить семьями.

Когда школу закрыли, а мы ещё не достигли пенсионного возраста, то учителей распределили по школам, и мы опять оказались в одной школе, только восьмилетней. Но через два года я перешла в среднюю, а он остался в колодезинской № 13.

Так как в войну мы оба были на оккупированных территориях, но только в разных местах страны, то нам всегда находилось что вспомнить и о чём поговорить.

Уже восьмой год, как Ивана Васильевича не стало. Но его рассказы я в основном помню. А уточнила некоторые детали и дополнила его жена **Зинаида Прокофьевна Прокудина**, с которой в детстве они жили в одном селе и даже приходились родственниками, как это нередко бывает в сельской местности.

А село это называется Плестец Крипцовского (сейчас Плестецкого) района Курской области. Расположено оно примерно в сорока или меньше километрах от деревни Прохоровки, на Курской дуге.

Село большое, но домики были и маленькие, и побольше, чаще деревянные. И красовалась старинная церковь, сохранившаяся до войны, но безжалостно разрушенная в результате немецких авиационных бомбёжек. И вообще от вражеских налётов что было разбито, что сожжено.

В семье Катыхиных было четверо детей: двое мальчиков 1927 и 1929 годов рождения, потом девочка 1930 года рождения и последний – он 1934 года

рождения. И умерли мужчины тоже один за другим: в 2005, 2006 и он в 2007 году. Осталась сестра.

Перед тем, как прийти немцам, мужчины, которых ещё не призвали на фронт, и вернувшиеся после ранения, ушли в партизаны, в том числе и их отец, Катыхин Василий Никитович. В мирное время он был работник бухгалтерии в колхозе.

Нередко кто-то из партизан приходил в село за продуктами. На этот раз пришли Василий Никитович и его друг по фамилии Климов (имя и отчество Зинаида Прокофьевна не помнит). Но в село уже вошли фашисты.

Партизан выдал фашистам староста. Немцы их схватили, отрезали с их брюк все пуговицы (в то время это была большая ценность) и в таком виде повели вдоль села. Брюки у них спустились, а под ними ничего не было, но останавливаться и поправлять гитлеровцы не разрешали.

Дальнейшая судьба этих партизан мне не совсем ясна. Помнится, Иван Васильевич рассказывал, что отца и его друга фашисты повесили у него на глазах. И я все эти годы нередко с ужасом вспоминала эту картину такой, какой я себе представляю. Но Зинаида Прокофьевна говорит, что их расстреляли где-то в центре села, и они не дошли до своих семей.

Или я что-то перепутала, или от неё скрыли, потому что она была ещё совсем маленькая, и рассказывать ребёнку такие ужасы, конечно, было нельзя.

Партизан похоронили на месте их гибели, на могиле установили памятник. Впоследствии их тела перезахоронили в курган.

А старостой оказался их кум. Вот он «по-свойски» и выдал их немцам. Но когда пришли наши, его никто не выдал. И хотя был ненавистен сельчанам, но никуда не уехал и жил очень долго.

Первая партия немцев была небольшая, и долго она не задержалась. Оккупировали село другие фашисты. Их было много. По-видимому, по стратегическому плану неприятеля готовился основной удар где-то в этих местах, потому что фашисты эвакуировали всех жителей со всего села в соседние небольшие деревеньки, в частности, Катыхиных и Прокудиных – в деревню Крюки.

– Ужасное это было зрелище, – рассказывал в своё время Иван Васильевич. – Двигаются толпы по грунтовой дороге. Кто подушку под мышкой несёт, кто корову ведёт за верёвочку. В Крюках немцы не стояли, но распоряжались там, как хозяева.

Продолжает рассказ Зинаида Прокофьевна.

Я родилась в октябре 1941 года. Отца моего звали Прокудин Прокофий Николаевич. Он меня увидел новорожденную, и его взяли на фронт. Он погиб, поэтому я своего отца не знала.

Семья наша была сначала большая, детей шесть человек. Но девочки-двойняшки заболели тифом, умерли в 1943 году. И два брата умерли. Остались я и брат 1938 года рождения.

А в семье папиного брата случилась трагедия: муж зарезал свою жену, его посадили. А мальчик воспитывался у нас с 1939 года и был мне, как брат. Так что, когда погиб мой отец, у матери было нас трое.

Но продолжу свои воспоминания о войне.

Нас потом вернули из эвакуации, и эти немцы ушли. Но пришли другие. Они были спокойные, никого не обижали. По крайней мере, я не помню случаев зверства. Но, может быть, мне не рассказывали.

Был 1943 год. Я уже подросла и начала ходить.

В нашем доме жили немцы. Они отгородили для себя часть комнаты. Но между досками были промежутки. Взрослые люди и даже дети постарше через них пролезть в комнату к немцам не смогли бы.

Однажды немцев никого дома не было, мать возилась у печки, мальчишки были на улице. Я пролезла в комнату к этим непрошенным жильцам. Там на столе лежали бумаги, и я, такая радостная, начала их рвать. Мать увидела, ахнула, стала меня

звать, но пролезть сама не может. А я была в восторге от новой забавы, не слушаюсь и продолжаю рвать новые листы.

Мать не смогла меня вытащить. Испугалась, что фашисты её убьют за это. Выбежала на улицу, увидела немца, кричит:

– Пан! Пан!

Немец пришел, вывел меня из комнаты, но ничего плохого не сделал. Может быть, бумаги были не такие уж важные. Но потом щели забили другими досками.

Эти немцы стояли несколько месяцев.

Один раз немец угостил нашу мать пивом. А она раньше никогда пива не пила. Он принёс в котелке и показывает пальцем: «Пей, гут». Она попробовала – горько. Вылила потихоньку, но сказала ему «гут» и отдала котелок.

А потом началось сражение. И хотя мы не так уж и близко от Прохоровки, но и у нас было ужасно. Всё в огне. Свист, шум, грохот. В воздухе дым, гарь. И самолёты летали над нами, и, казалось, что близко сбрасывают бомбы. Мы залезали в подвал, но, конечно, если бы было прямое попадание, то это нас не спасло бы.

Наша мать была колхозницей. Но что там зарабатываешь? А ей надо, как говорится, прокормить четыре рта. Но она хорошо умела шить. И не только платья, но и верхнюю одежду, и обувь. И готовые изделия носила в деревни и меняла на продукты. Даже и после войны с питанием было тяжело.

Помню 1947 год. Он был особенно голодным. Один раз мать взяла меня с собой. Мы вышли за околицу. А было это весной. Она увидела крапиву, обрадовалась и говорит:

– Смотри, дочка, крапива растет, молоденькая, пушистая. Теперь щи варить будем. И лебеда скоро появится.

И ещё помню, что мама принесла из деревни всего две сахарных свёклы и немного крупы. Отрезала кусочек свёклы и дала мне. Я откусила и говорю:

– Невкусно.

Тогда она запекла её в печке и опять дала мне. С каким же наслаждением я ела!

Ничего, все выжили и выучились.

И хотя я уже давно богородчанка и работала здесь на заводе БЗТХИ, но своё село не забываю и навещаю его довольно часто.

ДЕВОЧКА-ПАРТИЗАН

Да разве об этом расскажешь –

В какие ты годы жила!

Какая безмерная тяжесть

На женские плечи легла!..

Михаил Исаковский

«Русской женщине...»

И не только женщинам-матерям, но и их детям, пережившим войну в детском и подростковом возрасте, много досталось трудностей, а некоторым и вовсе, как говорится, хватило их по самое горло. Мне, видевшей войну своими детскими глазами, тяжело вспоминать её, но представляю, как нелегко было этой женщине снова ворошить всё то прошлое, не просто ужасное, а трагическое, которое легло тогда на эти детские неокрепшие плечи. Я хочу ещё и ещё раз извиниться перед ней за то, что попросила рассказать об этом, вынудить её не спать ночи, воскрешая всё, ещё не зажившее, в памяти, а днём незаметно для правнуков, утирать слёзы, готовя обед для своих близких. Но и молчать об этом тоже нельзя. Я знаю, что в Богородицком Доме творчества юных есть её воспоминания, потому что в былые годы она неоднократно выступала перед пионерами. И даже возможно, более подробные записи, чем рассказанное мне по прошествии семидесяти с лишним лет. Ведь в молодом возрасте яснее представляются все детали. Но Совет ветеранов

попросил меня обязательно вставить в свою книгу всё, что сохранилось в памяти этой удивительной женщины.

А женщина эта – **Альбина Семёновна Рословцева**.

Пишу от её имени, так как её рассказ взяла за основу этого очерка.

Вспоминаю 1940 год. Мне было десять лет. Я жила с мамой и папой в небольшом городке Суземна Брянской области. Мой папа работал в НКВД¹⁾. Его послали вместе с другими коммунистами в Латвию в командировку с целью «освободить Западную Европу от чуждых советской власти элементов». А нас на это время пригласили пожить к себе папины родители. Это была небольшая деревенька Задубравка Жуковского района Брянской области, и я очень жалею, что теперь её уже нет: разъехались в города молодые, не стало старичков, опустели и разрушились домики.

Мне очень нравилось жить у бабушки. У неё была коровка, водились поросята, гуси, курочки. Всё своё, свеженькое. Бывало, наварит бабушка борща, садимся за стол впятером (пятая – тётя Оля, папина сестра). И картошечка, варёная в шкурке, с аппетитными хрустящими солёными огурчиками. Так всё вкусно! А утром бабушка подоит нашу Милку и зовёт меня:

– Аленька, попей, внученька, молочка парного, сладенького.

И я с радостью пила, облизывая языком с губ пену. А потом я гнала хворостиной гусей к речке. Сначала боялась гусака, но он меня не трогал, и я привыкла. Речушка небольшая, а если отойти немного подальше, там она шире и глубже. И мы, дети, всей гурьбой ходили туда купаться. Плавали наперегонки, а потом загорали. Хорошо было!

¹⁾ НКВД – Народный комиссариат внутренних дел, Наркомвнудел.

Дедушка любил рыбачить. Встанет, бывало, ещё до зорьки, совсем даже темно было. И до того, как идти в колхоз на работу, полведёрки всяких рыбёшек принесёт. И я помогала бабушке их чистить. Мне их жалко было, живые ведь. А однажды попросила дедушку:

– Дедуль, возьми меня с собой, я хочу посмотреть, как ты ловишь.

– Да ты, егоза, разве проснёшься так рано?

– Проснусь, только ты меня разбуди.

– Ну хорошо, – согласился дедушка, – одевайся теплее, на зорьке бывает холодно.

Это утро я не забуду никогда. Около речки, и правда, дул прохладный ветерок, который откуда-то нёс чудесный запах мяты и других трав. Любимое место дедушки оказалось возле плакучей ивы, которая спускала свои ветки до самой воды. Я и раньше много раз была на этом месте, но как-то не обращала внимания на окружающее. А тут присмотрелась и поняла, что ива, действительно как будто плачет. Хотела спросить у дедушки, но он меня ещё с вечера предупредил, чтобы я молчала, а то рыбу распугать можно, и она уплывёт куда-нибудь подальше от этого места. И речка словно что-то нашёптывала мне, просила, чтобы я помолчала.

И ещё я в это утро смотрела, как просыпается зорька. Когда мы только подошли к реке, уже ясно стали видны очертания всех предметов, а теперь быстро небо начало бледнеть, и на восточной стороне, на горизонте, появилась розоватая полоса, она поднималась всё выше и выше, и необыкновенно красивый нежный румянец расплескался по всей не закрытой деревьями части неба.

– Дедушка, посмотри, как красиво! – не выдержала я и прервала молчание.

– Да, очень красиво, я каждый день это наблюдаю, – не осерчал на меня дедушка и поддержал разговор.

И тут я только заметила, что он начал сматывать удочки.

– Дедушка, уже? Так быстро?

– Пора, Аленька. На завтрак всем хватит. А рыба, если полежит, она уже не такая вкусная будет. Завтра ещё наловим.

– Да когда же ты успел, дедушка? Мне кажется, что мы совсем недавно пришли.

– Но ты же видишь, сколько у меня удочек? Я едва успевал насаживать червяков.

– Дедушка, а ты меня научишь? Я тоже хочу ловить!

– Научу, обязательно научу. Но только на будущий год. Вот приедешь летом на каникулы, и будем вместе с тобой ходить на рыбалку. А сейчас поздновато, тебе скоро в школу идти, учиться надо.

– А мама тоже на следующий год приедет?

Дедушка ответил не сразу. Он почему-то сначала посмотрел на небо, потом на появившийся на горизонте диск солнца и только после этого перевёл взгляд на меня.

– Пока папа не вернётся, будете жить здесь. А если вернётся скоро и вы уедете, то ему, может быть, дадут отпуск, и вы приедете сюда все втроём.

– Я хочу, чтоб папа скоро приехал и тоже пожил с нами здесь, – почти крикнула я.

– Этого все хотят, – тихо, почти шёпотом сказал дедушка, – но придётся ещё немного подождать.

Кончились каникулы, и мы с мамой вернулись домой. Письма папа писал редко. Он сообщил, что многие командировочные приехали в Прибалтику целыми семьями, с детьми. Он тоже скучает, но приезжать нам туда не надо.

– Почему? – спросила я маму, когда она прочитала мне папино письмо. – Я тоже скучаю. Давай на каникулы поедem к нему.

– Нет, – ответила мама, – если папа не разрешает, значит, он знает, почему не надо. Может быть, там много каких-то бандитов, и это опасно.

Война застала нас в городе. Городок был небольшой. Домики почти все одноэтажные, деревянные. И у каждого домика палисад с красивыми цветами. Многие воспоминания уже стёрлись, но в памяти сохранился один ветхий домишко, мимо которого я ходила в школу. Около него был старый запущенный цветник; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которые давно уже никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решётка из колышек, напоминающих по виду пики, когда-то выкрашенных зелёной масляной краской, теперь совсем облезла, краска сохранилась только кое-где. Да и сама решётка развалилась, сильно поредела, потому что эти пики растащили мальчишки, играющие в войну.

Но мне, девочке, этот цветник почему-то нравился. Идя из школы, я нередко останавливалась около него и рассматривала каждую деталь. Остатки решётки заплели хмель, повилика с крупными розово-белыми цветами и мышиный горошек, висевший целыми бледно-лиловыми кисточками цветов. Колючие чертополохи были огромные, в мой рост, и мне казались деревьями. Один угол цветника занимала крапива. К ней я не подходила, потому что она жглась, но любила издали наблюдать и любоваться её темной зеленью.

Был яркий майский день 1941 года. Учебный год близился к концу и уроков на дом не задавали. И я счастливая и весёлая шла домой, уже зная, что попала в число хорошистов. Остановилась около знакомого мне палисадника. И вдруг увидела чудо. В глуши крапивы рос старый-престарый, почти совсем высохший колючий куст розы. Весь он был сухой, и только несколько тоненьких тёмно-зелёных веточек сливались с зеленью крапивы. И на этом фоне я впервые увидела чудесный розовый цветок. Роза распустилась в такой прекрасный день конца мая, а на её лепестках ещё сохранились капельки утренней росы, до которых пока не дотянулись косые лучи солнышка, их не пустила сюда крапива. И мне вдруг показалось, что роза плачет и на её лепестках чистые прозрачные слезинки. Но вокруг было так хорошо,

и цветок издавал такой чудесный запах, что я быстро успокоилась, а только стояла и любовалась на это чудо.

Таковыми был мой родной город и моё довоенное детство.

И вдруг война!!!

Папа приехал в конце августа, и его по назначению почти сразу перевели из Брянской области в Курскую, в небольшой районный центр Дрозкино. И через два или три дня оттуда папу послали на фронт. И мы с мамой остались одни среди незнакомых людей в это ужасное время.

А война приближалась. То и дело над нами кружили фашистские самолёты, иногда обстреливали с воздуха.

И в ноябре (точно дату не помню) фашисты ворвались к нам и подвергли наш район оккупации. Они выгнали нас из дома. И не только нас, но и всех жителей. Мы оказались в куче народа. Фашисты погнали всех подальше от линии фронта. Конечным нашим пунктом вынужденного переселения оказалось село Протасово Малоархангельского района Курской области.

Конечно, в первый год войны я была ещё десятилетним ребёнком и многого не понимала. И только когда стала замужней женщиной, в 1970 году меня отыскал полковник КГБ Матвей Матвеевич Мартынов, который собирал воспоминания о том суровом времени и составил летопись тех дней. Я ездила в город Орёл на встречу.

Но расскажу всё по порядку.

В селе Протасово по заданию коммунистической партии жил сапожник Баринов Александр Митрофанович. Ранее он работал в Орле, был оставлен для подпольной работы и прислан сюда. Моя мама, Медведкова Аграфена Николаевна, 1906 года рождения, как я поняла позже, должна была связаться с подпольщиками и помогать им. Организовано всё это было давно, значительно раньше прихода фашистов, всё продумано до мелочей и слажено четко.

Сапожник Баринов был назначен руководителем подпольной ячейки. Мама явилась к нему. Её зачислили в партизанскую группу разведчицей. А с ней взяли и меня, потому что где нельзя было пройти взрослым, там могли проходить маленькие, а в первую очередь я.

Данные, которые приносила разведка, сапожник зашивал в тапочки или другую обувь, которую я надевала. В мешок мама клала «тряпочки», так тогда называли одежду и другую домашнюю утварь, которую городские жители обменивали в деревнях на продукты питания. Я брала хворостину и гнала её корову. Картина казалась обычной для сельской жизни. Мы проходили по деревням, в том числе оккупированным фашистами, но никто не обращал на нас никакого внимания. В определённом месте нас встречали связные и сопровождали до бригады. Это была Первая Курская партизанская бригада.

Так мы с мамой носили партизанам данные до 1943 года. Я подросла, мне исполнилось двенадцать лет. Может быть, не совсем понимала опасности, но была смелая, ничего не боялась и ходила одна, без мамы. И по-прежнему встречали связные и сопровождали до бригады. Партизаны меня знали и любили, старались получше накормить. Я у них ночевала и на второй день отправлялась домой. Мама, возможно, и боялась за меня, но старалась не подавать виду. Мы с ней очень любили друг друга, нам вдвоём было хорошо, и я радовалась, что помогаю ей и всей нашей стране бороться с ненавистным врагом.

Наступил февраль 1943 года.

Уже в январе среди фашистов началось какое-то возбуждение, волнение, увеличилась бдительность. Они стали внимательнее приглядываться к окружающим, местным жителям. Последовали расправы с невинными, но показавшимися гитлеровцам подозрительными. Часто в разных местах слышалась стрельба.

Мы носили донесения за линию фронта, в штаб 13-ой армии.

В этот раз я пошла одна. Прошла значительную часть пути, оставалось немного. Дул неприятный порывистый ветер, и мороз начал крепчать. Скорей бы дойти и погреться. Или я поторопилась и нарушила тишину, или что-то ещё насторожило фашистов, но они вдруг стали кидать гранаты в мою сторону. Одна граната разорвалась совсем рядом, и осколок попал мне в ногу. Страшная боль разлилась, казалось, по всему телу. Закружилась голова, потемнело в глазах, и я упала, потеряв сознание. Место было болотистое, но болото ещё не замёрзло, только поверхность его покрылась слабым ледком.

Сколько я так пролежала, не знаю. Только, очнувшись, увидела над собой голубоватое небо и белёсое, расплывающееся облачко.

– Вот ты где, а мы уже отчаялись тебя увидеть, – услышала я знакомый мужской голос.

Ко мне подходил связной.

– Ой, что это с тобой? Кровь? Ты ранена?

И, не дождавшись ответа, он взял меня на руки и отнёс в штаб. Там ногу осмотрел врач, сказал, что кости целы и это уже хорошо.

Прошло несколько дней. Рана моя быстро зарастала, но вставать врач ещё не разрешал.

А тем временем дома мама за меня сильно волновалась и сказала Александру Митрофановичу:

– Моя дочка уже неделя, как ушла, и до сих пор не вернулась. Вы не знаете, не случилось ли что с ней? – спросила она.

– Идите туда с донесением и ко мне больше не приходите, это опасно для нас обоих. А будете нужны, я сам найду вас.

Мама пробыла со мной дней пять или шесть, пока я не начала уверенно ходить. В один из этих дней руководитель подпольщиков Баринов покинул Протасово, перешёл линию фронта и влился в ряды Красной Армии, тем самым избежал для себя катастрофы.

Мы собрались уходить.

– Оставайтесь, – посоветовал нам военный начальник (а кто он, я тогда не понимала). – Если за вами не прислали и никаких донесений за это время не было, то кто знает, не случилось ли там чего. Ведь фронт совсем рядом, и фашисты торопятся и очень обозлены.

И, как выяснилось позже, он оказался прав, надо было послушать его совета. Но мама настояла на своём, и мы вернулись. А подпольщики в это время уже были арестованы. Очевидно, нашёлся трус и предатель, который выдал врагам всю организацию.

Стоявший на пороге немец нас не пускал в дом, сказал, что нельзя.

– Но мы здесь живём, – объяснила ему мама.

Тогда он пропустил.

А вскоре маму, меня, а также хозяйку дома Марию Владимировну и троих её детей фашисты повели в свой штаб, а потом затолкали в сарай, где уже находились подпольщики и заложники. Это было 18 февраля. Каждого по несколько раз в день вызывали, пытали, били, но никто не проговорился, не проронил под пытками ни слова.

А 23 февраля 1943 года всех вывели из сарая и повели нас за село. На самой окраине села, на возвышенном месте стояла старинная церковь, рядом деревянный сарай, а за ним кладбище с покосившимися от времени крестами. Недалеко от этого места фашисты остановились. Затем разделили арестованных на две группы: в одну – подпольщиков, в другую – детей и заложников. Среди подпольщиков оказались моя мама, Мария Владимировна и её брат.

Мама подняла руку.

– Не плачь, дочка, – только и успела сказать.

Раздались выстрелы: троих подпольщиков фашисты расстреляли.

А нас кулаками и пинками затолкали в сарай, дверь закрыли на засов и сарай подожгли. Помню, что я начала задыхаться от дыма и потеряла сознание. Потом ничего не помню. И, как я оказалась среди партизан, узнала позже.

А было так.

Баринов, перейдя линию фронта, успел обо всем рассказать группе разведчиков-партизан, они ворвались в село и затушили сарай. Все остались живы, но некоторым потребовалась медицинская помощь.

Там в госпитале по заданию партии работала девушка Евгения Васильевна Желинская, 1922 года рождения (умерла совсем недавно, в 2015 году). Она взяла нас к себе: меня и троих детей Барина (двух мальчиков и шестимесячную девочку, которая родилась уже в Протасово). Мы жили в подвале сожжённого немцами дома.

Когда освободили город Орёл 8 августа 1943 года, то Женя сообщила сестре Барина (он в это время был на фронте), и та забрала его детей. А я жила с Женей, её младшей сестрой и матерью. И в сентябре пошла учиться в школу.

Учебный год закончился. Было лето 1944 года. Мне исполнилось тринадцать лет. Моя добрая девушка Женя нашла свою любовь в лице раненого солдата и вышла за него замуж. Они уехали на его родину в Тюменскую область. Женя взяла с собой и маму. А вскоре куда-то ушла и младшая сестра.

Я осталась одна в чужом подвале, без света, без отопления. Но в сентябре пошла в школу. Никто: ни учителя, ни государственные органы – ни разу не поинтересовались, как я живу, чем питаюсь. А мне давали маленькую пайку хлеба и спички. Я воровала на чужих огородах картошку, пекла её на костре около подвала, и это был мой дневной рацион.

Но с каждым днём становилось всё холоднее. И картошку с огородов почти всю убрали. Я не представляла, как буду зимовать. И написала письмо родным. Вот его начало: «Бабушка, дедушка. Пишет вам Алечка. Папа погиб на фронте, маму расстреляли немцы...» Далее я написала о себе.

Деревня у бабушки тоже была оккупирована, но теперь освобождена. Тётя Оля работала учительницей. Она пошла с моим письмом в военкомат, и ей выдали бумагу, чтобы оказывали помощь в дороге. За мной приехала бабушка, и мы добрались до дома на перекладных.

Дальнейшая моя судьба сложилась так. Я окончила семь классов, поступила учиться в медицинский техникум, но через полтора года вышла замуж за шахтёра. Молодёжь посылали восстанавливать шахты. Так в 1950 году мы оказались в городе Богородицке, с ним и связали всю дальнейшую судьбу. В 1954 году у нас родилась дочь Наташа, а через три года сын Серёжа. Казалось бы, жить и радоваться. Но судьба и здесь оказалась для меня злодейкой: в 1977 году трагически погиб сын: попал под колёса пьяного водителя. А ещё до этого в аварию попал на 76-ой шахте муж, разбитый и изуродованный лежал двадцать два года, требовал ухода.

У Наташи две дочери: Лена работает на «Ресурсе», у неё дочке десять лет и сыночку семь. Это мои любимые правнуки. А Галя учится в педуниверситете. Я готовлю обеды и стараюсь быть нужной своим родным.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

*Было здесь селенье человечье,
А теперь здесь логово зверей.*

Маргарита Алигер
(поэма «Зоя»)

Курская область, Рыльский район, деревня Моршнево, что как раз западнее Курска. Жила здесь семья Юрьевых. Отец на фронте. А дома мать и двое детей. Старшая – девочка, 1931 года рождения. А младший, мальчик, которого сейчас все

называют Валентин Викторович Юрьев, родился 8 августа 1935 года. Он и поведал мне о жизни их семьи в первой половине войны.

Фашисты пришли в эту деревню в начале марта 1943 года. И всех жителей выгнали из домов. Другие деревни враги заняли ещё в 1942 году. Зимы в эти годы были очень суровые. И, казалось бы, Курская область значительно южнее Москвы, но и здесь в отдельные дни, а тем более ночи, столбики термометров опускались ниже тридцати градусов. И в марте морозы не торопились отступать.

А жителям пришлось идти в лес, укрыться в тепле было негде. С собой смогли взять только самое необходимое, а главное, спички и еду.

– Но нам повезло в том, что среди немцев, остановившихся в нашем доме, один оказался добросердечным, – рассказывает Валентин Викторович, – он отвязал нашу корову и конец верёвки дал маме в руку. И наша помощница была с нами. Мама распаривала в молоке пшеницу, и так мы питались. Другим было хуже.

В лесу жители этой деревни пробыли десять дней. Женщины поделали шалаши из палок, веток, накрыли их соломой. В них в основном и спали.

– Помню, ночь была очень холодная, – продолжает Валентин Викторович свой рассказ. – И мать сняла с себя шубу и накрыла ею нас. Уж как она там сама обходилась без этой шубы – и ума не приложу.

Это то самое время, когда на Курской дуге шла подготовка к решающей битве. И здесь как раз проходила самая линия обороны. Через деревню протекала река Сейм, и на одном берегу её стояли немцы, а на другом – советские войска. Также и поле, что вблизи от деревни, являлось рубежом для двух территорий противоборствующих армий.

И со стороны партизан были частые диверсии в тылу врага. Партизаны-разведчики проникали в самую глубину вражеских укреплений и передавали добытые сведения нашей армии.

Поэтому фашисты даже безоружных партизан боялись больше, чем солдат.

Валентин Викторович рассказал такой случай, свидетелем которого он был.

– Мы шли от родных из деревни Лещиновки Глушковского района. Впереди нас шёл мужчина. Дорога пролегла через маленький лесочек, и мы могли видеть на большое расстояние. Нас обогнала подвода, на которой сидели два немца. Когда она поравнялась с мужчиной, немцы остановили лошадь и предложили мужчине сесть. Он сел. Проехали часть пути. Этот мужчина по нашей русской привычке спрыгнул с телеги на ходу и побежал в большой лес, по другую сторону которого находилась его деревня. А немцы, очевидно, приняв его за партизана, сразу выстрелили ему в спину и на наших глазах убили.

Валентин Викторович на всю жизнь запомнил и другой эпизод своего военного детства, свидетелем которого также был сам.

– На краю деревни Лещиновки есть грунтовая дорога. Фашисты её охраняли. При этом они чередовались. На этот раз стоял финн. А далеко на горе, вдоль склона, ехал мальчик на лошади. Фашист стал в него стрелять: попадёт – нет? Мы сказали матери этого мальчика. Она заволновалась, подбежала к фашисту. «Киндер, маленький», – пыталась остановить она этого злодея. Но он даже не оглянулся на неё и с третьего выстрела ребёнка убил.

Какое жестокое, бессмысленное убийство. Вот она где, вся бесчеловечная сущность фашизма, пробуждающая чувство священной ненависти к злобному и беспощадному врагу.

Когда мне рассказал об этом Валентин Викторович, у меня сразу перед глазами возникла картина Аркадия Александровича Пластова «Фашист прилетел», написанная в 1942 году, на которой изображено, как фашист, пролетающий над стадом, застрелил мальчика-пастушонка. Каким надо быть хладнокровным и жестоким, чтобы ради своей забавы и тренировки на живой мишени так относиться к детям!

– Потом немцы нас всех собрали и погнали в Глушковский район, – продолжает свои воспоминания Валентин Викторович. – Мы шли пешком, а два немца ехали на лошади. Дошли до деревни Брудки, что за двадцать пять километров от линии фронта. И вдруг увидели около дороги убитого немца. Фашисты-конвоиры страшно испугались, бросили нас и куда-то укатили. А мы разбежались по домам.

Валентин, этот шестилетний ребёнок, пройдя такой путь, вместе со своими родными и близкими, оказался в чужой деревне. Но добрые люди пустили их. И в этой деревне они прожили до осени.

Было очень голодно, и беженцам приходилось побираться.

– Но люди нас не оставляли, помогали нам, – снова вспоминает Валентин Викторович. – Сестра постарше, ей подавали хуже, а нам с мамой больше. Поэтому потом я один стал ходить по домам.

Вспоминает В.В. Юрьев Курскую битву, которая по официальным сводкам происходила с 12 июля по 23 августа 1943 года. Но когда именно она была в том месте, где они жили, точной даты он назвать не смог.

– Через реку Сейм был проложен мост. Начался страшный бой, который вошёл в историю под названием Курская битва. Немцы отступали по этому мосту. Стрельба продолжалась всю ночь. И была такая, что даже река пенилась. А нас, нескольких детей, родители на огороде в яму посадили. И вот сидим мы, а над нашими головами пули и снаряды пролетают, того и гляди, заденут, – вспоминает Валентин Викторович. – Страшно. И вдруг как-то сразу наступила тишина.

А потом в деревню Брудки пришли войска Красной Армии. Радости, конечно, не было конца. И жители деревни Моршнево стали возвращаться в родные места.

Начиналась пора золотой осени. Вокруг необычно спокойно. «Тишина травит душу до слёз», – невольно вспомнились слова из стихотворения, написанного мною уже давно.

А вот и родной лес, где полгода тому назад провели десять этих тяжёлых зимних дней.

Дрожат на небольшом ветерке молоденькие осинки. А великаны клёны с мужской заботой протягивают к ним начинающие краснеть ладони. Хорошо!

Деревню фашисты не сожгли. Но во что они её превратили! Дома полуразрушенные. Например, в доме Юрьевых нет потолка, поломаны внутренние перегородки, «выгреблены» закрома. Фашисты устроили себе курорт: купались в реке, а из всего деревянного поделали лежаки.

Поле оказалось заминированным с одной стороны немцами, а с другой – нашими. И мины были разбросаны повсюду. В результате один мальчик подорвался на mine и погиб, его разорвало на две половины. Не убереглась и коровка-кормилица, которая так выручала семью Юрьевых от голодной смерти. А потом приехали минёры и очистили всё вокруг.

И уже следующей весной люди вышли в поле. Но так как ни лошадей, ни мужчин в деревне не осталось, то женщины запрягались по четверо в плуг и пахали. Помогали и подростки, и даже, чем могли, дети. Главное, что всё делали дружно и сообща.

О себе Валентин Викторович из скромности умолчал. Но хочу сказать от себя, что он приехал в Богородицк после окончания Курского музыкального училища в 1957 году и работал более сорока лет в нашей музыкальной школе преподавателем по классу баяна. А сейчас аккомпанирует хору «Ветеран» и выступает в ансамбле гармонистов. Награждён большим количеством грамот. И очень любит он русскую природу, ездит на свою малую родину, черпает вдохновение.

Но часто вспоминает деревенскую тётю Пашу, у которой на войне погибли муж и все трое сыновей. И она осталась совсем одна. Как такое пережить?!

И хочется добавить несколько слов про его отца. Он вернулся с войны с медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией», орденом Отечественной

войны 2-ой степени. Но самой большой своей наградой считает то, что он остался жив. И никогда не пьёт, но каждый год в день Победы напивается и плачет.

– Я понимал цену этим солдатским слезам, – закончил Валентин Викторович.

И скажу ещё от себя. Когда я услышала этот последний рассказ про отца В.В. Юрьева, невольно вспомнила слова Алексея Суркова:

Снова ожили в памяти были живые –
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немыслимых года впервые,
Как ребёнок, заплакал солдат.

КУРСКАЯ БИТВА

*На полчища Гитлера
кованый меч поднимая,
Мы грудь прикрыли
просторы славянской земли.
Алексей Сурков*

К июлю 1943 года в районе Курского выступа образовался в виде дуги огромный фронт, который вошёл в историю под названием Курской дуги. Гитлеровское командование рассчитывало одновременно двумя ударами с севера и с юга прорвать нашу оборону, соединиться в районе Курска, окружить и уничтожить расположенные в образовавшемся «котле» советские войска, а затем продолжить наступление в тыл нашему Юго-Западному фронту, находившемуся в Донбассе, окончательно разгромить Красную Армию и захватить и поработить нашу страну.

И фашисты не ожидали большого отпора.

В течение пятидесяти дней на громадной территории сражалось в общей сложности более четырёх миллионов человек. В битве участвовало свыше тринадцати тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, около семидесяти тысяч орудий и минометов, до двенадцати тысяч самолётов. Это больше, чем в Московской и Сталинградской битвах, вместе взятых.

Рассмотрим отдельные моменты этого грандиозного сражения.

В двадцати семи километрах к северу от Курска находится монастырь, а в то время бывшая Коренная Рождество-Богородицкая пустынь. На её территории в небольших помещениях в самый разгар битвы располагался штаб Центрального фронта, войска которого приняли на себя удар врага на северном крае Курской дуги. Здесь неотлучно в течение всей битвы находился на своем КП командующий Центральным фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский.

Сначала штаб размещался не в самом монастыре, а рядом с ним в деревянных домиках. Но фашисты с самолётов обнаружили расположение штаба и решили его уничтожить. Только чудо спасло Рокоссовского.

А произошло это так. Обычно он работал в штабе до глубокой ночи. Но в этот вечер решил поужинать в столовой, и нарушил свой привычный распорядок. Столовая находилась близко. Рокоссовский не успел закончить ужин, как налетели фашистские бомбардировщики.

«От моего дома ничего не осталось, – писал он потом в своей книге «Солдатский долг», – он был снесён... Если бы кто-нибудь находился в этом помещении, никто бы не уцелел. Спас меня просто случай, а возможно, интуиция. На войне всякое бывает».

Да, действительно, на войне всякое бывает. Вот и другой, даже более удивительный, случай.

Один из работников штаба, генерал Г.Н. Орлов, услышав приближающиеся вражеские самолёты, укрылся в щели, специально вырытой рядом с его домом. Но

потом передумал и вернулся в дом. Бомба попала как раз в то место, где только за несколько мгновений до этого находился генерал. Он потом так объяснил: «Холодно в этой щели показалось, как в могиле. Решил, если уж погибать, то хоть дома...»

После этого случая штаб был переведён в блиндажи, оборудованные на территории монастыря.

И в первых числах июля сюда прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Невероятно нервное напряжение этих полководцев сейчас даже трудно представить. Вся ответственность за судьбу страны легла на плечи этих людей. Конечно, захваченные в плен немецкие солдаты дали показания о начале наступления, но, может, это ложные сведения и хитрость врага.

«Перед нами встал вопрос: верить показаниям пленных или нет? Необходимо было немедленно проверить решение на проведение предусмотренной планом артиллерийской подготовки, так как времени на запрос Ставки и получение ответа не было. И оно было принято. Командующий артиллерией фронта получил приказ обрушиться на противника всей мощью запланированных для этой цели средств», – так вспоминал впоследствии об этом маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский («Дорогой борьбы и славы», Москва).

Это была ночь на 5 июля 1943 года. Началась канонада. Вот как про начало битвы пишет Г.К. Жуков в книге «Воспоминания и размышления»:

«Всё кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот – началось величайшее сражение в районе Курской дуги. В этой адской «симфонии» звуков словно слились воедино удары тяжёлой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов.

Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой не более чем в 20 км. Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникали страшные картины на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный огонь контрподготовки».

После первого неудачного наступления в районе села Ольховатка немецкие войска решили нанести мощный удар вдоль линии железной дороги у станции Поныри. Битва была очень жестокой, несколько раз станция переходила из рук в руки.

Вот один из примеров.

Более полутора суток без передышки вёл бой у Поньрей командир орудия старшина К.С. Седов. Немцы, видя, что им не удаётся завладеть станцией, решили обойти и взять её с фланга. Но у них на пути встало орудие Седова. Его расчет уже уничтожил семь танков, но и людей от расчёта в живых осталось всего двое – раненый Седов и рядовой Пилюгин. Всё же вдвоём они продолжали бой и подбили восьмой танк. Кончились боеприпасы. Пилюгин погиб. Фашисты решили взять Седова в плен. И когда они к нему приблизились, он подорвал гранатой их и себя.

«Плечом к плечу с артиллеристами и пехотинцами отражали атаки врага сапёры, – писал К.К. Рокоссовский. – Выставленные ими на основных танкоопасных направлениях управляемые минные поля и фугасы сейчас взрывались под вражескими танками. На многих участках путь танкам преграждали подвижные сапёрные отряды».

Всего за Курскую битву минами было уничтожено 1 100 танков.

Километрах в десяти от Поньрей сражалась батарея капитана Г.И. Изгаршева.

«Самоотверженно сражались наши артиллеристы, – писал К.К. Рокоссовский. – ...Это об их стойкость разбилась бронированная лавина врага. Это они, артиллеристы, превратили хваленые «тигры» и «фердинанды» в бесформенные груды исковерканного и обгоревшего металла».

Можно привести и ещё несколько примеров героического сражения наших батарей, но коротко скажу, что ни на одной из них не осталось ни одного живого человека.

И это только на северном крае Курской дуги.

Ещё более ожесточённые и продолжительные бои были на южном крае.

Особые надежды гитлеровское командование возлагало на тяжёлые танки «тигры». Многие ветераны вспоминают, что сначала людей охватил страх, когда они увидели, как разлетаются на тысячи искр артиллерийские снаряды, ударяющиеся о броню «тигров», не причиняя вражеским танкам заметного вреда. А выстрел из пушки, установленной на «тигре», был для наших танков Т-34 гибельным даже с большого расстояния (1 500 м).

В этой южной части Курской дуги на Обоянском направлении в первый день было брошено в наступление 700 немецких танков. На второй день, 6 июля, у села Яковлево на каждые десять «тигров» приходилось всего лишь четыре советских танка. И гитлеровское командование не сомневалось в своей лёгкой победе.

Но врага встретила 1-ая танковая армия генерала М.Е. Катукова, которая прославилась ещё в боях под Тулой с танками Гудериана. И «тигров» бить тоже приспособились наши танкисты. Советские танки Т-34 в два раза превосходили их в скорости и манёвренности. Башня «тигра» поворачивалась медленно, и наши танки успевали менять место, скрываться за другим холмом и бить оттуда первыми. Идея такого манёвра принадлежит Вольдемару Шаландину.

«7 июля – один из самых тяжёлых дней Курской битвы, – писал Член Военного совета 1-ой танковой армии генерал Н.К. Пепель в своей книге «Танки повернули на запад»... – Генерал-полковник Гот ставил на кон всё. Против нашей роты с десять танков действовало 30–40 немецких. Гот отлично понимал, что, если он прорвётся к Курску, любые потери будут оправданы... Если прорвётся...»

Гитлеровское командование бросило на прорыв все силы. На каждый километр фронта здесь приходилось около ста немецких танков.

«Немцы были настолько уверены в своём подавляющем численном перевесе на этом маленьком участке, что шли исключительно нагло – походным порядком, растянувшись на много километров... Думали, что им остаётся победным шагом пройти вперёд. И вдруг со всех сторон перепаханного бомбами клочка земли всё затрещало, загрохотало. Взрели могучие моторы наших танков, и завязалась небывалая по остроте борьба», – писал очевидец, журналист Юрий Жуков.

Далее этот журналист сообщает, что в одном из подбитых «тигров» нашими солдатами был обнаружен немецкий танкист, прикованный цепью за ногу к своему месту. «Прочна» была уверенность вражеского командования в стойкости своих танкистов!

Наши храбрые танкисты впервые применили танковый таран.

В боях под Яковлевым отличились и наши артиллеристы. И попытка прорваться к Обояни кончилась для фашистов поражением.

«Запомните, друзья, 12 июля 1943 года, запомните этот день и это местечко под названием Прохоровка», – так писал Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров, бывший командир 5-ой гвардейской танковой армии, вставшей на пути отборнейших танковых дивизий фашистской Германии: «Адольф Гитлер», «Мёртвая голова», «Райх».

На рассвете 12 июля две окутанные облаками пыли и дыма бронированные лавины двинулись навстречу друг другу. Началось крупнейшее в истории второй мировой войны танковое сражение.

Около полутора тысяч танков и самоходных артиллерийских установок участвовало в этом сражении.

«Широкое поле под Прохоровкой оказалось тесным для огромной массы сражающихся, – писал Ротмистров. – Сцепившись в один гигантский клубок, танки уже не могли разойтись... На поле боя горело свыше сотни танков и самоходных орудий. Стоял страшный шум, в воздухе летали бронебойные снаряды, многие из них, ударяясь о броню, с визгом летели в стороны».

Более четырехсот разбитых и сгоревших танков оставил враг на поле боя.

Здесь была окончательно решена судьба Курской битвы. После Прохоровского сражения Красная Армия от оборонительных боёв перешла к наступательным действиям.

И хочется добавить, что памятников, братских могил и курганов, а также мемориальных ансамблей на Курской земле много.

*Куда б ни шёл, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.*
(Михаил Исаковский)

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

*Не самолюбью на потребу,
А всей душой
Мечтал увидеть детства небо
Над головой.*
Виктор Пахомов

Есть в Богородицке улица Свободы. И есть на ней большой трёхподъездный пятиэтажный дом под номером 36. В одной из квартир проживает семейная пара: муж и жена Бекезины. Люди уже немолодые, много разных болячек, инвалидность. Но память очень свежая. И хорошо помнят военные годы. Да разве их можно забыть, если даже на детей война наложила свой отпечаток.

Воспоминания Татьяны Васильевны Бекезиной вы уже прочитали. А вот что рассказал её муж.

Петр Борисович Бекезин в Богородицке приезжий, но приехал к нам в посёлок Бегичево, ещё когда осваивались Бегичевские шахты. В 1955 году женился, да так и остался навсегда в наших местах.

До войны и в первые годы войны жил Петя с братом Алексеем, мамой и папой в Смоленской области. Есть в этой области город с названием Белый. Вроде бы не такой и большой, но районный центр, чистенький, уютный. И даже три техникума до войны в нём было: сельскохозяйственный, медицинский и педучилище.

Но не в самом городе жил Петя Бекезин, а в небольшой деревеньке этого района под названием Сверкуны. Семья была дружная, родители – большие труженики, и мальчиков с раннего детства к труду приучили. Заботой мальчишек был огород около дома, и на этом огороде всегда соседи видели порядок.

Семейную радость оборвала война. Отца взяли на фронт. А вскоре и фашисты нагрянули в эту деревню. отобрали весь скот и запасы продуктов. Вели себя очень грубо по отношению к местным жителям, были случаи расстрелов.

И вот однажды утром, в начале июня 1942 года, стали фашисты выгонять всех из домов и собирать на деревенской площади. Оглянулись назад десятилетний Петр и одиннадцатилетний Алексей.

– А на огороде картошка зацвела, видишь, Лёня, – сказал обрадованно Петя.

– Хорошо, значит, скоро уже и подкапывать можно будет, – ответил брат. – Ох, как же хочется молодой картошечки!

– Ничего, брат, немного осталось, подождём. Вот тогда и наедемся.

Мать посмотрела на сыновей. Какие худые стали, бледные. Кроме старой картошки ничего не ели. Даже хлебушка не из чего было испечь: всё отобрали проклятые фашисты.

«Что-то они затевают? Зачем собирают всю деревню? Только бы мальчишек живыми оставили», – подумала она.

А народ всё прибывал. Вроде бы и небольшая деревенька, но детей много, всех возрастов. И площадь заполнилась.

И погнали фашисты людей со всей деревни за околицу. Оглянулась мать, и сердце ёкнуло.

«Вернёмся ли назад? – подумала она. – Неужели это конец?»

А фашисты гнали народ по этапу. Всё дальше и дальше от родных мест. Вот уже и тополя, что растут за околицей, скрылись из виду.

Фашисты на лошадях, верхом, и с плётками в руках. Гонят людей, как скотину. Детишки устали, плачут. Да и взрослым тяжело: жара, хочется пить.

Но вот показалась вдали большая деревня другого сельсовета (название Пётр Борисович не помнит).

– Побежим быстрее у колодца места занимать, – предложил Петя.

– Не, вдруг выстрелят в спину, лучше не надо, потерпим, – ответил более рассудительный старший Лёня.

Однако напиться им вдоволь так и не удалось. Около сельсовета стояла толпа ещё больше этой. А единственный колодец оказался вычерпанным почти до дна, так что воды досталось только детям по несколько глотков.

Теперь уже объединили людей обеих деревень и всех погнали дальше. К ночи достигли какого-то железнодорожного полустанка. Набили битком людьми вагоны, в которых перевозят скот, и отправили дальше.

Потом опять шли, потом снова ехали. В пути не кормили. Если только то, что смогли захватить с собой. Сколько дней добирались до места, Пётр Борисович не помнит.

Прибыли в Германию, в город Швейнфурт.

Там всех рассортировали: взрослых в одну сторону, а детей в другую. Взрослый и детский концлагерь находились в одном городе, но на значительном расстоянии друг от друга, так что видеться детям с родными не было возможности.

Что представлял собой детский лагерь? На территории, огороженной высоким забором, четыре одноэтажных барака: в двух жили мальчики и в двух девочки. Девочек было больше, чем мальчиков, поэтому у них было теснее.

В бараке, где жили братья Бекезины, размещалось пятнадцать человек «взрослых» детей, то есть тех, которые могли работать. Было и несколько 3–4-летних. А также с ними жили две русские женщины, которые должны были ухаживать за малышами и обслуживать остальных. Девочки в основном всё делали сами. Всего в лагере проживало около ста человек.

Среди детей были не только русские, но и американцы (как сказал Пётр Борисович, но я предполагаю, что так называли англичан. В.В.), а также ребята ещё каких-то национальностей. Но так как большинство было русских, то и общались между собой на русском языке, и «американцы» тоже в значительной степени изучили разговорный русский язык.

В бараках были нары в два яруса, на которых спали дети. Отапливались буржуйкой, но зимой было холодно.

Всех детей, начиная приблизительно с пяти или шести лет, заставляли работать. Их гоняли на полигон, на котором ремонтировались самолёты. Мальчишкам постарше приходилось чаще приносить или относить отдельные какие-то «железки», иногда тяжёлые. А кто помоложе и девочки занимались различными видами уборки: скоблили, мыли, сгребали, подметали, относили мусор и выполняли другие дела. Работали без отдыха, очень уставали. Также мальчишки помогали делать дорогу. Это было ещё тяжелее.

Кормили детей утром и в обед одной брюквой, а вечером давали только воду.

– А на огороде картошка цвела, – вспоминал часто Петя.

– Вот бы сейчас молоденькой картошечки поесть, – глотая слюнки, вторил ему Лёня.

– Я бы и от старой не отказался, а с удовольствием тоже съел бы сейчас, – продолжал мечтать Петя.

– И я тоже, – соглашался с ним Лёня.

Но это оставалось только мечтой.

Правда, надо отдать справедливость немцам, что за чистотой детей всё же в какой-то степени следили. На территории лагеря была баня, и мыться в этой бане ребят водили два раза в месяц. Конечно, отдельно мальчиков от девочек. И давали маленький кусочек мыла на всех.

У взрослых ребят один раз взяли из вены по полному шприцу крови. У малышей не один раз, но сколько, Пётр Борисович не знает.

Освободили всех американцы 24 апреля 1945 года. Это был радостный и незабываемый день в жизни узников концлагеря.

Спросили каждого, кто они, куда их возвращать, и отвели в разные стороны. Потом пришли женщины. Радостные встречи матерей и детей, слёзы, объятия. Не все маленькие сразу узнали своих матерей, худых, постаревших, некоторые были поседевшие.

Для русских подали машины. Сначала отвезли в другой город и хорошо накормили. Потом ехали на поезде.

– Но нашей деревни уже не было, – сказал Пётр Борисович. – Так мы стали жить в Подмосковье.

Собрать документы помогли в немецком городе Бад Арольджен.

НА ЕЛЬНИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Есть в Смоленской области Ельнинском районе небольшая деревня с названием Старое Мутище. И жила там когда-то дружная и трудолюбивая семья Ковалёвых. В семье было три дочери и три сына.

К началу описываемых событий старшая дочь, Ксения Степановна, уехала с посольством в Англию на год, но вернуться не смогла, а почему, станет ясно ниже. Там вышла замуж и приехала в СССР только в 1947 году.

Средняя дочь, Акулина Степановна, 1918 года рождения, была высокого роста, крепкого телосложения, а по физической силе не уступала даже многим мужчинам. И работала она в колхозе трактористкой.

Самая младшая из дочерей, Зинаида Степановна, родилась 26 февраля 1926 года. Она и оставила детям свои воспоминания.

В 1941 году Зина Ковалёва окончила семь классов. Семилетняя школа была только в деревне Новое Мутище, поэтому после начальной школы дети ходили за семь километров в эту деревню. И 22 июня девочка пошла туда, чтобы получить «Свидетельство об окончании неполной средней школы».

Вернулась домой со страшной вестью:

– Война! Война началась! С Германией!

Не сразу ей поверили. Но вскоре и до этой деревни стали доходить сообщения о событиях в стране, что враг вторгся на нашу мирную территорию.

А 8 июля 1941 года призывали на фронт её папу, Степана Григорьевича Ковалёва, 1892 года рождения.

У родителей он был единственным сыном, остальные дочери. По этой причине его не взяли на Первую мировую войну, законы тогда были более гуманные. А сейчас, на Великую Отечественную, взяли. В свои сорок восемь лет он стал новобранцем.

И этот солнечный день начала июля стал последним, когда дети видели своего папу. И письмо он успел прислать только одно, в котором написал: «Нас гонят, как скот». В начале войны ещё не было военной цензуры, и никто не зачёркивал строчки живой правды, неудобной в высших кругах, поэтому письмо целиком дошло до

адресата. Запрос не дал результата. И только через два года, в 1943 году, пришло страшное сообщение на казённой серой бумажке о том, что Ковалёв Степан Григорьевич пропал без вести в октябре 1941 года (нашли в архиве).

Уже в июле 1941 года война приближалась к Ельне. И однажды недалеко от деревни люди увидели страшную картину: по земле ползли наши танкисты. Чёрные, обгоревшие, ни лиц, ни одежды, сплошь уголь, а точнее, горелое мясо. Местные жители называли их «чурочки». Но это были люди, чьи-то дети, братья, отцы. Они ползли из последних сил и слабыми голосами повторяли только одно слово:

– Пить...

Акулина Степановна смастерила что-то вроде санок и на них перевозила танкистов к большаку. А тех, кто умирал, она хоронила (забегая вперёд, скажу, что после освобождения Ельни, в 1943 году, кто-то приезжал из военкомата, и Акулина Степановна показала место захоронения).

Потом в деревню вошли части Красной Армии, остановились всего на пару часов. Запомнилось Зинаиде Степановне, как бойцы чистили винтовки, и один из них, как бы в раздумье, произнёс:

– Что с такими «куколками» навоюешь? Ну, попал в ногу, ампутируют, будет калеккой, но жив останется. А у них автоматы.

– Верно говоришь, – отвечает другой. – Но у нас хоть «куколки», а у других и этого нет. А попробуй тут победить.

И он случайно нажал на курок и попал сидевшей рядом соседской девушке в ногу. Она потом умерла от гангрены.

В этот же день, 19 июля 1941 года, фашисты захватили Ельню. Пришли они и в ближайшие деревни. Прежде всего подошли к колодцу и показали женщинам знаками, чтобы для них достали из колодца воды. Одна женщина достала, поставила ведро на деревянный сруб колодца. Но оккупанты испугались, что вода в колодце отравленная, и заставили женщин пить первыми. И только после этого напились сами.

В деревне стояла хозяйственная часть, но обслуживали её не немецкие солдаты, а пожилые чехи и поляки. Они говорили: «Сталин капут, Гитлер капут, дойч «nach Haus», рус «nach Haus», – что означало: немцы и русские вернутся домой.

Немцы выгнали семью Ковалёвых из дома в летнюю кухню. Было очень тесно, но кое-как ютились. А главное, что там не было печки, она была только в доме. И когда офицеры отсутствовали, то солдаты разрешали хозяевам готовить. Иногда навещался комендант, мужчина большой, солидный, похожий на Гельмута Коля. И тогда «квартирант» говорил:

– Матка, матка, commen, уходи, уходи.

При коменданте в доме по их закону быть не положено.

Иногда гитлеровцы привозили в термосах еду: суп и жидкий кофе.

Однажды Зина обварила кипятком руку и ходила на перевязки в немецкий лазарет. И немец-фельдшер каждый раз промывал ей рану и перевязывал.

Потом под Ельней были бои. И 6 сентября 1941 года наши войска выгнали немцев из Ельни. Ушли фашисты и из всех ближайших деревень.

Но ненадолго. Ровно через месяц они оккупировали Ельню ещё раз и жили в ней до 30 августа 1943 года.

А в деревне Старое Мутище постоянно фашисты не стояли. За эти два года они навещались несколько раз и подолгу не жили.

Как-то осенью 1942 года Зина пасла на лугу корову. Хотя и тощенькая была коровёнка и мало давала молока, но в войну она спасала семью. Поэтому за ней ухаживали и оберегали от неприятеля. И на этот раз девушка издали увидела фашистов. Когда немецкий строй стал приближаться, она поняла, что это эсэсовцы,

и очень испугалась. Но фашисты, страшно шлёпая по лужам, прошли чётко, как зомбированные.

Однажды летом Зинаида Степановна шла просёлочной дорогой, по которой и в мирное время никто не ходил. Вдруг её нагоняет немецкая машина: в кабине шофёр и офицер, а в кузове двенадцать солдат. Машина остановилась, и офицер пригласил её сесть в кузов. Она испугалась: офицер и солдаты... И так много... Ведь они с ней что им заблагорассудится смогут сделать. Она заколебалась. Но в лице офицера не разглядела злости, поэтому решила и полезла в кузов. Солдаты потеснились и молча освободили для неё место. Когда доехали до развилки, девушка постучала по кабине. Машина остановилась, Зина слезла и кивком головы поблагодарила офицера. Всё обошлось спокойно.

– Хоть бы кто пальцем тронул, – сказала она родным.

И население к немцам тоже относилось по-разному. Так, учительница немецкого языка «закрутила роман» с одним немцем, забеременела от него и потом уехала с ним. Но она была не русская, говорили, что тоже немка.

Когда фашистов в деревне не было, то нередко навевались партизаны. Они приходили за продуктами. Однажды Зинаида Степановна по своей наивности спросила у того, который приходил чаще других:

– А для кого вы столько берёте?

– Для немцев, которые говорят по-русски, – ответил партизан.

И хотя девушка не совсем поняла смысла его слов, но больше с таким вопросом не обращалась.

Народ в деревне был очень дружный и никто ни одного человека никогда не выдавал.

У Зинаиды Степановны болели ноги, не вставала довольно долго. Партизан-сибиряк посоветовал ей парить ноги в картошке. Она последовала его совету. И сначала с трудом, а потом значительно легче стала подниматься.

В конце августа 1943 года до деревни стали доходить слухи о вражеских налётах, о поджогах, о зверстве фашистов. И люди этой небольшой деревеньки покинули дома и ушли к речке. А Зинаида Степановна очень боялась лягушек и одна вернулась домой. Но когда подошла к дому, её встретили фашисты.

– А, партизан? – сразу закричали они.

– Нет, я не партизан, это мой дом, я живу здесь, – твёрдо ответила Зинаида Степановна.

И эта семнадцатилетняя девушка, которая боялась лягушек, не испугалась фашистов и начала перечислять, что и где находится в доме. Немцы поняли, что она говорит правду, и впустили её в дом. Но попросили сварить им картошки. Она взяла первый попавшийся ей на глаза чугунок и сварила в нём картошку «в мундире». Картошка оказалась красная.

– А, warum rot? Почему красная? – испуганно спросили фашисты и показали знаками – «ешь сама».

Она вспомнила, что в этом чугушке когда-то красила платье. Взяла первую картошку, очистила. Под кожурой картошка оказалась обычная, светлая. Девушка её съела. Фашисты успокоились и накупились на горячий ужин.

30 августа 1943 года Ельня была окончательно освобождена от фашистов, а также и ближайшие деревни. Деревенька Старое Мутище находилась в восемнадцати километрах от Ельни и немного в стороне, поэтому сжечь её фашисты не успели.

Из семьи Ковалёвых на войне погибли папа, Степан Григорьевич, и брат, Андрей Степанович, а Филипп Степанович вернулся, выучился на офицера и дослужился до полковника.

Отдохнув от оккупации, 1 ноября 1943 года Зинаида Степановна Ковалёва устроилась на работу в МТС (машинно-тракторная станция) в районном центре, городе Ельне.

Однажды в марте 1944 года она заблудилась и ночевала в поле, где прежде рос лён. И обморозила одну ногу под коленом. Пятно осталось до конца жизни.

В колхозе выращивали рожь, и в этот год жали её на праздник Успения Пресвятой Богородицы, 28 августа. Но, как всегда, работали босиком, а было уже холодно. И чтобы погреть ноги, на них пи'сали.

Зинаида Степановна нередко повторяла:

– Хорошо, что у нас своё молочко и картошка. Был бы ещё хлеб и сахар. И ничего больше не надо.

Но в конце войны стали отпускать по карточкам американские продукты. Как-то раз она получила 400 граммов оранжевого сыра. Никогда прежде даже не пробовала сыр и не представляла его вкуса. И с большим аппетитом съела сразу весь. После этого несколько лет даже не могла смотреть ни на какой сыр.

Летом 1944 года жители ближайших деревень наблюдали такую картину: нескончаемым потоком в течение трех суток двигались колонны советских войск. Шли ровным строем по 4–6 человек в ряду, в гимнастёрках и со скатками шинелей. Их были тысячи.

Видимо, готовилась операция по освобождению Белоруссии.

В 1947 году Зинаида Степановна уехала в Ленинград и устроилась мелиоратором. Вместе с группой специалистов занималась осушением болот в Белоруссии, орошением земель и возведением каналов в Азии. И в Курской области познакомилась со своим будущим мужем Дутовым Андреем Никитовичем.

Сначала они вместе уехали в Ленкорань Азербайджанской ССР, а в 1954 году – в город Богородицк Тульской области.

У них родились сын, Владимир Андреевич Дутов, и дочка, **Вера Андреевна Дутова**. Она и рассказала мне про свою маму.

НЕДАЛЕКО ОТ ВЯЗЬМЫ

*Сам себя считаю
городским теперь я,
Здесь моя работа,
здесь мои друзья.
Но всё так же ночью
снится мне деревня,
Отпустить меня не хочет
родина моя.*

Наша деревня Ершово, расположенная в северо-восточной части Смоленской области в Новодугинском районе примерно в сорока километрах к северу от города Вязьма при впадении реки Салик в реку Вазуза, была оккупирована в начале октября 1941 года.

Перед этим по правому берегу реки Вазуза возводилась оборонительная линия, сооружались доты (часть из них цела до сих пор, в том числе один дот в километре от нашей деревни), а ниже по течению реки сооружалась плотина, чтобы поднять уровень воды в реке и воспрепятствовать прохождению немецкой техники. На левом берегу реки, в полукилометре от нашей деревни, ещё сохранился земляной вал и остатки брёвен, камня от размытой впоследствии плотины.

Во время строительства сооружений была взорвана церковь, стоящая на возвышенности (в бывшем селе Грива, в двух километрах от нашей деревни). Предполагалось, чтобы материалы от неё использовались на оборонительные сооружения, а этот храм не достался бы немцам как стратегический пункт на

высоте. Ну и, наверное, параллельно решалась задача убрать «опиум» от народа, то есть церковь.

Местное население было привлечено для рытья окопов, заготовки дров для паровозов и других работ.

Когда возводились оборонительные сооружения, немецкая авиация производила бомбардировку, были раненые среди возводивших сооружения. Но эта оборонительная линия оказалась почти невостребованной. Наши войска заранее отступили, и немцы в нашу деревню вошли практически без боя.

Старший брат говорил (тогда ему было девять лет), что при отступлении наших красноармейцев не у всех даже были винтовки, – то ли запомнил, то ли со слов старших.

В деревне расположился немецкий гарнизон. В ту пору в деревне было около сорока пяти дворов.

Отец мой был на фронте, а оставшаяся семья состояла из матери, бабушки (матери отца) и двоих детей – моих брата девяти лет и сестры трёх лет. Бабушка, а ей тогда было шестьдесят один год, к немцам относилась отрицательно, она их называла по старинке германцами. Её муж, а для меня дедушка, Новиков Григорий Алексеевич, погиб на фронте в 1-ую мировую войну в 1915 году под Сморгонью.

В нашей избе было расквартировано пять немецких военнослужащих, в том числе офицер-переводчик. Он очень много расспрашивал бабушку о жизни в русской деревне, обычаях, традициях. О нём она как-то отрицательно не отзывалась.

Немцы заняли основную часть нашей избы-пятистенки, а семья ютилась в трёхстене – это малая часть избы, в которой стояла большая русская печь. Следует отметить, что немцы, которые были размещены в нашей избе, вели себя в целом корректно, хотя и знали, что отец мой находится на фронте, может быть, их дисциплинировало присутствие офицера. Они были уверены в победе, считали, что будут хозяевами, и что русские будут на них работать.

На какие-либо хозяйственные работы иногда брали в повозку с собой моего девятилетнего старшего брата, шутили, что он их будущий «солдат». При получении посылок угощали детей шоколадом.

Брат Фёдор стал солдатом, советским, конечно же, и по иронии судьбы в 1951–1954 годах служил в Германии, в том числе ему пришлось участвовать и в подавлении антиправительственных выступлений в ГДР в 1953 году.

Вскорости после размещения немецкого гарнизона, а это была боевая часть, деревню в дополнение окружил карательный отряд. Офицер-переводчик сказал бабушке: «Спрячьте всё, что есть ценное, среди нас разные люди».

В итоге каратели залили пчёл в ульях водой и забрали из ульев рамки с мёдом в сотах.

Бабушка, будучи глубоко верующим человеком, за рукав подтянула одного из карателей к иконам в углу избы и высказала ему, что Бог их накажет за их бесчинства. Каратели забрали из деревни часть подростков и мужчин, наверное, как потенциальных партизан, в концлагерь в город Вязьма (в Вязьме было два концлагеря).

Впоследствии местным жителям при содействии комендатуры удалось забрать их, истощённых, из концлагеря под предлогом надобности в них для выполнения работ по ремонту дорог.

По словам соседа Дмитрия Яковлева (ему в ту пору было примерно шестнадцать лет), особенно зверствовали в концлагере полиция из Западной Украины. Люди там умирали от холода, голода и болезней. Как он рассказывал, спали в бараке, прижавшись друг к другу, а утром некоторые были уже мертвы, их грузила на повозки похоронная команда и хоронила неподалёку.

В конце ноября–начале декабря часть гарнизона перебросили ближе к Москве под Клин, там шли ожесточённые бои. Из пятерых немцев вернулся один, самый

противный, по словам бабушки. Она спросила его про офицера-переводчика, он провёл рукой по ногам и что-то сказал – то ли ранило в ноги, то ли оторвало.

Впоследствии, так как блицкриг не удался, немцы стали вести себя значительно жёстче и озлобленнее. Так, при угоне подростков в Германию двое мальчишек спрятались в конюшне, немцы стали их искать. Один парнишка выскочил в дальние ворота и убежал в Красновский лес, хотя его и ранили в пятку. Другой, Шугинин (вроде, Мишей звали), был сбит с ног прикладом и задержан. Мать видела, как его вели на расстрел по деревне, запомнила его испуганные глаза, его взгляд, инстинктивно взывающий о помощи, но кто мог ему помочь в этой ситуации? Его вывели на перекрёсток за деревню, переломали руки и ноги, выкололи глаза, отрезали нос и уши и расстреляли. Долго запрещали подходить к нему, чтобы похоронить.

Недобрые воспоминания у сельчан остались о финских солдатах, очень они были злые.

Оккупацию переживали тяжело. Немцы поотбирали много живности и сельскохозяйственных продуктов у селян. Жилось голодно, приходилось варить щи и из крапивы, и из лебеды. Но в нашей семье удалось сохранить корову, а это была основа питания. Мать переболела тифом, как она говорила, чёрная лежала почти сорок дней, но выжила.

Деревню нашу освободили 9–10 марта 1943 года. Боёв больших не было, были перестрелки местного значения. На сей раз немцы поспешно отступали. Некоторые деревни были сожжены полностью. Наша осталась целой, наверное, просто не успели сжечь. По рассказам, при отступлении немцы стреляли по нашей деревне со стороны деревни Ершиново трассирующими (зажигательными) пулями. Сгорела только одна изба. А в деревне Ершиново было сожжено много домов. Должны были сжечь и соседнюю деревню Замошье, но, как говорили, команда поджигателей остановилась передохнуть в избе дяди Яши, кузнеца, и, когда они задремали, он перевёл стрелки часов-ходиков на два-три часа назад. Фашисты спохватились, но, потеряв время, просто не успели этого сделать.

Когда немцы отступали, часть жителей ушла в Красновский лес, переживала там прихода наших. Мать с бабушкой и детьми остались дома. Мать спрятала корову в углу двора, завалив угол жердями и сеном. Корова осталась, что в последующем позволило менее болезненно пережить трудные послеоккупационные годы.

Но и в освобождённой деревне жизнь была нелёгкой. Не осталось ни одной лошади, а техники тогда не было никакой. Женщины впрягались по четверо и тащили плуг, а подростки лет по 14–15 вставали за плуг, и так пахали поля и приусадебные участки. Или копали лопатой, норма была семь соток на трудодень. А на трудодень в колхозе получалось, как говорила мать, по 200–300 граммов «костерю», то есть зерна с большой примесью мусора от сорняков. Потом в колхоз пригнали две монгольские лошадки, стало полегче.

Когда пришло от отца письмо в сентябре 1944 года, у матери сначала даже ноги отказали, идти не могла, но быстро прошло. Отцу два года пришлось быть в плену. Летом 1942-го под Великими Луками после боя и последовавшего миномётного обстрела со стороны немцев в числе 5–6 оставшихся в живых из их взвода солдат, будучи контуженным, был взят в плен. Не любил он вспоминать об этом, говорил, что в концлагерях кормили, как скотину, в корыта вываливали варёную брюкву и картошку неочищенными. Впоследствии, когда стали привлекать к работам по ремонту дорог и мостов, кормить стали получше. Уже по ранним морозам ходили босые. На счастье отца, его назначили ухаживать в конюшне за рабочими лошадьми, и к нему очень хорошо относился конвоир, наверное, он был антифашистом. Он принёс отцу несколько снопов льна. Отец его помял, кое-как сделал что-то вроде пакли, сплёл верёвки, а из верёвок чуни (так у нас называли

лапти из льняных веревок). Также конвоир принёс какие-то тряпки. Таким образом, отец обулся и сохранил ноги от обморожения. Конвоир даже что-то из питания иногда приносил. Отца Павла он называл по-немецки Пауль и даже говорил, что он для него, как брат. Впоследствии его куда-то перевели, вроде бы на фронт. Отец предполагал, что за лояльное отношение к пленным красноармейцам. Отцу он объяснял: пусть Гитлер и Сталин сталкиваются лбами и дерутся, если хотят, а мы должны дружить и жить мирно. Так что и вот такие встречались человечные и сёрдобольные среди немецких солдат.

Освобожден был отец из плена в конце лета 1944 года в результате наступления на Яссы и Кишинёв, где немецкая группировка попала в окружение. Отец вспоминал: когда немцы попали в окружение, отношение к пленным сразу изменилось в лучшую сторону, даже яичницу жарили в последние дни для пленных, и уже ожидали своей участи – пленения нашей армией.

Отец не был репрессирован, был зачислен в действующую армию и сразу же участвовал в освобождении Болгарии осенью 1944 года.

В старой избе в углу на полочке под потолком долго хранился пожелтевший затёртый тетрадный листок с написанной на нём молитвой (наверное, «живые помощи», как её в народе называют). Бабушка дала отцу этот листок с молитвой, когда он уходил на фронт. Он сохранил его, даже находясь в плену. Бабушка верила, что именно это помогло отцу перенести все испытания, выпавшие на его долю, и сохранило жизнь. К сожалению, в 1972 году, когда разбирали старую избу и ставили новый сруб, этот листок с молитвой затерялся.

Бабушка моя, Евдокия Петровна, прожила почти девяносто семь лет и умерла в 1977 году. Отец Павел Григорьевич умер в возрасте восьмидесяти лет. Дожил до 40-летия Победы в 1985 году, награждён был орденом, как и другие фронтовики. А мама Прасковья Ивановна прожила восемьдесят шесть лет и умерла в 1996 году. Все они похоронены на нашем сельском кладбище в бывшем селе Грива, в двух километрах от нашей деревни.

В первую очередь в память о них недалеко от их могилок и метрах в тридцати от взорванной в 1941 году церкви, возведённой ранее в честь святителя Николая Чудотворца, в основном на средства нашей семьи построена часовня, также в честь Николая Чудотворца.

Наверное, это лучшее, что я мог сделать для своих родителей и бабушки после их смерти. Они прожили трудную жизнь и были верующими людьми.

Новиков Александр Павлович,
в настоящее время директор
ЗАО «Альянс», г. Богородицк

На снимке часовня в честь Николая Чудотворца. На порожках Александр Павлович с женой Любовью Васильевной.

«КУРТ, ПОМОГИ!»

*Всё, как прежде, как в древние войны:
Поселенцы уходят в леса,
И звучат в деревнях беспокойных
Причитающих баб голоса.*

*Ночью зарев кровавых свеченье,
Днём по сёлам расправа и суд.
Упокойников вниз по теченью
Тихо русские реки несут.*

Алексей Сурков «Россия»

Небольшая деревенька Полушкино Сходяжинского района Смоленской области. Маленькие деревянные домики с приусадебными участками. А рядом с домиками гордо возвышаются мальвы с белыми, бледно-розовыми, реже красными цветами. На крылечках греются на солнышке дворняжки, в небольшой речушке плескаются гуси. Какой-то особенный деревенский уют, располагающий городского человека к покою и размышлениям. А для местного крестьянина это обычный жизненный уклад.

В деревеньке много было многодетных семей. Например, у Ефрема Фролова восемь детей, из них седьмой по счёту мальчик, а семеро девочек. Мать детей – простая доярка, но женщина мудрая. Сумела разглядеть в каждой девочке свою особую жилку и разделить между всеми домашние заботы и обязанности так, что каждая девочка считала свою обязанность самой нужной и самой интересной и

выполняла её с желанием. И родители, уходя на работу, знали, что детей можно оставлять одних, в доме будет полный порядок.

Но однажды всё-таки кто-то не доглядел. Мальчишка стащил спички и играл с ними около дома: зажигал спичку и подбрасывал вверх. Но потом и это стало неинтересно: он начал зажигать и подбрасывать бумажки. И ветром занесло горящую бумажку в раскрытое окно. Пожар внутри дома распространялся быстро. Успели вынести только швейную машинку и кое-что из мелочи. Дом сгорел, а с ним и весь нехитрый скарб.

Но дом был застрахован. Колхоз помог, а также родные и соседи. Купили другой, более просторный, и некоторую мебель. Также и разную материю, а одежду детям мать пошила сама.

Родители жили дружно. Дети ни разу не слышали от них не только матерщины, но и ни одного грубого слова. А если мать когда и вспыхнет, то отец шуткой говорил: – Надо слушаться старших, а я старше тебя на целый год.

И тут же ласково обнимал её. И мать начинала улыбаться.

Но вернёмся немного назад, в 1925 год. В семье Фроловых родилась пятая по счёту девочка, и назвали её Женей. Сейчас ей уже девяносто лет, и она теперь **Евгения Ефремовна Лебедева**, свекровь Татьяны Семёновны Лебедевой.

Она охотно поделилась со мной своими воспоминаниями, но прежде всего вспомнила моего папу, врача Юрия Николаевича Введенского, который после войны вылечил её сына. Было очень приятно слышать такой тёплый отзыв о родном и любимом человеке, которому в этом году исполняется шестьдесят лет со дня смерти.

В июне 1941 года Женя закончила семь классов. Память у девочки всегда была хорошая, и учиться старалась, поэтому и отметки в «Свидетельстве» тоже все хорошие. С такими отметками и в техникум можно поступить, и в среднюю школу. В восьмой класс зачислят. Но Женя ещё не успела принять окончательного решения, как услышала, что на нашу страну напали фашисты.

А к концу лета они и сами заявили в эту уютную деревеньку.

В это время немцы окружили Вязьму, большие их силы были сосредоточены со стороны деревни Полушкино. И наши солдаты, а также мужчины из соседних деревень подались в окружающие леса, чтобы не попасть в плен к врагам. И леса были насыщены партизанами. Партизаны вели большую подрывную работу, при этом чаще всего в ночное время. И немцы их очень боялись.

У Фроловых две старших дочери ещё до начала войны отделились от семьи и вышли замуж. Две других работали в Москве. Женя осталась за старшую. И она вместе с подругами, прячась от немцев, носила партизанам в лес еду.

Вокруг этой деревушки в других деревнях и сёлах немцы стояли вплоть до конца 1943–начала 1944 года, а Полушкино за это время двенадцать раз переходила из рук в руки. То наши войска и партизаны отбивали деревню у фашистов, то снова её оккупировали фашисты.

Поэтому обстрелы были часто. А когда попадал какой снаряд в домишко, то это деревянное строение сразу вспыхивало. И пожары в разных местах деревни были нередки. Чтобы спастись, жители рыли ямы, накрывали их сверху брёвнами и в этих ямах жили.

До войны в колхозе было много крупного рогатого скота и лошадей. Теперь лошадей забрали для нашей армии. А скот эвакуировали на юг, но, как узнали позже, около Могилёва он попал в лапы фашистов. А какие коровёнки оставались в частных домах, тоже забрали фашисты.

И жизнь крестьянская в войну в этих краях была нелёгкой. Люди терпели и голод, и холод. Ходили большинство в лаптях. А если кто обует валенки и выйдет в них на улицу, то первый же встречный фашист разует и отберёт, а хозяину валенок приходится возвращаться босиком по снегу.

Но и немцам жилось тоже несладко. Они не привыкли к русскому холоду и очень мёрзли. Куда делась их бывшая солдатская выправка? На головах сверх пилоток женские платки или одеяла, сами голодные, грязные, вшивые, хуже наших.

Далее рассказ Евгении Ефремовны.

В конце 1943 года всех молодых парней и девушек, начиная с 14-летнего возраста и старше, фашисты забрали в лагерь на работу, в том числе и меня. Заставили рубить лес. А кормили очень плохо, всего один раз в день тарелку какой-то жидкой баланды, в какой даже непонятно что плавало, и один кусочек хлеба примерно граммов 100–150. И это всё.

Сначала из наших деревенских образовали несколько небольших групп, а потом согнали всех вместе. Но люди настолько исхудали, что мы не узнавали друг друга.

Работа была тяжёлая. Мы по несколько человек таскали на себе большие брёвна. Были случаи, когда кого-то придавливало бревном, и этого человека оставляли умирать одного. А нас немцы гнали дальше.

Потом наступила зима, но мы ночевали в лесу под открытым небом. Среди нас оказался один мужчина. И он нам посоветовал:

– Вы, девочки, раскидайте снег, наложите палок и еловых веток. Ложитесь друг на дружку, прижмитесь потеснее, а потом местами меняйтесь.

Мы последовали его совету. И еловыми ветками немного укрылись. Лежим, а кругом вьюга и где-то волки воют. Страшно. Но не замёрзли, живы остались.

Случалось, когда кто-то чем-то не нравился фашистам, то его били прикладом, кого-то даже расстреливали. А если кто убегал, то находили с собаками.

Всё это было на Смоленщине.

Потом, в 1945 году, мы прекратили валить лес, и нас куда-то погнали.

Среди охранников был один лучше остальных. Он немного разговаривал по-русски. А я в школе хорошо училась по немецкому языку. И так мы иногда общались, разговаривали. И в этот раз я у него спросила:

– Курт, куда нас гонят?

– В Германию, на работу, – ответил он.

– Курт, милый, как нам дома остаться? Вот нам троим. Помоги нам. Ну, пожалуйста, Курт. Мы тебя очень просим, пожалуйста. Пожалей нас.

И он согласился.

– Сейчас подо Львом будет деревня Ожидово. Вы незаметно отбегайте и сразу прячьтесь. Я буду вас искать с собакой. Буду ругаться, обзывать вас плохими словами, кричать. А вы терпите и молчите.

Так мы и сделали. Подошли к этой деревне, увидели уборную, сразу забежали в неё, обнялись, прижались друг к другу и молчим. А он кричит, оскорбляет. Но мы всё равно молчим.

И все ушли, а мы трое остались.

Но местные жители начали нас оскорблять:

– Что, догулялись, шалавы? Не понравилось с немцами-то? Вот теперь будете знать, как к фашистам бегать.

Но мы молчали, не стали ничего объяснять.

Мы оказались на Украине, недалеко от Львова, в Алексинском районе (в географическом названии района я не уверена, записано со слов, а на карте его нет. В.В.). Пошли в советскую комендатуру. Нас направили на работу в «Леспромхоз». Надо для этого явиться к делопроизводителю в отдел кадров. Ехать по железной дороге со станции Ожидово.

Но на станции мы случайно разговорились с мужчиной. Он оказался директором «Заготзерно» и предложил работать у него лаборантами.

– Только квартир у нас нет, придётся жить на частной квартире. Зато работа лаборанта лёгкая, это не то, что лесоповал.

И я согласилась. Работала сначала лаборанткой, а потом стала заведующей лабораторией. Директор был доволен моей работой и послал меня во Львов на курсы учиться. По окончании курсов получила квалификацию «технолог высшей категории» и работала заместителем директора «Заготзерно».

Жила на частной квартире. Хозяйка была добрая. И как-то так получилось, что я никогда ей не рассказывала, кто я и как здесь оказалась. Но однажды разговорились, и я сказала, что я из Смоленской области.

- Женя, – испуганно оглядываясь по сторонам, тихо произнесла она, – ты помалкивай и никому никогда не говори, что ты из России. У нас много бандеровцев, они ненавидят русских. Тут одна семья была. Мужа угнали в Германию. Остались мать и трое детей. Бандеровцы пришли ночью и всех перерезали.

Когда я училась во Львове, то познакомилась с парнем, потом вышла за него замуж и переехала к нему. Но со своей прежней хозяйкой продолжала поддерживать дружбу.

Она приезжала во Львов, останавливалась у нас и продавала на рынке сметану и другие продукты животноводства. У неё муж погиб на фронте, остались три сына.

Во Львовской области не было колхозов. Земля состояла из отдельных клочков, принадлежащих разным хозяевам. И мы с мужем приезжали рано утром и помогали Зосе, моей бывшей хозяйке. Я косила, она вязала снопы. У нас была лошадь, и мой муж возил снопы на молотилку, а я помогала.

Примерно в двадцати пяти метрах от дома Зоси была церковь. Она туда часто ходила. При этом шла всегда босиком, а с собой брала ботинки и тряпочку. Около храма вытирала ноги и обувалась. А когда служба заканчивалась, то, выйдя на улицу, опять разувалась. Так берегла обувь.

Когда я жила во Львове, родила двух сыновей. Больше детей у меня не было. И хотя война уже десять лет как закончилась, но с питанием было тяжело.

А в Богородицке жила моя сестра, муж у неё работал маляром. Она мне написала, что у шахтёров хорошие заработки. И в 1955 году мы всей семьёй приехали сюда. Нам дали квартиру в бараке, на Втором Горняцком переулке, дом № 5.

Сыновья выросли, один закончил институт, другой техникум. Но сейчас их уже нет. И муж умер в 1972 году.

А из нас, бывших восьмерых детей, в живых остались только я и сестра Шура, которая на пять лет старше меня. Когда началась война, она работала швеёй на фабрике. Их, двести девочек, послали на курсы шофёров. А когда они выучились, всех отправили на фронт. Всю войну она работала шофёром, одно время возила офицеров. А потом война с Японией. Шуру послали во Владивосток. Там она вышла замуж и осталась жить в этом городе.

А за мной ухаживают соцработница и сноха. Вот как раз сноха мне и рассказала, что вы пишете про войну. Спасибо вам за это. Такое надо передавать поколениям.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

*Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна.
Александр Прокофьев
«Яблоня на минном поле»*

Коми Автономная Советская Социалистическая Республика (Коми АССР) – теперь автономная республика, входящая в состав России, занимает северо-восточную территорию Европейской части Российской Федерации. Доходит до Уральских гор и захватывает частично и их, в том числе самую высокую вершину –

гору Народную. Большая судоходная река, протекающая по этой автономной республике, Печора, разделяет территорию на две, не совсем равные части. На этой реке стоит один из наиболее крупных городов этой автономии и носит то же название, что и река, – Печора.

Война сюда, как известно, не докатилась, но эхо войны слышалось и здесь, среди в то время полудикой природы, хвойных лесов, где основным хозяином был медведь.

Но ранее и сюда дошла цивилизация. Уже в 1921 году была основана автономная область, реорганизованная в автономную республику в 1936 году. Появились города, стала развиваться промышленность. И перед страной была поставлена задача – освоение Севера и его богатств.

А большую часть работ выполняли добровольцы и заключённые.

– Мой отец, Прокофьев Митрофан Прокофьевич, 1910 года рождения, был добровольцем, – рассказывает Анатолий Митрофанович. – Там, на Севере, он и жену себе нашёл, в городе с названием Печора.

Митрофан Прокофьевич ещё до войны служил охранником заключённых в звании старшего сержанта. А кто были эти заключённые: политические или уголовники – его сын Толя, тогда ещё ребёнок, конечно, не понимал.

Но в конце войны, а особенно после неё, основной контингент колонии составляли солдаты, побывавшие в плену у врагов. Люди были подавлены тяжестью плена, издевательствами, пытками, жестоким обращением с ними фашистов. Основное ядро военнопленных не по своей вине оказалось в руках врагов, поэтому, конечно, было обидно считать себя на Родине людьми второго сорта. Но по сравнению с тем, что они испытали там, вдали от Родины, где их не считали людьми и относились хуже, чем к свиньям, это ещё всё же было терпимо. Здесь слышится только русская речь, и здесь нет пыток и никто не унижает, как там.

Как и солдат, строем под охраной ведут на обед, в баню, на работу. А работа – это строительство домов. На месте старых бараков или на новом месте. Красивых, добротных, уютных, где хотелось бы пожить, несмотря на непривычный, более жёсткий климат.

Вспоминает **Анатолий Митрофанович Прокофьев** первое послевоенное время, когда он немного подрос и стал приходить к отцу на работу:

– Заключённым иногда присылали из дома посылки. Но сначала их вскрывал отец и проверял, нет ли там чего запрещённого: ножа, пилки, наркотиков, чего ещё. А потом входили заключённые. Я сидел, и они спрашивали: «Ваш мальчик?» – и угощали меня конфетой, пряником. А у некоторых даже слёзы были.

Митрофан Прокофьевич работал там до 1955 года. А потом у большинства заключённых вышел срок, и многие попали под амнистию. Так долго ждали они этого счастья – возвращения домой.

И большое количество охранников теперь не требовалось. Да и возраст уже приближался к пенсионному, потому, как известно, людей, работающих в зоне и выработавших положенный стаж, отпускают на заслуженный отдых раньше.

– Да и мне климат не подходил, я болеть начал, – добавляет Анатолий Митрофанович.

Но силёнки у Митрофана Прокофьевича ещё были. И тянуло его на настоящую, мужскую, физическую работу.

Прослышал он про богородицкие шахты и приехал сюда в 1955 году. Поработал годок, начал и другой. И квартиру в бараке дали, чтобы семью привёз, потому что понравился начальству, добросовестно работал, с Доски почёта его фотография не сходила.

И в 1957 году вся семья переехала в Богородицк.

– Я окончил школу, – добавляет о себе Анатолий Митрофанович, – потом отслужил два года подводником, вернулся, получил специальность и стал работать

на заводе «Ресурс». Там познакомился с Ниной Ивановной и женился на ней. И очень счастлив. Она из Москвы. Сейчас в отъезде. Когда приедет, сама расскажет о себе, если вы к тому времени не закончите книгу.

Что ж, попробуем подождать. Но книгу я уже заканчиваю.

ПРО ПАПУ И ДЕДУШКУ

*Прощаясь с миром последним взглядом,
Я оставался в снегу один,
А немцы были почти что рядом.*
Михаил Матусовский

– Мне очень хочется, чтобы осталась память о моих близких родных: папе и дедушке. Они оба воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Не могли бы вы вставить в свою книгу о них, хотя бы несколько строчек?

С такими словами обратилась ко мне **Сидорова Любовь** (отчество назвать отказалась).

– Конечно, несколько строчек – это очень мало. Читатели любят длинные и подробные рассказы, где описываются разные случаи. Но давайте попробуем. Расскажите хотя бы то, что вы помните.

Далее её рассказ.

Папу звали Иван Данилович Кочетков. Он 1917 года рождения, ровесник Октябрьской революции. Он жил в МАССР, то есть Мордовской Автономной Советской Социалистической республике, в деревне с названием Атимар, и работал в сельском хозяйстве.

На фронт его взяли осенью 1941 года. Он был простой солдат-пехотинец. Воевал в Подмоскowie, в том числе и в Тульской области, но где точно, я не помню (среди освободителей села Товарково был и мордовский полк. В.В.).

Началась зима, выпал снег. Но зимнюю обувь солдатам ещё не выдали.

В ночном бою папа получил ранение в горло. Он потерял сознание, упал и лежал на снегу. Или санитарки приняли его за мёртвого и не подобрали, или просто в темноте не нашли. Бой наши солдаты выиграли, а папа пролежал на снегу до утра. Утром его подобрали и отправили в госпиталь.

Папа выжил, но у него оказались обмороженными все пальцы на обеих ногах. И врачи вынуждены были их ампутировать.

Подлечившись в госпитале, папа вернулся в свой полк. Однако для строевой службы он уже не годился.

Но на войне дорог каждый солдат. Папа не мог быстро бежать в атаку, но помощником повара он быть смог. Варить кашу с тушёнкой оказалось делом нехитрым, и папа стал самостоятельно с этим справляться.

Началось стремительное наступление наших войск, и нередко полевая кухня отставала от основных частей.

И однажды, когда наши войска пытались выбить фашистов из какого-то села, бой не удался, и часть советской армии попала к фашистам в плен. А тут и полевая кухня подоспела. Повара не сразу поняли, что они, можно сказать, сами пришли к фашистам и стали их пленниками. А голодные «фрицы», как волки на добычу, накинулись на солдатскую кашу.

Отца сначала пытали, били. А потом поняли, что повар, к тому же полукалека, отставший от своих солдат, конечно, ничего не знает и рассказать не сможет. Отвезли его в Германию и заключили в концлагерь под колючую проволоку.

Баракы концлагеря наполнились. Хоть и худо-бедно, но надо как-то пленников кормить, иначе они работать не смогут. И оставили папу в должности повара. Но

почистить и натереть или пропустить через мясорубку брюкву и сварить это небольшое месиво в большом количестве воды оказалось даже ещё проще, чем приготовить русскую солдатскую кашу.

А вот и освобождение пришло. Кто освободил, он не понял, потому что кто-то говорил по-русски, а другие непонятно как.

Советские законы строгие: был в плену – значит, заслуживаешь ссылку. Кого-то отправляли в Сибирь, но и осваивать новые шахты в Подмосковье тоже нужны люди. Вот и прислали бывшего пленника в Богородицк, а точнее, в Бегичево на шахту № 2.

Сначала тоже работал поваром. И приглянулась ему молоденькая симпатичная посудомойщица, что из деревни Бегичево. Всё у неё так и горит в руках. Да и ей повар по сердцу пришёлся. И составили они семейную пару.

А там и детишки пошли. Но зарплата повара небольшая. И перешёл Иван Данилович работать в шахту дренажистом, занимался отводом почвенно-грунтовых вод из шахты.

*И за песню солдаты
встречали меня как солдата,
А враги нас обоих
старались убить на пути.
Лев Ошанин*

А теперь немного про дедушку, маминого отца.

Из семьи Абрамовых на фронте воевали два брата: Степан Андрианович, 1900 года рождения, – это мой дедушка, и Василий Андрианович – это его брат. Василий погиб на фронте, поэтому про него я ничего рассказать не могу. А мой дедушка вернулся домой.

Дедушка воевал в армии Константина Константиновича Рокоссовского. Он был пехотинец и очень хорошо пел. И когда служил в армии, а потом на фронте, был запевалой, всегда шёл впереди колонны.

Родом дедушка из деревни Бегичево Богородицкого района. И как многие деревенские мальчишки, он с детства очень любил лошадей. И на фронте тоже работал с лошадьми. А когда вернулся домой, то заведовал конюшней в колхозе «Пламя пятилетки».

У дедушки были медали, но какие, я не помню.

НЕЗНАКОМЕЦ

*Нет, мы не плачем. Слёз для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не даёт.
Нам ненависть залогом жизни стала:
Объединяет, греет и ведёт.
Ольга Берггольц*

Листая телефонный справочник, я случайно увидела знакомую, но редкую в нашем городе фамилию. Вспомнила, что с такой фамилией учился с моим братом в старших классах приезжий парень, и решила позвонить. Ответил мужчина, но голос яркий, относительно молодой.

– Нет, такой здесь не живёт, – сказал он.

– Но, может быть, он ваш родственник? Ведь такой фамилии в нашем городе больше нет.

– У нас совсем другая фамилия. Справочники старые, давно уже все номера поменялись. А мы приезжие.

– А когда вы приехали в Богородицк?

– Приехали родители и братья после войны, а точнее, после смерти Сталина, а я родился в Богородицке в 1959 году.

– Вы ровесник моему сыну. Но, может быть, ваши родители смогли бы мне помочь?

И я объяснила, кто я и для чего собираю воспоминания.

– Я вижу, вы немолодая, – ответил незнакомец, – а моих родителей уже нет, да и не думаю, чтобы они рассказали бы что-нибудь. Мы репрессированные.

Чувствую, что мужчина хочет прекратить на этом разговор, но я решила ухватиться хотя бы за малое, чтобы хоть немного добавить в свою книгу.

– А где жили ваши родители во время войны? – спросила я.

– В Сибири... С 1941-го года...

– А точнее?

– В Новосибирске.

– Но в Новосибирске были эвакуированные из больших городов заводы. Это тоже связано с войной. И об этом интересно написать.

– Родители жили не в самом городе, а в лесу и занимались лесоповалом. Мы русские немцы. Мы такие же, как и другие русские. И дети наши учились в русских школах, и пионерами были. И среди русских немцев коммунисты тоже были. За что нас сослали в Сибирь?

В его голосе я почувствовала раздражение.

– Вас не сослали, а эвакуировали, – ответила я, – это была вынужденная мера.

– Вынужденная... А почему она вынужденная? Ленин и Сталин по отношению к нам много сделали несправедливостей.

В его голосе слышалась ненависть.

– Нам трудно об этом судить, потому что многого мы не знаем, – сказала я. – А представьте, что фашисты дошли до вас... Но даже если ещё и не дошли, но с первых же дней войны они быстро начали захватывать наши города и сёла и дошли почти до Москвы. И среди русских людей находились недовольные советской властью, они становились предателями. А среди ваших людей нашлось бы таких ещё больше, которые, как говорится, изнутри захотели бы ускорить захват Германией России. И у вас началась бы междоусобная брань: пошли бы брат на брата, сын на отца. А потом и до гражданской войны дошло бы. И Россия не смогла бы набрать сил для победы.

– Работа была тяжёлая.

– А лечиться под танки со связкой гранат легче было? Думаю, что многие солдаты согласились бы обменяться.

Мой незнакомец немного задумался. Я ждала.

– Но если это эвакуация, – наконец произнёс он, – то почему создали такие условия: жили в землянках, мёрзли, обмораживали руки и ноги?

– Конечно, на отдельных участках имели место перегибы. Но и у нас, в Богородицке, в самом центре России, многие жили и в землянках, и в сараях, и в подвалах, потому что фашисты при отступлении сожгли и разрушили наши дома.

– Но у вас были бараки.

– Бараки строили после оккупации и только для шахтёров. Но есть семьи, которые вплоть до конца пятидесятых годов жили в землянках.

– Работали очень много, а кормили плохо. Люди голодали.

– Да, такое, к сожалению, было. И голодала вся страна. Всем не хватало питания. Но вам всё же готовили и кормили, хоть и мало, но настоящей человеческой пищей. Вы кошек и собак не ели. Лягушек, ракушек, насиженные грачиные яйца и новорождённых грачат тоже не ели. Лебеду, крапиву, гнилую прошлогоднюю картошку с поля тоже не ели. Но мне, восьмилетней девочке, всё это приходилось есть, чтобы только выжить. И радоваться, что хоть что-то удалось поесть. А работу выполнять тоже приходилось. Конечно, не сравниваю её с

лесоповалом, но для меня не всегда посильную. И местные жители Сибири с вашими людьми работали на равных условиях.

– Не знаю, как у вас, а с нашим народом творили непонятно что, – сказал собеседник, но ненависть в голосе чувствовалась уже меньше.

– А откуда ваши родители?

– Отец из Белоруссии, а мама из Саратовской области.

– Они познакомились в Сибири?

– Да, жили недалеко друг от друга. И в 1950 году создали семью. В Сибири у меня родились два брата: в 1951 и в 1953 году. А я появился на свет уже в Богородицке в 1959 году, – повторил он это ещё.

И вдруг снова в оттенке его голоса прозвучала ненависть:

– Это Сталин додумался до такого. Жили, жили, и вдруг бац – вторая смена. Какие это всё же глупости.

Мне казалось, что я привела достаточно аргументов, в чём-то убедила его. А выходит, что нет. Но ведь сам-то он в Сибири не жил и не голодал!

– Но мы... Ох, какое же это слово? Никак не могу запомнить, – с досадой произнёс мой собеседник. – А сейчас и вовсе совсем испоганили наш красивый русский язык. Что, у нас своих слов, что ль, мало? Я ненавижу эти иностранные слова.

– Вы хотели сказать «реабилитированные»? – подсказываю я.

– Да, это хотел сказать. Хрущёв молодец, всем разрешил переехать в Европейскую часть СССР. Все потянулись сюда из Сибири, стали здесь работать, большинство в шахтах.

– Ваш отец работал в шахте?

– Нет, он шофёр.

– А мама?

– Она не работала. У неё трое детей, и все мы мальчишки. Да отец ещё. Четверо мужчин, а отец один на всех вкалывал.

– Как звали ваших родителей? – решила я, наконец, спросить, чувствуя, что голос собеседника стал спокойным.

– Этого я вам не скажу, – коротко ответил он.

– А кем стали вы и ваши братья?

– Людьми. Все мы стали людьми.

– Это очень хорошо... Приятно слышать. И я вам благодарна, что вы поговорили со мной, как человек. Я напишу о том, что вы мне рассказали.

– А вы правда писатель?

– Да, член Союза писателей России.

– О-о-о!..

– Но вы мне, может быть, назовёте свою фамилию?

– Нет! – решительно ответил он. – Извините, у меня чай остыл.

И в трубке послышались короткие гудки.

А всё же из последних его фраз я поняла: ненависть – это его напускное прошлое, оставшееся от родителей. А что он и его братья стали людьми – это его радость и гордость.

ИХ РОДИНА – СССР

*Но память дальнего былого
Слезой прозрачною жива.
Владимир Соловьёв*

Имя Ирины Яковлевны Лапшиной широко известно нашим богородчанам. И не только им. Она постоянный член хора «Ветеран» и пишет статьи в районную газету «Богородицкие вести» об этом хоре.

Это интеллигентная, высокообразованная, но очень скромная женщина, и не сразу дала согласие, чтобы я написала про её военные годы. Да это и понятно. Тяжело ворошить всё то, что хотелось бы забыть на всю жизнь, вычеркнуть из своей памяти навсегда, как будто никогда этого не было. Но только не получается. И память прошлого не сотрётся.

Раннее детство Ирины Яковлевны прошло в Саратовской области. Её папа, Яков Андреевич Эбеллинг, работал преподавателем танкового училища. В семье также были мама, мамина мама, папина мама и дети: Ирочке к началу войны ещё не исполнилось и шести лет, а младшему братишке был всего только месяц от роду. Семья эта – заботливая, дружная, трудолюбивая. Каждый старался помочь друг другу. А уж какие вкусные традиционные пироги пекли по национальному рецепту под названием «кухэ», пирог с начинкой, – пальчики оближешь!

Мирно и спокойно текла жизнь людей Саратовской области, пока не началась Великая Отечественная война. В конце августа 1941 года все вдруг стали репрессированными лишь потому, что они немецкой национальности, и даже в официальных документах значились немцами с Поволжья.

И в один прекрасный день (а он казался действительно прекрасным, потому что солнышко светило очень нежно и ласково) объявили всем приготовиться к отправке и явиться на площадь с вещами. И люди поняли, что это ссылка. И когда собрались, всех разделили на определенные группы.

Якова Андреевича отделили от семьи, женщин и детей оставили вместе. Самых трудоспособных мужчин быстро посадили на машины и увезли. Позже выяснилось, что их отправили в город Богородицк Тульской области добывать подмосковный уголь. И бывший преподаватель училища стал простым рабочим, шахтёром шахты № 59.

А женщин и детей погрузили в большие «скотские» вагоны, при этом в каждый вагон до сотни человек, и отправили неизвестно куда. И взрослые поняли, что назад они уже никогда не вернутся.

Поездка была долгой и трудной. Большая скученность людей в вагоне без удобств, длительность остановок из-за перегруженности железнодорожных путей военными составами и голод. Есть давали всего один раз в день жидкий пшённый кулеш. А при поспешности сборов из дома еды захватили мало. Поэтому взрослые выходили на остановках, пытаясь хоть что-то купить для детей.

Привезли эвакуированных в Алтайский край, Пospelихинский район, посёлок Октябрьский. Посёлок был сельского типа, напоминал деревню. Колхоз тоже назывался «Октябрьский».

В этом далёком сибирском местечке и люди были далеки от цивилизации. Многие даже никогда не видели го'рода и не представляли, какой он. И Ирочкина мама, Терезия Александровна, учила их стирать, готовить вкусные пироги. Она быстро подружилась с местным населением, работала наравне с ними, и её полюбили за доброту и трудолюбие.

Жизнь эвакуированных была нелёгкой: постоянный голод, недостаток одежды и другие трудности. Но приезжие как бы прижились ко двору. Никто их не обижал, даже в чём-то иногда помогали. Только имя Терезии Александровны оказалось для них трудновыговариваемым, и её все ласково называли Розой. Полюбил её, как родную, и председатель колхоза.

В зимнее время частые сибирские метели наносили огромные сугробы снега, и трудно было проехать в поле к скирдам сена за кормом для коров и овец. И решили на поле построить коровник и овчарню, а для людей – землянки. Коров доили, молоко замерзало, и его отправляли в ледяном состоянии.

Так прожили две зимы, а на лето возвращались в посёлок.

Но какие ужасные были эти зимы! Кругом голодные волки целыми стаями. Глаза в темноте горят. Вот они подходят всё ближе и ближе, готовые напасть не

только на скот, но и на людей, и разорвать их. А люди пытаются защищаться, все выходят, жгут костры, стучат железом по железу. И так каждую ночь до рассвета.

– Мне, 7–8-летнему ребенку, было очень страшно, – вспоминает Ирина Яковлевна. – Иногда волки подходили совсем близко, вот-вот схватят. Мне даже казалось, что я слышала лязг их острых клыков. Это ужасно, что только вынести пришлось за эти две зимы.

Ещё бы! Такое и взрослым страшно. А каково ребёнку, девочке?!

Это жестокое военное время переживали всем посёлком, как одной семьёй. Если кому приходила «похоронка», то принимали горе все и старались по мере возможности как-то утешить, чем-то помочь.

Слушали по репродуктору сводки Информбюро. И когда узнавали, что советские войска освободили большой или маленький город, любой посёлок, – это было всеобщее ликование.

– Собирались все вместе, пели, плясали, смеялись и плакали, – рассказывает Ирина Яковлевна. – Был настоящий праздник, кричали «Ура!», обнимали друг друга. Это был огромный патриотический подъём. Даже дети гордились за свою страну, свою Родину – великий Советский Союз.

Ирина Яковлевна дальше рассказывает, что на посёлке была начальная школа, и, когда ей исполнилось восемь лет, она пошла учиться в первый класс. Но зимой не училась, занималась дома. И перешла во второй класс.

Рядом с посёлком был аэродром. Часто прилетали самолёты. Лётчики молоденькие, как мальчишки. Там же самолёты и ремонтировали. Всё время стоял сильный гул, и создавалось такое впечатление у жителей посёлка, будто они и сами участвуют в ремонте.

На посёлке семья Ирины Яковлевны прожила семь лет. Только в 1947 году Якову Андреевичу удалось охлопотать вызов. Он в то время работал на шахте № 73/36. И все приехали в Богородицк.

Семья стала жить в бараке на Октябрьском посёлке. Условия для проживания были плохие. Посёлок небольшой, а проживало в нём пять тысяч человек. В одной комнате шесть человек. Но очень много было культурных людей. Организовали оркестр скрипачей, духовой оркестр, была своя самодеятельность. Часто на конкурсах занимали первые места. Так, на фестивале в 1970 году заняли первое место по соло.

Бывший секретарь горкома партии Серафим Васильевич Дубоносов в этом очень поддерживал их, награждал грамотами и подарками.

В основу рассказа взяты воспоминания
И.Я. Лаухиной

С ХЛЕБОМ–СОЛЮ

*Вот и пробуй быть в ответе,
Как хотелось бы, –
за всех.*

Вячеслав Кузнецов

С **Екатериной Ивановной Бебриковой** мы, можно сказать, соседи. Обе живем на территории совхоза-техникума, но только в разных старинных домах. Приехала она к нам в Богородицк по распределению после окончания института и работала вместе с моим братом на заводе «Ресурс».

Зная, что она женщина добрая и отзывчивая, я обратилась к ней с просьбой рассказать, что она помнит из военного прошлого её родителей.

– Я мало в этом отношении смогу вам помочь. Мы как-то этим раньше не интересовались. А сейчас я и рада бы расспросить и узнать побольше, да не у кого.

- Ваш отец воевал?
- Да, но мало. Его взяли на войну после того, как фашисты от нас ушли, а вернулся после госпиталя, когда война ещё не закончилась. И его больше не взяли. И дядя мой, Тимофей Владимирович, воевал. Его взяли до прихода немцев, но он тоже мало воевал, умер в госпитале от гангрены.
- А где ваша мама жила во время войны?
- В Краснодарском крае. Между Армавиром и Ставрополем. Станица Николаевская Успенского района.
- Это предгорье Кавказа. Там, наверное, природа очень хорошая?
- Нет, не везде. У нас – да, потому что внизу протекает река Кубань, а станица расположена на горе. А кругом неё незаселённые места.
- А в станице, очевидно, тоже население небольшое.
- Аулы маленькие, а станицы намного больше. Наша станица протяженностью в длину шесть километров и в ширину больше двух километров, но есть станицы и больше.
- А теперь, Екатерина Ивановна, давайте вернёмся к основной, интересующей меня теме. У вас во время войны какие-либо бомбёжки, обстрелы были?
- Нет, мама говорила, что ничего такого не было. Самолёты тоже летали редко.
- А немцы у вас были?
- Были, но только в основном румыны, а немцев среди них было немного. И стояли они, точно не могу сказать, но приблизительно месяца два.
- Как они себя вели?
- Основное то, что среди населения было очень много недовольных советской властью. И на немцев они смотрели как на освободителей от ненавистной, угнетающей их власти. Поэтому ждали их прихода с надеждой и нетерпением. Например, наш сосед встречал фашистов с хлебом-солью. И среди населения было много предателей.
- Какие-нибудь случаи предательства мама ваша рассказывала?
- Да, она часто вспоминала, что трое молодых мужчин или парней попали в руки фашистов. И фашисты их казнили, но не сразу. Как же несчастные кричали! Что уж там с ними изверги делали, этого никто не видел, боялись даже близко подходить, но крик раздавался часто и ужасный. А потом фашисты отвели их на бугор над Кубанью и там казнили до конца.
- Расстреляли?
- Не знаю. Мама всегда только говорила это страшное слово «казнили».
- Ещё что-нибудь помните из маминых рассказов?
- Она ещё говорила, что однажды прибыло очень много танков. Все такие огромные. И всю улицу заполонили. В станице улица узкая, как раз, можно сказать, на ширину танка. Вся станица была забита танками. Но стояли недолго. А потом ушли, и фашисты за ними следом ушли.
- Без боя?
- Боя совсем не было, ни когда пришли и ни когда ушли. Похоже, что это было промежуточное место у них. Тихо ушли на ту же гору, с какой пришли. Летом это было.
- И дома не сожгли?
- Нет. Зачем же им жечь, если их встречали как желанных, с хлебом-солью?
- Да, было и такое, и не только в тихих местечках, но даже и в центральной части. Спасибо вам.
- Мало я вам рассказала.
- Слов мало, но содержание большое. Есть над чем подумать.

ЭТО БЫЛО В БЕЛОРУССИИ

*В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой долгий век мы прожили как люди –
И для людей...*
Георгий Суворов (поэт погиб на войне)

Это мне рассказала преподаватель Богородицкого сельскохозяйственного колледжа имени И.А. Стебута, пенсионерка **Ольга Ефимовна Мосина** (девичья – Лукина), 1924 года рождения.

Ольга Ефимовна – белоруска из семьи военнослужащего. Отца звали Ефим Алексеевич Лукин. Интересно происхождение его фамилии. Их настоящая, то есть родовая, фамилия по отцу, деду и прадеду – Никитины. Но когда Ефима призвали на Первую мировую войну, писарь оформлял документы. А в это время сидящий рядом староста спросил:

– Значит, ты Лукина внук?

– Да, – ответил Ефим, – моего деда звали Лука, я Лукина внук.

И писарь написал в документе фамилию Лукин, заверил печатью. Ефим увидел это, когда был в дороге, но возвращаться не стал. И хотя в семье было пять братьев и сестра, все они были Никитины, и только он один – Лукин.

Малая родина Никитиных, в том числе и Лукина, и его детей Ольги и Владимира, – Белоруссия, Витебская область, Сурьевский район, деревня Задебря Лутовского сельсовета. В семье все были грамотные. Ефим Алексеевич окончил семь классов, после призыва в армию его послали учиться на курсы при Витебском ветеринарном институте. По окончании курсов служил в Полоцке Витебской области, потом пять лет в Туркменистане, затем в городе Кокан Узбекской ССР в кавалерийских войсках в должности интенданта ветеринарной службы.

В 1940 году его перевели в Западную Украину в погранотряд № 9. Туда переехала и его семья.

Мать Ольги Ефимовны, Степанида Ивановна, полька, беженка из Польши. Ещё в 1914 году их семья бежала из Польши в Россию. На границе, в Бресте, на железнодорожной станции поезд остановился, и Степанида со старшей сестрой пошли за кипятком. А в это время поезд обстреляли орудийными снарядами, эшелон был разбит, семья погибла. Степанида с сестрой работали в госпитале санитарками. сестра вышла замуж, но во время родов умерла.

Вскоре после этого Степанида познакомилась с Ефимом, и они создали семью.

Итак, в 1940 году Ефим, Степанида и их дети Ольга и Владимир переехали жить в Западную Украину, город Владимир-Волынский, расположенный в двенадцати километрах от границы с Польшей.

Далее рассказ Ольги Ефимовны.

Июнь 1941 года. Я училась в русской школе. Школа маленькая, одноэтажная, и обучалось в ней всего десять человек. Я окончила девять классов. Мы с учителем поехали на экскурсию в Литву. Вернулись 21 июня вечером. Мама в это время была в Белоруссии у сестры отца, в деревне Задебря. Поехала хоронить племянницу отца.

22 июня в 4 часа утра раздались раскаты грома. Мы решили, что это гроза. Отец вышел на балкон. Вернулся и скомандовал:

– Ребята, вставайте! Война!!!

Ему позвонили и приказали явиться в штаб погранотряда. В городе в дивизии были также танковая и артиллерийская бригады. Над городом летали самолёты, но не бомбили.

Отец ушёл. А мы с братишкой, который на три года моложе меня, остались одни.

В пять часов вечера отец приехал на полutorке. С собой привёз плетёную корзинку в форме чемодана, бросил в неё самые необходимые детские вещи и

документы, а потом «бросил» нас и корзину в товарный вагон, где уже сидели люди, а сам остался. Мы доехали до узловой станции с названием Бахмачи, пересели на другой поезд и поехали в Белоруссию искать мать. Мне было шестнадцать лет, Володе тринадцать. И не знали мы тогда, что отца больше никогда не увидим.

Недалеко от Смоленска была бомбёжка. Но рельсы и ту часть поезда, в которой ехали мы, бомбы не повредили, и мы поехали дальше, до Витебска. В Витебске корзину сдали в камеру хранения и пешком отправились в деревню на родину отца, расположенную в тридцати километрах от города. Шли по грунтовой дороге.

Мать увидели в овраге. Она сидела с женщинами напротив кладбища. До этого они убрали сено и теперь ждали, когда привезут гроб с покойницей. Но его так и не привезли. Где похоронили или выбросили тело, никто никогда не узнал. А нашу корзину кто-то привёз.

В деревне, на родине отца, мы пробыли недолго. Наши войска стали отступать. И мы тоже пошли на Вязьму по старой смоленской дороге. Но недалеко от Вяземского котла нас нагнали немцы. Они шли по булыжнику ровными квадратами: пехота двенадцать рядов по шесть человек в ряду, через промежутки – опять так же. Потом велосипедисты, тоже квадратами, потом мотоциклисты. И с обеих сторон дороги низко летели самолёты, сопровождая их.

Мы повернулись и пошли в обратную сторону, в деревню. У нас была на всех одна лошадь, больная лишаем, она везла наши чемоданы, и немцы нас пропустили. А русские солдаты пошли дальше и попали в «котел». Немцы забирали в плен только военных.

Мы пришли в деревню к старшему брату отца. У него за год до этого сгорел дом. Одну комнату достроили в двенадцать квадратных метров, вторую не успели, а тут и дочь от туберкулеза умерла. И стали мы жить впятером. У них была корова. А в этой деревне жили ещё средний брат отца и сестра.

Немцы стояли от деревни на расстоянии примерно 4–5 километров в селе Вымно, расположенном на берегу небольшого озера с таким же названием. Там была школа, а за километр от неё – сельсовет. В этом селе были сосредоточены основные немецкие части. А около сельсовета стояла виселица и висели двое мужчин, одетых в гражданское, но кто они, я не знаю.

Фашисты издевались над пленными красноармейцами, держали их за колючей проволокой, не кормили. Если пленным удавалось убежать, они заходили в деревню, переодевались в гражданскую одежду и уходили в партизаны. Организовывались партизанские отряды.

В тридцати километрах от деревни находилась партизанская бригада, состоящая из нескольких отрядов. И партизаны брали к себе мужчин, которые по возрасту должны служить в армии, и переправляли их за линию фронта. В Суровском районе был проход через Западную Двину примерно в десять километров. Через этот проход и переправляли мужчин в армию.

Старший брат отца тоже ушел в партизанскую бригаду, и мы боялись, что найдутся предатели и выдадут нас, и фашисты нас уничтожат.

В нашей деревне немцы постоянно не жили, но заходили несколько раз отдельными группами, иногда с ночёвками. Мне запомнились некоторые случаи.

Однажды они прибыли к нам зимой, человек двадцать, в белых плащ-халатах. Стояли все в одном доме на перекрёстке. Потом прошли в конец улицы в крайний дом, притворились партизанами. В этом доме жила старуха. Два её сына были на фронте, а с ней оставались невестка и сестра. Старуха стала жаловаться:

– Немцы забрали нашу корову. А у меня два сына в армии.

Фашисты расстреляли старуху и невестку. А сестре удалось убежать к оврагу. Лежала в траве, немцы её не видели. А лишь стала подниматься, её расстреляли.

В другой раз, также зимой, приехали на санях пять немцев. Постреляли для устрашения людей, убили девочку, которую увидели на улице, и собрались уезжать. Но их оказалось четверо, один немец пропал. Они решили, что он ушёл, и уехали.

А на деревне был колхозный сарай с сеном и рядом с ним намело большой сугроб. И немец там спрятался. Вечер стоял морозный, и яркий серп месяца освещал деревенскую улицу, проникал через окошки в дома. Мы не стали зажигать коптилку (керосиновую лампу. В.В.), и нам хорошо было видно улицу. Смотрим, этот немец идёт. А он заходит к нам в дом, бросает на стол планшетку и говорит по-русски:

– Я немец с Поволжья, меня звать Иван Иванович. Сведите меня к партизанам.

Мы ему рассказали:

– Вот пойдёшь по этой тропке. Через три километра будет деревня Гаврики. И там тебя сведут к партизанам.

Он переночевал у нас, а утром пошёл, но свернул не на ту дорожку. Там у нас в лесу большие заросли ольхи, он в них и заплутал.

По ту сторону от этих зарослей в землянке жила женщина Варя с двумя девочками. Женщина согласилась на следующее утро проводить его к партизанам. Но, когда он проснулся, то ни Вари, ни девочек в землянке не увидел, они ушли ночью, никому ничего не сказав.

Немец вернулся в деревню и попал к жене брата нашего отца. А она только что до этого была у нас, и мы ей про него рассказали.

Она поверила, что он немец с Поволжья и сбежал от фашистов. Посадила его на ночь в погреб, а утром проводила до Гавриков. И пронаблюдала за ним.

Немец заходил в каждый дом и заглядывал во все уголки. В одном доме, где жила только одна женщина, а муж был на фронте, он увидел на стене фотографию Варвары и узнал в ней женщину из землянки. И тут же хозяйку дома застрелил. Стало ясно, какой он «Иван Иванович». И жители деревни его убили.

Но в другой деревне немца, сказавшего, что он с Поволжья, свели к партизанам. И он сообщил партизанам какие-то сведения. А настоящие или сочинённые, не знаю.

Дома в нашей деревне расположены под углом: со стороны прохода десять домов и по длине деревни двадцать пять домов, а по другую сторону прохода за домами – овраг и колодец.

Однажды немцы прочёсывали местность. Шли стеной друг за другом. И задерживались по нужде тут же, где шли, никого не стесняясь. И всю территорию загадили. Но у нас не остановились, а пошли дальше, в другую деревню. А по дороге всех, кто из жителей попадался им на глаза, расстреливали.

Шли фашисты на Гаврики и Большаки. В Гавриках они людей со всей деревни загнали в овраг, а деревню сожгли. А в Большаках загнали людей в сарай, и сарай вместе с людьми сожгли. А также сожгли и всю деревню.

На фронтах началось наступление наших войск, но Белоруссия и Украина ещё были оккупированы фашистами.

Немцы выгнали всех жителей из деревни и погнали дальше по просёлочной дороге. У нас был телёнок, мы его запрягли в тележку и положили одежду. С обеих сторон от людей шли конвоиры. Потом нас гнали по шоссе до Вымна и далее до Борисова (город Минской области. В.В.). На ночь загоняли в сараи, которые закрывали подпорками. Ни еды, ни воды не давали. Только когда проходили мимо деревень, жители бросали кусочки хлеба или давали пить, но немцы близко их не подпускали.

В Борисове нас загнали на перрон, и конвоиры ушли. Но эшелон, в котором мы должны были ехать куда-то дальше, не пришёл.

Мы не знали, что нам делать, куда идти. Везде хозяйничали немцы. И среди нас начались разногласия.

Группа людей решила отправиться на Минск, и мы пошли с ними. Не доходя до города Жадино, что в пятидесяти километрах от Минска, остановились в селе. Там обратились к священнику, и он нас развёл по домам. Мы ходили на поля, выкапывали гнилую картошку, а мать побиралась.

В этой местности вспыхнула эпидемия тифа и много людей умерло. Сестра отца жила у священника, она умерла. Брат мой тоже болел, но остался жив. А я и мама не болели.

Так как местность была оккупирована, то мы, подростки, обязаны были работать на немцев. По узкоколейке мы ходили за три километра в еловый лес. Всех пленниц фашисты разделили по пять человек, и у каждой пятёрки стоял немец-надзиратель. Но нас, пятерых подруг, охранял австриец. Мы рубили ёлки, очищали их от сучьев и коры и это бревно впятером катили до деревни.

К нам приходили партизаны. Однажды немцы устроили на партизан засаду. И когда партизаны подошли к тому месту, где наши, сельские, рубили ёлки, то немцы застрелили и партизан, и тех, к кому они приходили. А нас в этот день австриец на постоянное место работы не повёл, а отвёл в другую сторону и не выдал, что к нам тоже приходили партизаны. И мы все пятеро остались живы.

Брат Владимир призывного возраста ещё не достиг, и мать просила партизан, чтобы они взяли его к себе, потому что нечем было кормить. Она плакала, умоляла, но партизаны брали не всех, и его они тоже не взяли.

Началось освобождение Белоруссии. Наши войска в этом направлении действовали быстро и успешно.

И мы отправились пешком по Минскому шоссе в свою деревню. Там девять месяцев стояла линия фронта. Наш недостроенный дом уцелел. На полях были картошка и рожь. Всё разделили на душу населения между теми, кто остался живой. Картошку делили по грядкам, мы свою выкопали быстро. А рожь скосили, обмолотили, поделили ведрами и оставили на семена, на будущий посев. Ели вместо хлеба траву с молодым зерном, запаривали вместе. И ещё в этом году было много шампиньонов, они нас очень выручали.

Вскоре освободили Куйбышев. И зимой приехали наши деревенские девчонки, которые учились там в институте. Мне тоже очень захотелось учиться. Но я закончила только девять классов, а для поступления в институт нужен аттестат о среднем образовании. Кончать десятый класс было негде: среднюю школу в соседнем селе еще не восстановили.

Мне девчонки написали справку, что я окончила десять классов, и заверили её колхозной печатью. Это был январь 1944 года. И я поехала в институт. Ночевала в землянке.

У секретаря сидел декан факультета Гаврилов. Он посмотрел мою справку и сказал:

– Это филькина грамота.

– Да пусть попробует, – сказала секретарь. – Всё равно ведь не сдаст.

И меня допустили до приёмных экзаменов. Надо было писать сочинение и ещё сдать по трём устным предметам. Литературу за девять классов я знала хорошо. Химию сдавать только неорганическую, значит, в пределах программы девяти классов. Хуже было положение с физикой. Но я сдала экзамены даже лучше многих тех, которые поступали на базе средней школы.

Меня приняли на зоотехнический факультет. Училась я хорошо, даже в некоторых семестрах была круглой отличницей.

А мать однажды шла ко мне с котомкой. Но провалилась в траншею, долго была в ледяной воде, заболела воспалением лёгких и умерла.

Брата взяли в военную школу в Оренбурге. Но и он прожил недолго, вскоре умер. А я осталась вдвоём с тёткой.

Кормили нас в столовой неплохо: один раз в день полный комплексный обед и по карточке четыреста граммов хлеба.

Начинала я учиться, ещё когда не закончилась война. Жила в общежитии. В каждой комнате было по четыре человека. Окна в общежитии были забиты фанерами, и только форточки застеклённые. Освещались самодельными светильниками: в гильзе от снаряда солярка и тряпочный фитиль. Печки топили сами дровами.

Но после войны провели печное отопление, и общежитие привели в порядок. Однажды в день выборов были танцы. И меня пригласил на танец Александр Васильевич Мосин. И больше мы с ним за всю жизнь никогда не расставались. Он был секретарём комсомольской организации института, но учился двумя курсами ниже меня.

О нем вы уже прочитали мои воспоминания в очерке «Диплом с отличием».

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

*В те дни война
гостила в каждом доме.
Лев Смирнов*

О том, как война проверяла на прочность подростков, рассказала мне бывшая заведующая Богородицким Дворцом-музеем **Светлана Алексеевна Полищук**.

Сначала расскажу про маму.

Её звали Анастасия Михайловна Войтаник (девичья – Андреева), но с раннего детства и до конца жизни все называли её Асей. Родилась она в 1928 году 5 января, а по паспорту – в 1927-ом. И жила на Урале в городе Каменск-Уральский. Её отца (моего деда) с первых дней войны проводили на фронт. Он был в пехоте старшиной. Прошёл всю войну, участвовал и в Курской битве, и во взятии Берлина.

В маминой семье было трое детей: она старшая, потом сестра Нина и брат Лёня. Мамина мама (моя бабушка Александра) умерла от рака в самом начале войны. И все трудности легли на мамины плечи. Но родные жили очень дружно. Все родственники, как её тётки, так и дяди, участливо и заботливо отнеслись к детям. А ближе всех им стали тётка Паша и тётка Груша (сёстры моей бабушки Александры).

Мама пошла работать в пошивочную мастерскую. Но так как она была несовершеннолетняя, то на работу её могли бы не взять, поэтому сумели приписать ей год (во время войны это было несложно, часто документы выдавались со слов. В.В.). В мастерской шили одежду и обувь для солдат. Мама быстро научилась шить любую одежду. У неё открылся особый дар: стоило ей посмотреть вещь, и она уже сама составляла выкройку и шила.

В военное время трудно было с пропитанием, и в мастерской работу оплачивали продуктами: выдавали картофель, крупы, овощи. Иногда оплачивали лоскутами: то на юбку давали, то на кофту.

Так мама работала в тылу до 1946 года. Потом демобилизовался её папа Михаил Григорьевич Андреев.

А теперь расскажу про папу.

Его звали Алексей Владимирович Войтаник. Он почти ровесник маме: родился 15 января 1928 года. Родом из Красноярского края, станица Старокорсунская.

В семье было пятеро детей: старше него два брата и две сестры, а он самый младший.

Когда ему было пять лет, умерла мама. Она протравливала зерно перед посевом и не соблюдала технику безопасности (предположительно, не был проведён инструктаж. В.В.). А к тому же, потом ела немытыми руками и отравилась этим ядохимикатом, спасти её не удалось.

Старший брат Иван быстро отделился от семьи и уехал. Владимир, их отец, а мой дед, перевёз семью в Софиевку (узловая станция недалеко от Запорожья) и устроился там обходчиком.

Иван ещё до войны служил в армии на Дальнем Востоке. Когда началась война, он прислал только одно письмо, что их часть должны перебросить на запад. Это было его последнее письмо. И запросы тоже не дали результатов.

Фашисты заняли Украину в начале войны. Но тогда они считали себя победителями и не были так агрессивны, как позже. Люди жили в основном натуральным хозяйством, у них были огороды, сады. Успели сделать заготовки к зиме. Да и скотину ещё не всю фашисты отобрали.

Но вот началось... Угнали в Германию часть молодёжи. В их число попали брат моего отца Михаил и сестра Рая (мой дядя и тётя). Из детей остались мой отец и его сестра Дуся.

Прошло некоторое время, и немцы периодически стали делать в разных местах Запорожья облавы, в основном по ночам.

Как-то вечером пришёл немецкий офицер и сказал, что ночью будут угонять молодёжь. Папа и тётя Дуся побежали в поле. Они бежали и бежали, долго, и упали в траву. Пролежали до утра. И так они спаслись.

После этого тётя Дуся выехала на Урал в город Камень-Уральский. Остались мой папа и его отец Владимир. Но мужчинам тяжело жить без женской помощи, и отец (мой дед) привёл в дом мачеху Софью, которая ранее работала у кого-то служанкой. Женщина оказалась крутого нрава, очень жестокая. Нередко она загоняла мужа в угол и избивала его. У него не сходили с тела синяки.

Но он продолжал работать обходчиком. И однажды в 1942 году шёл по путям, задумался о такой неустроенности семейной жизни. К тому же была сильная вьюга. И не слышал он, как сзади приближался паровоз. Случилась трагедия. Потом собирали тело по частям.

Жить моему отцу с такой мачехой было очень тяжело. Он устроился работать на железную дорогу проводником. А фашистская оккупация продолжалась. Работать под началом фашистов тоже было очень трудно. И отец всё мечтал уехать на Урал к своей сестре, моей тётке Дусе.

И только уже после войны, в 1946 году, он смог в свой отпуск поехать и погостить у сестры. Ему там очень понравилось, и он остался жить на Урале.

Папа устроился на алюминиевый завод и всю остальную жизнь работал с цветным металлом.

Мама тоже работала в этом городе на заводе. Мамин папа, Михаил Григорьевич, был молчаливым и очень строгих правил и, когда папа сделал маме предложение, мой дед не соглашался на их брак, потому что папа жил в бараке, а его это не устраивало.

Маме было очень трудно убедить своего отца и мачеху. А её отец часто повторял:

– Всю войну воевал, столько ранений получил, а не могу устроиться сталеваром. Другие работают в горячем цеху, и зарплата большая, а у меня копейки. Мы воевали и кричали: «За Родину! За Сталина!» Сталин обещал, что жить будем хорошо. А где эти обещания?

Но потом мой отец поставил вопрос ребром, и дед согласился на их брак. А папа оказался очень заботливым, внимательным и любящим. К маме всегда относился хорошо. И нас, детей, в семье трое: я, старшая, 1949 года рождения, брат 1954-го и сестра 1956 года рождения.

Моя мама является труженицей тыла, у неё много наград и других поощрений.

А у папы детство было тяжёлое, издевательства мачехи Софьи, трагическая гибель отца. И большой трудовой стаж, инвалидность в сорок шесть лет, но продолжение работы. И никаких поощрений, а, тем более, не является тружеником тыла. И всё потому, что работал в период оккупации, а значит, на врагов.

Когда открыли в Азербайджане алюминаты и стали агитировать работать на разработке и заводе, мы переехали туда. Но климат нам не подошёл. И папа перенёс обширный инфаркт. И в 1975 году семья, а через четыре года и я, приехали в это, как нам сказали, божественное местечко – город Богородицк.

И несколько слов о тех, кто был угнан в Германию.

Тётя Рая попала в семью, работала на хозяина. Когда её освободили части Красной Армии, смогла через Польшу вернуться в Советский Союз.

Дядя Миша был в концлагере. У него на руке номер. Вернулся слабый, больной. Когда просили его что-нибудь рассказать, страшно нервничал и замыкался в себе. До конца не вылечился, но женился, имел троих детей. Жил сначала на Кубани, потом на Урале. Умер в возрасте пятидесяти одного года.

Вот так война искалечила жизнь моих родных.

ВЫЖИЛИ!

Всё это было, было, было...

Александр Блок

Бывший директор Бегичевской средней школы № 14 **Виталий Степанович Ткачёв** приехал ко мне, чтобы поделиться своими воспоминаниями, когда материала уже было собрано вполне достаточно на хорошую книгу. Оставалось только распределить все рассказы и очерки в определённом порядке и написать заключение.

Но когда он мне сначала схематично перечислял, о чём пойдёт речь, от такого материала я отказаться не могла. И его военное детство решила описать так подробно, как он рассказал. Пишу от его имени, внося лишь небольшие поправки.

Я родился 25 августа 1936 года. Мою мамочку звали Ткачёва Мария Андреевна. Она казачка из станицы Степановская Ростовской области. Родилась в 1910 году.

Бабушка Оля (её мама) родами умерла. Она была из очень бедной семьи и совсем молоденькая. А дедушка Андрей, её муж, – зажиточный кулак. У него был друг, немец-колонист по имени Греппер. Они ушли на фронт на 1-ую мировую войну и поклялись друг другу кровью, что, если один из них погибнет, то другой возьмёт его семью себе и будет заботиться о ней, как о своей. Дед погиб. А другу оторвало ногу и три ребра, и он забрал мою мамочку. В семье Греппера разговаривали на немецком языке. Девочка разговор понимала, но сама говорить на чужом языке не могла.

Через два года государство стало платить сиротам большие деньги, и семья взяла мою мамочку назад. И дед, едва девочке исполнилось шестнадцать лет, выдал её замуж. Врачи не разрешали ей рожать, потому что муж физиологически не подходил, но она родила в 1928 году Любашеньку (по фамилии Курганова). С ней мамочка уехала от этого примака в Таганрог (примак – зять, принятый в дом тестем. В.В.).

И молодая неопытная женщина с новорождённым ребёнком оказалась в 10-ом городском поселении на улице Октябрьской, дом № 35. Этот 48-квартирный старинный дом был построен для Екатерины Второй. Выезд был со двора, много разных пристроек, да и сама пышная архитектура здания указывала на её предназначение.

Мамочке досталась маленькая комнатка в подвальном помещении, очень холодная и сырая. Жить с ребёнком в большом городе и в таких условиях было трудно, и она сошлась с Кисляковым Степаном Степановичем. И родился я. А мамочка даже мои пелёнки, чтобы согреть, клала под себя.

Отец устроился работать на хлебозавод, а мамочка на самолётостроительный завод № 31. Жизнь стала налаживаться, всё как будто было хорошо. Но отец вдруг проштрафился, бросил нас и уехал в Краснодарский край, как мы узнали позже, к своей первой семье. Потом нам сообщили, что он воевал в Великой Отечественной войне и погиб в городе Славянске (на Украине, недалеко от Краматорска). Я его видел только на фотографии.

Город Таганрог основан Петром Первым в 1775 году, памятник ему стоит в порту, расположенном в Таганрогском заливе. Здесь и все названия такие: Таганий Рог – это остров, Таганрогская Губа омывается Таганрогским заливом Азовского моря.

Город большой, сто тысяч жителей, одиннадцать стратегических объектов, два ВУЗа. Рядом с портом железнодорожная станция и дом, в котором на втором этаже нам дали комнату. Под её окном росла душистая белая акация. А розовую акацию я видел только на проспекте Ленина.

На заводе мамочка освоила три специальности: пескоструйщицы, никелировщицы и штамповщицы. Детские ясли и летний лагерь были на территории завода, близко от берега Таганрогской Губы. Часто я видел, как гидросамолёты выходили из цехов прямо на воду и взлетали с воды. В яслях у меня был друг Коля Жемчугов, с которым я дружил всю жизнь.

Сестричка моя окончила четвёртый класс с «Похвальной грамотой», когда мне было два года. И мамочка её отпустила к родственникам отца в деревню. Любашенька и прежде купалась с подружками в реке Миусе. А в этот раз она попала в омут, очень испугалась и от разрыва сердца умерла. Когда хоронили, я подошел к гробику, долго рассматривал её, потом протянул к ней ручку и сказал: «Любашенька, поднимись, мамочка плачет». Похоронили её без крестика (но она была крещёная), и могилка тоже без крестика. Мы с мамочкой дважды туда ездили.

Мне исполнилось три года, и меня перевели в детский сад, который находился в центре города. Шефствовали над ним спиртовой завод и драматический театр. На каждый праздник к нам приезжали артисты и давали представления, ставили пьесы.

Вспоминаю 1 мая 1940 года. Перед нашим домом был большой сквер, доходивший до самого вокзала. Мамочка слушала артистов. И тут соседская девочка закричала: «Сюда, сюда! Там фокусы показывают!»

Я побежал через дорогу и попал под машину. У меня оказался перелом ноги. Сорок дней лежал в больнице на вытяжке. Мамочка учила меня ходить.

Началась Великая Отечественная война.

Мне ещё не исполнилось пяти лет, но всё хорошо представляю, как будто это было совсем недавно.

Наш город стратегического значения, поэтому с первых же дней войны начались бомбёжки и артобстрелы. Людей собирали на стадионе и учили, как надо тушить зажигательные бомбы. Я тоже там был с мамочкой.

В детском саду вырыли траншеи с двумя выходами и перекрытием, пол устелили матрасами. Когда мамы работали в ночную смену, то мы с воспитательницей, человек по 8–9, обязательно находились в этих траншеях. Люки были открыты. Немцы сбрасывали осветительные ракеты, они летели медленно-медленно, опускались на парашютах. Воспитательница подходила к люку, а мы старались держаться за неё, хоть за халат. У неё зубы стучали, и у нас тоже. Были и открытые траншеи на случай тревоги, чтобы мы могли прятаться.

В начале августа 1941 года немцы подошли близко к Таганрогу. Каждый живущий в доме должен был в ночное время дежурить на чердаке. Мы с мамой дежурили с восьми часов вечера и до двенадцати. Стояли около слухового окна. Если падала зажигательная бомба, мы её засыпали песком и сообщали коменданту. От ракет освещение было такое же сильное, как от электричества. Зажигательная

бомба небольшая, до сорока сантиметров, и она не взрывается, а горит. И тушить её водой нельзя, а только песком.

Когда по радио объявляли воздушную тревогу, сразу начинали звучать сирены с заводов. При этом гудки были такие же, как звали на работу. Самый тяжёлый, басистый гудок у металлургического завода.

Также помню частые артобстрелы. Мы с мамочкой сначала прятались в подвал, а потом нам до того надоело, что перестали прятаться. Мамочка брала икону Николая Угодника, меня прижимала в уголок, между мной и собой зажимала икону и читала молитвы.

Недалеко от нас был молочный завод. Там установили зенитку. И во время воздушных налётов она стреляла, и мы это слышали.

Уже в первой половине августа в Таганрог пришли фашисты. Я их очень испугался и спрятался, но где именно, не знаю. Мамочка меня нашла только на третий день.

С машиностроительного завода отправляли баржи в Азовское море, а оттуда в Тифлис, в котором был тоже такой же завод. Немцы эти баржи топили.

До оккупации мы получали продовольственный паёк; при немцах всё это прекратилось. И начался страшный голод. Мы с мамочкой ходили по деревням и просили милостыню.

Центральный рынок города назывался «Красный базар». Туда приходили горожане и меняли вещи на продукты, которые привозили из деревень. В то время и девочки, и мальчики носили форменные матроски. И мою матросскую форму мама продала за пол-литровую банку кукурузной муки. Я плакал, просил её не продавать. Она обещала, что после немцев купит мне новую, но никогда не купила.

На «Красном базаре» за толкучкой стояла виселица и спускалось восемь верёвок. Вешали людей часто, а, может быть, и каждый день. Мы с мамочкой старались не попадать на базар в то время, когда совершалось это жестокое убийство. Но всё же дважды попадали. Немцы неожиданно оцепляли весь базар и никого не выпускали. Расправы были над подпольщиками, партийными работниками, комсомольцами, евреями и цыганами. Мамочка закрывала мне лицо платком, но я всё равно подсматривал, видел их конвульсии, дёрганья головы.

С шести часов вечера и до шести часов утра выходить на улицу не разрешалось.

Ещё одно сильное ощущение было у меня, когда совсем рядом, около железнодорожного вокзала, разорвалась 500-килограммовая бомба. Окна были заклеены крестообразно полосками бумаги. Они со страшным треском полопались и рассыпались. Все двери распахнулись настежь. И сильный грохот. Ощущение страшное.

Зима в Таганроге обычно бывает тёплая. Морозы редко достигают пятнадцати градусов.

В эту зиму мы первый раз пухли от голода. В течение полутора недель крошки не было во рту, а только пили воду. Мы с мамочкой опухли. У меня руки и ноги налились водой, потом пошли по телу струпья, и они начали лопаться. Мама с соседкой зажимали меня в коечке и лили на струпья раствор каустической соды. Было очень больно и страшно, что я даже описался.

Но в этот первый раз нас от смерти спас немецкий офицер-интендант по имени Фриц. Он и наш русский комендант, человек очень хороший, делали обход, определяли офицеров на постой. И вошли к нам, как сейчас помню, в тёплой одежде. Это было в декабре 1941 года. Мы с мамочкой лежим на постели, не можем подняться от голода. Комендант объясняет интенданту: «Фрау, киндер, фринк» (женщина, ребенок, голод).

На наше счастье, у немца дома остался сын моего возраста и такой же беленький, как я. И в течение месяца его денщик мне с мамой приносил завтрак, обед и ужин. Это нас спасло.

Через месяц его часть перебросили в другое место, и у нас с мамочкой всё началось сначала. Мы трижды были пухлые от голода: в 1941-ом, 1942-ом и 1946-ом годах.

Ещё один запомнившийся мне случай. Сюжет кинофильма «В бой идут одни старики» взят из реальной жизни. И это произошло у нас. Наш военнопленный лётчик сумел захватить немецкий самолёт и взлететь. А здесь проходили немецкие машины. Лётчик им помахал, и офицеры тоже радостно помахали ему. И тут раздался взрыв. Погибла полностью вся колонна немецких машин. Осталась только последняя машина, которая везла сливочное масло и маргарин. И это случилось в Таганроге.

Несколько раз были выезды на белом коне (очевидно, репетиция к параду Победы. В.В.).

Случилось у нас ещё и такое происшествие. Рядом со стадионом находился трек. Там ежедневно тренировался немецкий чемпион мира по гонкам. Однажды он упал и попал под колесо. И в него начали стрелять фашисты все подряд. Остановился проходивший мимо трамвай, выскочили немцы и тоже с большой яростью начали строчить по нему.

15 июня 1942 года. К нам пришёл комендант. Человек он был очень хороший, и мы ему верили. Он сказал:

- Маруся, приготовься, вас завтра будут увозить.
- В Петрушино? Туда, где сорок тысяч лежат?
- Нет, убивать вас никто не будет.

Но всё же мы думали, что нас повезут на расстрел.

В два часа ночи раздался стук в дверь. Заходит немец. Мы уже были одетые. Разрешил взять только три килограмма в платочке: чашку, ложку... Но чтобы бельё всё было на месте. И объяснил, что наш дом будет офицерским госпиталем.

Мы вышли на улицу – около дома стоит бортовая машина. Борта открыты с двух сторон, и с каждой стороны немец подсаживает в кузов жильцов нашего дома. Потом закрыли борта, и оба немца с автоматами сели сзади. А в кабину сели водитель и офицер. Машина тронулась и вскоре присоединилась к колонне в несколько машин. Мы поняли, что нас вывозят за пределы Таганрога.

На полпути к нам в кузов забросили женщину. Это учительница. Её четырнадцатилетний сын не хотел садиться в машину, и фашисты его застрелили. А женщина сразу помешалась. Она выкрикивала непристойные слова, пела частушки про немцев.

Мы приехали в Петрушину балку, где были расстрелянные. Дорога контролировалась немцами, а в пятистах метрах отсюда располагались наши войска. В это время проходила перестрелка: стреляли и немцы, и наши. Но перед тем, как подъехать, офицер сказал: «Женщины, наденьте белые платья и возьмите на руки детей».

И когда мы подъехали, уже ни с чьей стороны стрельбы не было, только последнюю машину наши обстреляли, но никого не задела.

Привезли нас на станцию Маршево, за двадцать километров от Таганрога, и погрузили в телячьи вагоны. Ехали три дня до станции Межевая Днепропетровской области. Потом семь километров пешком до колхоза с названием «Маяк». Колхоз объединяет два больших села: Попутное и Отрадное. Немцы в этих сёлах не стояли, но колхозники работали на них: засевали и обрабатывали поля, сеяли зерновые, и другие культуры выращивали. И весь урожай забирали фашисты.

Нас расселили к жителям в селе Попутном. Те, к кому мы подселились, дали нам немного еды, и немцы дали пол-литра масла и два килограмма муки. Мы попали в тот период, когда уборка урожая ещё не закончилась, и видели, как заезжали на дрожках по два офицера, подгоняли машину, грузили и увозили пшеницу.

А у нас продовольствие быстро закончилось, и мы с мамочкой вынуждены были побираться.

1943 год. Мы впервые узнали, что такое настоящая война. Сначала немцы через наше село начали с боем отступать, форсировали Днепр и шли дальше. Затем наоборот – наши стали отступать.

А к тем жильцам, у которых мы квартировали, приехали родственники. Мы с мамочкой поселились у соседей, а рядом находился большой скотный двор.

Немцев снова отогнали наши войска, и в село зашла дивизионная разведка на лошадях. Наш офицер слышал русскую речь и с радостью произнёс: «Наконец, я в России!»

Мамочку он назвал «Маня-московка», а меня – «москалёнок». А потом спросил у мамочки, умеет ли варить борщ.

– Да, – ответила она, – я же казачка.

– А чем нам кормить лошадей? – снова задал он вопрос.

– У дедушки Архипа ключи от конюшни, – ответила мамочка.

Лошадей накормили, но дед Архип после этого на нас обиделся. Затем мамочка пошла в село Отрадное за два километра за водой, потому что в селе Попутное, в котором мы жили, вода была насыщена сероводородом, и мы не могли к ней привыкнуть.

Оказалось, что в селе Отрадное происходила перестрелка, и в село вошли немцы с танками и другой техникой. А наша разведка полностью попала в засаду – фашисты пришли и в наше село. Бой шёл в течение четырёх дней. За это время было убито восемьсот человек наших солдат и офицеров. Они лежали... Страшно было смотреть...

А мы и наши соседи, когда была стрельба, лежали в небольшом погребке, который на местном наречии называется вкопанка.

Вдруг открывается крышка, немец берёт за руку мою мамочку и ведёт её наверх. А там лежит штук 30–40 кулей. Он показывает, что их надо перетащить в дом. Мама говорит, что одной ей с этим не справиться. Тогда вышли ещё четыре женщины, и я выскочил и увидел то, что было дальше. Одного нашего офицера, младшего лейтенанта, друга того, который просил сварить ему борща, немцы послали в сторону сада и затем выстрелили ему в спину. По документам мы узнали, что он москвич. На фото – он, жена и двое детей. Мне достались его пилотка и планшетка. Я потом ходил с ними в школу, но у меня их отобрали.

В скотном дворе половина была занята под конюшню, другая половина набита половой (мякиной. В.В.). А в центре было оставлено место для сторожей и находилось поило для лошадей и телят. И там мы с мамочкой жили. А наверху прятались дед Архип и тот первый офицер. Но дед Архип спустился вниз и стал объяснять вошедшему немцу: «Это Маня-московка, а это ее Москалёнок».

Но немец, конечно, ничего не понял и стал повторять: «Гитлер капут?»

А тут уж и дед его не понял и, как бы утвердительно, кивнул головой. И немец его застрелил. Наших солдат и офицеров было мало, всего какая-то горсточка, и накрыли их немцы неожиданно, поэтому им пришлось прятаться.

Офицера и молодого солдата немцы хоронить не велели, но кто-то их всё же похоронил. Тогда фашисты раскопали могилу, извлекли из неё трупы и положили их на солнечном месте, а в их могилу похоронили своих.

В эту же ночь наши войска фашистов из села прогнали навсегда. И офицер сказал мамочке:

– Ты, Маня-московка, счастливая, что тебя они не расстреляли.

1944 и 1945 годы. Нам дали комнатку там, где раньше была пасека. До войны на пасеке было сто ульев, после войны осталось всего пять. В этой комнатке мы жили до 1946 года.

Я пошёл учиться в школу. В селе школа была только начальная, четырёхлетняя. Обучение проводилось на украинском языке, но и русский язык мы изучали тоже.

Мамочка работала в колхозе. Урожай весь отдавали государству. Сборщики налогов ходили также по домам и требовали сдавать продукты, говорили, сколько и каких. А где мы их возьмём?

Голод был страшный. Умирали через дом целыми семьями.

В 1946 году я не учился. В феврале месяце к нам пришёл председатель колхоза и сказал мамочке: «Бери лошадь и мальчишку и уезжайте отсюда. Погибнете вы здесь от голода».

Посадил нас на лошадь и довёз до станции. А там солдаты посадили нас в теплушку.

Приехали мы в Таганрог. Квартира наша оказалась занята, и мы остановились у соседей. Есть было нечего, мы пухли от голода, животы стали большими.

У соседей поселились цыгане. Они ели рыбу, а кости бросали в ведро. А я доставал их из помойного ведра и ел. Мама сказала: «Лучше бы мы умерли с голоду на Украине, чем есть после цыган».

И мамочка устроилась в городскую больницу возить трупы. Получала один килограмм двести граммов хлеба. Умирало каждый день по 7–10 человек. Она их возила на Митрофановское кладбище, о котором поётся в старой русской народной песне.

Нам дали комнатку в бывшем доме врачей. Дом был весь разбит, эта часть каким-то образом уцелела, хотя оставалась без окон и дверей.

Мамочка возила трупы до апреля месяца. В апреле она переезжала однажды трамвайную линию, и лошадь вдруг стала на дыбы.

Покойники упали на рельсы. Пассажиры вышли из трамвая, собрали их, успокоили лошадь. Мама отказалась там работать, хотя заработок был относительно неплохой.

А тут и подруга из Воронежской области письмо прислала, и мы переехали к ней. Мамочка поступила работать в заготзерно. С утра полный восьмичасовой рабочий день возили мешки и кули весом по пятьдесят килограммов. Завскладом Александр Александрович Крамаренко предупредил участкового, что он разрешил нам брать полтора килограмма в день (а мы ели полусгнившую свёклу). И первый раз он сам как-то размял зерно пшеницы, и мамочка испекла пышки. Это было очень вкусно. А в два часа ночи он пришёл к нам с женой, и они принесли нам по тому времени богатые гостинцы: пол-литра козьего молока (они водили коз), два солёных огурчика и рассол.

1947 год. Отмена карточной системы. Мы купили буханку хлеба и всю за один раз съели её с солью. Я пошёл учиться в третий класс. Нам дали маленькую комнатку: печка-буржуйка, матрас и подушка – мешковина, набитая соломой.

Как-то в комнатку зашёл молодой человек, который ремонтировал весы. Он воевал, попал в лагерь военнопленных, сбежал во Францию и воевал на стороне французов. Он мне сказал: «Виталик, напиши письмо Сталину, чтобы тебя взяли учиться в Ленинградское суворовское военное училище». Я написал, но мне ответили, что я опоздал на год. Видимо, просто отписались.

В 1952 году я закончил семь классов. В Ленинграде в это время был набор в Метрострой, и я поехал туда. Меня не взяли, так как мне было ещё только шестнадцать лет, но направили в Кимовск Тульской области в горнопромышленную школу № 5 Подмосковского угольного бассейна (город Кимовск тогда только начинал отстраиваться, и 1952 год вошёл в историю его основания. В.В.).

В школе учили и на проходчиков, и на электромехаников, сварщиков и другим специальностям, связанным с работой в шахте. А меня направили в строительную школу № 5, где я учился на каменщика.

Один раз ко мне приезжала мамочка и привезла стакан семечек. У меня был друг Ваня, сирота, только в Севастополе у него осталась сестра.

В 1953 году умер Сталин, и мы с Ваней убежали с уроков и отправились в Москву. Доехали до остановки Москва-Сортировочная и пятнадцать километров шли пешком до Дома Союза. Побыли около гроба, потом отошли немного. И тут начал выступать Лаврентий Павлович Берия. Мы прослушали его выступление.

Когда ехали домой, думали, что нас исключат из школы за самоволие. И действительно, не успели зайти, как вызвали к директору.

– В Москве были? – спросил он.

– Были, – ответили мы хором. Что уж тут было скрывать?

– Сталина видели?

– Видели.

– Расскажите об этом ребятам.

И потом нас стали приглашать и на стройку, и в школы, и везде просили рассказать. Так из провинившихся мы вдруг стали героями. И нам дали по полкило конфет и пряников и подарили ещё по две книги.

По окончании школы работал каменщиком в городе Донском. Строили дом как раз на том месте, где сейчас возводят церковь. Одновременно учился в вечерней школе в городе Сталиногорске (Новомосковске). Но одного года не доучился, как меня призвали в армию, потому что мне уже было двадцать лет. Служил в Горьковской области.

Домой вернулся 8 марта и сразу пошёл в военкомат, стройуправление, школу. Осенью поступил в годичную школу мастеров, а по окончании стал обучать ребят строительному делу в школе № 5 города Донского. Это были мои первые пять лет педагогического стажа.

Однажды пригласил меня директор Бегичевской средней школы № 14 Богородицкого района Василий Степанович Сенаторов, чтобы сделать пристройку к школьному зданию. И, видя, что я быстро наладил контакт с ребятами, предложил работать в школе и преподавать трудовое обучение. Так я стал школьным учителем.

Затем преподавал физкультуру, потом был организатором внеклассной и внешкольной работы. Одновременно закончил педагогический институт, стал учителем истории и двадцать пять лет отработал директором школы.

И хотя с 2001 года стал пенсионером, но связь со школой не теряю. И каждый год езжу с ребятами в Москву на их праздник – День пионерии 19 мая.

ЭТО БЫЛО НА УКРАИНЕ

*Нет, не тиха украинская ночь!
Она дрожит, она к земле припала.
Я так спешил, чтоб яблоням помочь...
Трясётся сад от пушечного шквала...
.....
Ты помнила б о братьях, что помочь
Пришли тебе, чтоб снова в море хлеба
Была тиха украинская ночь,
Спокойны звёзды и прозрачно небо.
Мустай Карим «Украине»*

Анне Кирилловне Казацкой восемьдесят лет. Уже давно считает она себя богородчанкой. Но родилась на Украине в селе Глубочек Троянского района Житомирской области. Семья многодетная, шестеро детей, Аня в семье третья.

Когда началась Великая Отечественная война, девочке было семь лет, она уже всё хорошо понимала и всё сейчас помнит.

Фашисты рано заняли Украину и хозяйничали там почти три года. Перед самым их приходом раздали мужчинам повестки на фронт, а отправить не успели: районный центр уже заняли фашисты. Остаться на оккупированной территории

мужчинам – значит, добровольно попасть в жестокие лапы врагов. Вот и подались все в партизаны, в том числе и папа Ани.

В окрестных лесах разместились несколько отрядов партизан. И партизанское движение в этих местах было большое. Но что именно они делали, какой вред наносили врагам, как боролись на оккупированных территориях, конечно, семилетний ребёнок всего знать и понимать не мог.

Постоянно в этом селе немцы не жили, очевидно, потому что близко был большой лес, а они очень боялись партизан. Но часто делали налёты. Иногда отдельные группы фашистов оставались в селе на две-три ночи.

Большой вред жителям наносили предатели. Они указывали фашистам, из каких домов мужчины ушли в партизаны. И эти дома фашисты сжигали. На злой язык доносчиков попал и отец Ани. По указке предателя фашисты сожгли дом этой семьи, жильцы едва успели убежать в лес. И первое время они прятались в лесу. Отец находил такие глухие места, куда не каждый осмеливался бы сунуться. Но долгое время и там оставаться было рискованно, поэтому часто приходилось переходить с одного места на другое.

В глубине леса находилась большая пасека, и отец Ани заведовал ею. Несколько дней и семья жила на этой пасеке. Потом отец узнавал, в каком селе нет немцев, туда и переводил семью, чаще всего на одну ночь. То у какой-то кумы жили, то у знакомых отца, то, по совету друзей, у незнакомых людей.

И только когда партизаны поняли, кто является предателем и расправились с ним, мать и дети смогли вернуться в родное село и жить у бабушки с дедушкой, дом которых находился рядом с их пожарищем.

Среди партизан был ставший потом легендарным Николай Иванович Кузнецов. Одно время он жил у отца на пасеке, а другой раз приезжал за мёдом. И помогал отцу во всём.

Анна Кирилловна рассказала мне несколько случаев, какие запомнились ей с тех далёких времен войны.

Когда немцы пришли в село, ещё не все мужчины успели уйти в лес. Фашисты зашли в школу, увидели директора:

– Партизан?

– Я директор школы.

– Коммунист!

Он не успел даже ничего сказать, они заткнули ему рот тряпкой, какой стирают мел с классной доски, и повесили его на дереве возле школы.

А другие немцы в это время ходили по селу, везде рыскали, заходили в дома и сараи. И если кто-то из попавшихся им на глаза в чём-то казался подозрительным, то они сразу расстреливали. Так, в первый же день расстреляли восемь человек.

В другом селе, что за четыре километра от Глубочка, всех жителей согнали в школу, а школу заминировали. Но взорвать не торопились, чего-то ждали. А немцев в селе было всего несколько человек. Кто-то из жителей сумел убежать к партизанам, когда немцы стогнали остальных. Партизаны успели прогнать фашистов и спасти жителей.

Чаще немцы делали налёты на поселения небольшими группами. Приезжали на подводах или на машинах, расстреливали кур, поросят, уводили коров. Иногда этим и кончался их налёт.

Но однажды во время такого налёта в другой деревне кто-то убил немца, защищая от него свою дочь. Тогда фашисты рассвирепели, не стали разбираться, кто это сделал, и за одного убитого немца решили отомстить всем жителям этой деревеньки. Стали жечь подряд все дома, а жильцов расстреливать. А на детей даже пуль пожалели: хватали ребятшек и бросали в горящие избы.

Управление у немцев было в Троянске. Там жили постоянно их генералы или ещё какие-то начальники (со слов рассказчицы), а также солдаты. Налёты на другие поселения в основном совершали жившие там солдаты и редко – с ними офицеры. И каждый раз заскакивали в дома, хватали кого попало и увозили с собой. Чаще хватали женщин или девушек. Иногда возвращали через несколько дней, измученных и молчаливых, но не всегда.

Как-то налетели в Глубочек и остались на несколько дней. В том доме, где жила семья Ани, остановились четыре офицера. Сначала вели себя достойно. Детей всех мать посадила за печку, приказала сидеть тихо и спокойно, не шуметь, не мешать. А братишка Ани, которому тринадцать лет было, нашёл на дороге уздечку. Сидит и играет в неё. Немец подошёл, взял уздечку из его рук, посмотрел. А на уздечке немецкое клеймо.

Рассвирепел фашист, начал кричать, расшумелся. Кое-как поняли: он решил, что мальчик у них эту уздечку своровал. А немецкий офицер ни в какую:

– Расстрелять!

Но сам не стал это делать, пошёл за солдатом. Другие тоже ушли. Только один остался. И он вдруг заговорил на чистом русском языке:

– Прячьте скорее мальчика, его сейчас расстреляют.

– Да куда же я его спрячу, они всё равно найдут. И на улицу не выйдешь.

– А вы нарядите его скорее девочкой, – посоветовал офицер.

Так и сделали. И когда немец вошёл, чтобы привести приговор в исполнение, он не увидел ни одного мальчика, кроме самого маленького. Офицер ему что-то говорил по-своему, этого, конечно, не понял никто. Главное, что мальчик остался жив.

Фашисты стояли почти три года. Но людям надо было жить. Поэтому в первую весну крестьяне начали копать свои огороды, сажать картошку, овощи. Немцы потребовали, чтобы и колхозные поля обработали и засеяли полностью. Что же, крестьянам труд привычный. Правда, мужчин мало в сёлах осталось. Но как-то справились. И урожай неплохой получили. А немцы приказали, чтобы всё отвезли в район. И каждую подводу, помимо украинцев, немецкий конвой сопровождал.

Но часто такие подводы на дорогах отбивали партизаны. Предупреждал ли их кто об этом или они сами дежурили и следили за дорогой, конечно, маленькая девочка знать не могла. Но только и молоко, которое возили в район, тоже нередко доставалось партизанам. А мама Ани пекла для партизан хлеб.

Так как осенью действия партизан участились, то немцы сделались ещё злее. Проверки в домах жителей начались каждую ночь. А это стало на руку предателям. Они готовы были продать человека, образно выражаясь, за копейку.

Например, в соседнем посёлке с названием Ржев староста говорил мужчинам:

– Не бойтесь ничего, доверьтесь мне, я вас защищу.

А сам выдал их партизанам. И немцы всех расстреляли. А староста получил за это в награду от врагов два мешка сахара. Немцы, сделав своё кровавое дело, ушли в районный центр, а в Ржев пришли партизаны и хоронили своих погибших товарищей, а староста испугался и спрятался. Но партизаны всё равно его нашли. Он признался, стоял перед ними на коленях, унижительно прося пощады, но такое простить нельзя. Его расстреляли.

Но были и хорошие старосты, которые старались помочь и односельчанам, и партизанам. Например, в этом селе, где жила Аня, старосту не немцы назначили, а потребовали сами жители избрать на сходе. И когда собрались на площади, все стали кричать:

– Степана! Степана!

Мужик он был спокойный и заботливый. И сначала вроде бы всё было хорошо; удовлетворены и свои, и враги. Но когда собрали урожай, он не дал немцам ни пшеницы, ни молока.

Тогда фашисты схватили его. Всех жителей согнали на площадь, привели туда и старосту. На площади лежало большое бревно, на котором вечерами собиралась и сидела молодёжь.

Фашисты положили Степана на землю, а на него – это бревно. Но этого им показалось недостаточно. Они начали в Степана стрелять, но в такие места, чтобы больно, но не до смерти. И только когда Степан уже совсем стал истекать кровью и потерял сознание, враги всадили ему пулю в голову.

А у Степана 9 мая 1943 года родился сын, родные называли его Степаном.

Старшая сестра Ани пряталась в лесу у лесника. Носила старое тёмное платье, покрывалась платком. И как могла, помогала леснику.

Однажды отец Ани узнал, что девочек фашисты будут угонять в Германию. Значит, их надо прятать. Но как?

На Украине печи устроены так, что дымоход на чердаке широкий, а дальше он переходит в узкую трубу, которая выходит на крышу. И этот заботливый человек ночью отваливал часть кирпичей от дымохода, девушка садилась, и он тщательно замуровывал отверстие. А когда немцы ушли, он снова отколул и выпустил «пленниц». Так спас несколько девушек. Но на другой стороне села немцы угнали девушек в Германию.

Село Глубочек советские войска освободили, можно сказать, без боя. Была стрельба где-то неподалёку, но небольшая. Фашисты успели убежать, и оставшиеся дома они не жгли. Части Красной Армии вошли в село вечером. Солдаты очень уставшие. В бабушкином доме, где жила семья Ани, разместилось очень много солдат. Спали на полу вповалку и так плотно, что ночью нельзя было даже выйти на улицу: некуда поставить ногу, чтобы не наступить на человека.

А под окном бабушкиного дома стояла «катюша». И вблизи тоже была разная техника, видимо, она и спугнула немцев, что они убежали тихо.

Это был 1943 год.

Но утром стало ясно, что наши войска заняли только одну сторону села. А в другой стороне ночевали немцы.

И там, где жила семья Аниного дяди, брата папы, ещё были фашисты. И когда рассвело, они заставили их шестнадцатилетнего сына Якова запрягать лошадь, принадлежащую хозяевам, и показывать дорогу к отступлению. Яша поехал с фашистами.

А сельские мальчишки, известное дело, народ досужий, всё-то им надо знать. Они побежали за лошадью. Но, естественно, отстали. Однако не вернулись, продолжали бежать. И вдруг видят: около дороги человек лежит. Подбежали поближе, смотрят, а это Яша. Разрывными пулями в сердце, в ухо и спину застрелили его фашисты и бросили, а сами уехали на лошади. Родные ждут, волнуются. Ребятишки прибежали, рассказали.

Так в день освобождения людей постигло страшное горе.

А было в этой семье три сына и дочь.

Младший мальчик пас скотину, не видел в траве мину, наступил на неё, и она взорвалась. А старший сын на фронте воевал и тоже погиб. Так от троих сыновей, двоюродных братьев Ани, не осталось ни одного. Их старшую сестру немцы угоняли в Германию. Она вернулась, но больная.

Вот сколько горя претерпела от фашистов только одна украинская семья.

И немного о других дядях Ани, братьях мамы.

Старший брат в своём последнем письме с фронта написал: «Прощайте. На нас танки идут, а нам обороняться нечем». Он погиб.

Второй брат, 1919 года рождения, был призван в армию ещё до войны. Служил в Ленинграде, учился в военном училище, пережил блокаду. Писал, что очень

голодал, ел кошек. Но выжил. Потом Александр Дмитриевич Бовсюк служил на Севере. Его последнее звание – генерал.

Отец Анны Кирилловны, как было сказано выше, получив повестку на фронт, не успел уехать. После оккупации его за это арестовали. Ему грозил трибунал и расстрел. Но жена сумела достать справку, что он был партизаном. Его освободили из-под стражи, но сослали к нам в Богородицк на шахты. А в 1947 году сюда переехала и его семья.

Аня поступила в школу в четвёртый класс, но учиться не смогла, потому что не знала русского языка. Потом в вечерней школе закончила десять классов и работала на заводе «Ресурс». Сейчас Анна Кирилловна на заслуженном отдыхе. Она ветеран труда, живёт с дочерью, прекрасно разговаривает по-русски и считает Богородицк своей второй родиной.

ЭТО БЫЛО В КРЫМУ

*Крым – это Русь! И нет преград
Для нашей радости высокой!*
Валентин Киреев

Когда говорят про Крым, то встаёт перед глазами необъятный морской простор. Тёплые медленные волны приятно ласкают твоё тело. Залитый горячим южным солнцем песчаный пляж.

Или горные вершины, несущие в себе что-то таинственное, притягивающее, манящее своей необычностью.

Или представляешь курортный город Ялту с его такими удивительными, как бы порожками расположенными улицами. И невольно приходят на ум слова Самуила Яковлевича Маршака:

Вот набережной полукруг
И городок многоэтажный,
Глядящий весело на юг,
И гул морской, и ветер влажный.

Но есть и другой Крым – степной, равнинный. Глядишь, и на большие расстояния видишь далеко вокруг однообразную картину: весной зелёную, бархатистую, а летом иссушённую и желтеющую под палящими лучами солнца.

А в степи разбросаны деревушки, и маленькие, и побольше, чаще с расположенными в два ряда небольшими беленькими хатками. Рядом с домиком сад. Где-то в середине деревеньки небольшой пруд и колодец с вкусной артезианской водой. А дальше – колхозные поля, где волнами «ходит» пшеница, поднимают к солнцу свои головы подсолнечники.

Мирно и спокойно текла жизнь людей в небольшой деревушке под названием Малый Кут Колайского района, что примерно в тридцати километрах от города Джанкоя.

Но это спокойствие было нарушено Великой Отечественной войной.

Три года стояли фашисты в Крыму: с лета 1941 года по лето 1944 года.

А в этой деревушке жила семья Сехиных: мама Антонина Ивановна, папа Алексей Егорович, сынок Алексей Алексеевич и дочка Светлана Алексеевна. Девочка 1939 года рождения, братишка года на три старше.

Был у детей ещё и дядя, мамин брат, Григорий Иванович Кузнецов. Он закончил в Москве Тимирязевскую академию, агрономический факультет и по распределению был направлен в Крым. Человек очень грамотный и авторитетный, хорошо знал свою работу. А главное, после гражданской войны стал настоящим

коммунистом – честным, бескомпромиссным, порядочным, никогда ни в чём не обманывал. И перед войной его назначили главным агрономом Крымской области.

Но когда началась война и враги захватили Крым, Григорий Иванович добровольцем ушёл на фронт и был комиссаром батальона.

Фашисты в деревеньке Малый Кут не стояли, но неожиданно заезжали, отбирали у жителей домашних животных и все запасы продовольствия, обрекая людей на голодную смерть.

Основное сосредоточение вражеских войск и военной техники было в Джанкое. А в деревушку приезжал обычно комендант с двумя-тремя немецкими солдатами. И люди приспособились: в степи ведь видно далеко, поэтому как кто-нибудь увидит, что движется тачанка, начинает кричать:

– Комендант едет!

И люди передают по цепочке, ребятишки бегают, оповещают соседей.

Все скорее спрячутся и прячут скотину, а на двери пишут: кто – «тиф», кто – «холера».

Было в этих местах и партизанское движение, но находились также и предатели. Так, донесли на Алексея Егоровича Сехина, что его родственник коммунист, а сам он связан с партизанским отрядом. Алексея Егоровича забрали в комендатуру, которая находилась в Джанкое. Его жена, Антонина Ивановна, пыталась вызволить его оттуда. И каждый раз, подходя к двери, боялась, что ей выстрелят в спину. Но всё же ей удалось доказать невиновность отца её детей, и его отпустили.

Никакой стрельбы и бомбёжек со стороны фашистов в деревне не было. И самолёты-разведчики или истребители пролетали над деревней тоже очень редко. А вот наши женщины-лётчицы пролетали часто и бомбили немецкие позиции, разбивали фашистскую технику.

И хотя в деревеньке было относительно спокойно, и от детей старались скрывать разные ужасные случаи издевательств фашистов над нашими людьми, но всё же и до детей доходили рассказы о случаях зверств со стороны врагов. И даже такие маленькие дети понимали, что фашисты злые, жестокие, могут ни за что убить человека. И в народе накопилась громадная ненависть к врагам.

Однажды Антонина Ивановна встала рано и вышла на улицу. Уже довольно рассвело, но деревня ещё не начинала просыпаться. Оглянулась вокруг, видит, немец лежит. Подошла поближе, присмотрелась, поняла, что он мёртвый. И вдруг вся эта злость, вся ненависть к врагам вылились наружу:

– У, гад, паразит! Наелся земли нашей? Так тебе и сто'ит, сволочь! Будешь знать, что мы, русские, никому не отдадим и клочка своей земли!

Но вот выбили наши войска фашистов из Крыма. Казалось бы, можно и вздохнуть спокойно. Но тут другая напасть – засуха. А большой воды близко нет. Год неурожайный. И к весне уже ничего не осталось. Начался голод.

Стали помогать и детишки, Алёша со Светочкой.

Деревня расположена недалеко от озера Сиваш, которое по-другому называют «Мёртвое море». А это, как мы знаем из географии, система мелких заливов у западного берега Азовского моря, в Крыму. Отделена от моря песчаной косой Арабатская стрелка. Вода озера сильно минерализована.

А около этого озера росли в большом количестве жёлтые тюльпаны. И дети набирали эти тюльпаны, потом ходили по деревням и обменивали их на продукты. Но однажды в одной деревне вместо продуктов детям дали сковородку.

Но вот закончилась война. Пришёл с фронта и дядя детей, Григорий Иванович. И дети подросли, им надо учиться, но близко даже начальной школы нет.

А их мама и дядя родом из Краснобуйцев, что недалеко от Товарковских шахт. Заскучала Антонина Ивановна по родным местам. И в 1947 году семья приехала в Богородицкий район.

Как сложилась судьба детей?

Алексея Алексеевича Сехина, бывшего начальника узла связи, я думаю, с уважением помнят все богородчане.

Светлана Алексеевна закончила в Товарково семь классов, потом Алексинский гидрометеорологический техникум. По распределению попала в Якутию. Надо было отработать три года. Но влюбилась она в Колыму, прижилась в ней и прожила более тридцати лет. И только в 1992 году, когда вышла на пенсию, приехала в Богородицк, ближе к родным. Но считает жизнь на Колыме самым лучшим своим воспоминанием.

Сейчас **Светлана Алексеевна Тотмянина** живёт через дорогу от меня. Она и поделилась со мной своими воспоминаниями.

НОЖНИЦЫ

*А почестей мы не просили,
Не ждали наград за дела.
Нам общая слава России
Солдатской наградой была.*
Григорий Поженян «Эпилог»

С вечера договорилась с участницей войны, что утром ей позвоню и она расскажет свои воспоминания о войне.

Набираю номер. Ответили быстро, но поняла, что голос другой.

– Здравствуйте. Это опять писатель вас беспокоит.

– Какой писатель? Я ничего не понимаю.

– Мы вчера вечером договорились с бабушкой, участницей войны...

Я немного замялась, поняла, что в чём-то ошиблась.

– Вы ошиблись номером.

Голос спокойный, мягкий. Не грубит и не опускает трубку, как в таком случае поступает большинство. Воспользовавшись этим, я решила продолжить разговор.

– Я пишу книги о войне, собираю воспоминания. У вас в семье есть кто-нибудь, кто жил во время войны?

– Я родилась после войны, но мой отец воевал.

– А где он жил до войны?

– Мы армяне, но жили в Грузии. Марнеульский район, станция Шувавери.

– Как звали вашего отца?

– Его по-армянски называли Мителом. А когда учился в Москве, то его стали называть Михаилом.

– А в паспорте как было записано?

– Михаил Семёнович Никсекосов.

– На кого он учился в Москве?

– Он учился в профтехучилище ремонтировать оружие. И на войне он тоже не воевал, а ремонтировал. Его сразу из училища на войну взяли и пришёл поздно. Мы девять лет его не видели. Вернулся контуженный. На голове большая извилина.

– Откуда она у него? Что с ним произошло?

– Этого он не рассказывал.

– А какое оружие он ремонтировал?

– Винтовки, автоматы, ручные пулемёты. У кого что сломается, он чинил. У него много медалей. И со Сталиным есть, и другие. А ещё он с войны принёс маленькие ножницы, ему немецкий солдат дал. И отец их всегда берёт. Я точно не знаю, но отец говорил, что и немцы разные были. Я тоже эти ножницы берегу.

– А что ещё вам отец про войну рассказывал?

– Он рассказывал такой случай, только он не велел об этом никому говорить, но теперь можно. Отцу приказали расстрелять одного немца. Он повёл его, а сам

смотрит. Немцу, наверное, лет восемнадцать или даже меньше. Маленький, худой, совсем ещё ребёнок. Отец пожалел его и отпустил.

– Этот немец ему дал ножницы?

– Я не знаю, может быть, и этот.

– Спасибо вам за рассказ. Только скажите ещё ваше имя. Как подписать?

– **Камалян Шогип Михайловна.**

ВЕТЕРАН В СТРОЮ

Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет.

На том стояла и стоять будет земля русская.

Александр Невский

Большой популярностью пользуется в нашем городе хор «Ветеран». Послушать его выступления приходят и взрослые, и дети. И каждый невольно в первую очередь обращает внимание на высокого худощавого седого мужчину с тростью в руке и многочисленными орденами и медалями на груди. И всем ясно, что это ветеран Великой Отечественной войны.

Михаилу Юсуповичу Фазилову девяносто два года. Но он из тех, которые не сдавались, не пасовали перед трудностями на этой жестокой войне, не сдаются они и своему возрасту. Он регулярно приезжает из посёлка Бегичево на все репетиции и все выступления хора. Хористы «Ветерана» отличаются большой дружбой и заботой друг о друге, а Михаил Юсупович пользуется особым уважением за своё внимание к окружающим. Он не забудет поздравить каждого с днём рождения и подарить на память сувенир.

Удивительно, как в такие годы Михаил Юсупович сохранил свою память. Он может часами без остановки рассказывать о событиях, связанных с войной, и свою послевоенную биографию. При этом чётко, последовательно, и не упустит даже мельчайшие детали. Поэтому, чтобы записать всё, мне приходилось с ним встречаться несколько раз. И то, что он мне рассказал, представляет большой интерес для истории, потому что в его рассказах мы видим войну не такую, как о ней часто пишут в книгах или показывают в фильмах, а живую, настоящую, увиденную глазами молоденького бойца.

К 70-летию Великой Победы М.Ю. Фазилову присвоили звание «Почётный гражданин города Богородицка».

Начало войны

Жил Миша в небольшом таджикском горном городке и во всём старался подражать своим старшим братьям, Караму и Шарафу. Вместе гоняли в футбол, вместе играли в «войну». И не знали братья, что судьба готовила им страшные испытания – настоящую войну.

1940 год. Пришло время старшим братьям служить в рядах Красной Армии. Миша и здесь решил не отставать от них, и пятнадцатилетний паренёк добровольцем стал военнотружущим. Службу начинать братьям пришлось в Молдавии. Миша из-за несоответствия призывному возрасту был зачислен в полковую школу младших командиров, в один из полков 176-ой стрелковой дивизии 300-го артиллерийского конного полка, где проходили учения. Нередко бойцов поднимали ночью по тревоге для отражения нападения условного противника.

Шёл 1941 год. Полк размещался в городе Бельцы в Бессарабии. Тренировочные тревога за тревогой, всё чаще и чаще. Это было необходимо для закалки бойцов и командиров.

Трёхсотый боевой полк был артиллерийским, притом на конной тяге. Для каждой гаубицы служили три пары лошадей. Ездовые не входили в состав орудийного расчёта.

Во время учебных ночных тревог нередко выезжали за город на полигон и отрабатывали «к бою» и «отбой». Рыли окопы для укрытия бойцов и орудия, укрывались от условного противника.

19 июня. Только разместились по казармам, и вдруг – тревога. В считанные минуты оделись, взяли оружие, патроны, стали в строй, а ездовые молниеносно запрягли лошадей, чтобы подать их на артплощадку для упряжки орудий. Молодые стройные солдаты ждали команды.

И вдруг гул мотора в воздухе. Очень низко над полем пролетел самолёт, под крыльями которого были нарисованы яркие двухцветные кресты. Никто толком не мог понять, что это за самолёт: санитарный, учебный или какого-то ещё назначения. Но вдогонку за ним поднялась и полетела наша юркая и боевая машина – истребитель И-16.

К строю бойцов подошли командир полка и сопровождающие лица: начальник штаба, комиссар полка и адъютанты.

– Смирно! – раздалась команда по подразделениям. – Равнение налево!

Командир полка приветствовал всех и после официальной военной церемонии подал команду на выход из города и сам стал во главе полка.

Заиграл полковой оркестр, и под звуки марша подразделение за подразделением заполняли улицы города Бельцы и шли дальше, покидая город.

Город Бельцы, где был расквартирован полк, расположен в семидесяти километрах от государственной границы, которая проходила по реке Прут. Полк обычно в этом направлении двигался на полигон для борьбы с мнимым противником. Но на этот раз учебный полигон остался в стороне.

Часа через полтора со всех перекрёстков на главную магистраль сошлись все колонны: пешие, конные, на машинах, танках, бронетранспортёрах. Жара, духота и такая пыль, что солнце едва просматривалось через тёмную завесу. Шагать в строю было очень тяжело.

В полдень в зелёных балках между сопками, где протекал ручей с приятной прохладной водой, сделали привал. И здесь зачитали приказ по подразделениям, что 176-ая стрелковая дивизия к утру 20 июня должна достичь линии границы и занять там соответствующие позиции вдоль реки Прут.

Вслед за этим раздалась команда:

– Зарядить орудия боевыми патронами.

И все поняли, что это уже не учения, а что-то серьёзное.

Наскоро пообедали, немного отдохнули, написали короткие письма-треугольники родным, покормили лошадей. И опять послышалась команда:

– Приготовиться! Запрягай! Стройся!

А затем:

– По головному, с интервалом между подразделениями в пятьдесят метров шагом марш!

А Бессарабия утопала в зелени и ярких плодах черешен.

И эти вчерашние мальчишки из разных мест Советского Союза, разных национальностей, образуя теперь боевую единицу, дивизию, выступают как щит для обороны рубежей своей Родины.

Колонна продолжала двигаться. Осталось уже позади несколько молдавских деревень. И вдруг в воздухе гул множества самолётов, появившихся внезапно с западной стороны границы. Раздалась команда:

– Воздух!!!

И вся дивизия бросилась врассыпную от дороги, укрываясь в нескошенных хлебах.

Самолётов было пять. Они кружились над колонной минут десять и, совершая бреющий полёт (то есть на низкой высоте), обстреливали ничем не защищённых наших солдат из пулемётов. Расстреляв все патроны, улетели. На поле осталось несколько убитых и раненых. А ведь до границы ещё не дошли. Это же наша территория.

Всем стало ясно, что будет война.

И даже у командного состава, не имеющего боевого опыта, появилось стремление безжалостно бить извергов, этих бандитов не только как врагов, а как захватчиков, нагло вторгшихся в наше воздушное пространство.

К вечеру подразделение достигло цели и заняло позиции на левом берегу реки Прут.

20 июня. В эту ночь никто не мог уснуть. Кадровые воины, воспитанные в духе патриотизма, почти не испытывали чувства страха, но каждый понимал, что на нашу страну наступает враг коварный, кровожадный и опытный. Борьба ожидается неравной, но с нашей стороны справедливой, и надо быть мужественным и стойким.

Рассвело. Связисты начали протягивать телефонные провода, повара – готовить завтраки, ездовые – кормить лошадей. И вдруг километрах в двух от границы на нашей территории послышались разрывы снарядов. Потом – гул двух самолётов. Снаряды пролетали над головами проснувшихся бойцов и разрывались где-то недалеко.

И это повторялось всё чаще и чаще – противник провоцировал с нашей стороны военные действия. Бойцы сначала каждый раз вздрагивали, лошади брыкались. Но потом все привыкли и не реагировали. И вдруг неожиданно раздалась команда:

– Оружие к бою!

Оказывается, механизированная разведывательная группа противника на мотоциклах с колясками, на которых были установлены пулемёты, пользуясь наступившим рассветом, решила проникнуть в наш тыл, недалеко от дивизиона, в котором служил Фазилов. И командир отдал приказ десятью снарядами ликвидировать эту группу. И взорвавшиеся наглицы навсегда остались лежать в советской земле.

И в этот, и в следующий день, то есть 21 июня, неоднократно фашистские полчища пытались проникнуть на нашу территорию. И боевые вылазки самолётов-разведчиков пошли с обеих сторон. А также начались методические артиллерийские налёты как наши, так и противника.

Война, навязанная гитлеровскими ордами, для участка 176-ой стрелковой дивизии, в которой состоял и Михаил Фазилов, фактически началась 20 июня.

22 июня 1941 года. Противник усилил свои артобстрелы. И хотя наши позиции, казалось бы, хорошо замаскированы, но у нас уже были жертвы: убитые и раненые, как люди, так и лошади. А замена невозможна, поэтому нередко приходилось своими силами тащить тяжёлые гаубицы. Позиции меняли часто и, вроде бы, хорошо окапывались и укрывались, а это очень изматывало силы, но враги уже после первого выстрела определяли наше местонахождение и начинали по нему стрельбу.

Но вот командный пункт засёк важные объекты противника, а уничтожить их приказал шестой батарее, которой командовал Фазилов.

В населённом пункте врага среди небольших строений выделялось одно высокое здание, которое и было приказано ликвидировать. Позже выяснилось, что там размещалось предприятие, в котором изготавливались химические средства для гитлеровской армии.

И хотя бойцы очень утомились за время ночного перехода и последующей за ним дальнейшей маскировки, но расчёт оказался точным. Сразу с нескольких сторон полетели снаряды, и завод был уничтожен. Довольные красноармейцы теперь готовы были на любые действия, чтобы только не дать врагу перейти на нашу территорию.

Отступление

Но в этот день враг перешёл границу и устремился на нашу территорию. И хотя силы были неравные, фашисты во много раз превышали числом и военной техникой, но бойцы Красной Армии оказывали отчаянное сопротивление, пытаясь удержать каждый клочок родной земли.

Всё же наши войска терпели поражение ещё и по следующей причине. Бессарабия только незадолго до нападения на СССР гитлеровской Германии была освобождена от румынского ига и вошла в состав Советского Союза. Но находились и недовольные богатые люди, которые помогали фашистам и вредили нашим войскам. Эти лазутчики скрывались в лесах и деревнях и сообщали в немецкий штаб о продвижении и местонахождении советских войск, устраивали засады. И наши, пройдя большие расстояния, не успевали ещё укрыться, но уже были атакованы фашистами прямой наводкой.

Создавалось такое впечатление, что наши части не могли справиться с противником.

Советские войска всё дальше и дальше отступали, оставляя города, сёла и деревни. Они понимали, что это временное, вынужденное отступление для того, чтобы сформировать новые силы и ударить по врагу. Но как тяжело было смотреть на скорбные лица женщин и стариков в тех селениях, мимо которых проходили. А чем могли утешить? Только обещаниями. И всё же бойцы верили, что свои обещания они выполнят. И каждый готов был в любую минуту ринуться в бой, даже в самую гущу вражеского логова. Тем более, что они уже знали: на оккупированной территории фашисты грабят, расстреливают, вешают, насилизуют женщин и даже девочек, издеваются над стариками и детьми, жгут дома и целые деревни.

А фашисты нагнали с каждым днём. В захваченных городах и сёлах они устанавливали свой, гитлеровский, «новый порядок». Нередко находились предатели, из их числа фашисты формировали нужную им власть: полицаяев, старост, комендантов. Иногда в такую «власть» попадали и хорошие люди, которые незаметно для фашистов помогали сельчанам и подпольщикам. Но были и такие, которые отбирали у населения для фашистов хлеб, домашний скот, одежду.

Путём грабежей, насилий и убийств фашисты надеялись поставить наш народ на колени. Но это им не удалось.

А Гитлер рассчитывал, что война будет молниеносной и победу над советской страной гитлеровцы будут праздновать в Москве на Красной площади 7 ноября, в день праздника нашего народа. Но этого он не дождался.

Всюду в лесах создавались партизанские отряды, которые значительно выматывали противника.

И всё же силы оказались слишком неравные, фашисты были вооружены до зубов, и Красная Армия вынуждена была продолжать отступление, а вместе со всеми и 176-ая дивизия.

Много тяжёлых моментов запомнилось Михаилу Юсуповичу Фазилову. Например, он рассказывал, как останавливались они на отдых часа на три в небольшом украинском селении. А лишь началось построение, чтобы отступить дальше, к ним приблизились женщины, хватали их за руки и кричали:

– Не уходите, не отдавайте нас фашистам.

А когда раздалась команда: «Смирно!» – женщины начали голосить:

– И куда же вы уходите, сынки наши?.. И на кого ж вы нас покидаете? И как же мы будем без вас жить-то?..

В строю разговаривать не положено, но один солдат не выдержал и сказал:

– Что вы над нами голосите, как над покойниками? Мы ещё живы и будем жить, вернёмся, обязательно вернёмся.

Но в первом же бою этот солдат был убит.

А ещё рассказал Фазилов, как остановились они около какого-то небольшого поселения. Подошла к нему незнакомая девушка и просит:

– Пойдём ко мне в хату.

– Зачем? – спрашивает Михаил.

– Моего жениха убили и почти всех наших ребят перебили. А я ребёночка хочу. Пойдём. Ты красивый, от тебя ребёночка хочу.

А сама стоит и смотрит, будто вот-вот заплачет. И так Михаилу жалко её стало. Но всё же ответил:

– Немцы придут, как же ты будешь с ребёночком? Он плакать начнёт, их беспокоить. И убить смогут. Потерпи, пока война кончится. Ты вон какая красавица. Не всех же враги убьют, найдёшь и настоящего отца ребёночку.

А натиск фашистов был ошеломляющим. Трудно передать словами, что было на душе у восемнадцатилетнего солдата Михаила Фазилова. Запылённая солдатская гимнастёрка, вставшая колом на плечах, горящие от мозолей ноги. И оружие, оттягивающее отяжелевшие руки. А главное, чувство собственного бессилия.

Именно в эти минуты стыда и горечи родилась у солдат клятва: «Ни крови, ни жизни не пожалею, только бы спасти Родину».

И на примере боевого пути М.Ю. Фазилова мы видим, что солдаты эту клятву сдержали.

Итак, 176-ая стрелковая дивизия оказалась на рубеже реки Южный Буг. В неравных ожесточённых боях был оставлен город Николаев.

Далее на этом рубеже крупных столкновений с фашистами не было, только небольшие стычки с небольшими потерями. И наши войска отходили к городу Херсону.

Михаилу Юсуповичу запомнились эти места Украинской земли.

Жаркий летний день. Небо раскинулось огромным, чистым голубым шатром. И ни одного, даже маленького, облачка.

А вокруг поля и поля с богатым урожаем зерновых культур. Во многих хозяйствах уборка подходила к концу, и многочисленные скирды возвышались на жёлтой стерне. А некоторые хозяйства даже успели обмолотить, и горы золотистых душистых зёрен пшеницы радовали сердца.

Но становилось страшно и подумать: неужели все эти богатства, добытые руками и потом наших тружеников сёл, достанутся врагу и фашисты увезут всё это к себе?

Нет, такого допустить нельзя! Поэтому, где ещё осталось население, раздавали полученный урожай, кто сколько возьмёт. Остальное сжигали. И горы урожая превращали в пепел, только чтобы не досталось врагу.

Бойцы и командиры шли всё дальше по местам с пышной южной растительностью, скорбно глядя на удивительные пейзажи этого богатого края и невольно стыдясь за то, что всё это они оставляют извергам.

Таким образом, армия дошла до низовьев реки Днепр. Этот рубеж, известный неравными схватками защитников с варварами в районе Каховки, отдельной страницей вписан в историю Великой Отечественной войны. А главные удары принимала 176-ая дивизия, потеряв много техники, а также солдат и командиров. Поэтому командование решило вывести это соединение для переформирования и расположило его в Красном Перекопе.

Таков путь легендарного соединения на первом этапе Великой Отечественной войны. И этот путь прошёл Михаил Фазилов, награждённый первым орденом Красного Знамени.

Командир сорокапятки

Красный Перекоп стал опорным пунктом, где наша армия готовилась сосредоточить свои силы для новых схваток с гитлеровскими полчищами. Здесь и родился новый Отдельный противотанковый истребительный дивизион. Он формировался из числа лучших бойцов и командиров, которые уже не раз встречались со смертью и выходили победителями.

Подразделение было включено в состав 30-ой Краснознамённой, Орденоносной Иркутской дивизии.

Прислали пушки. Это маленькое, но грозное оружие многие, в том числе командиры, видели впервые. И все, от солдата до старшего командного состава, приступили к его изучению, не считаясь со временем, ведь от верности и точности расчёта будет в дальнейшем зависеть исход сражения. А немецкая техника в то время была очень грозной.

Под номером один расчёт был сформирован интернациональный. Вот его состав:

- 1 – командир оружия, старший сержант Фазилов Михаил Юсупович, таджик;
- 2 – наводчик, старший сержант Хаврюков, белорус;
- 3 – заряжающий, Когуашвили, грузин;
- 4 – замковый, Жарков, русский, сибиряк;
- 5 – подносчик, Богданов, русский с Украины.

Не только солдаты, но и многие командиры не верили, что в таком составе может сложиться дружный коллектив, а это будет влиять на исход сражений. Но, как узнаем дальше, опасения оказались напрасными.

Об эпизодах и битвах, связанных с этой пятёркой, и прежде всего с Михаилом Юсуповичем Фазиловым, будет дальнейший очерк.

Бои за Ростов-на-Дону

Наши войска всё дальше продвигались в глубь страны. С какой радостью и любовью встречали их жители городов и сёл, и с какой скорбью провожали, так как понимали, что вслед за ними движутся жестокие и кровавые полчища фашистов.

Пришлось оставить город Шахты Ростовской области, потому что тяжкие бои других частей нашей армии шли под Ростовом-на-Дону. И командование решило создать вторую линию противотанковой обороны в большом селе Политотдельском, недалеко от Ростова-на-Дону.

Бойцы и командиры всех родов войск принялись активно рыть рвы, делать доты и другие оборонительные укрепления. Им помогали жители села и окрестных деревень. А по ночам дивизион выходил на передовую. Солдаты рубили топорами мёрзлую землю, делали окопы для пехотинцев.

Морозы стояли очень крепкие. Немцы к таким морозам не привыкли, боялись их и не могли делать большие укрепления. И люди надеялись, что фашисты дальше не пройдут. Но бои под Ростовом продолжались.

Противотанковый дивизион находился почти всю зиму в резерве. Бойцы во главе с Фазиловым так хорошо изучили свою пушку, что могли зарядить её за семь секунд. И они были уверены, что одолеют любую вражескую технику и победят.

Однако положение на фронтах то и дело менялось. И на другом участке фронта враг смог прорвать нашу оборону. Дивизион Фазилова стал приближаться к городу Ростову, подошёл к реке Дон. Началась переправа войск через реку. Несмотря на

мощный заградительный огонь с нашей стороны, фашистской авиации всё же удалось повредить мост, на переправе. И немецкое командование выдвинуло к переправе танковые войска с тем, чтобы зажать в кольцо наши переправляющиеся части и уничтожить их.

Командование Красной Армией разгадало эти наглые фашистские замыслы и приказало противотанковому дивизиону задержать продвижение немецких танков и обеспечить безопасную переправу через Дон. Вот тут и потребовалось бронебойщикам испытать свои знания и способности в единоборстве с грозной вражеской техникой.

Дивизион занял оборону в ложбине за рекой Донец. Все двенадцать пушек расположились в определённом порядке. Подносчики поднесли снаряды, наводчики прилипли к панораме, чтобы в доли секунд поймать на крестик фашистский танк. Всё было приведено в боевую готовность.

Гитлеровцы не заставили себя ждать.

– Танки впереди, – крикнул наводчик рядом стоявшей пушки и, не дожидаясь команды, хотел ударить первым.

Но тут оказался рядом худой и шустрый командир Мирошниченко и, что было голосу, крикнул:

– Без команды не стрелять!

Танки были на расстоянии около полутора километров, их надо было подпустить ближе. А для этого требовались большая сила воли и солдатская выдержка.

Сначала одиннадцать вражеских танков заняли позицию за маленькими сопками почти напротив бронебойщиков, которые держали их на мушке. Расстояние примерно восемьсот метров. Кружившийся непрерывно фашистский самолёт-разведчик, конечно, передал расположение наших войск, потому что неприятель, очевидно, решив сразу покончить с советскими защитниками, двинул одновременно все танки прямо на батареи и начал беспорядочную стрельбу тут же на ходу.

Наши войска слева и справа от батареи открыли огонь, но танкам вреда пока не причинили. А за первыми стали появляться следующие танки. Ещё и ещё. Интернациональный расчёт Фазилова начал их считать. Вот уже двадцать пять, а они всё идут и идут.

И, когда расстояние до них сократилось до пятисот метров, послышался громовой приказ командира, донёсшийся до всех оружейных расчётов:

– По фашистским танкам... бронебойным...

А дальше ничего не было слышно. Только пороховая гарь щекотала в горле и носу. И орудие после каждого выстрела сильно откатывалось, ударяя панорамой по глазам и щекам, но боли наводчики не чувствовали. Они только видели, что на расстоянии четырехсот метров пылают несколько танков, другие стоят без движения.

Это была уже победа, и была безграничная радость бойцов. Но думать об этом некогда.

– Огонь! Огонь! – повторялись уверенные и твёрдые команды Фазилова.

Фашисты остервенели, пустили в ход громадное количество своих танков, сосчитать которые уже было невозможно. Они обходили стоявшие и пылавшие свои машины и беспорядочно стреляли. В ход пускали и бомбы. А когда патроны и бомбы кончались, то на расстоянии примерно двести метров немцы включали оглушительные сирены, вой которых был сильнее взрывов бомб и действовал на каждого бойца. В дыму, пыли, гари и грохоте казалось, что уже ничего нет живого, но бронебойщики всё били и били фашистов, и горящих танков становилось всё больше и больше. Последние танки были подбиты прямой наводкой на расстоянии 60–70 метров.

Враги не ожидали такого исхода битвы. И, окончательно озверев, решили обойти глубокую балку с двух сторон и ударить по бронейщикам с боков. Но наши разгадали их замысел и измотанные в бою бойцы на руках перетаскивали пушки в балку, чтобы занять выгодную позицию и встретить не ожидавших этого фашистов.

Однако и бронейщики «не зевали».

Бой закончился. Много погибло сорокапятков с их расчётами. Бойцы отдали свои жизни за свободу любимой Родины.

Вечная им слава!

Солнце клонилось к закату. Бойцы интернационального расчёта заняли выгодную позицию около посадки на спуске к реке Донец. Впереди балка и две маленьких сопки, видимость хорошая. Тихо.

– Ну, давайте закурим, – предложил наводчик Хаврюков и начал заворачивать махорку. – Вот в такую пору я всегда возвращался с поля домой.

И такое было

Фашистские планы молниеносного захвата советских территорий рушились один за другим. 30-ая Иркутская Краснознамённая орденоносная дивизия, уставшая и израненная, продолжала отбивать атаки и наносить внезапные удары во много раз превышающей её по технике и живой силе гитлеровской армии. Наши войска не уступали врагу ни одного клочка родной земли до тех пор, пока она не превратится в немецкое кладбище.

Но всё же Красная Армия вынуждена была отступить.

М.Ю. Фазилов рассказывал, что, когда их часть вступила в пределы города Краснодара, то пришёл приказ от Верховного Главнокомандующего:

– Ни шагу назад!

Приказ был прочитан на всех фронтах. И каждый, державший в руках оружие и дравшийся один против пяти, понял, что приказ товарища Сталина надо выполнять, что отступить больше некуда.

Нужно было перехитрить врага, чтобы как можно больше уничтожить оккупантов. И Краснодар превратился, можно сказать, в арену уличного сражения. Враг хотел отбросить 18-ую армию с ходу за Кубань, но наши бойцы храбро защищали каждый дом.

Фазилов рассказал такой эпизод.

На окраине города Краснодара находился маслозавод. По приказу старшего лейтенанта Мирошниченко интернациональная сорокапятка была установлена среди множества пустых и затаренных маслом бочек. Отсюда хорошо просматривалось несколько улиц и железнодорожная станция.

По одной из улиц вслед за нашими отступающими подразделениями двигались немецкие танки и самоходки с большим числом солдат, готовых нанести нашим войскам удар «в спину». А противотанковый расчёт Фазилова выжидал. Танки приближались к выходу из города. Грянул неожиданный для них выстрел – и головная машина свалилась в кювет. Следующий за ним громадный танк, как бешеный, двинулся вперёд, но снаряд бронейщиков попал точно в цель, и танк вспыхнул. И наш расчёт работал быстро.

На главной улице города образовалась большая пробка из фашистской техники, и наши противотанкисты добивали пехоту и автоматчиков осколочными снарядами. Враг не мог определить по звуку, где стреляет пушка, потому что звук выстрела сливался с эхом пустых бочек. И невозможно было догадаться, что там, среди бочек, в огне и дыму, скрывается орудийный расчёт.

И пока фашисты думали да гадали и в панике со страха их автоматчики строчили кто куда, расчёт быстро прекратил стрельбу и двинулся догонять давно ушедшие к станице Пашковской части нашей армии. Но эту станицу всё же

пришлось оставить. А 30-ая Иркутская дивизия заняла оборону в районе городов Горячий Ключ и Туапсе. Дальше этих позиций противник не пошёл, и части нашей армии готовились к решающим битвам.

Только вперёд!

1942 год на многих фронтах стал переломным. Началось изгнание фашистской нечисти из разных оккупированных уголков нашей страны.

На Кавказском направлении успешно вела борьбу 30-ая Иркутская дивизия, только теперь она была переименована в 55-ую гвардейскую Иркутскую Краснознамённую дивизию.

Бойцы и командиры этой дивизии с гордостью несли это почётное звание гвардейцев, совершая подвиги и оправдывая доверие Родины. Враг был опрокинут.

Гитлер и его генеральный штаб возлагали немалые надежды на Кавказ, рассчитывая удержать этот плацдарм, но всё больше и больше участков переходило из грязных рук оккупантов в руки наших бойцов.

Всюду в освобождённых районах встречались результаты чудовищных погромов, что даже трудно описать словами. Тысячи злодейски убитых и повешенных людей, испачканные кровью виселицы и сотни горящих изб... И бойцы понимали, что надо скорее изгонять с родной земли этих извергов рода человеческого.

И это изгнание со страшными боями продолжалось.

Вот уже в руках гвардейцев станица Крымская. А затем освобождены станицы Абинская и Лабинская. Впереди «Голубая линия». Так называли немцы укреплённую линию в этом районе, где они рассчитывали остановить победоносное шествие Красной Армии и даже размечтались о дальнейших своих успехах.

Но уж нет. Военная машина гитлеровской армии, теперь значительно поломанная, оказалась небоеспособной. И отдельные небольшие удачи не могли решить окончательный исход сражений.

Гитлеровцы, пытаясь запугать наших бронбойщиков, во всё горло орали, что у них появилась новая мощная техника, которую никто и ничто не сможет побороть. Это «Тигры», «Фердинанды» и «Леопарды».

Одновременно фашистское командование третьего рейха надеялось поднять моральный дух своей армии. Но и этот миф тоже провалился. В руках наших бронбойщиков уже были схемы новых фашистских танков и инструкции, как вести с ними борьбу. А потом поступили и новые снаряды, способные уничтожить эту технику. И они уже были в распоряжении всех расчётов и орудий в достаточном количестве. Такие снаряды назывались подкалиберными.

Но освобождать данную часть Кавказа и на этом фронте встречаться с новыми мощными танками 55-ой дивизии, в которой воевал и Михаил Фазилов, не пришлось. Иркутской Краснознамённой гвардейской дивизии выпала честь освобождать от немецко-фашистских оккупантов город Новороссийск.

На Малой земле

Раннее утро было тихим и спокойным. Но эта тишина казалась подозрительной.

Дивизия подходила к городу Новороссийску, оккупированному фашистами. От трудных переходов по горным перевалам, а потом бессонной ночи бойцы устали, но несмотря на это, были готовы ринуться в бой.

А город горел. Едкий запах пороховой гари, смешанный с пылью, щекотал горло и нос. К нему гвардейцы привыкли. Но здесь был и другой – жуткий запах горевших человеческих тел.

Пока не совсем рассвело, командиры расставляли своих бойцов по намеченным позициям. Расчёт противотанкового орудия, которым командовал Михаил Фазилов, занял место за разваленным углом горевшего морского вокзала. Под его сводами лежали в разных позах десятки фашистских трупов, скрюченных и обгоревших. От них и шёл смрад.

Левее города горстка смельчаков-краснофлотцев, высадившись десантом на маленьком клочке земли, вела ожесточённые бои, отрезая фашистам путь к отступлению. И немцы, зная смелость наших краснофлотцев и боясь, что им не удастся убежать, выдвинули против одного батальона целое соединение пехоты и множество миномётно-артиллерийских подразделений. И над нашими смельчаками постоянно летали вражеские бомбардировщики и штурмовали, и вели огонь с воздуха.

Таким образом десантники со всех сторон были отрезаны от остальной части армии и вели бои самостоятельно, удерживая каждый квадратный метр земли ценой собственной жизни. А отборные фашистские армии, в несколько раз превышающие их по силе, по 8–10 раз в день наступали на них, пытаясь удержать каждый камень, каждый куст, оставляя множество убитых и раненых.

Этот клочок земли был назван Малой землёй.

А 55-ая гвардейская дивизия должна была помочь краснофлотцам.

Вести бои в городе с высокими зданиями очень сложно. И командиры это понимали. С того места, где занял позицию интернациональный расчёт, хорошо просматривались площадь и перекрёсток дороги, за которым возвышалось здание элеватора.

Элеватор был ещё в руках фашистов. Из него были видны наши подразделения, и фашисты вели по ним стрельбу. Поэтому главная задача состояла в том, чтобы выбить непрошеного зверя из его логова.

С такой целью с самого рассвета пошла к этому зданию пехота, но взять ей этот важный пункт не удалось: из каждой щели неслась огненная лавина от огнемётов и крупнокалиберных пулемётов. Надо было найти выход.

Хотя война не бывает без потерь, но то, что кучка гитлеровцев, занимая выгодную позицию, безнаказанно убивает наших солдат, щемило сердце каждого бронбойщика. Боевая дружба и постоянные схватки на полях сражений научили их без слов понимать друг друга. Перед этим орудийным расчётом стояла задача контролировать просматриваемое место от возможного появления танков и бить по ним, не допуская наступления фашистов. Но бронбойщики приняли новое решение.

На рассвете следующего утра, когда пехота и моряки начали очередной штурм, противотанковый расчёт выкатил из укрытия пушку и молниеносно перекатил на открытую местность. Там, на перекрёстке дорог, элеватор был виден, как на ладони. Прижимаясь к пушке и лафету, с суровыми лицами, покрытыми потом и грязью, они всё катили и катили своё орудие ближе к элеватору, где можно было бы укрыться за боковыми дорожными камнями.

И когда уже их отделяли всего каких-то 30–40 метров, фашисты заметили расчёт. Посыпался град пуль. Но храбрые воины продолжали катить пушку. Оставалось совсем немного до намеченного места – начали рваться мины. Дым от десятка разорвавшихся мин, смешавшись с пылью, поднялся столбом, и расчёт оказался загороженным от взгляда пулемётчика. Пули уже летели выше голов.

Наконец, колёса пушки ударились о барьер дороги, и наводчик поймал на крестике тот пулемёт на втором этаже, из которого сыпались пули. Зарядили пушку, раздался выстрел, потом ещё и ещё, и точка была подавлена.

– Ура! – послышалось со стороны пехоты.

Но путь ещё не был свободен: фашисты яростно стреляли. Расчёт «ловил» каждое гнездо на втором этаже, уничтожая пулемёты и миномёты.

Наши штурмующие подразделения вступили в зону самого элеватора. Всё же предельно озверевшие фашисты не сдавались в плен, а продолжали яростно сопротивляться. Но русские штыки и руки наших бойцов, теперь уже в рукопашном бою, решили окончательный исход сражения. К полудню элеватор был взят.

– Ура! Победа!

И героические десантники вышли на встречу с основными нашими войсками. Крепкие рукопожатия, объятия, поцелуи.

С Малой земли началось изгнание фашистов из родной страны.

А Михаил Юсупович Фазилов был награждён за проявленный героизм и смекалку своим вторым орденом – орденом Отечественной войны второй степени. Шёл уже 1943 год.

И ещё Михаил Юсупович рассказал о том, как здесь, на окраине «малой земли», расположились они на отдых. Зелёный лужок сплошь изрыт воронками от снарядов. А рядом небольшой молоденький лесок с искалеченными от взрывов деревьями. Бойцы кто сидел, кто лежал, некоторые писали письма.

Подошел замполит. Уставшие солдаты, стараясь выглядеть бодрыми, но преодолевая утомление, начали вскакивать для приветствия.

– Не надо, не надо, не вставайте. Располагайтесь, кому как удобно и слушайте, – сказал замполит.

Политинформация, как всегда, началась с новостей с фронтов. Но не прошло и пяти минут, как к этой группе подошли двое, судя по поведению замполита, большие начальники. Их Михаил увидел впервые.

– Леонид Ильич Брежнев, – кто-то произнёс тихо.

Все вскочили и на приветствие Брежнева, хоть и не очень дружно, но громко произнесли:

– Здравие желаем...

И растерялись.

– Ничего, ничего. Вы молодцы, храбро защищаете нашу Родину, всех благодарю от имени родной коммунистической партии.

Затем обратился к замполиту:

– Не надо проводить длинных политинформаций, ребята устали. Они в бою доказали, что политически подкованы.

Второй раз Михаил Фазилов встретился с Брежневым уже в Крыму. Леонид Ильич, генерал-майор, был начальником политотдела. И здесь, в каменоломнях Керчи, он вручил самым отличившимся бойцам и офицерам награды, в том числе и нашему герою.

Подготовка к броску в Крым

Последним опорным пунктом на Северном Кавказе был город Тамань.

«Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России», – писал когда-то М.Ю. Лермонтов, рассказывая про маленькие обветшавшие домики, покосившиеся заборы и грязные улочки.

А теперь это был современный портовый город, пострадавший от фашистов. Но под ударами 18-ой армии оккупанты бросали много военной техники, целыми соединениями сдавались в плен, в панике бежали в Крым.

Кавказ был полностью очищен от врага, и перед нашей героической Красной Армией стояла задача освободить Крым, а главная роль отводилась 55-ой гвардейской Краснознамённой дивизии.

Крым от Кавказа разделяет Керченский пролив, соединяющий Азовское море с Чёрным, шириной всего четыре километра. И очень скалистый берег Крыма был наполнен огневыми точками фашистов. Многочисленные доты и дзоты хорошо

укрывали противника. Из своих наблюдательных пунктов фашисты видели передвижение наших войск, и в этом было превосходство их положения.

А на берегу, где располагались наши войска, голая песчаная коса, трудно поддающаяся маскировке. Она вдавалась в Чёрное море длиной в шесть километров, а шириной всего в 1–2 километра, и имела странное название «Чушка». И эту косу выбрало командование для сокрушительного удара по врагу.

Каждому бойцу было отведено определённое место, и по ночам выдвигались на косу подразделения; до рассвета они зарывались в землю так, что враг даже через этот узкий пролив их не мог разглядеть.

Малейшая оплошность лишь одного человека могла бы загубить всё задуманное. Поэтому для нападения на врага отобраны были самые надёжные. В дневное время им запрещалось всякое движение, громко разговаривать и курить. Почва здесь была песчаная, и в этих сыпучих окопчиках бойцам и командирам приходилось спать, есть, справлять естественные нужды. И только по ночам могли двигаться, немного разминаться.

В течение двух недель коса «Чушка» вместила в себя тысячи гвардейцев и сотни орудий разного калибра. По замыслу командования, на каждый квадратный метр позиции противника должно упасть с нашей стороны восемь снарядов.

Одновременно с другой стороны готовились бронекатера Азовского и Черноморского флотов для высадки десанта.

Десант и штурм

Враги то и дело, скорее для устрашения, постреливали в сторону «Чушки» из пулемётов. И в эту прохладную октябрьскую ночь немцам не снилось, что уже утром им придётся голыми убежать с насиженных мест, спасая свою шкуру.

А было всё так. Обитатели «Чушки» завершили артподготовку. Незаметно под покровом ночи с Чёрного и Азовского морей подходили катера и останавливались на отведённом им месте. 55-ой дивизии выпала большая честь: она вместе с частями морских пехотинцев была включена в штурмовую группу первого десанта. И в этих рядах первых штурмовиков занимал своё почётное место и интернациональный расчёт противотанкистов во главе с Михаилом Фазиловым.

Хорошо замаскированные подъехали и подготовились к бою гвардейские миномёты «Катюша» – гордость Красной Армии.

Стрелки часов приблизились к четырём, но было ещё темно. И вдруг над городом Тамань взлетели три ракеты: две синих и одна красная. Их смысл знали все и ждали с нетерпением. И сразу же коса «Чушка» запылала, задрожала и не то, что задвигалась, а как бы заходила ходуном под ногами бойцов и командиров. Заработала артиллерия и грозные «Катюши». Под их огнём штурмовики заняли свои места на катерах.

Рассветало. Бронекатера постепенно приближались к берегу, занятому фашистами. У гитлеровцев началась паника. А некоторые вражеские пулемётные точки кинулись поливать катера огнём, не давая возможности высадиться десанту. Но противотанковый орудийный расчёт, как всегда молниеносно, развернувшись на палубе, открыл огонь прямой наводкой по разъярённым фашистам.

Высадившись на берег Крыма, красноармейцы ринулись в штыковую атаку с внезапно появившимися оголтелыми эсэсовцами и недобитыми власовцами. Враг сопротивлялся до последнего.

Вдруг со стороны фашистов стали приближаться резервные пулемёты с миномётами. Возникла срочная необходимость поддержать моряков орудийным огнём. Но катер не мог так близко подойти к берегу, чтобы выкатить пушку. Тогда расчёт метров за пятнадцать от берега, привязав пушку верёвками, в ледяной воде потащил её к берегу.

Десантникам всё труднее стало высаживаться на скользкий берег под вражеским огнём. Но бронебойщики, ступив на Крымскую землю, даже не выжав тяжёлое, мокрое и холодное обмундирование, развернули свою пушку и ударили по пулемётной точке. Пулемёт замолчал. Перетащив свою пушку повыше, интернациональный расчёт четырьмя снарядами добил и второго гада. Под натиском красноармейцев враг обратился в бегство.

Высота 16/32

Эту часть своей военной (да и всей) жизни Михаил Юсупович Фазилов считает самой главной.

Постепенно на Крымский полуостров стекалось всё больше советских войск и техники. В отдельных местах страны уже гнали фашистов дальше, но в Крыму решительных боёв пока не предпринимали.

В районе города Керчи у фашистов была хорошо укреплённая оборонительная линия, позволяющая им защищаться и не отходить дальше. Это – сопка недалеко от цементного завода имени Войкова и правее каменоломен, в которых находилась линия нашей обороны. Сопка обозначалась под номером 16/32, и эта высота была в руках немцев.

Фашисты всеми силами и средствами старались удержать высоту, потому что с неё хорошо просматривались все передвижения наших войск, а главное – переправа на Керченском проливе. И отсюда противник посылал прицельные артиллерийские, миномётные и бомбовые удары в сторону наших войск.

И пока эта выгодная точка находилась в руках неприятеля, любая попытка к решительным действиям могла кончиться большими жертвами.

Поэтому командованием была поставлена боевая задача – вышибить фашистов с этой высоты и овладеть ею!

Началась тщательная подготовка. Командиры подразделений устанавливали связи с другими подразделениями. Наметили время и сигнал начала действий. А так как штаб генерала Аршинцева располагался в каменоломнях ближе других от завода имени Войкова, то ему отводилась главная роль в этой битве. И на случай, если враг пустит для обороны танки, на эту линию был выдвинут 62-ой отдельный истребительный противотанковый дивизион. А расчёт № 1, то есть тот, где командиром был Михаил Фазилов, занял огневую точку против сопки.

Четыре часа утра. Небольшой ветерок разогнал туман и освежил лица бойцов. Город Керчь, казалось бы, спал, но фронтовая привычка уже подняла наших бойцов и командиров на ноги.

Из каменоломни взметнулась ракета – это был условный сигнал. Сразу же заработали все виды артиллерийских орудий и миномётов. Минут сорок страшный грохот потрясал воздух. Такого «завтрака» фашисты не ожидали.

Потом в самую глубь вражеской обороны двинулись наши танки Т-34 и пехота. При этом наступали не только на сопку, но и на фланги. Однако фашисты сопку не оставляли и направили свои танки на наши. Но расчёт № 1 уничтожил два вражеских танка. Красноармейцы начали «утюжить» сопку со всех сторон. Немецкие солдаты армии особого назначения, с нашивками на рукавах в виде черепа и кости, не выдержали и «дали деру».

Высота была взята. И жертв оказалось мало.

А на груди молодого командира, старшего лейтенанта Михаила Фазилова засиял орден Красной Звезды.

Главное – удержать

Теперь предстояло выполнить следующую боевую задачу – удержать эту сопку, не отдать её опять фашистам. Поэтому последовал приказ командования 62-го отдельного противотанкового гвардейского дивизиона: «Расчёту противотанкового орудия № 1 занять огневую позицию на вершине сопки и удержать её до особого назначения».

Значит, эту почётную задачу возлагали на расчёт, которым командовал Фазилов. Но – всего пять человек, одна пушка и автоматы. А фашисты, разумеется, захотят вернуть этот выгодный участок.

Но приказ есть приказ.

Подняли на сопку пушку, вырыли каждому отдельный окоп, замаскировались. Подвезли много нового типа противотанковых снарядов для тяжёлых танков противника, осколочные и поражающие танки гранаты, прихватили и порядочное количество «лимонок».

– Пусть только сунутся фрицы, а угощение для них готово, – шутили гвардейцы.

Преимущество на войне всегда у того, у кого более выгодная позиция, с которой хорошо видны огневые точки противника. Такой позицией здесь была высота 16/32. Поэтому, естественно, фашисты захотят её вернуть, и именно командование послало туда самый лучший расчёт – интернациональный. Но его положение усугублялось тем, что фашисты могли подойти к сопке с трёх сторон. Гвардейцы не спали две ночи и вокруг основной точки также сделали укрепления, соединили с ходами сообщения, спрятали противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

Три дня прошли относительно спокойно, если не считать отдельных артиллерийских и миномётных взрывов вокруг сопки. И самолёт-разведчик с прозвищем «рама» непрерывно кружил, порой спускаясь так низко, что можно было разглядеть «физиомордию» пилота.

Третий день подходил к концу, начало смеркаться.

Ребята сидели в блиндаже, рассказывали друг другу смешные анекдоты и, конечно, про фрицев. Все укатывались со смеху.

Вдруг послышался голос наблюдателя:

– Немцы!!!

Пулей вылетели все и заняли заранее отведённые места: Жарков юркнул в свой окоп по левую сторону сопки, Хаврюков – по правую, остальные – около пушки.

Но команда сразу не последовала: Фазилов выжидал, чтобы фашисты подошли ближе. А они явно двигались к сопке, но только на штурм это не было похоже, скорее – на самоубийство.

Немцев было примерно с взвод. Они шли в полный рост и очень громко балабонили. Впереди идущий офицер размахивал пистолетом, остальные шли строем, в ногу, с офицерской выправкой, держа наготове автоматы. Всё это было похоже на психическую атаку. Очевидно, они надеялись напугать и выгнать гвардейцев с сопки.

Чем ближе к сопке, тем шаги их становились быстрее. И наконец, нарушив строй, они, как стадо баранов, с громким криком побежали на сопку. До противотанкистов оставалось метров сто пятьдесят. И тут нетерпеливый Когуашвили два раза выстрелил. Офицер подпрыгнул, вскинул руку с пистолетом, сделал ещё пару шагов и рухнул на землю на склоне сопки.

Сразу заработали все автоматы бронебойщиков. Немцам прятаться было некуда, и весь офицерский взвод погиб от первых же выстрелов бронебойщиков и совсем близко от них. Так и осталось непонятным, почему фашисты пришли на верную смерть.

Наступил вечер. В темноте обычно фашисты не наступали. Но гвардейцы на этот раз не пошли отдыхать. И хотя наблюдатели зорко следили за врагом, но расчёт

Фазилова провёл ночь около пушки, и только под утро удалось немного вздремнуть. Разбудили наблюдатели.

Немцы не предполагали, что на сопке спрятана пушка, которую они очень боялись. Думали, что там горстка стрелков, и расправиться с ними большого труда не составит.

Перед рассветом фашисты снова пошли в наступление. И на этот раз осторожнее, прячась за каждый бугорок, в каждую ямку. Но офицер явно их торопил.

– Приготовить гранаты, привести в порядок автоматные диски, – дал распоряжение командир Фазилов, а сам быстро переместился в отдельно вырытый окоп прямо перед пушкой.

– Без команды не стрелять!

А немцы всё шли и шли. Неуклюже совершая перебежки, они остановились на расстоянии примерно сто метров от бронебойщиков и залегли.

Пять человек против целой роты фашистов!!!

И это было здорово! Есть, чем гордиться!

«Теперь надо быть начеку, – размышлял про себя командир, – лишь эти гады поднимутся, тут же их и косить надо».

И только он об этом подумал, как фашисты поднялись и, беспорядочно рассыпавшись, начали стрелять на ходу.

– Прицельным огнем пли!!!

Бойцы, ожидавшие эту команду с нетерпением, сразу застрочили.

Всё больше и больше падало скошенных прицельным огнём фашистов. Остальные залегли, кто где смог приткнуться. Как ни пытался офицер их поднять, всё было бесполезно. Гитлеровцы в панике сначала отползали, а потом вскакивали и бежали. Но спаслись немногие. С полсотни трупов лежало на склонах сопки.

Эта вторичная победа пятерки гвардейцев против численно превосходящих сил фашистских мракобесов воодушевила их. Они шутили и смеялись, придумывая разные прибаутки и подтрунивая друг над другом.

Но каждый понимал, что впереди их ждёт что-то ещё более серьёзное.

И враги тоже не смогли смириться со своим поражением. И хотя на многих участках развёрнутого фронта они отступали, но здесь всеми силами пытались овладеть этой высотой, принимая всё новые и новые попытки. Но и гвардейцы тоже готовились к решительным схваткам.

А солдаты рейха стали понимать, что миф о непобедимости их армии и превосходстве над другими народами – пустая пропаганда, потому что народы защищают свою родную страну, а не стремятся к захвату чужих земель.

Пять схваток с фашистами кончились победой наших героев. Но гвардейцы очень устали, потому что больше двух часов в сутки им не приходилось спать.

Весь следующий день прошёл удивительно спокойно. На войне так бывает редко. И солнышко светило, казалось, особенно ярко, и ни с чьей стороны не было ни одного выстрела.

Бронебойщики решили поужинать по-семейному и собрались в блиндаже. Выложили имеющиеся продукты: консервы, сухари, сахар и флаги с водой.

Продовольствием, как и всегда, распоряжался весельчак Когуашвили. Он суетился, бегал, хлопотал, стараясь сделать фронтовой стол похожим на домашний. И даже извлёк из своего вещевого мешка флажку с чудом уцелевшим сухим вином.

Когда всё было готово, он отошёл от стола, принял вид гостеприимного хозяина и по-русски, но с большим акцентом, произнёс:

– Мы гости встречает всегда хорошо. Жарит шашлык, курдюк все даём. Мы сейчас извиняется, что нет ни курдюк, ни шашлык и нет много вина. Мы сейчас должен сохранить спортивный форма, как боксёр. Если много будешь пить, кушать, будешь толстый, будешь жирный и лодир. А худой фриц быстро пах-пах и рай

посиляет. Поэтому много вина, сладкий вина мы угощает на мой свадьба, после войны. А сейчас мало, но будем пить за победу, за Родину.

Чувствуя поддержку друзей, Гриша Когуашвили стал ещё более веселым и рассказывал грузинские прибаутки.

И командир Михаил Фазиллов понял, что настало время и ему обратиться к своим друзьям. Он встал, подошёл к Грише, положил руку на его плечо. Лицо командира сделалось серьёзным.

– Так вот, друзья мои! – произнёс он вступительную фразу. И по тому, как напряжённо смотрят на него ребята, он понял, что они будут сейчас ловить каждую его фразу. А так как их девиз, что и у мушкетёров – «Один за всех и все за одного», то всегда готовы подставить плечо другу.

И Михаил продолжал:

– Фашисты злятся на нас. Они любой ценой хотят вернуть себе эту высоту. Пятикратное поражение от наших рук приводит их в бешенство. Я чувствую, что они готовятся бросить на нас танки и большие силы пехоты. Конечно, нам тоже придётся несладко.

Фазиллов прервал свою речь, посмотрел на ребят. Лица их казались сосредоточенными, как перед боем.

– Мы должны тоже быть готовыми к самым серьёзным испытаниям, – сказал он, – но нам доверяют, и мы должны оправдать это доверие.

Он хотел добавить что-то ещё, но Когуашвили вставил своё слово:

– Э, командир, зачем говорить так? Разве нас мало? Смотри: Грузия здесь, Таджикистан здесь, Россия здесь, Украина здесь, и Сибирь тоже с нами. Наш семья большой. Пусть только сунется гад, мы ему сделаем заказной шашлык.

– Ну что ж! – заключил командир. – Расходимся по местам. Только запасайтесь побольше гранатами, нам с горки хорошо бросать их.

Последний штурм врага

Последние лучи солнца скрылись за горизонтом, и на сопку опустилась тёмная южная ночь. Но как и весь день, противник продолжал молчать. Значит, он что-то замышляет.

Утро тоже казалось необыкновенно спокойным. Туман, сплошной пеленой окутавший землю, оказался настолько густой, что невозможно было разглядеть окопы неприятеля. Слабо просматривались даже самые высокие полуразрушенные дома Керчи.

– Хорошо как! – сказал Жарков. – Пусть не как у нас в Сибири, но и здесь тоже хорошо.

В эту минуту до слуха бойцов донеслось несколько глухих ударов со стороны немцев. И снаряды, с воем пролетая совсем близко от сопки, упали на землю и разорвались.

Вскоре, кроме артиллерии, на самом переднем краю заработали и миномёты. Мины и снаряды ложились всё гуще и гуще, но окопы бронбойщиков вполне соответствовали своему назначению. Друзья волновались за свою единственную пушку. Но, к счастью, она была надёжно зарыта и хорошо замаскирована, поэтому вражеские снаряды её не повредили.

Пятнадцать минут бешено бил враг по высоте из разных орудий. И вдруг...

– Танки и немцы! – крикнул стоявший в наблюдении Жарков.

Ровно пять часов утра. Там, внизу, в тумане послышался рёв моторов – враг шёл на штурм. Наступал сразу с трёх сторон сопки.

Впереди фашистского батальона двигались два тяжёлых танка. Положение пятёрки гвардейцев оказалось крайне критическим. Слишком неравными были

силы. Надо действовать срочно, ибо каждая минута промедления могла стоить жизни.

Определив ситуацию и взвесив быстро всё возможное, командир Фазилов начал отдавать приказания:

– Гвардии красноармейцу Жаркову занять оборону в окопе на склоне горы слева!

– Гвардейцу Богданову занять окоп справа!

– Гвардии старшему сержанту Хаврюкову занять окоп истребителя танков по фронту и готовиться к уничтожению немецких машин противотанковыми гранатами!

– Гвардейцу Когуашвили остаться со мной у пушки!

– Приготовить гранаты и автоматы! Без команды не стрелять!

Всё было готово. И тут из густого тумана выдвинулась громадная стальная машина с автоматчиками.

Два тяжёлых танка подошли к подножию сопки, остановились, выпустили несколько снарядов и стали подниматься на гору. Один двинулся на левый фланг, где сидел Жарков, а другой прямо к расчёту.

Пехота фашистских автоматчиков разделилась на три группы. Одна двинулась без прикрытия на правый фланг к Богданову, другая под прикрытием танка на левый, третья, под прикрытием второго танка, прямо на пушку.

«Прежде всего надо ликвидировать танки», – подумал командир и отдал распоряжение:

–Заряжай подкалиберным!

Когуашвили быстро зарядил и выстрелил в пушку танка. Но первый снаряд её не повредил, а второй вывел из строя. Однако танк продолжал двигаться. Видно, цель его была – раздавить бронебойщиков. И тогда стало понятно, что надо огонь вести сразу в двух направлениях.

От третьего снаряда, пущенного Когуашвили, головной танк сначала вздрогнул, как в припадке, потом подпрыгнул и загорелся. Автоматчики бросились врассыпную от пылающего танка и залегли.

Второй танк не успел сделать ни одного выстрела, но его постигла та же участь.

– Заряжай осколочными! – распорядился Фазилов.

Снаряды летели на фашистов непрерывно и на дальнейшее расстояние, 350–400 метров. Быстро переводя огонь то налево, то направо, гвардейцы громили гитлеровцев прямой наводкой. Каждый пушечный снаряд попадал в цепь противника и уносил десятки жизней. И пока враги докарабкались до половины высоты, их осталось тоже примерно половина.

Но они оказались теперь настолько близко, что их нельзя уже было бить из пушки. И лезли они перебежками, и по-прежнему нагло.

– По наступающим фашистам огонь! – раздалась общая команда.

Как только фашисты поднимались с земли, их настигал огонь сразу из пяти автоматов, и оставшиеся в живых вынуждены были снова падать на землю.

Была уже середина дня, но гитлеровцы продолжали двигаться вверх то ползком, то перебежками. У них не было другого выхода, кроме психической атаки, потому что они слишком приблизились к позициям гвардейцев.

И на таком близком расстоянии вражеский батальон оказался уже небоеспособным и был полностью истреблён. Ни один фашист не вернулся назад. Сотни трупов устилали склоны сопки, и почти столько же мучилось от ран.

Со стороны гвардейцев только Когуашвили был ранен в левую руку, но он не придавал этому большого значения.

Теперь надо приводить в порядок хозяйство.

– Ну, с чего начнём? – спросил уставших гвардейцев командир.

– У меня, хлопцы, в желудке трясется сибирская балалайка, – смеясь, заметил Жарков, – поэтому, я считаю, что начать надо с обеда.

– Нет, давайте сначала сделаем уборку, всё снова приведём в боевую готовность, – внёс свое предложение Хаврюков.

– Правильно говорит Андрей, – согласился Фазилов, – надо пушку почистить от гари, всё расставить по местам. А уж потом спокойно все вместе поужинаем.

На том и порешили. Распределили рабочие места: один чистит оптический прибор, другой – замок, третий – подъёмный и поворотный механизм.

Каждый занялся своим делом, а в окоп наблюдателя пришла очередь спуститься командиру Фазилову.

Закончили работу, когда уже совсем стемнело. Сели на станины немного отдохнуть, мечтая об ужине.

И вдруг!..

Страшный вой в воздухе, нарастающий с каждой секундой, всполошил гвардейцев. Бронебойщики по фронтовой инерции попадали на землю.

Тр-рах! И всё замерло.

Пыль и едкая пороховая гарь поднялись над сопкой. Оглушённый, контуженный и раненый в правую ногу командир схватил автомат и быстро пополз к пушке. Увидел друзей, лежащих в непонятных позах. И... кровь...

«Живы ли? Едва ли. Но, может быть, ещё успею кому оказать помощь?» – подумал Михаил, но силы его оставили, он потерял сознание.

Очнулся, когда на носилках его выносили из каменоломни для отправки в эвакогоспиталь. Над ним наклонился генерал Аршинцев, поцеловал его в лоб и щёки. Затем с отцовской заботой поправил ему шинель на груди. Генерал ценил каждого солдата, поэтому долго ещё стоял и смотрел на удаляющихся санитаров.

Так в декабре 1943 года закончился боевой путь старшего сержанта Михаила Юсуповича Фазилова.

А жизнь продолжалась.

Долечивание

Михаила выписали из госпиталя. На прощанье врач сказал:

– Отпуск у тебя длительный. Это для долечивания. В госпиталях долго лежал, свежего воздуха видел мало. А у вас там, в Таджикистане, зим не бывает, тепло. И весной, когда совсем поправишься, поедешь в Москву за назначением.

И он написал на бумажке, когда и куда надо явиться.

За всю войну писем на родину Фазилов не писал.

– Пусть считают меня погибшим, – говорил он друзьям, – им так будет легче переживать, если пришлют похоронку.

С радостью на костылях шёл он к дому. Но когда подошёл к калитке, увидел двух незнакомых людей: мужчину и женщину.

– Вы кто? – спросил Михаил.

– Мы здесь живём, – ответила женщина.

– Но это же дом моих родителей и мой тоже.

– Мы его купили, – почти хором ответили овдвоем.

Соседи объяснили Михаилу, что оба его брата погибли на фронте, а вскоре умер отец, следом за ним и мать. Нужны были деньги на похороны, а потом на помины, которые принято отмечать всем колхозом. Вот и продали поэтому дом, всё равно жить в нём было некому.

Пришлось старшему сержанту, воевавшему, как говорится, не на жизнь, а на смерть, но оставшемуся без семьи и дома, жить на частной квартире.

Но молодость взяла своё, он быстро поправлялся на свежем горном воздухе. И весной поехал в Москву, чтобы устраивать свою судьбу.

Когда вышел из вагона, увидел большое оживление. Москва выглядела празднично: повсюду флаги, лозунги, портреты. К нему подходили незнакомые

люди, дарили флажки, цветы, благодарили, обнимали, целовали, смеялись и плакали. Звучала весёлая музыка.

Это было 9 мая 1945 года. Это был Великий день Победы!

В Москве Фазилова отправили на долечивание во временный госпиталь № 246 конвойных войск МВД¹⁾, расположенный недалеко от Рязани. Одновременно он должен был охранять военнопленных немцев и японцев. Это была лёгкая работа. В Рязань Михаил прибыл вместе с патрульным взводом. Разместили конвоиров в общежитии комбайнового завода в пятнадцати километрах от областного центра.

Лагерь представлял собой огромную территорию, внутри которой располагалось несколько бараков. И весь лагерь был огорожен высоким забором. А задача конвоиров – не допускать попытки к побегу. А пленников около тысячи человек.

В лагере Михаил Фазилов познакомился с командиром Глинским. Прошло больше года. Раны на руках и на ноге зажили. Однажды командир вызывает его к себе и спрашивает:

– Ну как, способен дальше служить?

– Да, я себя уже хорошо чувствую.

– Но тебе подошло время демобилизации. Поезжай домой, займись мирным трудом.

И вручил ему соответствующий документ.

Но за несколько дней до этого в жизни Михаила Юсуповича произошло важное событие. Его друг и напарник, с которым он вместе дежурил (имя Михаил Юсупович не назвал. В.В.), предложил ему:

– У нас два дня выходных, поедem со мной. Я живу в Рязанской области, отсюда километров пятнадцать будет. Отец уехал в командировку, он у меня строгий. А дома остались только матушка и сестра, они обе добрые и рады тебе будут.

Михаил согласился.

Вошли они в дом. И, как увидел Михаил девушку, показалась она ему необыкновенно красивой, так и загорелось его сердце.

«Моя будет, никому не отдам», – тут же решил он.

Да и девушке он тоже понравился. Высокий, красивый, кудрявый. А что не русский, ну и пусть, ведь это же всё равно СССР.

Прошли полтора дня и две ночи. Пора возвращаться на службу. А тут и отец девушки приехал. Познакомились, посидели за столом, выпили домашней медовухи, закусили тоже всем домашним.

Михаилу отроду смелости не занимать, а здесь и вовсе осмелел и говорит:

– Отец, очень мне приглянулась твоя дочка, хочу жениться на ней. Ты согласен отдать её мне в жены?

– Нет, даже не проси!

Лицо главы семейства сделалось суровым.

– Папа, но я люблю его, разреши, – взмолилась девушка.

¹⁾ МВД – Министерство внутренних дел СССР

– Нет! – ещё более резко крикнул отец. – Любовь – это блажь, а ты у меня вон какая красавица, ещё не такого себе русского найдёшь.

– Но почему, папа? Мне не нужен другой, я Мишу хочу.

– Да что ты правда, парень хороший, красивый и умный, – вмешалась в разговор мать. – И характер, видать, хороший.

– Он не нашей веры, – уже более спокойно пояснил отец.

– Да кто же сейчас верит? – вставил своё слово молчавший до сих пор брат девушки. – Мишка парень хороший, уж я-то его знаю, целый год мы вместе с ним несём патрульную службу.

Но отец не унимался.

– Может, он и хороший, да не наших кровей. Вы не верите, но его родители, наверняка верующие. У мусульман это строго, не сможешь ты с ним жить, доченька.

Против такого убеждения у Михаила не нашлось ни одного подходящего аргумента. Так и уехал без жены.

Спустя значительное время узнал, что эта девушка замуж ни за кого и не вышла, а ему родила сына Владимира, будущего «чернобыльца», которого, к сожалению, теперь уже нет.

Жизнь без погон

Михаила Юсуповича Фазилова демобилизовали вскоре после описанных событий, в 1946 году.

Но где жить дальше? Как устраивать свою судьбу? Образование хоть какое-то получил, но специальности, кроме военной, никакой. На малой родине, в Таджикистане, близких родных не осталось, значит, там делать нечего. Но всё же что ни говори, а Средняя Азия тянет к себе. Решил поехать в Узбекистан.

Ещё в 1942 году перед боем на Днепре Михаил, будучи восемнадцатилетним парнишкой, вступил в ряды коммунистической партии. Ведь тогда это считалось самым главным, и часто бойцы перед жестоким боем говорили: «Если погибну, считайте меня коммунистом». И после боя им, оставшимся живыми, вручали партбилет без всякой церемонии приёма, записанной в «Уставе ВКП(б)¹⁾».

Поэтому Михаил Юсупович поехал в Ашхабад, пошёл сразу в обком партии и стал на учёт. Там Фазилову предложили полтора месяца отдохнуть, а потом направили в распоряжение районного «мясомолпрома», где ему дали должность управляющего.

Теперь местом его пребывания стал небольшой городок Кенджиченд, расположенный среди горных хребтов на реке Зеравшан. Вокруг него места со скромной пустынной растительностью на песчаной почве, а здесь, вблизи от большой реки, растут высокие деревья, много зелени и красивые южные цветы.

Управляющий знал родителей Михаила.

– Работа очень ответственная и, я бы сказал, не такая простая, как кажется на первый взгляд, – предупредил он Фазилова. – Твоим напарником будет Панфилов, тоже фронтовик и коммунист, у него уже есть небольшой опыт. Будете ездить по деревням и кишлакам, собирать подушные налоги с населения домашними продуктами. Если семья бедно живёт, пусть занимают, но налог-то платить они обязаны. И только в самых крайних случаях составляйте акты, с такими неплательщиками будет разбираться народный суд. А кто побогаче живёт, с тех можно и побольше нормы взять, ничего с ними не случится. Ведь должны мы как-то задание выполнять, какое нам свыше спускают.

¹⁾ ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

Фазилову дали лошадь, и он ездил верхом горными тропами среди необыкновенно красивой природы. Сбирать налоги помогали сельсоветы.

Жил Михаил Юсупович на частной квартире. Население в городке, а также деревнях, в основном было неграмотное, и люди приходили к Фазилову, жаловались на жизнь, на начальство, как говорится, выкладывали душу. И он старался им помочь, иногда во вред себе.

Однажды в кишлаке к нему и Панфилову обратился молодой мужчина и пожаловался на председателя колхоза:

– У него своя палатка. И как только забирают парня в армию, он заставляет его молодуху приходить к нему в эту палатку и вступать с ним в сожительство. Угрожает той, которая отказывается, что не даст на трудодни пшеницы, да и вообще ничего.

Фазилов с Панфиловым – ребята молодые, горячие, к тому же фронтовики. Вот и решили это дело не оставлять, а рассказать обо всём на ближайшем заседании горкома.

Первым выступал Фазилов. Он очень резко критиковал работу местной организации коммунистической партии, будучи уверенным, что всё должно быть так, как это написано в «Уставе». И это была пощёчина партии, как теперь считает Михаил Юсупович, говоря, что в Средней Азии в те времена горкомовские работники что хотели, то и делали. Но оставим его при собственном мнении.

Однако партия действительно не прощала. Когда друзья шли с бюро горкома, то увидели, что ресторан ещё открыт, и решили зайти поужинать. Они встретились со знакомыми парнями, а рядом сидела женщина, начальник паспортного стола.

На следующий день Фазилова с Панфиловым вызвали в милицию и предъявили им обвинение, что они ограбили женщину. Доказать свою невиновность они не смогли. У Михаила Юсуповича отобрали партбилет, но воинские награды он успел спрятать. Следствие велось очень быстро, для проформы. И суд назначил Фазилову срок – тридцать лет тюремного заключения, а Панфилову – пятнадцать лет. Решили от них отделаться.

Сослали обоих в Кемеровскую область на лесоповал. Работа тяжёлая. Это был 1947 год.

Здесь также отбывал срок один грамотный товарищ. Фазилов и Панфилов с ним подружились и однажды, отработав на зоне уже почти пять лет, рассказали ему, что они невиновны, но страдают из-за кого-то. Товарищ от их имени написал письмо генеральному секретарю компартии товарищу Сталину, в котором подробно изложил всё. Через полтора года, за несколько дней до смерти Сталина, пришёл ответ от Маленкова. А тут и вышла амнистия. Так они страдали в течение шести лет за свою критику.

Когда Фазилов приехал домой, с него сняли судимость, восстановили в рядах коммунистической партии и вернули партбилет.

Физкульт-ура!

Михаил Юсупович Фазилов решил вернуться на свою малую родину – в Таджикистан.

«Где родился, там и пригодился, – подумал он, – ведь пословицы умные люди сочиняли, может, так оно и правильно».

И он приехал в столицу Таджикистана – Сталинабад (сейчас Душанбе). Участник Великой Отечественной войны, с тремя орденами и пятью медалями, стройный, подтянутый, красивый. Он сразу произвёл на всех приятное впечатление. А в стране в это время шла подготовка физкультурников (спортсменов) к параду.

– Предлагаем Вам принять участие во Всесоюзном параде физкультурников, – обратился к нему член комитета, ответственный за подготовку к параду.

– Хорошо, – с радостью согласился Фазилов. Такая перспектива его очень заинтересовала. Ведь не простой парад, даже не республиканский, а Всесоюзный, в Москве. Приедут со всех Союзных республик.

Отобрали сорок шесть человек, а Михаила Юсуповича назначили старшим. Спортсмены приехали из разных областей республики, парни и девушки, но Михаил быстро со всеми познакомился и запомнил их имена.

– На стадионе столицы республики спортсмены разбили палатки. Несколько дней готовились, тренировались. Нам выдали одинаковые красивые спортивные

костюмы, – рассказывает Михаил Юсупович. – В Москве тоже немного репетировали. Спортсменов со всех республик съехалось много, и все стройные, девчата очень красивые. Наша республика на смотре заняла третье место.

Новые приключения

(Рассказывает Михаил Юсупович Фазилов)

Когда я был на параде физкультурников, то познакомился с девушкой Аней из деревни Марчуки Рязанской области. Хорошая девушка, спокойная, тихая и совсем молоденькая. Она стала моей женой. Но ехать со мной в Таджикистан отказалась, и я уехал один.

Я начал работать в колхозе прорабом в строительной бригаде.

Однажды мне попала в руки газета двухмесячной давности. В ней я прочитал объявления, что в архитектурных училищах продолжается набор учащихся на отделение, выпускающее лепщиков-модельщиков. А тогда были модны различные архитектурные украшения. В городах во всех парках и скверах, в сёлах и деревнях напротив сельсоветов и правлений колхозов ставились различные скульптуры, а также памятники погибшим в Великую Отечественную войну.

Написано, что такие училища есть в СССР только в четырёх городах: Москве, Ленинграде, Владимире и Душанбе. И мне очень захотелось стать лепщиком. Выбор мой почему-то пал на Владимир, а занятия во всех учебных заведениях страны шли уже две недели.

Но я всё же решился. Надел свои воинские награды и поехал в РСФСР¹⁾, в город Владимир.

Директор принял меня доброжелательно. Очень хороший товарищ оказался.

– Я был бы рад, если бы вы учились у нас. Фронтовик, да с таким большим количеством наград. Вы бы положительное влияние на молодёжь оказывали. Но, к сожалению, не могу, у нас всё переполнено. Да и половина сентября уже прошла. Так что ничем помочь не могу.

Опечаленный, я поехал к жене в Рязанскую область. Там устроился учеником у мастера-лепщика. Рассказал о своей неудаче.

– А ты напиши письмо председателю Совета Министров СССР Маленкову. Говорят, он отзывчивый, всем помогает.

Письмо мне написать помогли, и я сам поехал в Москву, чтобы вручить его. Ходил целую неделю по столице, но ответа так и не дождался. Пришлось вернуться назад, в Рязанскую область.

Прошло ещё дней двадцать. Я уж решил, что у высокого начальства дел много, разве ему до меня. А тут вдруг почтальон приносит мне большой пакет с красной полосой. Я расписался, а вскрывать боюсь. Думаю, что наверняка меня посадят.

¹⁾ РСФСР – Российская Советская Социалистическая Республика

Но в этом большом пакете оказалась всего одна маленькая бумажка. Содержание примерно такое: «Министерство высшего и среднего специального образования СССР письмо Ваше рассмотрело. Приезжайте к нам в Москву для решения вопроса». Далее адрес и подпись «Александров».

На следующий день я поехал. Подхожу к Министерству, а милиционер меня не пускает. Я показываю письмо.

– Сейчас покажу коменданту, ждите пять минут.

Выходит девушка, в руках у неё бумажка.

– Кто Фазилов? – спрашивает.

Я подошёл.

– Александров – это комендант, проходите к нему.

Комендант не задал никаких вопросов, а сразу сказал:

– 14-ый этаж, 224-ый кабинет.

Я растерялся, не знал, что делать, как туда идти. В руках у меня был маленький деревянный чемодан. Я в нерешительности посмотрел на него, потом на коменданта. Александров, видимо, понял и сказал:

– Клади здесь чемодан и иди на лифт.

Я не знал, что такое лифт, и ещё больше растерялся.

– Пойдём со мной, – с улыбкой сказал Александров, очевидно, сразу всё поняв.

На четырнадцатом этаже мы оказались в просторном зале с рядом красивых мягких кресел. К нам подошла женщина.

– Молодому человеку надо в кабинет министра, вот его вызов, – сказал Александров и показал женщине письмо.

– Министр на обеде, – ответила женщина, – ждите.

– Садись в кресло, отдохни, – предложил мне комендант.

Я сел и почти сразу уснул. Кресло оказалось очень мягкое, и я чувствовал необыкновенный уют. Проснулся, когда Александров начал сильно меня толкать.

– Министр пришёл. Приведи себя в порядок и пойдём.

Я поглядел вокруг, увидел зеркало, подошёл. Какой же я, оказывается, лохматый, кудри растрепались во все стороны. Кое-как их пригладил руками. Но зато ордена мои блестели.

Мы вошли в огромный зал. Пожилой человек, совсем седой, вышел из-за стола, пошёл к нам навстречу, поздоровался за руки, усадил нас в кресла. Достал толстую, как мне показалось сначала, папку.

– Вот здесь все ваши дела. Молодец, молодой человек, настойчивый, это мне нравится, постараюсь помочь.

Он нажал кнопку:

– Соедините меня с Тбилиси.

Потом:

– Соедините с Ленинградом.

Разговаривал долго, и я понял, что тоже ничего не получилось.

– Вот такая история, – сказал он, наконец, повесив трубку. – Ничего не сделаешь, нигде нет свободных мест. С Москвой я ещё раньше разговаривал, там тоже полный набор. Остаётся один город Владимир.

– Товарищ начальник, – взволнованно заговорил я, – туда звонить бесполезно. Я был там, разговаривал с директором, он сказал, что лишних мест нет.

– А мы всё же попробуем, – решил министр и нажал кнопку. – Да, опять так, – после непродолжительного разговора добавил он, глядя на меня, но всё ещё держа руку с трубкой около уха.

– Я же говорил, – чуть не плача, перебил я его.

И тут министр вдруг резко повысил голос:

– Принять! Как исключение! Человек из братской республики. Обязательно принять! А через день доложить мне!

– Я же говорил, что не примут, – снова повторил я.

– Примут, – с уверенностью сказал министр. – А если будут какие трудности, сразу приезжай ко мне. Ты обедал? – вдруг резко перевёл он разговор и, не дожидаясь ответа, обратился к коменданту: – Отведите его в столовую, пусть накормят. А потом вернитесь ко мне за документами.

Столовая располагалась на третьем этаже, мы спустились на лифте. Обед был очень вкусный, и денег с меня не взяли.

Когда мы вернулись, министр сказал, что документ готов.

– Ничего не выйдет, – снова усомнился я.

– Выйдет! – уверенно опроверг мои слова министр. – Ты поезжай, а бумагу мы следом за тобой отправим.

– Извините, товарищ начальник, – попросил я, – а можно, я сам её отвезу?

– Молодец, это ты правильно решил.
И министр подал мне конверт. Я спрятал его за рубашку.

Во Владимире

(Окончание рассказа М.Ю. Фазилова)

Опять я в городе Владимире и стою перед директором училища.

– Мы же с тобой уже встречались, – говорит он. – Мне кажется, я понятно объяснил, что не могу тебя принять.

Я подал ему конверт. Директор прочитал, покачал головой:

– Что ж, придётся звонить в обком¹⁾.

Поехали с ним вместе в обком. Там секретарь прочитал мою бумагу, посмотрел почему-то на меня и как-то, почти нараспев, протянул:

– Министерство высшего и среднего специального образования...

Потом обратился к директору:

– Что ж, раз высший орган власти приказывает, то вы обязаны исполнять. Придётся принять. Жить-то ему есть где?

– Нет, – ответил директор, – жить нигде. Училище областное, все владимирские, они или домой ездят, или у родственников живут.

Секретарь позвонил в школу механизаторов и попросил дать место в общежитии, но чтобы никто не мешал. В общежитии в комнате на втором этаже нашлась в углу свободная койка, место мне понравилось.

Но основная трудность оказалась впереди. Чтобы учиться в этом училище, сначала надо было сдать приёмные экзамены по изобразительному искусству (рисованию). А я в этом деле был слабоват.

Старший мастер привёл меня в кабинет на третьем этаже и оставил одного. Там на тумбочке стояли ваза, графин и два стакана. Этот натюрморт он велел нарисовать и вышел. Я боялся, что не справлюсь.

Откуда-то узнали ребята, что экзамен сдаёт фронтовик, и решили помочь. Один залез в окно на третий этаж, подошёл ко мне, взял карандаш и основное нарисовал. Я, как сумел, закончил.

Пришёл мастер, покачал головой, сказал, что неудовлетворительно, но всё же меня приняли. И, более того, на другой день меня определили сразу на второй курс. Значит, всем учиться три года, а мне два (на первом курсе изучают общеобразовательные предметы, а у него не было законченной неполной средней школы. В.В.).

Учиться я старался, во всём стремился не отставать от остальных. Меня любили и мастера, и учащиеся, часто помогали. Это была поистине братская связь людей разных союзных республик.

¹⁾ Обком – областной комитет партии

Быстро пролетели два года, и наступила пора госэкзаменов. Экзаменационная комиссия, как мне сказали, будет в составе восьми человек. Я очень волновался. Но под день госэкзамена вызвал меня к себе директор и сказал:

– Главное, чтобы ты не растерялся. Держись спокойно. Засыпа'ть тебя никто не собирается, но знания, конечно, ты должен показать, особенно основное: чтобы глина была в хорошем состоянии, добавить четыре процента песка и, как можно лучше, размешать.

Этот вопрос как раз мне и задали. И экзамен я сдал хорошо, получил высшую оценку. Мастер меня похвалил. Мне присвоили квалификацию «мастер 7-го разряда, лепильщик 1-го класса» и дали направление на работу в Саратов.

А затем долгое время я работал в Узбекской ССР, украшая строящиеся объекты области: клубы, школы, театры, общественные здания и частные строения – красивой лепкой, а также разными работами в любой форме искусства и реставрационном творчестве.

И снова от автора.

О многом рассказал мне за время наших бесед ветеран Великой Отечественной войны Михаил Юсупович Фазилов. В разные места нашей многонациональной Родины посылали его проектировать памятники героям войны и скульптуры. И в Узбекистане, и в Таджикистане, и в различных уголках России ещё и до сих пор сохранилось много памятников, изготовленных его руками.

Казалось бы, мне всё стало ясно, и я уже заканчивала свой очерк. Однако в последней беседе я поняла, что его личную жизнь, о которой он рассказывал очень мало, я неправильно описала. Пришлось встретиться ещё раз.

В 1946 году в Узбекистане Михаил женился на девушке, которая родила ему троих детей: дочь Ларису и сыновей Бориса и Алима. Семья мусульманская, очень строгих правил, но всё же отпустила дочь с мужем в Рязань. Но там их совместная жизнь оказалась недолгой.

После смерти жены Михаил Юсупович нашёл свою первую любовь, женился на русской девушке Ане. Она очень хорошо помогала ему в его архитектурной деятельности, родила ему ещё дочь Любу, но из-за слабого здоровья больше не могла родить детей. Лечилась в Москве, там провела и последние свои дни.

Дочка Михаила Юсуповича, Лариса, получила высшее химическое образование, работает в Москве, вышла замуж, родила ему двух внуков. Судьба забросила одну из них к нам, в Богородицкий район, посёлок Бегичевский.

Как-то, лет десять тому назад, приехал Михаил Юсупович, навестил родную дочь и внуков. И уж больно понравились ему наш город и посёлок. Купил он себе квартиру недалеко от любимых родных и решил до конца своей жизни считаться богородчанином. И мы рады – ещё одним героическим жителем пополнился наш Богородицкий край.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

*Мы победу возьмём
В молодые солдатские руки...
Алексей Недогонов
«Баллада о железе»*

Отрывок старой газеты, по-видимому, нашей районной «Ленинская правда», как дорогая реликвия хранится в музее имени С.П. Белецкого. Здесь нет начала, вырван также клочок из середины, местами неровно оборваны края, не хватает букв, а также кое-где стёрлась печать. Поэтому иногда приходится только догадываться или заменять своими словами, подходящими по смыслу. Но конец статьи сохранился хорошо. И мы читаем на нём, что это воспоминания, написанные самой Анной Никифоровной Сусановой. Вот почему этот клочок газеты так нам дорог.

Привожу с небольшими сокращениями то, что смогла прочитать.

Всякое приходилось видеть на дорогах войны, но такое...

Подходим к Люблину. Дышать нечем, ядовитый, чадный дым. Это концлагерь Майданек. Там, на территории, что-то догорает, а здесь, прямо у дороги, тлеют тюки людских волос.

Вот и Германия!

Что такое: кругом белым-бело, словно всё в инее, а это пух из подушек и перин повис на кустах и закрыл зелёную травку.

Жителей никого – все ушли, боясь возмездия за злодеяния, совершённые фашистами на нашей земле.

Второго мая Берлин пал, а третьего я на Королевской площади. Вот рейхстаг, справа Бранденбургские ворота. Сегодня здесь только те, кто брал Берлин. На рейхстаге гордо реет наше советское Победное знамя! На колоннах и стенах пока никаких надписей – они будут потом. Берлин в руинах и завалах. Только к рейхстагу расчищена дорога. Белые флаги из каждого окна уцелевшего дома. Дымят солдатские кухни. Советский солдат кормит немцев.

Ночью слышу стрельбу. Тревожные мысли. Выбегаю на улицу (по соседству третий батальон). Боже, что же здесь творится – автоматные очереди вверх, крики, смех, слёзы, объятия... Надо всё это видеть, только тогда поймёшь, сколько пережили эти люди! Потом полковой парад Победы. Офицерам выдали белые перчатки для участия в параде.

Здесь выступала и я. «Весь мир ликует и смеётся», – первые мои слова.

Полковой праздничный обед в цветущем яблоневом саду.

11 мая приказ – выступить на помощь восставшей Праге. Потянулись батальоны с боеприпасами и продуктами. Это всё наболевшие штрихи незабываемых фронтовых будней.

А. Сусанова,
бывший помощник начальника политотдела
14-го ордена Красной Звезды полка второй
автобригады, лейтенант в отставке

ОН БРАЛ ИМПЕРСКУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ

*Как бы то ни было,
сердце пленяет невольно
Храбрость, отвага
и мужество шедших на бой.*
Новелла Матвеева
«Подпись за мир»

Большое, красивое и уютное село Поро'й к началу Великой Отечественной войны относилось к Трубетчинскому району Рязанской области; сейчас оно Добровского района Липецкой области. Старинный храм с высокими куполами своеобразной архитектуры свидетельствует о тонком понимании искусства неизвестного зодчего. Но висит на двери большой замок, обидно портящий своим «украшением» внешний вид строения. Закрыт храм для прихожан. Что ж, время сейчас настало такое... 1941-ый год.

А живёт в селе народ работающий. С утра и до ночи трудятся на колхозных полях и на фермах. Возьмём, к примеру, семью Фролова Петра. Трёх сыновей вырастил, таких разудалых красавцев. Девчонки заглядываются, ночи не спят, вздыхают украдкой.

Только не успели хлопцы дорасти до такого возраста, чтобы жениться, как началась Великая Отечественная война.

Первым взяли на фронт старшего Петра. Воевал он в Тульской области. Но не прошло и двух месяцев, как доставили в Порой казённую серую бумажку с короткой фразой о том, что Пётр Петрович пошёл в разведку и не вернулся – пропал без вести под городом Белёвом. Значительно позже кто-то сообщил, что он подорвался на mine и тело разнесло в клочья.

Призывали на фронт и второго Фролова, Николая. Молодой ещё парень, и винтовку в руках не держал. Надо сначала научиться. Собрали группу из тридцати человек таких же молодых, многие только девять классов успели закончить. Постригли, помыли, обмундировали, накормили и послали спать в блиндаж с тем, чтобы наутро отправить всех на учебу.

А в блиндаже холодновато было. Затопили железную «буржуйку», все улеглись и уснули. И дневальный тоже уснул. Сам даже не понял, как с ним это случилось. Молодо-зелено, как говорит русская пословица. Что уж там произошло, только проснулись все от крика: «Горим!» Полное помещение чада и дыма. Кинулись все к двери, жмут друг на друга. А дверь-то внутрь открывалась. Не может передний её открыть: двадцать девять человек сзади на него навалилось. Так и задохнулись все. Только двое непонятно каким образом сумели спастись. А Фролов Николай погиб, не успев сделать ни одного выстрела (об этом случае рассказала Г.А. Полукарова, «Борозды войны». В.В.).

А младший, Михаил 1924 года рождения, в это время работал трактористом МТС (машинно-тракторная станция), расположенной в красивом селе Куймань Липецкой области, и продолжал трудиться и тогда, когда на мирные города и сёла нашей страны сыпались бомбы и снаряды.

Но пришло время, и 8 августа 1942 года Михаила Петровича Фролова призывали защищать родную страну.

Непродолжительная учёба в 15-ой запасной артиллерийской дивизии, и в ноябре в звании сержанта его направили в самое пекло – на 3-ий Украинский фронт защищать Сталинград. Но сначала он был связистом.

Зима в этом году наступила рано. И снега выпало много, и морозы даже здесь, в южных районах страны, в отдельные ночи приближались к тридцати градусам.

А жили на поле: по одну сторону наши войска, по другую – немецкие. Воду и те, и другие брали из Волги. Ходили за водой к немцам человека по три или больше, потому что по одному было опасно. Иногда встречались с врагами у проруби. И те, абсолютно уверенные в своей победе, каждый раз, на чистом русском языке уговаривали наших солдат перейти на их сторону, показывая свои преимущества. Но ни один советский солдат их агитации не поддался.

Жили наши храбрые воины в самодельных укрытиях: вырезали лопатами из снега кирпичики и укладывали друг на друга. Конечно, такие хижинки могли защитить только от ветра.

Связистам было трудно. Связь то и дело рвалась. Иногда только придут, уставшие, замёрзшие, голодные, а глядь – опять обрыв. Вот и ищи его где-то в снегу, нередко в темноте и в метель. А не пойдёшь – командир пистолетом угрожает. Ведь как же без связи-то? И опять надевают белые халаты и ползут.

Два раза на немецкую территорию случайно в темноте попадали. Да и как в таких условиях не заблудиться? И едва спастись успевали. Но один раз немцам с самолётов продукты сбросили, а наши ловкие ребята успели их себе забрать.

И руководство отметило старание Михаила Петровича, наградило медалью.

Но связистом он был недолго. Потом снова небольшие учения, и М.П. Фролов – командир 152-миллиметрового орудия 197-го артиллерийского полка. Жарко приходилось в те дни под Сталинградом. На самом трудном участке были сосредоточены эти тяжёлые орудия, чтобы с дальнего расстояния метким огнём разить неприятеля.

После Сталинградской битвы Михаил Петрович Фролов в звании старшего сержанта с июля 1943 года командовал миномётным взводом 188-го запасного полка 3-го Украинского фронта.

Позднее в составе 1-го Белорусского фронта он прошёл большой боевой путь. Сражался под Ростовом-на-Дону, под Харьковом. Видя умение и способности Фролова командовать солдатами, его послали учиться на офицера. И в звании сначала младшего лейтенанта, а потом и лейтенанта он продолжил защищать

свободу Родины, командуя пулемётным взводом, в 899-ом стрелковом полку 248-ой стрелковой Одесской дивизии. Освобождал Украину, Белоруссию, Молдавию, Польшу.

В Польше нашим войскам пришлось остановиться на определённое время, жить на частных квартирах. И хотя доблестная советская армия освободила Польшу от фашистов, но польский народ встретил наших воинов недружелюбно. Уж какая и кем была до этого проведена агитация, неизвестно, но, как рассказывал Михаил Петрович, поляки отказывали русским во всём, что даже доходило до абсурда. Бывало, зайдёшь в дом, попросишь пить, отвечают: «Нет, вшифко герман забрал». Спросишь: «Где у вас туалет?» – даже не слушают, опять отвечают: «Вшифко герман забрал».

На этом боевом пути приходилось несколько раз форсировать разные реки: Миус, Днепр, Южный Буг, Днестр, Вислу и Одер. Но самым трудным было форсирование Одера 19 апреля 1945 года. Ведь оттуда открывается прямая дорога на Берлин. Немецкие самолёты охотились буквально за каждым человеком.

«Мы прятались – они улетали, – рассказывал Михаил Петрович. – Только начнём опять работу, и они снова тут. Вот и приходилось то и дело уходить в укрытия, приседать, ложиться на землю. А вода в реке от разорвавшихся бомб, в полном смысле слова, кипела. Но всё же справились. Не смогли гитлеровцы нас одолеть».

И вот советские войска подошли к Берлину. Город был хорошо укреплён. Но наши доблестные воины окружили его со всех сторон. Успешно велись бои днём и ночью и в самом городе. Затрудняло то, что в городе у немцев были явные преимущества. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, позволяли немцам выходить из одного квартала в другой и даже появляться в тылу наших войск.

Трудности вызывало и то, что река Шпрее с её высокими каменистыми берегами, рассекая Берлин на две части, опоясывала министерские здания. И каждое из них защищал фашистский гарнизон, а некоторые – даже целый батальон.

Но наше командование разработало генеральный план. Весь город был разделён на отдельные участки, секторы, которые были закреплены за определёнными частями нашей армии. При этом днём наступали первым эшелоном, ночью – вторым. Так что войска имели возможность и отдыхать.

В самом центре Берлина сражался и лейтенант Фролов Михаил Петрович, командир пулемётного взвода 899-го стрелкового полка 248-ой стрелковой дивизии. Вот что мы читаем о его личном подвиге в наградном листе (орфография сохранена. В.В.):

«В уличном бою в центральной части города Берлина 28.4.1945 года, проявил мужество, отвагу и боевое мастерство.

Действуя в месте со стрелковой ротой, получил задачу занять три здания, обращённые противником в узел сопротивления, препятствовавших продвижению наших подразделений. Смелым манёвром пулемётов и умелым ведением огня обеспечил блокировку зданий, и в результате боя огнём пулемётов его взвода были ликвидированы ряд очагов сопротивления противника, уничтожил при этом 37 солдат и офицеров и 4 огневых точки противника.

За проявленную инициативу и умение в управлении огнём достоин правительственной награды орденом «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2 СТЕПЕНИ».

КОМАНДИР 899 СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА
ПОЛКОВНИК /АРТЕМОВ/
3 мая 1945 г.»

В центральной части Берлина сражались штурмовые группы и отряды, составленные из всех родов войск. Их задача была не дать противнику собрать свои силы вместе, чтобы расколоть наш гарнизон на отдельные очаги и быстро

уничтожить их. Но наши войска действовали очень слаженно и ликвидировали вражеские резервы. Читаем официальные данные:

«Каждая атака пехоты и танков сопровождалась массированными ударами артиллерии и авиации, которые наносились на всех участках фронта. Одиннадцать тысяч орудий разного калибра через определённые промежутки времени открывали одновременный огонь. С 21 апреля по 2 мая по Берлину было сделано почти миллион восьмьсот тысяч артиллерийских выстрелов. А всего на вражескую оборону в городе было обрушено более 36 тысяч тонн металла».

Итак, наши войска продвигались к ратуше. Но встретили такой шквал огня, что пробираться по улице стало невозможно. Тогда решили пробиваться через стены зданий. Сапёры закладывали тол, взрывали и делали в стенах пробоины, через которые проходили солдаты и в рукопашных схватках очищали здания от неприятеля. А потом танки и тяжёлые самоходные орудия несколькими выстрелами разбили мощные ворота ратуши. И лейтенант К.Г. Громов залез на крышу, сбросил на мостовую фашистский флаг и водрузил над ратушей наше Красное знамя.

А 5-я ударная армия, в составе которой был и Михаил Петрович Фролов, а также танковые и воздушные армии, воевавшие в центре города, приближались к рейхстагу.

Гитлер, поняв, что война проиграна, выбросил лозунг: «Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем впустить в него русских».

А русские мечтали закончить берлинскую операцию к 1 мая. Но гитлеровцы продолжали упорно драться за каждый дом, за каждый подвал, каждую крышу. Несмотря на такие громадные сложности, советские воины, беря квартал за кварталом, подошли близко к рейхстагу. Их встретили отборные эсэсовские части численностью около шести тысяч, а также мощные танки и многочисленные артиллерийские орудия.

«30 апреля 1945 года навсегда останется в памяти советского народа и в истории его борьбы с фашистской Германией», – читаем мы в книге Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова «Воспоминания и размышления». Рейхстаг был взят.

Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин 24-го апреля 1945 года был назначен первым комендантом города Берлина.

1 мая в руках фашистов осталась только Имперская канцелярия, во дворе которой находился бункер ставки Гитлера.

Читаем дальше в книге Г.К. Жукова:

«Вечером 1 мая 301-я и 248-я стрелковые дивизии 5-й ударной армии вели последний бой за Имперскую канцелярию. Схватка на подступах и внутри этого здания носила особо ожесточённый характер».

А в 248-ой стрелковой дивизии командиром взвода был лейтенант М.П. Фролов. Вместе со всеми солдатами и офицерами 5-й ударной армии он сражался в этой войне до самого конца, до последнего патрона. Был очевидцем и участником этих жесточайших сражений и полного и окончательного разгрома имперской Германии.

Вот выписка из приказа по войскам 5-й ударной армии о награждении:

*Приказ
войскам 5 ударной армии
№ 157/н*

31 мая 1945 г.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество НАГРАЖДАЮ:

ОРДЕНОМ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

97. *Лейтенанта
ФРОЛОВА
Михаила Петровича*

*Командира пулемётного взвода
899 стрелкового полка 248 стрел-
ковой дивизии.*

Командующий войсками 5 ударной армии генерал-полковник Берзарин.

Член Военного Совета генерал-лейтенант Боков.

Начальник штаба Армии генерал-майор Куцев.

Нач. отдела кадров подполковник Борецкий.

*(печать) НКО СССР
отдел кадров полевого управления
5 ударной армии*

И с мая 1945 года по март 1947 года Михаил Петрович Фролов в звании старшего лейтенанта входил в состав группы советских оккупационных войск в Германии.

Вернувшись домой, сначала работал на прежнем месте трактористом МТС, потом попробовал себя и на других работах. Но чувствовал – что-то не то. После тяжёлых сражений не на жизнь, а на смерть, спокойная жизнь была уже не по нему. И когда ему предложили работу в милиции, Михаил Петрович сразу согласился. Это был 1951 год.

Начал работать в Калининской области участковым инспектором. А в 1960 году его перевели в город Киреевск Тульской области работать в ОБХСС (отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией).

В Киреевске он познакомился с очень хорошей женщиной. Зинаида Владимировна Морозова, с высшим образованием ветеринарного врача, работала на мясо-молочной пищевой контрольной станции и проверяла продукты, привозимые на рынок. Женщина принципиальная, строго следила за качеством пищевой продукции и часто повторяла: «Врач лечит человека, а ветеринарный врач – человечество». И по работе им нередко приходилось общаться.

Во взглядах и характерах Михаила Петровича и Зинаиды Владимировны оказалось много общего. И у обоих уже были дети, но в первом браке судьба у каждого не сложилась. В 1969 году М.П. Фролова перевели в Богородицк и назначили начальником ОБХСС. А Зинаида Владимировна Фролова стала работать преподавателем патанатомии в сельскохозяйственном техникуме. У Фроловых родилась хорошая, заботливая дочь Леночка. Все дети и внуки получили медицинское образование.

За годы Великой Отечественной войны Михаил Петрович Фролов получил семь боевых наград и ещё пять – после войны. Много и других поощрений. Закончил жизнь в звании майора.

А рассказала мне о его ратном пути **Зинаида Владимировна Фролова.**

А ПАМЯТЬ ОСТАЛАСЬ...

*Пусть же память останется
И про дымный рейхстаг.
Пусть всегда развивается
Наш немеркнущий стяг.
Анатолий Жигулин*

Конец апреля 1975 года. Приближается тридцатая годовщина Великой Победы. Все организации и учебные заведения готовятся к её встрече. И ко всем приходят

ветераны войны. Их в Богородицке ещё много, и они рассказывают о своих военных днях и о том, как тяжело досталась Победа.

На третьем курсе ветеринарного отделения Богородицкого совхоза-техникума открытый классный час в группе «а». Приглашены студенты-третьекурсники группы «б» и группы на базе десяти классов, а также преподаватели. Я классный руководитель бывших десятиклассников. Свой открытый классный час, посвящённый войне в Богородицке и Туле, мы провели самые первые и с большим успехом. Чем удивят нас остальные группы?

После небольшого вступления ведущий говорит:

– А сейчас перед вами выступит ветеран Великой Отечественной войны...

Но где же он? Не вижу ни одного чужого человека: из взрослых здесь только все свои, преподаватели ветеринарного отделения.

И тут выходит преподаватель математики Борис Алексеевич Корнеев. Как сейчас помню, на нём новый костюм шоколадного цвета, так хорошо гармонирующий с его частично поседевшими волосами, белая рубашка, галстук в тон к костюму. И два ряда наградных планок на груди.

Борис Алексеевич начал рассказывать о себе. Хотя его фамилия в Богородицке встречалась нередко, но оказалось, что он родился в Туле в январе 1924 года в многодетной семье потомственных оружейников. Его отец и дед, а также братья и сёстры – все трудились на оружейном заводе. Как и сверстники, в 1932 году Борис поступил учиться в первый класс, в школу № 1, к началу войны успел закончить девять классов. И хотя осталось доучиться всего год, но началась оборона Тулы, и Корнеев пошел работать в ТОЗ, чтобы своим трудом помочь фронту.

Однако работал у станка на этом главном оборонном предприятии города Тулы недолго, так как значительная часть завода была эвакуирована. В семнадцать юношеских лет идти на фронт было рано, в рабочее ополчение его тоже не взяли. И пришлось копать окопы и противотанковые рвы, часами стоять на крыше и гасить многочисленные зажигательные бомбы, а когда фашистов отогнали от Тулы, без выходных по двенадцать часов в сутки простаивать у станка, заменяя ушедших на фронты оружейников.

Но в августе 1942 года Б.А. Корнеева призвали в ряды Советской Армии. Только, чтобы защищать родное Отечество, сначала надо тому научиться, и с другими такими же новичками его отправили на учёбу в Казань, потом во Владивосток, а затем и в Москву, после чего в звании сержанта послали на фронт.

– Своё боевое крещение я принял близ станции Поныри Брянской области, – рассказывал Борис Алексеевич. – На учениях мы всё испытали, но знали, что не убьют. И потом была какая-то уверенность перед боем, а в действительности оказалось очень страшно. Конечно, ко всему приходит привычка.

Это было начало. А далее боевой путь на Брянском и Первом Белорусском фронтах через всю Европу до самого рейхстага. Бо́льшая часть пути – две катушки с проводом на груди и одна на спине, каждая по шестнадцать килограммов. И в метель, и в мороз, и в дождь, и в град приходилось идти, пригибаться, передвигаться на корточках, ползти по-пластунски. Не только тянуть, но порой перерывать большое количество глубокого снега или возиться руками в грязных лужах, в воронках от снарядов, чтобы найти обрыв. И нередко под минами и бомбами, под сильным, массированным огнём пулемётов.

Борис Алексеевич вспоминал Курскую битву, где сцепились в смертельной схватке советские лёгкие танки с тяжёлыми танками Гудериана. Несколько часов пришлось ему лежать под миномётным фашистским шквалом.

– Не один раз задевали меня минные осколки, – рассказывал он студентам. – Даже до сих пор целы шрамы на спине, которые напоминают мне о пережитом. А ведь в любую минуту мина могла разорваться не рядом, а там, где я лежал.

Потом бои стали уже не оборонительные, а наступательные. И далее перешли в Европейские страны. Первой была Польша. Освободив её от фашистов, в ней, как и

в других освобождённых странах, названных нами странами социалистического лагеря, по решению советского правительства сразу начали строить социализм, создавать что-то наподобие наших колхозов. И это, естественно, вызывало недовольство у хуторян, которые считали наших солдат оккупантами. А бедняки и горожане были довольны, принимали русских с радостью. И вот это неоднозначное отношение местного населения было опасно.

– Создавались целые банды, – вспоминал Б.А. Корнеев, – которые даже в тылу охотились на наших солдат, постоянно нападали, и не только на одиноких, но и на небольшие группы.

Но в Германии мирное население относилось к нашим солдатам гораздо лучше, чем в Польше, потому что немцы были приучены к дисциплине, к подчинению центральной власти. Жители сидели по домам и даже «носу на улицу не высывали». А после того, как был подписан акт о капитуляции, то и военнослужащие прекратили стрельбу.

– Я забежал в своих воспоминаниях намного вперёд, – одёрнул сам себя Борис Алексеевич. – Катушку я тянул почти до конца зимы 1944 года, а потом меня перевели помощником командира взвода ракетных установок. Началось наступление на Берлин; артиллерия, в том числе и расчёт, которым я командовал, шли первыми, прокладывая путь пехоте и танкам. И новый год мы встречали в Германии.

26 апреля 1945 года Первый Белорусский фронт, в котором воевал Корнеев, вышел к Шпрее, протекающей через Берлин. Бои там были очень жестокие, с обеих сторон много потерь. В ночь на 30 апреля начался штурм Берлина.

– А на праздник 1 мая мы с товарищами стояли у развалин рейхстага, – рассказывал Борис Алексеевич. – На его стенах уже «сияли» десятки тысяч подписей наших солдат и офицеров. И я тоже поставил свой автограф. Ведь это символ нашей победы над фашизмом.

Наш ветеран немного помолчал, как бы подыскивая слова. Студенты сидели в абсолютной тишине, многие даже с открытыми ртами, и ждали, что будет дальше. Но Борис Алексеевич закончил очень коротко:

– С неделю мы жили в Берлине в шикарной квартире, после чего нас перевели в лес. И праздник Победы 9 мая я встретил в лесу. А потом служил в Германии в группе советских оккупационных войск. Демобилизовался весной 1948 года и вернулся в родную Тулу.

И тут ребят как прорвало, посыпались вопросы:

– Борис Алексеевич, а какие у вас награды?

– Вот это, – и Корнеев показал на первую планку, – орден Отечественной войны 2-ой степени, эти пять медалей за взятие городов, эти юбилейные.

– А у вас на войне какие-нибудь случаи были?

– Случаев много разных было, но большинство кончались потерей близких друзей и товарищей. Об этом тяжело вспоминать.

– А потом что было?

– А потом был мир. Это я когда-нибудь расскажу на другом классном часе. У нас в программе ещё викторина.

Но мне про мирную жизнь Бориса Алексеевича Корнеева рассказала его дочь, заместитель директора по воспитательной работе Богородицкой средней школы № 1 **Екатерина Борисовна Хорина** (девичья – Корнеева).

В Туле Борис Алексеевич поступил работать на предприятие п/я № 43 в качестве пирометриста центрально-заводской лаборатории. Без отрыва от производства закончил вечернюю среднюю школу рабочей молодёжи в 1949 году и решил учиться дальше. Но не пошёл по стопам своих родных, выбрал профессию, не связанную с вооружением, а самую мирную: закончил в 1953 году Тульский педагогический институт и стал учителем математики.

Учась в институте, Б.А. Корнеев в 1951 году вступил в члены КПСС.

По окончании института его направили в Закарпатье (сейчас Закарпатская область Украины), город Тячев, около железнодорожной станции Тячево (статус города получил в 1961 году), почти на самой границе с Румынией и недалеко от Венгрии. Место красивое: отроги Карпат, буковый и грабовый лес. Но население разномасштабное: среди учащихся школы – украинцы, русские, мадьяры, немцы, евреи, цыгане. И большое противостояние не только у взрослых, но и у детей.

Борис Алексеевич Корнеев работал учителем, завучем, директором школы, а его жена, Валентина Александровна, – заведующей книжным магазином. И росла у них маленькая доченька Катя.

Но жить там русским, а тем более, семье коммуниста, было очень опасно. Организации украинских националистов-бандеровцев, а также «лесные братья» и другие фашистские элементы были очень враждебно настроены.

А в это время в так называемых тогда странах народной демократии начались недовольства новыми порядками, перешедшие в восстания. Сначала это произошло в Польше, а в 1955–56 годах – в Венгрии. Поднялись недовольные строительством колхозов фермеры, и к ним присоединились правящие верхушки. А подавлять эти восстания пришлось советским войскам во главе с маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. Восставшие расстреливали коммунистов и расправлялись с их семьями: женщинам отрубали руки, наносили многочисленные травмы детям.

Екатерина Борисовна рассказывала, что в Венгрии наши войска собрали женщин и детей за три дня, посадили на поезд с тем, чтобы отправить подальше в Россию. Школа, которую возглавлял Борис Алексеевич Корнеев, подготовила им торжественную встречу. Но когда увидели, в каком они состоянии, то вместо торжества пришлось срочно вызывать «Скорую помощь».

Хочу добавить от себя, что я не собираюсь заниматься критикой нашей власти, но в поспешности строительства социализма в этих странах, как показала сама жизнь, не всё до конца было продумано. Ведь венгерские фермеры в большом количестве продавали в Англию яблоки, а в Чехословакию скот, а теперь это всё у них отбирали. И Венгрия до последнего дня была фашистской, выплачивала контрибуцию Германии.

И недовольные нововведениями фашистские молодчики проникали в Закарпатье, охотились на коммунистов, расстреливали «в спину», уничтожали целые семьи.

К тому же людям, привычным к климату Центральной России, тяжело было со здоровьем в новых условиях. У Валентины Александровны началась астма. Не совсем подходящим оказался климат и для четырёхлетней Катюши. Поэтому в 1961 году семья Корнеевых вернулась в Тулу. Но в родном городе не оказалось свободных вакансий для учителей математики, а в малых городах области учителей не хватало, и семья приехала в наш тихий и уютный Богородицк.

Бориса Алексеевича Корнеева уже нет, но его помнят преподаватели сельскохозяйственного колледжа и многочисленные специалисты сельского хозяйства, бывшие студенты техникума, которым он дал прочные знания.

ВОЙНА И РЕЛИГИЯ

*И мстители вдаль уносились
На грозную брань с немчурой;
Старушки вослед им молились
Украдкой*

с глухою тоской.

Константин Матвеев

Когда у меня была написана уже значительная часть этой книги, я решила сделать себе один день отдыха. Включила телевизор и начала переводить программы в поисках интересной передачи или старого полузабытого фильма, песен прежних лет.

Неожиданно моё внимание привлёк человек, судя по одежде, из священнослужителей. Я прислушалась. Разговор шёл про святого Луку Крымского. Передача, видимо, уже подходила к концу, и я только поняла, что святой Лука родом из Севастополя, по образованию врач-хирург, но стал священником, и за это был осужден на одиннадцать лет. Во время войны он написал из тюрьмы письмо Сталину с просьбой, чтобы его отправили в военный госпиталь лечить раненых, а после войны, если будет жив, досидит оставшийся срок. И Сталин на это согласился.

Затем начался диалог этого священнослужителя и ведущего программу. К сожалению, фамилии были написаны мелким шрифтом, и я не смогла их прочитать, но записала основные сообщения. Привожу их.

Наши солдаты освободили весь мир от чуждых идеологий. Несмотря на то, что в стране была атеистическая советская власть, 57 % русских считали себя православными (из каких соображений и подсчётов взята эта цифра – я записать не успела).

Во время отдыха солдаты выреза'ли себе деревянные крестики и хранили их в кармане гимнастёрки. Шли на бой с Богом в душе, а некоторые тайком крестились.

Митрополит Сергей призвал людей к оборонной битве, и он выступил раньше Сталина. При этом на всю паству, где он служил, к началу войны оставалось всего четыре действующих архиерея, а до начала репрессий их было двадцать. Храмы были разгромлены.

Старушки-монашки ходили по домам и собирали деньги на танки, самолёты и другие нужды войны. Священники выходили на поле боя и благословляли солдат.

Были колонна «Дмитрия Донского» и дивизия «Александра Невского», а этих воинов православная церковь чтит как святых.

И священники тоже воевали с оружием в руках, и совершали подвиги, и погибали. Например, православному миру известен подвиг священника отца Олифия, защищавшего Москву. И таких много.

По словам ведущего телепрограммы, Ленин ненавидел религию и священнослужителей. А Сталин сначала шёл по пути, указанному Лениным, требовал закрытия храмов и расправы над священнослужителями, но потом понял, что надо помочь народу. И во время войны было вновь открыто несколько храмов. И кампания «воинствующего атеизма» в 1943 году была приостановлена.

Однажды маршал Жуков и замполит зашли к солдатам в землянку и увидели на столе икону. Замполит в ярости закричал: «Чья это? Немедленно убрать!» И только солдат протянул руку, как Жуков крикнул: «Не смей! Пусть стоит!» А потом спокойным голосом добавил; «Сам я атеист, но верующих уважаю. Пусть молятся, если это им помогает». А друзья Жукова после его смерти рассказывали, как не раз перед боем он молился.

Во время войны многие стали верующими. Солдаты переплавляли гильзы на крестики и зашивали в гимнастёрки. На оккупированных территориях священники в молитвах прославляли Александра Невского и Дмитрия Донского, хотя тогда они ещё не были святыми. Но считают, что это помогало одерживать победы.

Называют легендой (а я верю, что это правда), будто города Москву, Ленинград и Сталинград обносили иконой, поэтому немцы не смогли их взять. Я точно знаю, что вокруг Тулы монахини обошли с иконой Богородицы. Это рассказала моя родная бабушка, папина мама, дочь дьякона и жена священника Агния Ивановна Введенская (девичья – Богоявленская). И она твёрдо верила, что Пресвятая Богородица защитила Тулу от врагов. А у нас в Богородицке, в городе, названном в честь Неё, разрушили храмы, поэтому Она не смогла спасти наш город.

В первой и во второй своих книгах трилогии «Богородицкие были» я привела несколько рассказов жителей Богородицкого района, видевших во время войны чудеса, совершаемые свыше. Очевидцами двух была я сама. Один раз в 1942 году видела на краю неба красный крест выше человеческого роста, а бабушка расшифровала, что война будет кровавая. А в 1943 году мы, несколько человек, видели на небе возвращавшегося с Курской битвы Георгия Победоносца на коне. И бабушка сказала, что наши выиграли бой (а мы ещё этого не знали), но война будет долго, а победят наши.

Во второй книге я написала, что в Кузовке как верующие, так и атеисты, видели Сергия Радонежского, идущего в сторону Курска перед битвой. А также написала, как помогал людям чудотворец Николай Угодник, и ряд других чудес.

И это только в одном нашем районе. К сожалению, поздно взялись собирать такой материал – слишком мало осталось очевидцев.

«Любовью и единением спасёмся», – пророческие слова Сергия Радонежского.

УЧАСТНИК ДВУХ ПАРАДОВ

Здравствуй,
танк,
советской мощи образ.
В дни победы,
и в другие дни
наша гордость –
это наша бодрость
и непробиваемая
твёрдость
выкованной
родиной
брони!
Семён Кирсанов

Иван Егорович Шмаков, рождения 31 декабря 1926 года, оставил свои воспоминания в рукописи музею «Отечество», что при Доме творчества юных города Богородицка. Копию этой рукописи мне предоставила заведующая музеем Ольга Андреевна Кунаева, за что я ей благодарна.

В своих воспоминаниях Иван Егорович подробно перечисляет, когда, где и в каких частях он служил. Но так как моя книга художественно-публицистическая, то в ней я не буду перечислять всю статистику, а напишу от себя то, что с моей точки зрения может вызвать наибольший интерес у читателя.

Начинает свои воспоминания Иван Егорович Шмаков с июля 1941 года, когда его, а также его друзей-одноклассников, выпускников средней школы Рудника имени Кагановича (сейчас посёлок Товарковский), призвали на трудовой фронт. В Смоленской области около городов Ельня и Дорогобуж ребята рыли окопы и противотанковые рвы. Часто над ними пролетали немецкие самолёты, сбрасывали бомбы. Нередко были и артобстрелы.

В конце июля ребята вернулись домой.

А уже 1 августа Шмакова и других призвали в ряды Красной Армии. В городе Владимире Иван учился на механика-водителя танка Т-34.

Курсы молодые танкисты закончили в начале ноября и в городе Горьком на заводе «Красное Сормово» получили новенькие боевые машины.

И так был сформирован Отдельный Комсомольско-Молодёжный танковый полк – резерв Верховного Главнокомандования.

7 ноября 1941 года, в день 24-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, этот полк участвовал в параде военных войск в Москве на Красной площади.

«После парада, – пишет Иван Егорович, – во всех ротах прошли комсомольские собрания, на которых все комсомольцы дали клятву не только отстоять нашу родную столицу Москву, но и победить немецко-фашистских захватчиков. И мы эту клятву сдержали».

А враг стягивал свои главные силы к нашей столице. И эти силы в несколько раз превышали наши. Поэтому и резервный полк Верховного Главнокомандования был направлен на защиту Москвы.

В своем «боевом крещении», в обороне столицы, полк не только сдерживал превосходящие силы немцев, но и наносил им мощные удары.

«Так, только наш экипаж, – пишет И.Е. Шмаков, – под Москвой уничтожил три немецких танка, артбатарею, много огневых точек и большое количество немцев».

Но в одной из яростных атак 14 января 1942 года танк водителя Шмакова был подбит немецким снарядом и загорелся. Иван был тяжело ранен.

В госпитале, во Владимирской области, в восемнадцати километрах от города Коврова Шмаков лечился до сентября 1942 года. Вместе с ним лежали и его боевые друзья. Танкисты всё время поддерживали связь со своими однополчанами, и друзья посещали их в госпитале, когда приезжали в Ковров на переформирование полка.

А в сентябре приехали командир и комиссар полка и попросили всех, кто чувствует себя хорошо, вернуться в родной полк. Так, Иван Егорович Шмаков снова начал крушить фашистскую нечисть. Полк участвовал в боях на юго-западном фронте в районе городов Львова, Харькова, Полтавы.

Но особенно тяжёлыми были бои на Курской дуге. В боях в районе Прохоровки Шмаков вёл головной танк командира полка.

«В этом полку, – вспоминает Иван Егорович, – наш экипаж уничтожил два немецких «Тигра», бронетранспортёры, много немцев».

Однако их танк фашисты тоже подбили. Боевая машина загорелась, из всего экипажа в живых остался только тяжелораненый водитель-механик Шмаков. Очнулся он лишь на седьмые сутки в городе Мичуринске Тамбовской области, а потом лечился в госпитале на Урале, в городе Чкалове Оренбургской области.

В феврале 1944 года снова начал таранить фашистские танки, находясь на 2-ом Украинском фронте. Дошёл до Румынии. А затем Венгрия, Австрия, Чехословакия. Встретил победу 9 мая 1945 года в столице Чехословакии Праге.

И в июне 1945 года вместе с боевыми товарищами-танкистами участвовал в параде Победы в Москве.

Потом в составе 6-ой танковой армии 2-го Украинского фронта воевал в Японии.

Закончил войну 9 сентября 1945 года в китайском городе Шэньян (русское название его Мукден).

Но и в мирное время Иван Егорович Шмаков остался на военной службе, в том числе преподавательской. Имеет много наград. Служил и в Китае, и в Монголии, и в Западной Европе, и, конечно, в России.

В офицерском звании по состоянию здоровья вернулся в родной Богородицк в 1958 году.

ПАРАДЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

(отрывки из книги маршала Советского Союза
Георгия Константиновича Жукова
«Воспоминания и размышления»)

Парад 7 ноября 1941 года

1 ноября 1941 года я был вызван в ставку. И.В. Сталин сказал:

– Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Я ответил:

– В ближайшие дни враг не начнёт большого наступления. Он понёс в предыдущих сражениях серьёзные потери и вынужден пополнять и перегруппировать войска. Для противодействия авиации, которая наверняка будет действовать, предлагаю усилить ПВО (противовоздушная оборона. В.В.), подтянуть к Москве нашу истребительную авиацию с соседних фронтов.

Как известно, в канун праздника в столице на станции метро «Маяковская» было проведено торжественное заседание, посвящённое 24-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях И.В. Сталина вновь прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме захватчиков.

Парад Победы в Москве

(24 июня 1945 года)

В середине мая 1945 года Верховный приказал мне прибыть в Москву. Цели вызова я не знал, а спрашивать было неудобно, да и не принято это у военных.

По приезде в Москву я направился к А.И. Антонову в Генеральный штаб, от которого узнал, что Государственный Комитет Обороны рассматривает сейчас вопросы, связанные с выполнением наших новых обязательств перед США и Англией о вступлении Советского Союза в войну с Японией.

Из Генштаба я позвонил И.В. Сталину и доложил о своем прибытии. Тут же получил указание явиться в 8 часов вечера в Кремль. Времени в моём распоряжении было достаточно, и я поехал к Михаилу Ивановичу Калинин, который звонил мне в Берлин и просил по приезде в Москву зайти к нему и рассказать о Берлинской операции.

После беседы с Михаилом Ивановичем я пошёл к Верховному.

И.В. Сталин спросил:

– Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев-солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Эту идею все горячо поддерживали, тут же внося ряд практических предложений. Вопрос о том, кто будет принимать парад Победы и кто будет командовать парадом, тогда не обсуждался. Однако каждый из нас считал, что парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий.

Тут же А.И. Антонову было дано задание подготовить все необходимые расчёты по параду и проект директивы. На другой день все документы были доложены И.В. Сталину и утверждены им.

На парад предусматривалось пригласить по одному сводному полку от Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1, 2, 3-го Белорусских, 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов, сводные полки Военно-Морского флота и Военно-Воздушных сил.

В состав полков включались Герои Советского Союза, кавалеры орденов Славы, прославленные снайперы и наиболее отличившиеся орденосцы – солдаты, сержанты, старшины и офицеры.

Сводные фронтовые полки должны были возглавляться командующими фронтами.

Решено было привезти из Берлина Красное знамя, которое водружено над рейхстагом, а также боевые знамёна немецко-фашистских войск, захваченные в сражениях советскими войсками.

В конце мая и начале июня шла усиленная подготовка к параду. В десятых числах июня весь состав участников уже был одет в новую парадную форму и приступил к предпраздничной тренировке.

12 июня Михаил Иванович Калинин вручил мне третью Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Точно не помню, кажется, 18–19 июня, меня вызвал к себе на дачу Верховный.

Он спросил, не разучился ли ездить на коне. Я ответил:

– Нет, не разучился.

– Вот что, вам придётся принимать парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

– Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности следует Вам принимать парад.

И.В. Сталин сказал:

– Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе.

Построение парада было определено в порядке общей линии действующих фронтов, справа налево. На правом фланге был построен полк Карельского, затем Ленинградского, 1-го Прибалтийского фронтов и так далее. На левом фланге фронт замыкал 4-й Украинский, сводный полк Военно-Морского флота и части гарнизона Московского военного округа.

Для каждого сводного полка были специально выбраны военные марши, которые были особенно ими любимы. Предпоследняя репетиция к параду состоялась в Центральном аэродроме, а последняя, генеральная – на Красной площади. В короткий срок все сводные полки были блестяще подготовлены и производили внушительное впечатление.

22 июня в газетах был опубликован следующий приказ Верховного Главнокомандующего:

«В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск действующей армии, Военно-Морского флота и Московского гарнизона – парад Победы...

Парад Победы принять моему заместителю, Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому.

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

Сталин

Москва, 22 июня 1945 года.»

Вот они, долгожданные и незабываемые дни! Советский народ четыре года ждал этой минуты. Героические воины, воодушевляемые партией Ленина, под командой своих прославленных командиров прошли тяжёлый четырёхлетний боевой путь и закончили его блистательными победами в Берлине.

24 июня 1945 года я встал раньше обычного. Сразу же поглядел в окно, чтобы убедиться в правильности сообщения наших синоптиков, которые накануне предсказывали на утро пасмурную погоду и моросящий дождь. Как хотелось, чтобы на сей раз они ошиблись!

Но, увы, на этот раз погоду предсказали верно. Над Москвой было пасмурное небо и моросил дождь. Позвонил командующему Военно-Воздушными Силами, который сказал, что на большей части аэродромов погода полётная. Казалось, парад Победы не пройдёт так торжественно, как хотелось.

Но нет! Москвичи в приподнятом настроении шли с оркестрами к району Красной площади, чтобы принять участие в демонстрации в тот исторический день. Их весёлые лица, масса лозунгов, транспарантов, песни создавали всеобщее ликующее настроение.

А те, кто не принимал участия в демонстрации на Красной площади, заполнили все тротуары. Радостное волнение и крики «ура» в честь победы над фашизмом объединяли их с демонстрантами и войсками. В этом единении чувствовалась непреоборимая сила.

Без трёх минут 10 я был на коне у Спасских ворот.

Отчётливо слышу команду: «Парад, смирно!». Вслед за командой прокатился гул аплодисментов. Часы отбивают 10.00.

Что тут говорить, сердце билось учащённо... Тронул коня и направился на Красную площадь. Грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии «Славься!» Глинки. Затем сразу воцарилась абсолютная тишина, раздались чёткие слова командующего парадом Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, который, конечно, волновался не меньше моего. Его рапорт поглотил всё мое внимание, и я стал спокоен.

Боевые знамёна войск, под которыми был завершён разгром врага, опалённые войной мужественные лица воинов, их восторженно блестящие глаза, новые мундиры, на которых сверкали боевые ордена и знаки отличия, создавали волнующую и незабываемую картину.

Как жаль, что многим верным сынам Родины, павшим в боях с кровавым врагом, не довелось дожить до этого радостного дня, дня нашего торжества!

Во время объезда и приветствия войск я видел, как с козырьков фуражек струйками сбегала вода, но душевный подъём был настолько велик, что никто этого не замечал.

Особенный восторг охватил всех, когда торжественным маршем двинулись полки героев мимо Мавзолея В.И. Ленина. Во главе их шли прославленные в сражениях с немецкими войсками генералы, маршалы родов войск и Маршалы Советского Союза.

Ни с чем не сравнимым был момент, когда двести бойцов-ветеранов войны под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея В.И. Ленина двести знамен немецко-фашистской армии.

Пусть помнят этот исторический акт реваншисты, любители военных авантур!

После парада Победы состоялся правительственный приём в честь участников парада. На приёме присутствовали руководители партии и правительства, члены Президиума Верховного Совета СССР, члены ЦК партии, наркомы, виднейшие деятели Красной Армии и Флота, науки, промышленности и сельского хозяйства, искусства, литературы.

Было произнесено много тёплых речей в честь партии, сплотившей советский народ на борьбу с врагом и организовавшей вооружённые силы на разгром врага; в честь Советских Вооружённых Сил, осуществивших полный разгром фашистской Германии; в честь деятелей науки, техники, промышленности, сельского хозяйства и искусства, обеспечивших материальную и духовную мощь наших вооружённых сил в борьбе с сильным, опытным и лютым врагом; в честь великого советского народа.

Разъехавшись по своим служебным местам, участники парада Победы долгое время находились под впечатлением торжественного парада и тёплого приёма в Кремле...

Парад в Берлине

Возвратясь в Берлин, мы предложили американцам, англичанам и французам провести парад войск в честь победы над фашистской Германией в самом Берлине. Через некоторое время был получен их положительный ответ. Парад советских войск и войск союзников было решено провести в сентябре в районе рейхстага и Бранденбургских ворот, где проходили завершающие бои при взятии советскими войсками Берлина 1–2 мая 1945 года.

Согласно договорённости парад войск должны были принимать главнокомандующие войсками Советского Союза, США, Англии и Франции.

В берлинском параде участвовали все рода сухопутных войск. Военно-воздушные силы, военно-морские силы решено было не привлекать, так как они были сильно удалены от Берлина.

Близилось время парада. Советские войска провели тщательную подготовку. На парад мы старались пригласить прежде всего солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов, особо отличившихся при штурме Берлина и его главных очагов сопротивления – рейхстага и Имперской канцелярии. Всё шло так, как было согласовано с союзниками.

Но накануне парада мы были неожиданно предупреждены о том, что по ряду причин главнокомандующие союзными войсками не могут прибыть в Берлин на парад Победы и уполномочили своих генералов принять в нём участие.

Я тотчас же позвонил И.В. Сталину.

Выслушав мой доклад, он сказал:

– Они хотят принизить значение парада Победы в Берлине. Подождите, они ещё не такие будут выкидывать фокусы. Не обращайтесь на отказ главкомов и принимайте парад сами, тем более что мы имеем на это прав больше, чем главкомы союзных войск.

Парад войск антигитлеровской коалиции начался в точно назначенное время. В нём приняли участие советские войска, штурмовавшие Берлин, американские, английские и французские войска, которые прибыли сюда для несения оккупационной службы в отведённых им секторах западной части города.

Объехав войска, построенные для прохождения торжественным маршем, мы произнесли речи, в которых были отмечены исторические заслуги советских войск и экспедиционных сил союзников.

Советская пехота, советские танкисты и артиллеристы прошли в безукоризненном строю. Особо внушительное впечатление произвели наши танки и самоходная артиллерия. Из союзных войск запомнились английские войска.

В районе, где проходил парад, собралось около двадцати тысяч берлинцев, которые доброжелательно отнеслись к торжеству, символизирующему дружбу антигитлеровской коалиции и историческое значение победы советского оружия там, откуда распространилась на Европу кровавая фашистская агрессия.

Эпилог

Я закончила свою трилогию «Богородицкие были», которая посвящена Великой Отечественной войне, и больше к этой теме, по всей вероятности, возвращаться не буду.

Собирая материал для этой, третьей, книги, мне удалось записать 90 воспоминаний, а всего в трилогию включено 177 сообщений богородчан. Для последней книги тяжелее всего было находить очевидцев войны, потому что многих уже нет, а некоторые живые настолько старенькие, что не могут ничего рассказать или не желают тревожить себя и снова ворошить в памяти то тяжёлое прошлое, которое хотелось бы забыть навсегда. Но хорошо, что отдельные очевидцы этого тяжёлого прошлого догадались сделать записи или рассказать своим близким о том, что такое война, что несёт в себе фашизм и сколько горя пришлось пережить каждой семье.

Ценно то, что многие, в том числе мужчины, чаще, чем когда я писала вторую книгу, сами приходили ко мне, чтобы облегчить свою душу, скинуть с себя эту тяжесть воспоминаний, которые давят всю жизнь, не дают спокойно дышать. Эти убеждённые сединой ветераны войны и труда, дети войны или те совсем юные, почти мальчишки, но уже защищавшие свою Родину и свой народ, верили, что я, сама в детском возрасте познавшая войну, фашистскую оккупацию и голод, пойму их, разделю и как бы возьму на себя значительную часть их перенесённых и не забытых до сих пор страданий.

Не хочу скрывать, что при них я прилагала все силы, чтобы держать себя в руках, не расслабляться и не дать им снова жалеть себя. Но когда они уходили, я оставалась одна и обрабатывала их воспоминания литературно, нередко не могла сдерживать слёз, представляя, как всё было.

И уверена, что в этих трёх книгах мне удалось показать войну во всех её измерениях. И именно живую, настоящую, непридуманную. Все истории, события, случаи, которые легли в основу каждого очерка и рассказа, действительно были на самом деле и с конкретными людьми. И считаю самым ценным в моих книгах как раз то, что, занимаясь краеведением и разговаривая с людьми, проживающими на территории нашего района, я не только показала события тех лет, но и дружбу людей разных национальностей, заботу друг о друге, их готовность всегда прийти на помощь и поделиться даже последним, а самим остаться ни с чем.

Разговаривая с людьми, мне удалось до конца выяснить и опровергнуть те некоторые факты, которые до сих пор берутся за основу военной истории Богородицкого района. Так, в выпущенной к 70-летию Победы узловским автором Т. Сапрыкиной книге «Тысяча дней войны до подвига» снова делается ссылка на записи в дневнике первого секретаря Богородицкого райкома партии В.Р. Ребрикова. В частности говорится, что 12 октября 1941 года около двухсот фрицев оказались в Ломовке. У леса они оставили технику и орудия. Интересно, кто их там считал? И как они могли там спокойно находиться, если рядом с селом в это время наши солдаты рыли противотанковые рвы?..

И далее в этом дневнике указано, что 14 октября немцы были около Богородицка. Ошибка на целый месяц. Я расспрашивала ломовских старожилов, а также попросила своего бывшего ученика, а сейчас известного далеко за пределами нашего района учителя Ломовской школы Николая Алексеевича Корякина точнее узнать, когда немцы пришли в их село. И большинство утверждает, что на праздник Козьмы и Демьяна, а это значит, 14 ноября. И технику фашисты оставили при отступлении 14 декабря, когда бежали через Ломовку огромным потоком.

Хорошо, что мне, наконец, удалось во второй книге убедить всех богородчан в том, что в дневнике Ребрикова была допущена и ещё одна грубая ошибка, будто бы Богородицк был сдан фашистам после тяжёлых кровопролитных боёв. Но теперь уже не только в моей книге, но и в районной газете неоднократно можно было прочитать, что наши войска оставили весь район ещё до прихода фашистов, и никаких боёв не было.

А вот при освобождении города от фашистов действительно были жестокие и кровопролитные бои.

Когда я готовила вторую книгу, два человека мне сказали, но я не решилась об этом написать, а теперь ещё двое подтвердили, что В.Р. Ребриков во время оккупации не был ни в Товарково, ни в Богородицке, а находился в эвакуации. И уехал дня за три до прихода фашистов. А дневник его вёлся с 10 октября по 22 ноября 1941 года. Но с чьих слов он записывал, ведь город освободили наши войска 15 декабря? Отсюда и ряд ошибок.

И еще хочу сказать об одной местной версии. Не знаю, кто всё это сочиняет в погоне за сенсацией? Но и дважды в печати проскочило, и на местном телевидении подтвердили, будто бы во время оккупации Успенский храм немцы превратили в конюшню. Не было этого. Я и сама летом 1942 года лазила со стороны кладбища на окна храма и заглядывала внутрь сквозь разбитые стёкла. И об этом даже с возмущением, убедительно рассказали мне муж и жена Теремецкие, и по телефону из Тулы подтвердила внучка священника отца Григория Ивановского-Панюкова (бывшая Ивановская) Вера Серафимовна. Все трое жили рядом с храмом.

Но самая главная моя задача была показать в этих книгах новым поколениям россиян, каково это жить со страхом того, что в любую минуту твоя жизнь может оборваться, или переживать за своих детей, своих любимых и близких родных. За семь десятков лет, прошедших после Великой Победы, успели зарастить раны войны: засыпаны окопы и воронки от бомб, на месте разрушенных выросли новые красивые и удобные дома, сильной и мощной стала наша держава.

Но мы не должны забывать прошлое. И хранителями истории Великой Отечественной войны являются ветераны войны и труда, вдовы ветеранов, их дети и близкие родные. А жизнь не стоит на месте.

Считаю, что мне удалось собрать по крупицам и объединить в трилогию эту живую правду о войне.

Я выпускаю одиннадцатую книгу. И очень благодарна своим читателям, что мои книги не залёживаются на полках. Их читают, передают из рук в руки, обсуждают, делятся впечатлениями друг с другом и со мной. И много благодарностей выразили мне знакомые и незнакомые люди за то, что я осмелилась снять завесу, закрывавшую до сих пор некоторые факты и явления. Люди стали смелее и даже сами звонили и рассказывали мне о том, о чём молчали до сих пор. И я благодарна им за такое доверие, а также всем тем, кто рассказал или написал в мои книги свои воспоминания.

Может быть, поэтому мои книги имеют спрос не только в Богородицке, Туле и Тульской области, но и далеко за их пределами, в том числе и в некоторых зарубежных странах.

И я искренне благодарю всех, кто оказывает мне помощь в издательстве и возможную финансовую поддержку.

Но я не прощаюсь с вами, мои дорогие читатели, у меня в проекте ещё две книги: в прозе и в стихах. В них тоже будет интересная правда, но только в мирные дни.

А эту трилогию хочу закончить словами известного советского поэта Самуила Яковлевича Маршака:

Греми до самых дальних дней
Весёлый клич заздравный
За сыновей и дочерей
Моей Отчизны славной!

*В.Г. Введенская,
член Союза писателей России,
почётный член Международного*

*биографического общества по Европе
(г. Кембридж, Англия)*

Литература

«Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», Москва, 1970 г.

Г.К. Жуков «Воспоминания и размышления», Москва, 1969 г.
К.К. Рокоссовский «Солдатский долг», Москва, 1972 г.
К.К. Рокоссовский «Дорогой борьбы и славы», Москва, 1961 г.
Н.К. Пепель «Танки повернули на запад», Москва, 1960 г.
Ю. Жуков «Укрощение «тигров», Москва, 1961 г.
М.М. Дунаев «На земле великой битвы», Москва, 1976 г.
«Памятники Отечества» (альманах) № 2, 1982 г.
К.К. Симонов «Разные дни войны» (дневник), 1941 г.
Д.И. Ортенберг «Июнь – декабрь сорок первого», газета «Красная Звезда»
«Стихи военных лет» (сборник), Калининград, 1974 г.
Т. Сапрыкина «Тысяча дней войны до подвига», Тула, 2015 г.

Содержание

От автора	
Коренная богородчанка	
Воспоминания о войне	
В музыкальной школе	
Из рассказов мамы	
Всех спас малыш	
Семья «врага народа»	
Рядом с храмом	
Потеряли	
На Аварийном посёлке	
«Ой, мама!»	
Из огня да в полымя	
История одной фотографии	
Встреча поколений	
Выпускник первой средней	
Школьные годы	
В подкованных пудовых сапогах	
Переправа, переправа... ..	
Сапоги спасли от смерти	
Коммунист	
Она защищала Родину	
За Москву и Сталинград	
Новая знакомая	

В те дни и годы	
Пропавший без вести	
С печатью на ноге	
Мой отец	
Для любимой доченьки	
Их соединила война	
Семейная рана	
Отец освобождал Богородицк	
Разные дни войны	
Июнь – декабрь сорок первого	
Хозяйка	
Идёт состав за составом	
Я спасла маму	
Свинство	
Непридуманные истории	
Даже четырёхлетняя	
На волосок от смерти	
Автограф	
Из воспоминаний	
В зимнюю ночь	
Его путь	
Говорит Тула	
Мы пели	
После осады	
Я хочу рассказать	
Диплом с отличием	
В тылу и на войне	
Под крылом самолёта	
Солодилово	
Дочкина рубашка	
Жила в деревне девушка	
Дети войны	
По стерне босиком	
Борозды войны	
Бабушка Таня	
Девочка из города	
По-пластунски	
Один из многих	
Правдолюб	
Семейная хроника	
Моё детство	
Дети разных народов	
Свидетель прошлого	
Диверсанты!	
Миномётчик	
Моё село	
Девочка-партизан	
На Курской дуге	
Курская битва	
Такое не забывается	
На Ельнинской земле	
Недалеко от Вязьмы	
«Курт, помоги!»	
Без вины виноватые	
Про папу и дедушку	
Незнакомец	
Их Родина – СССР	
С хлебом-солью	
Это было в Белоруссии	

Разные судьбы	
Выжили!	
Это было на Украине	
Это было в Крыму	
Ножницы	
Ветеран в строю	
Начало войны	
Отступление	
Командир сорокапятки	
Бои за Ростов-на-Дону	
И такое было	
Только вперёд!	
На «Малой земле»	
Подготовка к броску в Крым	
Десант и штурм	
Высота 16/32	
Главное – удержать	
Последний штурм врага	
Долечивание	
Жизнь без погон	
Физкульт-ура!	
Новые приключения	
Во Владимире	
Дорогами войны	
Он брал Имперскую канцелярию	
А память осталась	
Война и религия	
Участник двух парадов	
Парады советских войск	
Парад 7 ноября 1941 года	
Парад Победы в Москве	
Парад в Берлине	
Эпилог	
Литература	

